Америка эпохи перемен.
Убийство в Холщовом городе.
Создание новой нации.

Запах смерти

Впервые на русском!

От автора бестселлеров «Лондон в огне» и «Загадка Эдгара По»! Исторический триллер о Войне за независимость США.

В лучших традициях детективов о Мэтью Шардлейке от К. Дж. СЭНСОМА!

ЭНДРЮ ТЕЙЛОР

Запах смерти
Эндрю Тейлор

Аннотация
Эндрю Тейлор. Запах смерти
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20

Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33
Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46

Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54
Глава 55
Глава 56
Глава 57
Глава 58
Глава 59
Глава 60
Глава 61
Глава 62
Глава 63
Глава 64
Глава 65
Глава 66
Глава 67
Глава 68
Глава 69
Глава 70
Глава 71
Глава 72

Глава 73
Глава 74
Глава 75
Глава 76
Глава 77
Глава 78
Глава 79
Глава 80
Глава 81
Глава 82
Глава 83
Глава 84
Глава 85
Послесловие
Благодарности

Аннотация

Эндрю Тейлор – «один из лучших современных авторов в жанре исторического детектива» *(The Times)*. Он удостоен многих литературных наград, таких как высшая премия Ассоциации писателей-криминалистов Великобритании «Алмазный кинжал», премия Ассоциации писателей-историков «Золотая корона», премия «Барри», премия Эллиса Питерса в области исторической литературы 2013 года.

«Тейлора всегда интересовала нестабильность жизни и сопутствующая ей истина: если возникает необходимость, продается все – правда, честь, любовь. Именно так происходит в Нью-Йорке XVIII века» *(The Guardian)*.

Продолжается Война за независимость США. В августе 1778 года Манхэттен, британский форпост, окруженный силами повстанцев, напоминает плавильный котел: здесь полно солдат, беженцев, дезертиров, мародеров… В это непростое время на американский берег сходит Эдвард Сэвилл, лондонский

клерк, которому поручено разобраться с претензиями лоялистов, требующих компенсации за верность короне. И в первый же день после прибытия его вовлекают в расследование убийства, происшедшего в нью-йоркских трущобах. Но если жизнь в эпоху перемен стоит так дешево, почему эта смерть имеет значение? Очевидно, создание нации – прибыльное дело, и некоторые люди не желают упустить выгоду, чего бы это ни стоило… Дело осложняется тем, что убитый был в числе недавних постояльцев дома, где остановился Сэвилл, и владельцы – семейство Винтур – кажутся клерку весьма подозрительными. Лояльность Британии стоила им состояния; их поместье было разграблено, но капитан Винтур хочет отыскать на этих развалинах нечто очень ценное, а по ночам в доме слышен плач ребенка, о котором не желают говорить ни хозяева, ни слуги…

Впервые на русском!

Эндрю Тейлор
Запах смерти

Andrew Taylor
THE SCENT OF DEATH
Copyright © Andrew Taylor, 2013
All rights reserved

© Andrew Taylor, 2013
© О. Э. Александрова, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

* * *

thebigbook

Книги
ЭНДРЮ ТЕЙЛОРА

Расследуют
Джеймс Марвуд и Кэт Ловетт

Лондон в огне

Огненный суд

Королевский порок

Последний защитник

Королевская тайна

Тени Лондона

Анатомия призраков

Загадка Эдгара По

Запах смерти

ЭНДРЮ ТЕЙЛОР

АЗБУКА
Санкт-Петербург

Уиллу с любовью

Глава 1

Это рассказ о женщине и большом городе. Сперва я увидел город, мерцающий вдалеке, словно новый Иерусалим. Я вдохнул сладкий запах земли и после долгих недель, проведенных в открытом океане, почувствовал близость зелени. Мы только что прошли узкие проливы между Лонг-Айлендом и Статен-Айлендом и вошли в Верхний Нью-Йоркский залив. Было воскресенье, 2 августа 1778 года.

На следующее утро, через час или два после рассвета, мы с мистером Ноаком поднялись на палубу. До города уже было рукой подать. В безжалостном утреннем свете он утратил свои неземные черты и выглядел захудалым, провинциальным местечком.

Мы слышали, что ночью здесь случился сильный пожар, но были потрясены, увидев густую пелену дыма над южной оконечностью острова, где находился город. Над водой стелилась удушливая вонь пожарища. Между почерневшими остовами домов тлел огонь. Какие-то люди сновали вдоль причалов. Колонна солдат марши-

ровала под дробь невидимого барабана.

— Такое ощущение, будто город разграбили, — заметил я.

Ноак облокотился на леер:

— Мистер Сэвилл, капитан говорит, что, возможно, тут поработали поджигатели. Видите ли, это уже второй пожар. Предыдущий имел место два года назад. Тогда вину возложили на повстанцев. Впрочем, так же, как и сейчас.

— Но ведь Нью-Йорк, несомненно, сохраняет лояльность?

— Сэр, для некоторых людей лояльность является товаром, — ответил Ноак. — Как любой другой товар, ее можно купить и продать.

Над полосой дыма уже виднелось ярко-голубое небо. Я одолжил бинокль у молодого офицера, вышедшего на палубу подышать свежим воздухом. Большинство уцелевших домов были кирпичными, четырех– или пятиэтажными, с черепичными крышами, увенчанными потускневшими разноцветными шпилями. На верхних этажах кое-где имелись балконы, на которых я разглядел крохотные фигурки людей. На южной оконечности острова располагались дома в голландском стиле под остроконечными крышами — память о тех днях, когда город назывался

Новым Амстердамом.

— Должен признаться, я ожидал более приятную глазу картину. Нечто чуть больше похожее на город.

— Сэр, до войны город выглядел вполне достойно. Но даже в лучшие времена он способен ввести в заблуждение. Здесь кроется большое богатство. Уж можете мне поверить. Возможность получить неплохой доход. И возможность еще большей прибыли.

Я бросил взгляд на серо-зеленую воду, омывавшую корпус судна. Маслянистая поверхность залива была сплошь в пятнах сажи, принесенной юго-западным бризом. Пожар вспыхнул рано утром.

Под поверхностью воды плавала какая-то большая светлая тряпка. Над ней вились чайки, кричавшие, точно про́клятые души. Тряпка зацепилась за веревку, к которой была привязана спущенная на воду шлюпка, и под действием течения извивалась совсем как живая. Стоявший в нескольких ярдах от нас молодой офицер, тот самый, что одолжил мне бинокль, тихо выругался.

Едва различимый под водой длинный хвост тряпки переплелся с веревкой, что навело меня на мысли о водяном или другом таинственном

морском существе. Офицер отдал отрывистый приказ матросу, и тот уже секунду спустя, вооружившись длинным багром, перегнулся через борт.

— Очень печально, — поцокал языком мистер Ноак.

— Вы о чем? — удивился я.

Ноак кивнул на водяного. Матрос ткнул в тряпку багром, и вокруг него образовался небольшой водоворот мутной серой воды.

Даже в лучшие времена город способен ввести в заблуждение. Это вовсе не тряпка, подумал я. Это рубашка.

Матрос подцепил багром то, что было скрыто водой. Теперь рубашка извивалась уже в нескольких дюймах над поверхностью воды, ставшей омерзительно грязной. Послышался какой-то чавкающий звук, словно водяной внезапно причмокнул. В нос шибануло волной отвратительной вони. Мы попятились, зажав рот и нос. Три чайки устремились к добыче, но в последний момент унеслись вдаль.

На секунду я увидел лицо водяного, а точнее, то место, где некогда было лицо, пока его не объели обитатели морских глубин. Хвоста у водяного тоже не было. Вместо хвоста сзади болтались

две ноги. Я заметил ошметки обесцветившейся плоти, хлопьями свисавшей с распухших бедер, и учуял запах гниющего мяса.

Потом тело упало обратно в воду. Течение тут же отнесло его прочь, а вместе с ним исчез и запах.

— Они что, даже не хоронят мертвецов? — спросил я.

Мои слова услышал офицер:

— Сэр, это, должно быть, заключенный из плавучей тюрьмы вверх по течению. Большинство из них моряки с захваченных каперов[1]. Их тела просто выбрасывают за борт.

— Неужели они не заслуживают чего-то более достойного?

Круглое добродушное лицо офицера расплылось в широкой улыбке.

— Сэр, там содержатся в основном негодяи. А он, как ни крути, был бунтовщиком.

— А кроме того, получается гораздо дешевле, — заметил Ноак. — Хотя, поскольку это касается Казначейства его величества, так на так и выхо-

---

[1] Notes: 1

Капер — частное судно, которое до середины XIX века с ведома своего правительства преследовало и захватывало торговые суда противника и нейтральных стран, перевозившие контрабандные грузы для воюющей страны. — *Здесь и далее примеч. перев.*

дит. Без сомнения, некоторые начнут требовать причитающейся компенсации: за саван, за погребение и тому подобное.

Я устремил глаза вдаль. На фоне синего неба чайки казались почерневшими угольками. Тело уже исчезло из виду. Его поглотило жадное море.

— Сэр, как я вам уже говорил, — продолжил Ноак, — здесь имеется возможность получить неплохой доход. Даже во время войны. На самом деле, вероятно, куда больший, чем в мирное время.

То был первый мертвец, которого я увидел в Нью-Йорке, и первый из двух мертвецов, что я увидел в тот день. Лично для меня тот человек ничего не значил ни тогда, ни сейчас. У нас не было ничего общего, кроме того, что мы оба относились к человеческой породе. Я никогда не узнаю его имени или того, как он умер и кто бросил его тело в воды Ист-Ривер.

Глава 2

Я познакомился с Самюэлем Ноаком во время путешествия из Англии.

Мистер Рэмптон, мой начальник, устроивший мне проезд на пакетботе «Граф Сэндвич», являлся его совладельцем. Главным назначением судна была доставка почты в Северную Америку и Вест-Индию и обратно. Это приносило владельцам значительный доход, который те существенно увеличивали, втискивая горстку пассажиров в тесные каюты. Большинство пассажиров, как и я, путешествовали по служебным делам, но были и те, кто ехал в частном порядке. Среди них — мистер Ноак.

Мы с ним сразу же сблизились, поскольку были вынуждены делить каюту чуть больше конуры для мастифа, жившего в загородном доме мистера Рэмптона. Ноак, невысокий и худощавый мужчина, слегка припудривал свою песочного цвета шевелюру для придания ей элегантности и перевязывал косичку коричневой лентой. Он зачесывал волосы назад и так туго затягивал их, что казалось, кости лица вот-вот проткнут

кожу. Юношеское телосложение не позволяло точно определить его возраст: ему могло быть как двадцать, так и сорок. Он говорил тонким гнусавым голосом, всегда очень неторопливо, с акцентом, как я выяснил позже, характерным для его родного Массачусетса. Кислое выражение лица наводило на мысль о пуританском складе характера.

Еще до того, как судно снялось с якоря, я твердо решил во время перехода до Нью-Йорка сохранять между мной и мистером Ноаком определенную дистанцию, но, к сожалению, не учел океанской качки, не говоря уже об ужасных условиях погоды.

В течение нескольких часов сразу после отплытия из Фалмута я барахтался в пучине духовных и физических страданий. Я не сомневался, что умираю и корабль тонет; мое состояние было настолько бедственным, что мне казалось, будто мир в любой момент может перестать существовать, по крайней мере для меня, и это хотя бы положит конец моим мучениям.

Именно тогда я начал смотреть на Самюэля Ноака другими глазами. Ибо именно он вытирал мне губкой лоб, выливал мой тазик, помогал во время приступов. Именно он заставил меня

прибегнуть к испытанному, по его заверению, средству моряков от морской болезни: проглотить кусок жирной свинины, а затем еще и еще, и так до тех пор, пока у желудка не останется сил отторгать еду.

Очень медленно, в течение длинных дней и еще более длинных ночей симптомы стали мало-помалу исчезать. Мистер Ноак поил меня с ложечки сдобренным ромом «копченым» чаем, который успокоил мои воспаленные внутренности и наконец дал мне возможность впервые после отъезда из Англии забыться беспробудным сном.

Учитывая доброту Ноака, я при всем желании не мог держать его на расстоянии вытянутой руки. И пока я шел на поправку, наши отношения мало-помалу переросли если не в дружбу, то в нечто большее, нежели просто знакомство. Очень сложно не проявлять любезности по отношению к человеку, вернувшему тебя к жизни.

— Вы останетесь в Нью-Йорке, сэр? — как-то раз спросил я Ноака, когда мы, воспользовавшись улучшением погоды, прогуливались после обеда по палубе. — Или продолжите путешествие?

— Нет, сэр. Меня уже ждет хорошая должность в городе. Конторского служащего у некоего подряд-

чика. Друг моего дяди выхлопотал мне это место.

— Я удивлен, что вы захотели покинуть Лондон. Ведь там гораздо больше возможностей.

— Все верно, — ответил Ноак. — Но в Нью-Йорке я буду старшим клерком, тогда как в Лондоне у меня вообще не имелось надежд на повышение. А кроме того, я хочу снова увидеть свою родную землю.

— А где вы служили?

— У мистера Йелланда, в Миддл-Темпле, сэр. Я работал там три года.

— Думаю, я знаю этого джентльмена, то есть сталкивался с ним раз или два.

— Неужели?

— Я служу в Американском департаменте, — объяснил я. — Вам наверняка известно, что мистер Йелланд действует как британский поверенный в делах многих лоялистов. И иногда любезно передает нам от них сообщения.

Я позволил себе некую недосказанность, о чем Ноак, безусловно, знал. Мистер Йелланд был одним из тех лондонских поверенных, что имели все основания благословлять эту ненужную войну, оказавшуюся весьма прибыльной для них. Он и его коллеги поддерживали постоянный поток писем в департамент. Лондон был забит переме-

щенными лицами из числа лоялистов, глубоко убежденных, что Американский департамент обязан компенсировать им материальные потери, которые они понесли из-за своей верности короне.

— Сэр, а как долго вы пробудете в Нью-Йорке? — после паузы спросил мистер Ноак.

— Месяц. Возможно, два. У меня поручение от лорда Джорджа, и я не знаю, сколько времени на это уйдет.

Мистер Ноак кивнул, словно в знак почтения к благородному имени лорда Джорджа Джермейна, государственного секретаря Американского департамента. Впрочем, история моего назначения была более прозаичной. Мистер Рэмптон — один из двух заместителей госсекретаря — решил, что мне следует поехать в Нью-Йорк. И лорд Джордж просто подписал необходимый приказ. Я даже не был абсолютно уверен, что его светлость вообще знал, кто я такой.

— Возможно, мы с вами там встретимся, — сказал Ноак.

— Возможно, сэр, — согласился я, твердо решив для себя, что, как только мы прибудем в Америку, я не стану продолжать это знакомство.

— А где вы остановитесь?

— У судьи Винтура. Он старый друг мистера Рэмптона, заместителя госсекретаря.

— Ах так, — кивнул Ноак. — Ну конечно.

— А вы знакомы с судьей?

— Только понаслышке, сэр. — Мистер Ноак сделал паузу. — Говорят, его невестка — настоящая красавица. А также наследница поместья Маунт-Джордж.

— Кажется, здесь становится прохладно. Думаю, мне стоит спуститься в каюту.

— Однажды увидев, уже никогда не забудешь, — тихо произнес мистер Ноак. — По крайней мере, все именно так говорят. Я имею в виду миссис Арабеллу Винтур.

Глава 3

В полдень прозвучал одиночный пушечный выстрел с батареи, отвечавшей за вход в Северную реку и Ист-Ривер.

— Полуденная пушка, сэр, — со знающим видом сообщил мне молодой офицер, достал часы и сверил время.

Двадцать минут спустя нам наконец-то разрешили сойти на берег. Нас отвезли к причалу Бикмана, расположенному выше по течению от бруклинского парома, подальше от все еще тлеющего пожара.

Пристань была запружена солдатами, моряками, чиновниками и носильщиками. Здесь, в тесном безвоздушном пространстве, жара ощущалась еще сильнее. Я прокладывал себе путь, лавируя между ящиками, бочками, канатами и постоянно на кого-то натыкаясь. Один раз я споткнулся, едва не упав. После пяти недель на борту судна твердая почва под ногами казалась чужой и враждебной.

Несмотря на статус официального лица, мне пришлось отстоять очередь, чтобы показать

бумаги и объяснить цель своего приезда трем различным чиновникам. Тем временем на берег спустили багаж. Выстроившиеся цепочкой негры с блестевшими на солнце лицами отнесли багаж на таможенный пост. Немногочисленные пассажиры судна «Граф Сэндвич» присоединились к очереди снаружи таможни, где вновь прибывшие изнывали на жаре.

Юго-западный бриз развеял бóльшую часть дыма. К западу от таможенного поста расположился захудалый город с постройками, плавно спускавшимися вниз в сторону закопченного шпиля разрушенной церкви. Мистер Ноак сказал мне, что это церковь Троицы, поврежденная во время первого пожара двумя годами раньше, когда многие дома и общественные здания были уничтожены, после чего повстанцы покинули Нью-Йорк. Но почему никто не побеспокоился восстановить церковь?

На сторожевом посту у входа на причал возникла какая-то суета. И буквально секунду спустя к таможне решительно зашагал какой-то представительный джентльмен в сопровождении начальника стражи и портового чиновника. Последний махнул рукой в мою сторону, и представительный джентльмен, стягивая на ходу

шляпу, ринулся прямо ко мне. Это был высокий, осанистый, элегантно одетый мужчина с красным лицом.

— Мистер Сэвилл? — спросил он, размахивая, словно флагом, накрахмаленным батистовым носовым платком. — Ваш покорный слуга, сэр. Меня зовут Чарльз Таунли. К вашим услугам. Тысяча извинений! Какая жалость, что вам пришлось стоять на такой жаре! Я лично должен был встретить вас еще два часа назад, но мой секретарь заболел, и из-за этого проклятого пожара все пошло наперекосяк.

Появление мистера Таунли самым чудесным образом сказалось на моей судьбе. Ко мне поспешно направился таможенный чиновник, за которым шли два негра, нагруженные моими баулами и сундуками. Нет никакой необходимости, заявил чиновник, проверять багаж для соблюдения всех формальностей, и, по предложению мистера Таунли, он сию же минуту отправит вещи в дом судьи Винтура. Мой пропуск был подписан, и я мог идти, куда захочу.

Уходя, я поклонился мистеру Ноаку, молча стоявшему в очереди, и произнес ничего не значащую банальность, что мы наверняка скоро увидимся.

— Кто это был? — спросил Таунли, когда мы миновали шлагбаум, которым управляли двое взмокших караульных.

— Случайный попутчик. Да так… ничего особенного.

— Надеюсь, вы не будете возражать против небольшой прогулки? Идти тут совсем недалеко, и так получится гораздо быстрее.

Первые несколько сотен ярдов земля под ногами показалась мне слишком твердой и недружелюбной. Да и сам город выглядел ненамного приветливее: самый настоящий человеческий муравейник, битком набитый суетливыми людьми с безумным взором, нагруженными жалкими пожитками, а также громыхавшими по камням подводами и повозками. Улицы, хотя и вымощенные булыжником и засаженные деревьями, были слишком узкими, и дома словно надвигались на меня, создавая, совсем как в каюте пакетбота, неприятное ощущение ограниченного пространства. В воздухе стоял сильный запах гари.

— Здесь всегда много народу, — заметил Таунли. — Но из-за пожара жизнь стала в десять раз хуже. Буквально все от мала до велика устремились за границу. И те, чьи дома уцелели, жаждут поглазеть на тех, кто лишился крова.

— Насколько велик причиненный ущерб, сэр?

— Ущерб достаточно серьезный. Сгорело пятьдесят или шестьдесят домов. Возможно, больше. Пожар начался глубокой ночью вон там, слева от вас, возле причала Крюгера и Док-стрит. У нас, конечно, есть брандспойты, но огонь распространялся слишком быстро, к тому же возникли проблемы с помпами.

— А как насчет человеческих жертв?

— Надеюсь, на сей раз мы, Божьей милостью, обошлись без жертв.

— Капитан сказал, пожар устроили умышленно.

— Что, по-моему, не лишено вероятности. Повстанцам наплевать на своих соотечественников-американцев. Они, не моргнув глазом, подвергнут опасности жизнь невинных людей. Думаю, военный комендант назначит вознаграждение в сто двадцать гиней за любую информацию о поджигателях.

Для начала Таунли отвел меня в штаб-квартиру, которая находилась буквально в двух шагах, поскольку все новоприбывшие должны были зарегистрироваться у властей города.

— Вы должны как можно скорее встретиться с майором Марриотом, — заявил мой спутник. — Я

собирался познакомить вас прямо сейчас, но, по словам его секретаря, майора срочно вызвали по делу. Впрочем, вам наверняка придется часто встречаться с ним по работе. Он взаимодействует с начальником военной полиции, с суперинтендантом городской полиции, а также с заместителем генерал-адъютанта.

— Сэр, не могли бы вы в таком случае направить меня к судье Винтуру? Мне нужно засвидетельствовать свое почтение хозяину дома, где я буду жить.

— Ах… — Таунли задумчиво постучал пальцем по носу, похожему на обух топора, отклонившийся на несколько градусов от истинного положения. — Сэр, именно поэтому я здесь. Сегодня утром я зашел к судье сообщить о вашем приезде. Он, естественно, передает вам свои наилучшие пожелания, а также просит оказать ему снисхождение и прийти после обеда, чтобы они успели подготовиться к вашему приезду. И я, с вашего позволения, хочу воспользоваться этой задержкой. Мне доставит огромное наслаждение, если вы согласитесь отобедать со мной.

Я принял приглашение. Таунли взял меня под руку. Мы пошли по Бродвею, в обход пожарища к югу отсюда. В этой части города дома, постра-

давшие во время пожара 1776 года, представляли собой грустное зрелище. Однако дальше к востоку улица, обсаженная деревьями, приобрела более презентабельный вид, хотя нам и пришлось внимательно смотреть под ноги, чтобы не утонуть в грязи.

— Полагаю, мистер Рэмптон познакомился с семьей Винтур в свою бытность в Америке? — секунду помолчав, спросил Таунли.

— Да, сэр. В свое время он занимал должность главного прокурора Джорджии и очень высоко ценил советы судьи по правовым вопросам.

Мы с Таунли завернули за угол на Уолл-стрит.

— Боюсь, Винтуры сильно изменились с тех пор, как мистер Рэмптон водил с ними знакомство. — Таунли на секунду еще сильнее сжал мою руку. — И не в лучшую сторону.

Глава 4

Мистер Таунли организовал нам отдельный кабинет в «Мерчантс кофе-хаус». Ресторан располагался в угловом здании, откуда открывался прекрасный вид на мачты и оснастку судов в гавани в самом конце Уолл-стрит. Это было элегантное заведение с балконом, идущим вдоль высоких окон залов для приемов на верхнем этаже.

— Меня здесь очень хорошо знают, — сообщил Таунли, когда мы вошли внутрь. — Думаю, я могу обещать вам вполне приличный обед.

Вентиляторы медленно вращались под потолком большого зала на первом этаже. В зале было полным-полно джентльменов, многие из которых знали Таунли и спешили с ним раскланяться. Однако Таунли, похоже, не желал отвлекаться. Он провел меня сквозь толпу мимо ряда кабинок, закрытых от посторонних глаз зелеными суконными шторками, а затем вверх по лестнице. Стоявший на площадке чернокожий ливрейный лакей проводил нас в маленькую гостиную, где был накрыт стол на три персоны.

— Я надеялся, что к нам присоединится майор Марриот! — воскликнул Таунли. — Ну да ладно. Без него мы сможем пообщаться более конфиденциально.

В дверь постучали, слуги принесли обед. Пока мы ели, мистер Таунли интересовался последними новостями из Лондона. Ему не терпелось узнать, что думают и как живут лондонцы. И чем больше я ему рассказывал, тем довольнее он выглядел.

— Покорнейше прошу извинить меня за столь неуемную тягу к информации, — сказал он. — Мы в ней остро нуждаемся. Даже в мирное время, когда почта работала вполне сносно, дела с этим обстояли из рук вон плохо. Но сейчас мы, как пиявки, пристаем к каждому вновь прибывшему и моментально высасываем его досуха.

Когда сняли скатерть, Таунли откинулся на спинку стула, скрестил ноги и передал мне бутылку:

— Ну а теперь, сэр, мы можем расслабиться. Что говорят в Американском департаменте по поводу войны? Я знаю, у лорда Джорджа нет секретов от мистера Рэмптона, а у мистера Рэмптона не может быть секретов от вас. — Подмигнув левым глазом, он пихнул меня локтем в бок.

Я наклонил голову, но ничего не ответил.

— Нельзя недооценивать важность того, чтобы подобные вещи не выходили за пределы семьи, — продолжил Таунли. — Это вопрос лояльности, не говоря уже обо всем остальном. Кому мы можем доверять, если не своей родне и всем, кто с ней связан?

— Ваша правда, — согласился я, твердо зная, что мистер Рэмптон вообще никому не доверяет.

— И, помимо семейного счастья, которое вас, безусловно, ждет по возвращении в Лондон, перед вами наверняка открываются большие перспективы в департаменте.

Наш разговор свернул на тему войны. Ранее в этом году Франция поддержала повстанцев, что стало для британцев тяжелым ударом. Они больше не могли считать, что гарантированно контролируют побережье Америки. А кроме того, над нами нависла угроза, что Франция вынудит нас отвлечь основные ресурсы, направив их в Вест-Индию или за ее пределы.

— Сэр Генри Клинтон хранит молчание, — сказал Таунли. — И, между нами говоря, сэр, многие лоялисты в нашем городе искренне удивляются подобной пассивности генерала.

— Но вы ведь не сомневаетесь в нашей способ-

ности победить, сэр?

— Конечно нет. В конце концов конгресс проиграет эту войну: у него нет золота, чтобы покупать оружие, платить солдатам и кормить людей. Никто из нас не может обойтись без денег, да? Горькая пилюля для этих треклятых вигов: их солдаты хотят получать гинеи, так как на всех монетах есть портрет короля. Доллар — это посмешище, он не стоит даже той бумаги, на которой напечатан. Если мы, тори, соберемся с духом и будем решительно продолжать войну, нам ничего не останется, как победить.

В порыве чувств Таунли стукнул кулаком по столу и предложил снова выпить за здоровье его величества. После чего завел разговор о майоре Марриоте:

— Это просто перст Божий, что он не смог к нам присоединиться. Перед встречей с ним вам явно не повредит переговорить со мной с глазу на глаз. Он может вам показаться… как бы получше выразиться… слегка резковатым. Он, возможно, не пожелает облегчить вашу задачу, даже если это в его силах.

— Но почему, сэр? Мы с ним вроде бы не ссорились.

Таунли принялся обмахиваться носовым плат-

ком, уже в пятнах вина.

— Вы же знаете этих солдафонов. Марриот инстинктивно испытывает неприязнь к любому мужчине, который не носит красный мундир. Видите ли, он был ранен в сражении при Уайт-Плейнсе и теперь хромает на левую ногу, что отнюдь не улучшило его и так вспыльчивый нрав. Ну и добавьте к этому обычные предрассудки истинного англичанина…

— Прошу прощения, сэр, но я не совсем понимаю, как это может повлиять на его отношение ко мне.

Таунли промокнул носовым платком взмокший лоб; блестящие ручейки пота прокладывали себе дорожки сквозь слой осыпавшейся с парика пудры.

— У майора нет особого желания тратить время на Американский департамент. В частности, когда департамент старается хотя бы в малейшей степени защитить интересы лоялистов, — объяснил Таунли и, сделав паузу, добавил: — Его отца убили в сражении у Миндена. Он служил в Двадцать третьем полку Королевских уэльских фузилеров.

— А-а-а… — протянул я. — Да, теперь понимаю.

В Американском департаменте понимали зна-

чение слова «Минден». Лорд Джордж Джермейн имел все, что мог предложить ему мир: титул, богатство, положение в обществе, доверие суверена. Но воспоминание о сражении у Миндена стало для него проклятием, от которого он так и не сумел избавиться. Почти двадцать лет назад он командовал британской кавалерией, выступившей против французов в этом сражении. Он отказался выполнять приказ пойти в атаку, что привело к многочисленным жертвам. Он предстал перед военным трибуналом и был осужден. Некоторые даже говорили, что ему еще повезло избежать казни, однако другие придерживались мнения, что с ним обошлись жестоко и несправедливо. И все же богатство, связи и обширные возможности позволили ему выйти сухим из воды. Но армия ничего не забыла.

— Сэр, давайте отложим этот разговор, — поспешно сказал я. — По дороге сюда вы намекнули, что у судьи Винтура сейчас тяжелые времена.

— Бедняга. В последние несколько лет он пережил много горя. Прямо сейчас он практически не ездит за границу, а потому вы, возможно, обнаружите, что он не в курсе…

В этот самый момент в дверь постучали. Лакей принес письмо. Мистер Таунли рассыпался в

извинениях, после чего взломал печать, развернул сложенный лист бумаги и, нахмурившись, прочел письмо, а затем посмотрел на меня:

— Я сожалею, сэр. Но меня срочно вызывают. — Он постучал пальцем по письму. — Помяни черта, да? Это послание лично от майора. Они обнаружили тело в Холщовом городе. Вот почему майор не поехал в штаб-квартиру.

— Быть может, мне стоит вас сопровождать, сэр? Как-никак…

Таунли, отличавшийся редкостной сообразительностью, сразу понял, что я имею в виду.

— И действительно. Если вы не слишком устали, то конечно. Это дело как раз для вас. Кстати, Марриот пишет, что, судя по одежде, покойный был джентльменом. И боюсь, не приходится сомневаться в том, что несчастный умер насильственной смертью.

Глава 5

Его глаза были открыты, хотя глазные яблоки казались тусклыми, сухими, припорошенными пылью, зрачки были мутно-голубыми, а белки покрыты похожей на паутину тонкой сеточкой вен.

— Крови совсем немного, — заметил Таунли. — Я ожидал, что будет больше.

Было очень жарко. С меня градом катился пот. Я заглянул в незрячие глаза. Все лучше, чем смотреть на жуткую рану на шее.

Еще один покойник, сказал я себе, вот и все. Но лежавшее передо мной мертвое тело казалось даже хуже того разлагавшегося трупа водяного в мутных водах гавани, что я видел сегодня утром. На палубе пакетбота мы с Ноаком были достаточно далеко от плававшего в воде трупа, а затем милосердный прилив отнес его в океан, с глаз долой — из сердца вон. Однако этот мертвец находился так близко от меня, что при желании я мог наклониться и потрогать обтянутую чулком ногу. Более того, он был все еще похож на человека.

Муха села на левый глаз мертвеца, но тут же

переместилась на темную засохшую кровь из раны на шее. От этого зрелища меня едва не вывернуло наизнанку. Зажав рот рукой, я поспешно отделился от группы мужчин, сгрудившихся вокруг трупа, и извергнул остатки сегодняшнего роскошного обеда. Один из солдат хотел было рассмеяться, но вовремя удержался.

— Сержант, ради всего святого, — не потрудившись понизить голос, произнес Марриот, — прикройте чем-нибудь лицо трупа. Сие печальное зрелище расстраивает мистера Сэвилла.

— Кто этот человек? — спросил Таунли, милосердно попытавшийся отвлечь от меня внимание окружающих. — Вы уже выяснили?

— Понятия не имею. Карманы пустые. Никаких колец, хотя на правой руке остался характерный след.

— Его хорошенько обчистили.

— Было бы странно, если бы они этого не сделали. Пролежи он здесь на два часа дольше, то остался бы в чем мать родила. Здешний народ не лучше шакалов.

Сержант накрыл лицо покойника тряпкой и сделал шаг назад.

— По-моему, я видел его раньше, — заявил Таунли. — Заметьте, я не совсем уверен, но, по-моему,

вчера он был в церкви.

— Вновь прибывший?

— Не лишено вероятности. В таком случае военный комендант должен был взять его на заметку.

Я выпрямился, вытерев рот рукой, и встретил улыбку Таунли. Мы стояли на прямоугольной площадке, ограниченной закоптившимися кирпичными стенами. Бывший подвал дома, уничтоженного грандиозным пожаром 1776 года, который оставил после себя лишь почерневшие обрубки балок, поддерживающих пол нижнего этажа. Для создания примитивного укрытия на угол стены был накинут кусок драной парусины, а точнее, остатки залатанного паруса. Именно там и обнаружили тело — не то чтобы полностью скрытое, но плохо различимое сверху.

Марриот повернулся к сержанту:

— Пусть принесут дверь. Смотрите в оба.

Труп лежал в неестественной, скрюченной позе, плечо упиралось в кирпичную стену. Это был коренастый мужчина с восковым цветом лица. Его по крайней мере дважды ударили ножом: один раз в шею и один раз в спину. На нем был серый костюм, кюлоты заляпаны грязью. Парик он потерял вместе со шляпой, однако лицо и че-

реп с отросшей щетиной сохранили следы пудры. У меня невольно возник вопрос: что случилось с его башмаками?

Два солдата спустили в подвал филенчатую дверь. Сержант и еще один солдат, взяв труп за ноги, положили его на импровизированные носилки. У покойника отвалилась челюсть, и разинутый рот открыл нашему взору пеньки трех почерневших зубов. Таунли закрыл нос платком в винных пятнах.

— Господи! — воскликнул Марриот. — Клянусь, он уже начиняет вонять. Проклятая жара! Чем быстрее мы зароем его в землю, тем лучше.

Солдаты понесли тело к выходу. Что-то белое покатилось по земляному полу, где только что лежал убитый, и остановилось возле стены. Я наклонился и поднял лежавший на полу предмет.

— Мистер Сэвилл? — обратился ко мне Таунли. — Что вы нашли?

Я вытянул руку ладонью вверх.

К нам повернулся Марриот:

— Что там такое?

— Игральная кость, — ответил я. — Или лежала под телом, или пряталась в складках одежды.

— Игрок и игра не задалась? — Слова Марриота были адресованы Таунли. — Мы постараемся

навести справки, но сомневаюсь, что сможем хоть что-то выяснить наверняка.

— А вы не думаете, что он имел какое-то отношение к пожару? — спросил Таунли.

— Я стараюсь по возможности вообще ни о чем не думать, — ответил Марриот. — По крайней мере, не на такой адской жаре.

Он захромал прочь, приволакивая левую ногу, и направился вверх по ступенькам в другом конце подвала, туда, где некогда был задний двор. Я спрятал игральную кость в карман жилета и последовал за Таунли.

Длинный день незаметно перешел в вечер. На улице было по-прежнему светло, но солнце уже клонилось к горизонту. К юго-западу от нас кое-где виднелись редкие клубы дыма — напоминание о недавнем пожаре.

Я огляделся по сторонам. Мне еще не доводилось видеть ландшафт, демонстрировавший столь чудовищную мерзость запустения. По словам Таунли, этот район стал очагом первого пожара, который начался возле бухты Уайтхолл-Слип два года назад, после чего огонь, раздуваемый изменчивым ветром, причинил значительные разрушения в большей части города. Власти оказались плохо подготовлены к

масштабному пожару, к тому же многие здания были частично построены из дерева, ставшего после продолжительной летней жары сухим, как трут. Реконструкцию отложили до окончания войны.

После пожара из сгоревших домов было вынесено все более-менее ценное, что оставили владельцы. И вот теперь, объяснил мне Таунли, этот район, известный как Холщовый город, стал пристанищем для самых опасных нью-йоркских элементов: дезертиров, бродяг, карманников, шлюх, убийц, — короче говоря, здесь собрались все отбросы общества вкупе с отъявленными негодяями и беженцами. Как грибы после дождя тут начали возникать импровизированные укрытия из парусины, привязанной к дымоходам и разрушенным стенам. Респектабельные горожане редко отваживались заходить в эту часть города, особенно с наступлением ночи.

Трое рядовых из патрульного отряда Марриота ждали наверху. Один из них стоял на дороге, поддерживая за голову понурую клячу, запряженную в небольшую повозку. Впрочем, рядовым не пришлось скучать в одиночестве. Десятка два оборванцев обоего пола наблюдали за происходящим с безопасного расстояния. И среди

них изможденный маленький мальчик-мулат с золотистой кожей, лет десяти или одиннадцати, который вел за веревку козу. Табличка на стене гласила, что мы находимся на Дейес-стрит, а точнее, на том месте, которое некогда называлось Дейес-стрит.

— Их едва ли можно назвать людьми, да? — шепнул мне на ухо Таунли. — Но что мы можем сделать? Если бы мы отправили их за решетку, город не выдержал бы бремени новых расходов. А кроме того, тюрьмы уже битком набиты повстанцами. Сэр, лично я считаю, всех этих бродяг нужно повесить или отправить на Спорные территории, а там пусть сами ищут себе пропитание. Что будет жестом милосердия для них и огромным облегчением для добропорядочных горожан.

Когда остальные патрульные поднялись из подвала, зеваки тотчас же разбежались. Коза побрела за хозяином под унылое звяканье висевшего у нее на шее колокольчика. И только один человек не торопился уйти: высокий негр в выцветшем красном мундире британской армии. Он с надменным видом смотрел на патрульных возле повозки, словно считал себя важной персоной в этом сообществе бродяг и горемык. Впрочем,

его неординарную внешность портили розовые шрамы, тянувшиеся от обоих глаз до уголков рта, отчего лицо искажалось в некоем подобии зловещей улыбки.

Солдаты вынесли труп на улицу, затащили на повозку, и сержант накрыл его парусиной. А негр тем временем неторопливо прошел в зияющий дверной проем разрушенного дома.

Марриот едва заметно кивнул и поспешно отвернулся, дав знак сержанту трогаться.

— Одну секундочку, сэр, с вашего позволения, — произнес я.

Майор остановился и впервые за все время посмотрел прямо на меня. Он был ниже среднего роста, но широкие плечи и решительные движения вполне компенсировали недостаток дюймов.

— Какие расследования вы собираетесь провести по этому поводу? — поинтересовался я.

— Это мое дело, сэр. Мое и коменданта города, если, конечно, сэр Генри Клинтон не решит иначе.

— И мое тоже, сэр. В рамках возложенной на меня миссии я обязан докладывать обо всех аспектах отправления правосудия в Нью-Йорке и, в частности, о том, как военные власти осу-

ществляют свои полномочия применительно к гражданскому населению.

Лицо Марриота потемнело.

— Должен ли я напоминать вам, что мы находимся на войне?

— Американский департамент это отлично понимает. Как, собственно, и я, сэр.

Майор устремил взгляд на Таунли:

— Сэр, будьте добры, объясните мистеру Сэвиллу, что наш город подчиняется военным законам. Дела о тяжких преступлениях рассматриваются военным трибуналом, о чем лорд Джордж Джермейн прекрасно знает из личного опыта.

Таунли безучастно улыбнулся и пожал плечами.

— Я вовсе не ставлю под сомнение тот факт, что дела о тяжких преступлениях находятся в компетенции военного трибунала, сэр. — Я говорил нарочито спокойным тоном, лишенным эмоций. — И отнюдь не собираюсь вмешиваться. А всего лишь хочу исполнять роль беспристрастного наблюдателя.

Марриот судорожно сжал трость:

— Сивому коню да черную гриву, то был бы буланый.

— Если вы будете чинить препятствия, сэр, —

все так же спокойно произнес я, — то мне придется подать официальную жалобу сэру Генри здесь, в Нью-Йорке, и лорду Джермейну в Лондоне. Мои приказы подписаны лордом Джорджем, получившим полномочия от самого короля.

— Будь я проклят, если…

— Повторяю, сэр, я никоим образом не собираюсь вмешиваться в то, как вы выполняете свои обязанности. Мне приказано наблюдать, и не более того. Я приехал сюда с особым поручением, если вам будет угодно.

Лоб майора пересекали идущие от переносицы три вертикальные морщины. Он нахмурился, и морщины стали глубже. После секундного молчания он протянул руку:

— Хорошо, покажите мне вашу бумажонку.

Пока он читал документ о моем назначении, Таунли ходил взад и вперед, обмахиваясь шляпой и что-то тихо насвистывая себе под нос. Солдаты молча обступили повозку. Должно быть, они догадались, что происходит нечто неладное, так как Марриот говорил слишком громко и резко, даже не пытаясь умерить тон.

Наконец он вернул мой мандат:

— Предупреждаю вас, сэр, это будет пустая трата моего и вашего времени. Что хорошего можно

ожидать, если наши дела в Америке зависят от милости человека, который сидит за письменным столом в трех тысячах миль отсюда?

Лично у меня не было ни малейшего желания участвовать в чужих войнах, поэтому я сказал:

— Ну и в каком направлении вы собираетесь действовать, чтобы раскрыть дело?

— Если нам повезет, мы выясним, кто этот человек. Тогда, по крайней мере, он не будет похоронен в безымянной могиле. Что касается его убийцы, то здесь, сэр, я не питаю особых надежд, если, конечно, кто-то не предоставит нам информацию. Если мужчина отправляется в Холщовый город в поисках развлечений, его может ждать жестокая расплата.

— Спасибо, сэр. Премного вам благодарен.

Таунли довольно улыбнулся:

— Джентльмены, я счастлив видеть, что вы стали добрыми друзьями. — Он вынул часы. — Мистер Сэвилл, не хочу вас торопить, но нам уже пора. Мне кажется, Винтуры рано ложатся спать.

— Что? — произнес Марриот. — Вы приглашены к судье Винтуру?

— Можно и так сказать. Мистер Сэвилл остановится в его доме на время пребывания в Нью-Йорке.

Марриот снова побагровел:

— Прошу вас… э-э-э… прошу вас, передайте мои наилучшие пожелания судье и его дамам. Передайте, что я, надеюсь, буду иметь честь нанести им визит и узнать, как они поживают.

Итак, мы втроем в сопровождении солдат и повозки направились в сторону Бродвея, где и расстались. Мы с Таунли повернули налево и медленно пошли на восток, в сторону часовни Святого Павла.

— Ну что ж, — улыбнулся Таунли, — вы совсем как Даниил, попавший в логово льва и вышедший оттуда целым и невредимым. Я видел, как майор Марриот приводил в трепет взрослых мужчин. Но берегитесь, сэр. Он не последний человек в нашем городе, и вы не должны забывать, что здорово его разозлили. — Мы молча прошли еще один квартал, а затем Таунли добавил: — Да, кстати, говорят, он питает нежные чувства к молодой миссис Винтур.

Глава 6

В комнате с высоким потолком во всех углах притаились тени. Несмотря на жару, окна были закрыты, а шторы задернуты, потому что, как объяснила старая миссис Винтур, на улице пахло дымом пожара и стоял ужасный шум.

В канделябрах на стене горели десять свечей, но они лишь подчеркивали окружающий полумрак. Над пламенем свечи кружил жирный мотылек, опьяневший от желания. Я не мог отвести от него глаз. Пламя опалило сперва одно крыло, затем — другое. И вот наконец, сделав последнее усилие, одурманенное насекомое снова достигло губительного пламени. Послышалось слабое шипение. Мотылек упал на консоль прямо под канделябром и остался лежать, подергиваясь.

— Еще чая, сэр? — спросила миссис Винтур, бледная дама, едва различимая на фоне кресла.

— Благодарю вас, мэм, но нет.

Я вытер вспотевшие ладони о кюлоты. Из недр кресла с высокой спинкой послышался раскатистый храп судьи. Мне были видны лишь его ноги.

Выполнив обязанности хозяйки дома, миссис Винтур вернулась на место и замолчала. Возможно, она закрыла глаза, а возможно, и нет. Я точно не знал. Откуда-то издалека донесся грохот, как будто на пол свалился горшок. Мотылек проиграл в неравной борьбе с этим миром и испустил дух. Воздух вокруг, казалось, сгустился, превратившись в темную вязкую жидкость, удерживавшую нас троих, словно заспиртованных уродцев, в мрачной комнате.

Неужели так будет всегда? Неужели вечер за вечером я буду молча сидеть в этой удушающей подводной мгле? У меня в мозгу невольно всплыло воспоминание о давешнем трупе, и перед глазами снова возникло разлагающееся лицо водяного. Быть может, бедняга прямо сейчас лежит в таком же удушливом полумраке на дне океана.

Было начало одиннадцатого вечера. Напольные часы в холле вот-вот пробьют четверть одиннадцатого. Казалось, прошли дни или даже недели, когда они пробили последний час. Скромный ужин был подан в девять горничной и слугой без ливреи. Я находился в доме Винтуров с восьми. Таунли представил меня судье и поспешно ретировался, обещав зайти за мной утром.

Дверь гостиной внезапно открылась. Мис-

сис Винтур зашевелилась в кресле и коротко вскрикнула, словно ее неожиданно ущипнули. В комнату вошла какая-то дама.

— Ах, моя дорогая! — Опершись на чайный столик, судья встал с кресла. — Господи помилуй, а вот и вы, Белла! Вам уже лучше?

Я поднялся с места. Царивший в гостиной полумрак не позволил мне толком разглядеть лицо вошедшей женщины. Но я понял, что она была очень миниатюрной и хрупкой. Она принесла с собой аромат розового масла.

— Вы меня напугали, — заявила миссис Винтур. — Почему сегодня столько шума?

— Белла, — продолжил судья, — позвольте представить вам мистера Сэвилла из Американского департамента. Мистер Сэвилл, это моя дорогая дочь, жена моего сына, Арабелла.

Я склонился к руке молодой дамы.

— Мистер Сэвилл, — тихо проронила она. — Счастлива познакомиться с вами, сэр.

— Посидите с нами, моя дорогая. — Судья протянул к невестке руки. — Я сейчас попрошу подать свежезаваренного чая.

— Сэр, надеюсь, вы меня извините. — Миссис Арабелла сжала ладонь судьи. — У меня по-прежнему сильно болит голова. Полагаю, всему виной

эта жуткая жара. — Она погладила свекра по руке, словно желая успокоить маленькое испуганное животное. — Я спустилась лишь на секунду поприветствовать мистера Сэвилла. Не хотелось бы, чтобы он решил, будто мы дурно воспитаны.

— Ну что вы, мадам, — ответил я. — Вы сама любезность. Хотя мне жаль, что вы нездоровы.

— Вы должны что-нибудь принять, — вмешался в разговор судья. — Пусть Мириам приготовит вам порошок Джеймса[2]. Уверен, лекарство вам поможет.

— Да, сэр. Именно так я и сделаю.

Миссис Арабелла поцеловала свекра и, сделав мне реверанс, покинула комнату.

— Надеюсь, наше дорогое дитя не переусердствует с лекарством, — заметил судья, вновь прячась в глубинах кресла.

Это временное оживление дало мне возможность откланяться. Я встал на рассвете, объяснил я, и мой первый день на суше выдался крайне утомительным.

— Будьте добры, позвоните в колокольчик, — сказал судья. — Джосайя принесет свечу и покажет вам вашу комнату.

---

[2] Notes: 2

Порошок Джеймса — порошок на основе оксида сурьмы и фосфата кальция.

Вслед за слугой я поднялся по лестнице. Мне отвели спальню на втором этаже в задней части дома. Это была квадратная комната с низким потолком, бóльшую часть которой занимала высокая кровать с огромным пуховым матрасом. Мои баулы и сундуки отнесли наверх еще днем.

Отпустив слугу, я внезапно понял, что впервые за пять с лишним недель остался один. Ведь на борту пакетбота возле меня, буквально на расстоянии вытянутой руки, постоянно торчал Ноак. Даже на носу судна рядом со мной вечно кто-нибудь находился, по крайней мере в пределах досягаемости. Сегодняшний день я тоже провел в окружении людей. И действительно, у меня создалось ощущение, что в этом городе невозможно остаться в одиночестве, ибо улицы и дома были набиты людьми: горожанами, беженцами, британскими солдатами и лоялистами, а также толпами попутчиков, которые собираются вокруг каждой армии.

Я разделся, оставив вещи лежать на полу. И, полностью обнаженный, на секунду замер в изножье кровати в надежде, что сквозняк охладит разгоряченную кожу. Однако надежды мои были напрасны, ибо воздух оставался горячим и неподвижным.

Слишком уставший, чтобы читать, я лег в кровать поверх покрывал, не задернув полог. Матрас принял меня в свои объятия. Я загасил свечу.

Темнота оказалась мягкой и обволакивающей. Внезапно я поймал себя на том, что думаю о миссис Арабелле. Поскольку освещение в гостиной было слишком тусклым, а Арабелла стояла далеко от свечей, я не смог разглядеть ее лица: оно было бледным пятном, плывущим над телом.

Мое впечатление о миссис Арабелле основывалось скорее на информации, полученной от других органов чувств. Во-первых, я ощутил запах розового масла, причем запах этот, смешанный с телесными ароматами миссис Арабеллы, стал гораздо гуще и интенсивнее. Во-вторых, я запомнил голос миссис Арабеллы, который не был похож ни на один другой. Отчасти это объяснялось американским акцентом, хотя ее выговор казался менее гнусавым, чем у большинства встретившихся мне сегодня людей. Ну и наконец, в ее голосе слышались мягкие вкрадчивые интонации, свойственные определенному типу женщин.

На борту пакетбота не было женщин. И к моему удивлению, мое нагое тело отреагировало на смутное воспоминание о миссис Арабелле рез-

ким приливом крови, что немало смутило меня, вызвав чувство неловкости.

Я поспешно перевел мысли в другое русло и стал думать о своей жене Августе. Представил, как она гуляет в парке, читает или, как всегда, обсуждает наряды других дам, после чего мало-помалу успокоился.

Лежа в темноте притихшей спальни, я думал о своей дочери. Лиззи горько плакала, когда мы расставались. Сейчас ей уже минуло пять лет. Она жила с моей сестрой в Шеппертоне, поскольку Августа, мать Лиззи, осталась в Лондоне. Я помолился о счастье и благополучии дочери, как делал каждую ночь.

Внезапно я заметил, что мертвую тишину этого дома нарушил едва различимый звук: спорадические завывания, становившиеся то громче, то тише.

Ветер в трубах? Ночная птица? Раненое животное? Я не узнавал этого звука, в чем не было ничего удивительного, ибо я находился в незнакомом доме в незнакомом городе на берегу незнакомого континента.

Так прошла минута-другая. Звук стал тише, а затем и вовсе прекратился.

К этому времени меня окончательно сморило.

И, уже засыпая, я подумал, что это, наверное, плакал ребенок. Но, слава Всевышнему, кто-то утер ему слезы.

Глава 7

Моя дорогая дочь…

Я отложил перо и выглянул в окно. Как найти слова, которые помогут мне достучаться до пятилетнего ребенка? Как с расстояния в три тысячи миль заверить мою ненаглядную Лиззи в своей отеческой заботе и любви?

После пятинедельного путешествия я благополучно прибыл сюда в таком же добром здравии, как и тогда, когда оставлял тебя в Шеппертоне. Расставаясь с тобой, я находил утешение лишь в твердом убеждении, что тебе будет лучше там, где ты сейчас, чем рядом со мной.

Банально, подумал я. Банально, банально, банально. Она должна понять, что я в безопасности и думаю о ней. Все лучше, чем ничего.

Прошу, передай мои наилучшие пожелания своей тете и попроси ее писать мне каждую неделю, чтобы я знал, как у вас

дела.

Я напомнил себе, что отцу положено давать своим детям нравственные наставления. И при воспитании молодежи нежные чувства по большей части должны быть в компетенции нежного пола.

Если ты меня любишь, постарайся вести себя достойно в любой ситуации и по-доброму относиться ко всем живым существам. Постарайся также добиться успехов, возможность для достижения которых я тебе предоставил, и это обеспечит тебе горячую любовь твоего преданного отца.

Э. Сэвилл

На сей раз я яростно швырнул перо, забрызгав чернилами стол. Но секунду спустя я передумал и, обмакнув перо в чернила, размашистым почерком написал:

Постскриптум. Очень странно снова чувствовать под собой твердую землю. Она не колышется, как море. В Нью-Йорке чудовищно жарко и жизнь бьет ключом.

Здесь полно наших солдат, которые кажутся очень бравыми в своей красивой форме. Я видел в гавани много больших кораблей. Этой ночью я спал на пуховом матрасе размером со слона.

Я сложил письмо и, написав адрес, приготовился запечатать. Было еще совсем рано, и солнце пока не дошло до этой стороны дома. Я взял новый лист бумаги и написал:

Моя дорогая Августа, мы благополучно прибыли в Нью-Йорк после морского перехода, продолжавшегося пять недель и два дня. Это…

Я снова сделал паузу. В данный момент мне было никак не придумать, что написать после слова «это». Августа навряд ли захочет узнать, что здесь очень жарко, а мой матрас был величиной со слона. И тем более она не захочет узнать, что я живу под одной крышей с женщиной, от которой пахнет розовым маслом.

Пока я размышлял, три капли чернил упали с кончика пера, забрызгав бумагу. Чертыхнувшись, я скомкал листок и швырнул в пустой камин. Затем отложил перо, подпер голову руками и

посмотрел на открывавшийся из окна вид.

Письменный стол был придвинут к единственному окну спальни, выходившему в небольшой старомодный сад с кустами и гравийными дорожками. Слева от сада располагался хозяйственный двор с рядом пристроек, а справа, за высокой стеной, пролегала другая улица: дом судьи Винтура стоял на перекрестке.

В дальнем конце сада, в углу между задней стеной и длинной боковой стеной, был построен приподнятый над дорогой квадратный павильон из красного кирпича с угловой кладкой и архитравами, отделанными камнем. Рядом с павильоном находилась узкая калитка на улицу. Короткая лестница вела к застекленной двери в стене павильона, обращенной в сторону дома, ну а в двух других стенах были устроены высокие окна. Что-то вроде летнего домика, подумал я. Интересный образчик газебо или бельведера. Лиззи понравилось бы здесь играть. Я непременно опишу павильон в очередном письме к дочери.

Я снова взял перо.

Я пока не видел бóльшую часть дома, где буду жить, поскольку прибыл сюда только вчера вечером. Дом находится на Уоррен-стрит, недалеко от Королевского колледжа. Судья Винтур принял меня весьма гостеприимно. Он счастлив, что твой дядя Рэмптон проявил подобную сообразительность, и шлет ему самый сердечный привет. Засим остаюсь во всех отношениях твоим самым преданным слугой.

Э. С.

Я позвонил в колокольчик. Молодой слуга по имени Абрахам, похоже только-только вышедший из детского возраста, проводил меня в малую гостиную, где был накрыт стол для завтрака. Абрахам сказал, что миссис Винтур редко встает раньше полудня, а судья и миссис Арабелла еще не вышли из своих спален.

Пока я завтракал, в парадную дверь постучали. Вернувшийся Абрахам сообщил, что меня хочет видеть какой-то человек.

— Меня? Это мистер Таунли?

— Нет, ваша честь. Некий мистер Ноак.

— Очень хорошо. Проводи его ко мне.

Ноак поклонился мне прямо с порога:

— К вашим услугам, сэр. Прошу прощения за столь ранний визит. Но, боюсь, неотложное дело заставило меня забыть о хороших манерах.

Меня внезапно посетило неловкое воспоминание о том, как еще две недели назад меня стошнило прямо в оловянную тарелку с обедом мистера Ноака.

— Мой дорогой сэр, в таком случае пришедший по неотложному делу — желанный гость за этим столом. Прошу вас, присоединяйтесь ко мне. Вы успели позавтракать?

Ноак примостился на краешке стула. Он сказал, что уже позавтракал, но не отказался бы от чашечки кофе.

— Я понимаю, что вы наверняка сейчас очень заняты, — начал он, — но просто ума не приложу, к кому еще обратиться.

Я решил, что Ноаку нужны деньги. Люди вечно хотели денег. Таунли был прав, когда говорил за обедом о нехватке золота у конгресса как о его фатальной слабости. *Никто из нас не может обойтись без денег, да?*

— …Таким образом, любая форма занятости, соответствующая моим навыкам и скромным талантам, сэр.

— Что? — переспросил я. — Прошу прощения, но я не совсем уловил, что вы сейчас сказали.

— Сэр, я сказал, что, к несчастью, вакансии, которую меня пригласили занять, больше не существует. Мой работодатель скончался, и его сын свернул бизнес. Вот так-то. Я проделал столь длинный путь впустую и теперь оказался заложником сложившейся ситуации.

— Мне крайне жаль это слышать. Но я не совсем понимаю, чем могу вам помочь. Разве что предложить еще одну чашечку кофе.

Ноак покачал головой:

— Могу я рассчитывать на дружескую услугу с вашей стороны? Очень скоро, не сомневаюсь, вы здесь обзаведетесь обширными знакомствами. И если вы, паче чаяния, встретитесь с джентльменом, которому требуется конторщик… с… осмелюсь выразиться… прекрасной характеристикой от его предыдущего работодателя в Лондоне, а также с существенным опытом делопроизводства как в Америке, так и в Лондоне, я вас настоятельно прошу упомянуть мое имя.

— Ничто не сможет доставить мне большего удовольствия, — ответил я. — Но…

— Я понимаю, — перебил меня Ноак. — Я, конечно, хватаюсь за соломинку, сэр. Но человек в

моем положении должен за что-то хвататься.

— Конечно. — Мне нравилась стойкость этого человека, его нежелание поджать хвост и сдаться. — Оставьте мне ваш адрес, сэр. Я непременно черкну вам пару строк, как только узнаю об открывшейся вакансии.

Ноак достал из кармана блокнот и карандаш:

— Мне всегда передадут записку, отправленную в таверну «Чаринг-Кросс».

Секунду спустя он отодвинул стул и отрывисто заявил, что больше не собирается меня беспокоить. Я понял, что просьба об одолжении далась моему новому знакомцу крайне нелегко, отчего он понравился мне еще больше.

После завтрака я вышел в холл, и в этот самый момент снова раздался стук в дверь. Когда Абрахам открыл дверь, я увидел на крыльце незнакомого слугу, который назвал мое имя. Взяв у него письмо, Абрахам с низким поклоном протянул его мне. Я поспешно сломал печать.

Мистер Сэвилл, мне только что сообщили, что наш вчерашний покойник получил имя. Некий капрал из штаб-квартиры военного коменданта утверждает, что это мистер Роджер Пикетт, джентль-

мен, недавно прибывший в Нью-Йорк и снимавший жилье у вдовы Мюллер на Бикман-стрит (напротив часовни Святого Георгия). Майор Марриот предложил как можно скорее встретиться с ним там. Если Вы располагаете временем, мой посланец проводит Вас до нужного дома. А если Вы заняты, я буду иметь честь ждать Вас позже сегодня днем.

Искренне Ваш и т. д.

Ч. Таунли

Пока я читал, по лестнице, цепляясь за перила, спустился судья Винтур.

— Доброе утро, мистер Сэвилл. Надеюсь, вы приемлемо провели ночь. Я слышал, вы уже позавтракали. Не откажите в любезности, составьте мне компанию и выпейте со мной еще чашечку кофе. Я бы хотел расспросить вас о текущем состоянии дел в Лондоне.

— Ничто не доставило бы мне большего удовольствия, сэр. Но, боюсь, мне придется отложить наш разговор на потом. — Я показал письмо. — Мне нужно срочно уйти.

Судья бросил взгляд в сторону открытой двери, где меня ждал посланец.

— Эй, вы, там! — Голос судьи внезапно стал резким. — Вы ведь человек мистера Таунли?

— Да, ваша честь. Он послал меня за мистером Сэвиллом.

— Полагаю, еще одно ужасное преступление, — сказал судья. — Я в жизни не видел города, похожего на этот. Очень скоро нас убьют в собственной постели.

— Да, сэр. Это действительно убийство. Убили джентльмена. Мистера Пикетта.

— Что? — Судья судорожно вцепился в нижнюю стойку перил, и подбежавший Абрахам поспешно взял его за другую руку. — Роджер Пикетт? Этого не может быть. — Старый судья перевел взгляд выцветших голубых глаз с лица слуги на мое. — Мистер Пикетт был в этом самом доме… не далее как неделю назад, сэр.

Глава 8

— Как видите, его нельзя назвать состоятельным человеком, — заявил Таунли. — По крайней мере, сейчас.

Маленькая комната находилась на третьем этаже в задней части дома на Бикман-стрит. Окно выходило во двор кузницы. В комнате было слишком жарко и душно. Где-то вдалеке слышались раскаты грома.

Все пожитки Роджера Пикетта валялись на кровати, столе, на единственном стуле, сундуке, на полу вперемешку с грязными стаканами, тарелками, бутылками, а также с мисками и чашками с прилипшими к ним остатками гниющей еды. Вдова Мюллер, женщина, содержавшая меблированные комнаты, была неряхой. А кроме того, по ее словам, Пикетт не мог позволить себе оплачивать прислугу.

Я остановился в дверях, держа в руках шляпу:

— А как долго он здесь жил?

— Дней десять или около того, — ответил майор. — Достаточно, чтобы превратить жилище в свинарник.

Таунли, который копался в лежавших на столе бумагах, поднял голову и улыбнулся мне:

— Он, вероятно, зашел бы к вам, мистер Сэвилл, если бы остался в живых.

— Полагаю, он хотел получить компенсацию, как и все остальные, да? — открыв сундук, заметил Марриот. — Боже правый, вы, американцы, совсем как свиньи возле корыта! Нет, конечно, не вы, сэр. Из любого правила есть исключения. Хотя в принципе это именно так.

— Несомненно, мистер Пикетт финансово сильно пострадал, — холодным тоном парировал Таунли. — Большинство из нас пострадало. — Он взял в руки лист бумаги. — А он, оказывается, приехал из Филадельфии.

— После эвакуации?

— Да. Но он пробыл здесь всего несколько недель. Согласно документам, он родом из Северной Каролины.

— Ха! — фыркнул Марриот. — Держу пари, лояльность стоила ему состояния. Забавно, не правда ли? Все беженцы утверждают, будто до войны были богаты, как Крез. Можно подумать, что здесь золото растет прямо на деревьях.

Я шагнул в комнату:

— Сэр, нам будет несложно установить матери-

альное положение мистера Пикетта. По словам судьи Винтура, Пикетт был знаком с его невесткой миссис Арабеллой.

— Что? — удивился Марриот. — Что? Мне об этом никто не говорил.

— Знаком с миссис Арабеллой? — нахмурился Таунли. — Но откуда?

— Думаю, только шапочно. — Я перевел взгляд с Таунли на майора. — Похоже, покойный отец миссис Арабеллы встречал этого человека еще до войны, во время своего пребывания в Северной Каролине.

— Ее отец? Мистер Фруд? — Таунли растерянно потер кончик крючковатого носа. — Вы полны сюрпризов, сэр.

— Почему вы не сказали мне об этом раньше? — поинтересовался Марриот.

— Мы только что встретились, сэр, — заметил я. — Но о визите мистера Пикетта на Уоррен-стрит я узнал лишь сегодня утром. Судья Винтур был вместе со мной, когда пришло послание от мистера Таунли. В любом случае даже если бы я и знал об этом вчера вечером, то навряд ли понял бы всю важность информации до опознания убитого.

Марриот побагровел, но не извинился.

— Но зачем Пикетт к ним приходил? И когда именно?

— В прошлый четверг, сэр. Утренний визит. Пикетт только что прибыл в Нью-Йорк и зашел, чтобы возобновить знакомство с семьей судьи, которое, насколько я понимаю, было весьма поверхностным. Пикетт пробыл там очень недолго, так как судье и миссис Арабелле нужно было куда-то уйти.

— Ну и что она сказала о нем? Я имею в виду миссис Арабеллу.

— Я не видел миссис Арабеллу сегодня утром. Мы, собственно, встретились буквально на секунду вчера вечером.

— Это не имеет значения, — пожал плечами Таунли. — И скорее всего, мы выясним, что Пикетт наносил визиты тем, с кем водил хотя бы шапочное знакомство. Так делают все беженцы, когда впервые попадают в Нью-Йорк. А что еще остается этим несчастным? Своеобразная форма благородного нищенства.

Марриот похромал к столу:

— Ну и что у нас тут?

— Полагаю, это список долгов, сэр. — Таунли вручил майору листок бумаги. — Итого почти двести гиней. Но мы не знаем, кто его кредиторы.

Возле каждой цифры стоит только один инициал. Суммы внушительные. Гинеи и фунты, а вовсе не шиллинги и пенсы.

— Игрок, — кивнул Марриот. — А я вам что говорил?

Запустив руку в карман жилета, я двумя пальцами выудил оттуда игральную кость, которую обнаружил на теле убитого. Она была сделана не из дерева и даже не из простой кости, а из дорогой слоновой. Благородная кость для благородного нищего.

— А вот и подтверждение. Прямо у вас на ладони, — улыбнулся Таунли. — Фараон? Триктрак? В этом городе целые состояния каждую ночь переходят из рук в руки по прихоти игральной кости.

— Человек, который играет в азартные игры в Холщовом городе, — круглый дурак, — заметил Марриот.

— Или находится в бедственном положении, — уточнил Таунли. — Масса людей приходит в Холщовый город с наступлением ночи, хотя днем они там даже не показываются. Темнота служит покровом для множества грехов. Разве нет? У вас не возникло мысли, что если Пикетт не смог расплатиться по долгам, то…

— Не лишено вероятности… Но я сомневаюсь,

что мы когда-нибудь узнаем наверняка. — Марриот взял очередной лист бумаги. — Я вас уверяю, если мы вообще найдем убийцу, то найдем его в Холщовом городе.

— А когда жильцы этого дома в последний раз видели мистера Пикетта? — спросил я.

— В воскресенье днем, — ответил Марриот. — Он обедал в таверне через дорогу и вернулся сюда, чтобы переодеть рубашку. А затем снова ушел около пяти вечера. Больше они Пикетта не видели. Нам нужно найти его ближайших родственников.

Мы не стали задерживаться в комнате Пикетта. Там стояла удушливая жара, а из-за тесноты нам втроем было не развернуться. Марриот пролистал оставшиеся бумаги. В сумке он обнаружил незаконченное письмо без даты, написанное размашистым неаккуратным почерком.

> *Моя дорогая сестра, я благополучно прибыл в Нью-Йорк из Филадельфии. Мой проект процветает, и я очень надеюсь, что мое состояние вскоре…*

— Его проект?! — воскликнул Таунли. — Наверняка какая-то новая и супернадежная система азартных игр. Следующий ход в картах, следу-

ющий бросок игральной кости — и твоя судьба сразу изменится.

— Никаких намеков, кто его сестра и где она живет. Быть может, миссис Арабелла знает. — Марриот достал часы. — Здесь мы сделали все, что могли. Я оставлю у дверей охрану и опечатаю комнату.

— Сэр, а какие еще действия вы собираетесь предпринять? — поинтересовался я.

— Я доложу военному коменданту, а он прикажет мне предпринять то, что сочтет нужным. Но скорее всего, ничего. Именно это я и собираюсь ему посоветовать. У нас сейчас самый разгар войны, сэр, и каждый день умирают молодые люди. Я не могу позволить себе тратить впустую время на каждого дурака, который расплачивается за свою глупость.

— Ваша правда, сэр, — внес свою лепту в разговор Таунли. — Как ни крути, мы ничего не можем сделать, пока не появится свидетель. И боюсь, в Холщовом городе найдется не слишком много людей, движимых заботой о благе общества.

— Это ваша обычная практика при расследовании убийств, сэр? — спросил я Марриота. — Вы хороните мертвеца и позволяете преступнику гулять на свободе?

— Сэр, позвольте еще раз напомнить вам, что у нас идет война. — Он похромал к двери. — Гражданское население не имеет возможности пользоваться теми же привилегиями и таким же уровнем комфорта, как в мирное время. Нью-Йорк рассчитывает, что армия его защитит, и военные задачи имеют для нас первостепенную важность.

Таунли поднял глаза к скошенному потолку:

— И все же я надеюсь, что известие о смерти мистера Пикетта не слишком расстроит судью и миссис Арабеллу.

Майор снова побагровел:

— Конечно нет. К счастью, их знакомство не было близким.

Ага, подумал я, и мой гнев сразу улегся. Вот и ахиллесова пята этого человека: миссис Арабелла Винтур.

Глава 9

Вскоре после часа дня прогремел взрыв.

Неожиданно раздался оглушительный, раскатистый грохот, который накрыл город незримой приливной волной. На секунду наступила полная тишина — акустический эффект, схожий с тем, что возникает, когда ложбина сменяет гребень волны.

Время, казалось, растянулось в пространстве вопреки естественным законам, управляющим Вселенной. Я видел профиль Таунли рядом с собой: рот открыт, нос еще сильнее выдался вперед, черты лица застыли, словно окаменели. Лошади, трусившие рысцой по Бродвею, остановились. Два вола, тащивших фургон менее чем в десяти ярдах от нас, должно быть, заснули прямо на ходу. Деревья по обе стороны улицы оставались недвижны. Лапа собаки, лежавшей в тени входа в лавку, стала негнущейся, точно шомпол, хотя еще секунду назад животное энергично чесало себе грудную клетку.

А затем все растворилось в суматошном движении. Один из волов врезался в дерево. Лошадь

попятилась, и гессенский офицер вывалился из седла. Собака, поджав хвост, укрылась в темноте лавки. Корпулентная дама средних лет лишилась чувств. Служанка попыталась поддержать хозяйку, но та оказалась слишком тяжелой, и они обе рухнули на землю.

Звуки возвращались значительно медленнее.

Они поступали фрагментарно, казались смазанными и сопровождались звоном.

— Боже мой! — ахнул Таунли.

В доме через дорогу от нас треснуло оконное стекло. Воздух наполнился криками и воплями. Лошади ржали. Волы натужно ревели.

Несколько солдат проковыляли по дороге в сторону форта Джордж. Корпулентная дама очнулась и, впав в истерику, принялась безжалостно мутузить несчастную служанку. Тронув меня за рукав, Таунли показал на горизонт поверх крыш на другой стороне улицы, где в небо поднимался пушистый столб черного дыма.

— Французский флот? — спросил я, и собственный голос показался мне глухим и далеким.

— Если бы они подошли слишком близко к гавани, нас наверняка предупредили бы. Наверное, взорвался какой-то корабль с боеприпасами.

— Несчастный случай?

— Бог его знает. — Таунли промокнул лицо надушенным платком. — Сперва пожар, теперь это. Вы только посмотрите на этот треклятый дым! Он похож на черный плюмаж на похоронах. Либо нам чертовски не везет, либо у нас завелись внутренние враги.

— Мои окна! — внезапно прекратив истерику, запричитала корпулентная дама. — Быстрее, девочка! Что ты копаешься?! Помоги мне подняться. Нам срочно нужно домой.

Гессенский офицер поднялся с земли и на неверных ногах зашагал за пустившейся вскачь лошадью, оставляя за собой поток немецких ругательств. В дверях лавки появился хозяин — мастер по изготовлению париков, в переднике и рубашке с закатанными рукавами, лицо бледное, как пудра для париков; жавшаяся к его ногам собака выглядела так, будто ее побили и она опасалась следующей порки.

Мы с Таунли быстрым шагом прошли по Бродвею к форту Джордж. Но в штаб-квартире ничего не знали ни о взрыве, ни о бедняге Пикетте.

Я поспешно нацарапал короткую записку мистеру Рэмптону, присовокупив к ней написанные ранее письма к Лиззи и Августе. Таунли проводил меня в почтовый отдел и представил старшему

клерку, ответственному за корреспонденцию. Письма будут отправлены в утяжеленных свинцом правительственных почтовых сумках с первым же пакетботом, идущим в Англию.

— Впрочем, кто знает, когда это дойдет до адресата, — заметил клерк. — Если учесть, что внутри страны повстанцы, а снаружи — французский флот.

— Теперь мы вполне могли бы и пообедать, — после визита в штаб-квартиру заявил Таунли. — Пока не уляжется суматоха, мы больше ничего не в силах сделать.

Перед нашим уходом один из подчиненных мистера Таунли подошел к нему с сообщением, что сегодня утром его секретарь умер от лихорадки.

— Бедняга, — произнес Таунли. — Беда никогда не приходит одна. Эта треклятая жара способствует распространению всякого рода заразы. Нужно что-нибудь послать его вдове.

Мы неторопливо пошли в сторону Коммона. Таунли знал маленький трактир на Кинг-Джордж-стрит. И хотя снаружи, по его словам, заведение вроде бы невзрачное, повар, приехавший из Милана, творит чудеса из самых скромных продуктов. Мистер Таунли явно придавал большое значение еде и качеству блюд. Город уже оправил-

ся после происшествия. Разбитые стекла успели убрать. В лавках, как всегда, было полно народу.

— Словно ничего и не произошло, — заметил я.

— Природа войны, сэр, — объяснил Таунли. — Один ужас сменяется другим, но человек не может жить в постоянном напряжении. Эти исключительно тревожные события доставляют мне куда меньше неудобств, нежели нечто куда более рутинное — вроде смерти моего несчастного секретаря. При жизни он был удручающе некомпетентен, но теперь, когда он отошел в мир иной, я окажусь в сложном положении. Ведь на мои плечи неминуемо ляжет огромный объем нудной работы.

— Хотелось бы знать… — Я замялся, впрочем не более чем на секунду. — По-моему, я уже рассказывал вам, что на пакетботе познакомился с одним американцем. Он служил конторщиком у адвоката в Лондоне и даже кое-что знает о делах Американского департамента. Похоже, сейчас он остро нуждается в работе.

Счастливое совпадение. На самом деле я даже поздравил себя с подобным поворотом событий — убить двух зайцев одним выстрелом: сделать одолжение новому знакомому и вернуть долг старому.

— Неужели? — обрадовался мистер Таунли. — Это крайне интересно.

Глава 10

После обеда я вернулся на Уоррен-стрит. Обеих дам я нашел в гостиной. Миссис Арабелла читала «Роял американ газетт» за столиком у окна. Старая миссис Винтур сидела перед холодным камином.

Поклонившись по очереди каждой из женщин, я пожелал им доброго дня. Старая дама милостиво кивнула, но не произнесла ни слова и через секунду снова вперилась в камин, словно желая навечно запечатлеть в памяти его закопченную поверхность.

Миссис Арабелла поманила меня к себе. Я впервые увидел эту женщину при свете дня. Бледное овальное лицо, идеальная кожа, пухлые губы и карие глаза. Волосы, в основном скрытые чепцом, были густыми и такими темными, что казались практически черными.

— Ради всего святого, сэр, только не упоминайте о вчерашнем взрыве, — произнесла она тихим голосом, — а также о смерти мистера Пикетта. Миссис Винтур не переносит подобных разговоров.

Я кивнул. Марриот, этот медведь в красном мундире, явно находился в плену чар миссис Арабеллы. Мистер Таунли говорил о ней крайне деликатно, но с опаской. И даже Ноак, сухой и скучный, как бухгалтерская книга, был наслышан о ее красоте. *Однажды увидев, уже никогда не забудешь.*

И вот теперь, увидев миссис Арабеллу при ярком дневном свете, я оказался откровенно разочарован. Нет, она была совсем недурна собой, но ее лицу не хватало классических пропорций и благородной утонченности моей жены Августы; фигуру миссис Арабеллы в Лондоне сочли бы стильной и современной, однако ее хлопчатобумажное платье определенно выглядело безвкусным. Похоже, американцы, подумал я, придерживаются более низких стандартов женской привлекательности, нежели мы, англичане.

По совету мистера Рэмптона, я привез Винтурам маленькие подарки из Лондона: кружево для дам, выбранное Августой, томик с проповедями для судьи и несколько фунтов чая для всей семьи. Когда я вручил подарки, старая миссис Винтур внезапно оживилась.

— Не сомневаюсь, когда мой сын вернется до-

мой, он тоже получит большое удовольствие от проповедей, — произнесла она шелестящим голосом. — Он всегда уделял внимание возвышенным материям, даже в раннем детстве. Помню, когда мы ходили в церковь, он очень внимательно слушал проповеди.

Миссис Арабелла вытерла носовым платком пальцы, испачканные свежей типографской краской. Она поблагодарила меня за подарки, но сказала, что не станет трогать кружево, пока не вымоет руки.

Миссис Винтур, сидевшая на диване, похлопала по сиденью рядом с собой:

— Мистер Сэвилл, присядьте и расскажите, как поживает наш дорогой мистер Рэмптон. Мы видели его почти двадцать лет назад. Я слышала, вы женаты на его племяннице мисс Августе?

— Благодарю вас, мэм. Мистер Рэмптон поживает прекрасно. Сейчас он заместитель госсекретаря Американского департамента. Лорд Джордж доверил ему бóльшую часть своей работы.

— А вы, сэр? Мой супруг говорит, мистер Рэмптон весьма лестно о вас отзывался.

— Он воплощение доброты, мэм. — Впрочем, тут я слегка покривил душой: мистер Рэмптон был против брака своей племянницы Августы со

мной, самым обычным младшим клерком.

— А Бог послал вам в утешение детей? Мистер Сэвилл, уж простите старуху за любопытство.

— Дочь, мэм. Элизабет.

— Вам очень повезло. Я всегда мечтала о дочери. Когда мой сын вернется домой, у них с Беллой родится ребенок, возможно, двое. Что доставит мне несказанную радость, не меньшую, чем если бы я их сама родила, — улыбнулась старая дама. — Замечательно, да? А бóльшую часть года они, скорее всего, будут проводить в Маунт-Джордже. Тамошний воздух полезнее для детей.

Упоминание о Лиззи невольно навело меня на мысль о ребенке, плач которого я слышал или думал, что слышал, перед отходом ко сну. Я уже собрался было спросить, есть ли в доме ребенок, но тут разговор потек в другом направлении, и миссис Винтур принялась расспрашивать меня, кто из лондонских священнослужителей особенно славится своими проповедями.

— Матушка, — прервала свекровь миссис Арабелла, — вы не должны донимать мистера Сэвилла вопросами. Он наверняка очень устал.

Миссис Винтур не могла скрыть своего смущения:

— Ах… да… прошу прощения, мистер Сэвилл,

я иногда увлекаюсь. Мой сын говорит, что я, вероятно, с самого рождения не закрывала рта. Вы встречались с моим сыном Джоном?

— Нет, не имел удовольствия, мэм.

— Вы с ним скоро встретитесь. Я уверена. Когда он вернется домой, то все сделает правильно, и тогда я получу своих маленьких внучек.

— Вы утомились, мэм, — встав с кресла, произнесла миссис Арабелла. — Почему бы вам немного не отдохнуть? Я сейчас позову Мириам.

Пришла Мириам, и старуха послушно заковыляла к двери, цепляясь исхудалыми руками за локоть служанки. Та вопросительно посмотрела на миссис Арабеллу в ожидании приказаний. При этом они практически не сказали друг другу ни слова, а лишь обменялись понимающими взглядами. Похоже, им было не впервой улаживать подобные ситуации.

Миссис Арабелла снова села в кресло и спросила, не прибегая к околичностям:

— Судья сообщил мне, что в Холщовом городе нашли тело мистера Пикетта. Его убили?

— Он определенно мертв, мэм, и, скорее всего, действительно убит. — Я старался не думать о мухе, сидевшей на рваной ране на шее Пикетта.

— А каков мотив убийства?

— Это по-прежнему остается загадкой. Насколько я понимаю, майор Марриот считает, что мистер Пикетт был азартным игроком и убийство могло быть связано именно с этой пагубной страстью. Надеюсь, я вас не слишком сильно расстроил, ведь он не входил в число ваших близких знакомых.

— Сэр, я не слишком хорошо знала мистера Пикетта. А кроме того, мы привыкли слушать о разных ужасах.

— Насколько я понимаю, у него есть сестра. Вам о ней что-нибудь известно?

— Нет. Я даже не подозревала, что у него есть семья. Мы с ним виделись лишь однажды, и та встреча была крайне непродолжительной. По-моему, он общался с моим отцом, но у них были исключительно деловые отношения. — Она не стала развивать эту тему, и мы замолчали.

— Я… я так понимаю, мадам, ваш муж скоро вернется домой? — спросил я, чтобы заполнить неловкую паузу. — Вам известно, когда его ждать?

Она подняла на меня глаза под тяжелыми веками:

— Он пропал после битвы при Саратоге. Я думала, вы знаете.

— Ну да… Мистер Рэмптон что-то такое говорил. Однако из слов миссис Винтур я заключил…

— Миссис Винтур так жаждет увидеть сына, что верит в его скорое возвращение. Но я не настолько оптимистична, как и судья. Впрочем, мы не перечим ей.

— Я заметил.

— Вы окажете нам всем большую любезность, если тоже будете ей в этом потакать.

— Как вам будет угодно.

Битва при Саратоге произошла десять месяцев назад. И если с тех пор от капитана Винтура не было никаких вестей, то шансов, что он выжил, практически не оставалось.

— Так вы вообще о нем ничего не слышали? — немного помолчав, спросил я.

— Да. И мы опасаемся худшего. Уж слишком много слухов о зверствах вокруг.

От наплыва чувств кровь бросилась ей в лицо, и она показалась мне почти красавицей, словно страсть разожгла вокруг нее незримый огонь. Растерявшись, я смущенно пробормотал некую банальность насчет ужасов войны, особенно гражданской.

— Почему лорд Джордж не посоветует королю положить конец этому безумию?! — взорвалась

Арабелла.

— Мадам, если бы я знал, то непременно сообщил бы вам. Но лорд Джордж со мной не откровенничает.

— Конечно нет. — Миссис Арабелла снова прикрыла веки, будто больше не желала меня видеть. — Вы ведь всего-навсего клерк.

Глава 11

На следующий день, в среду, когда я уже выходил из дома, на Уоррен-стрит прибыл мистер Таунли.

— Мистер Сэвилл, сэр! — Он окликнул меня с другой стороны улицы. — Какая удача, что я вас встретил! Вы уже слышали новости?

— Нет, сэр. А в чем дело?

— Я думал, майор послал к вам своего человека. Впрочем, не важно. Я здесь вместо него. Похоже, вчера поздно вечером в полицию поступила информация, и они арестовали подозреваемого в убийстве несчастного мистера Пикетта.

— На каком основании?

— Ах, у них много доказательств. Парню еще не предъявили обвинения, но, думаю, за этим дело не станет. Нам нужно поторопиться: его допросят в десять утра и на все про все нам осталось лишь двадцать минут. Они держат его в Сахарном доме Ван Кортланда на углу возле церковного двора церкви Троицы. И мы еще должны встретиться там с вашим знакомцем по плаванию… Как бишь его зовут? Ноут? Слоуп? Поук?

— Ноак, сэр. — Я вчера днем написал Ноаку и сообщил, что он может зайти к мистеру Таунли. — Очень любезно с вашей стороны найти время, чтобы встретиться с ним.

— Я уже видел его. Он показался мне вполне способным. А это уже кое-что для человека, который немного знает об окружающем мире. Я решил дать ему день-другой испытательного срока.

— Весьма великодушно с вашей стороны, сэр. Надеюсь, он удовлетворит вашим требованиям.

— Что ж, мы очень скоро выясним, подходит он мне или нет. Он может сегодня вести протокол.

По дороге Таунли поинтересовался, доволен ли я своим жильем. Если нет, он подыщет для меня что-нибудь более подходящее.

Я попросил Таунли не беспокоиться, так как меня все вполне устраивает, и добавил:

— Кстати, вчера вечером у меня был любопытный разговор с дамами Винтур.

— Надеюсь, они в добром здравии? Какое впечатление они на вас произвели?

— Я не подозревал, что супруг миссис Арабеллы числится не погибшим, а пропавшим без вести.

— Все это крайне прискорбно, — проронил Таунли. — Никто не видел капитана Винтура после битвы при Саратоге, хотя докладывали, что он

получил ранение. В результате семья находится в подвешенном состоянии… и особенно миссис Арабелла. Они не знают, то ли оплакивать сына и мужа, то ли молиться о его благополучном возвращении.

— Миссис Винтур, похоже, не сомневается в последнем.

— Увы, сэр, как, должно быть, вы успели заметить, страдания миссис Винтур сказались на ее способностях к критическому мышлению. — Таунли взмахнул тростью. — Мы почти на месте. Смотрите! Это и есть Сахарный дом Ван Кортланда.

Сахарный дом располагался на углу двух улиц. Это было пятиэтажное здание с кирпичным фасадом и пристройкой с одной стороны, унылое и уродливое, как сарай. Зарешеченные, утопленные в стену окна на уровне выше человеческого роста, выходившие в огороженный стеной двор, скорее подчеркивали, нежели сглаживали монолитную пустоту фасада.

— Здесь содержатся военнопленные, — прошептал мне на ухо Таунли. — Тех, кем занимается Марриот, здесь, вообще-то, не держат, но военная тюрьма забита под завязку.

Мы остановились, пропустив отряд солдат,

промаршировавших по дороге к высоким деревянным воротам, охраняемым двумя часовыми. Один часовой два раза постучал в ворота, створка ворот отворилась, и солдаты прошли во двор. Мы последовали за ними.

Когда мы оказались внутри, караульный сержант велел нам подождать в холле, чем привел в раздражение Таунли, явно недовольного задержкой.

— По крайней мере, тут прохладно, — заметил я.

— Стены чрезвычайно толстые, сэр. И как вы видите, здесь очень мало окон. Здание специально построили для хранения сахара, чтобы продукт не портился и был недоступен для воров. Но тут очень удобно держать людей как внутри, так и снаружи, перед закрытыми воротами.

Дверь в глубине холла открылась, и появился мистер Ноак.

Таунли удивленно уставился на него:

— Как? Вы уже здесь?

Ноак кивнул скорее как птица, клюющая червяка, а не как человек, выражающий свое почтение.

— Да, сэр. Я представился майору Марриоту и показал ему ваше письмо. Прошу пройти сюда,

если будет угодно.

Как только мы покинули холл, атмосфера в здании резко изменилась. Представшие взору картины и стоявшие вокруг запахи стали испытанием для всех органов чувств. Но сперва меня оглушил ужасный шум: какофония голосов, стоны, вопли и неустанные движения; звуки отражались от цилиндрического свода высокого потолка и отзывались раскатистым эхом.

За дверью, выходящей в холл, стоял стол, за которым солдаты играли в карты, очевидно не обращая внимания на то, что творилось вокруг. Окинув нас равнодушным взглядом, они коротким кивком разрешили войти.

Ноак провел нас по вымощенному камнем коридору с длинным рядом дверей с обеих сторон. В центре коридора находился дренажный желоб, вероятно использовавшийся как сточная труба. Мы с Таунли, не сговариваясь, прикрыли нос платками.

В верхней части каждой двери имелось зарешеченное окошко, и в каждом окошке виднелось лицо мужчины, вцепившегося в прутья решетки, а за ним — множество лиц других узников, собранных вместе в одну вздымающуюся, орущую, смердящую человеческую массу.

— Во имя Христа, ваша милость! — воззвал к нам из-за решетки мужчина. — Во имя Христа, я не могу остановить кровотечение!

Невольно ускорив шаг, мы прошли к двери в конце коридора. Караульный провел нас в холл у подножия лестницы.

— Боже правый! — ужаснулся я. — Это поистине сумасшедший дом. Даже хуже, чем сумасшедший дом, — самое настоящее преддверие ада!

— Они должны благодарить только самих себя, — ответил Таунли. — Если они обратили оружие против законного правительства, то должны дорого заплатить за это. Проблема в том, что нам приходится бороться с толпами мятежников. И мы по мере сил должны изолировать их везде, где найдется свободное место.

Мы поднялись по лестнице в приемную, охраняемую часовым, откуда прошли во внутреннее помещение. Узкое окно смотрело на ухоженный церковный двор возле почерневших руин церкви Троицы.

Марриот сидел за длинным дубовым столом, положив больную ногу на скамеечку. Он рылся в кипе каких-то бумаг.

— Доброе утро, господа, — оторвавшись от своего занятия, произнес он. — Прошу вас, при-

саживайтесь, раз уж вы наконец-то пришли. Я собирался начать без вас. — Он кивнул Ноаку. — Передайте тому человеку за дверью, чтобы он распорядился привести заключенного.

Мы с Таунли сели по обе стороны от майора. Тем временем вернувшийся Ноак устроился поближе к окну, положив перед собой перо, чернила и лист бумаги.

— Какая удача, сэр, что у нас появился информатор, — заметил Таунли.

— Удача?! — фыркнул майор. — Удача здесь вовсе ни при чем, сэр. Армия платит за информацию. И всегда найдутся люди, испытывающие нужду в золоте.

— Сэр, а вы уверены в достоверности информации? — спросил я.

— В этом мире ни в чем нельзя быть уверенным, сэр, но парень, которого мы посадили за решетку, действительно негодяй.

Мы услышали за дверью топот марширующих ног. Раздался стук в дверь. С позволения Марриота в комнату вошли два солдата, между ними плелся низенький негр в наручниках, раскачивавшийся из стороны в сторону. Когда солдаты вытянулись в струнку перед столом, заключенный рухнул на пол неопрятной кучей из тощих

конечностей и грязного тряпья.

— Поднимите его! — приказал майор.

Взяв заключенного под мышки, солдаты поставили его на ноги.

— Господин, я этого не делал, клянусь…

— Придержи язык! — прикрикнул на арестованного майор и, повернувшись к Ноаку, сказал: — Вы можете написать здесь сегодняшнее число: пятое августа. А также время и место, естественно. Это протокол допроса беглого чернокожего раба по имени Вирджил, который является собственностью наследников покойного Джорджа Селдена, эсквайра, из округа Куинс.

Заключенный захныкал. Его щеки блестели от слез. На нем были грязные парусиновые штаны до колен и рваная рубаха; пальцы босых ног растопырены. Я хотел отвернуться, но не смог.

Таунли достал из кармана серебряную зубочистку и начал ковыряться в зубах.

— Ты ведь бродяга, так? — приступил к допросу майор. — И не вздумай открывать рот без моего разрешения. Просто кивай. — (Голова Вирджила упала на грудь.) — Ты сбежал от хозяина, когда тот предыдущим летом был в Бруклине. И с тех пор ты жил в Холщовом городе с остальными негодяями и бродягами. — Майор бросил взгляд

на Ноака. — Мистер Ноак, вы это записали?

— Господин, сжальтесь надо мной, я никогда не видел…

— Молчать! Я не разрешал тебе со мной разговаривать. У тебя будет такая возможность позже. И ради всего святого, перестань скулить или мне придется тебя выпороть!

Ноак все старательно записывал.

— Мистер Ноак, вычеркните эти слова! — рявкнул майор. — Это не для протокола.

Таунли откинулся на спинку стула:

— А какие улики есть против этого человека?

— Всему свое время, сэр. — Марриот поставил локти на стол и наклонился к заключенному. — Скажи, где ты был в прошлое воскресенье? Скажи, что ты делал и что видел.

— Я был в Холщовом городе, ваша честь. А еще ходил по городу в поисках работы. Потом я вернулся в Холщовый город и заснул с пустым брюхом.

— Лично мне твое брюхо кажется довольно упитанным, — заметил Таунли, обмахиваясь носовым платком.

Проигнорировав реплику Таунли, Марриот продолжил:

— Возможно, это объяснение того, где ты был,

но не того, что ты делал. Ты вор, проклятый карманник. В твоем узелке нашли два пустых кошелька. И те башмаки, что были у тебя на ногах… что ж, у них отдельная история, да?

— А? — удивился Таунли. — Что за башмаки? О башмаках мне вообще никто не говорил.

— Мистер Ноак, будьте добры, откройте шкаф для вещдоков и принесите нам то, что вы нашли на третьей полке снизу.

Высокий шкаф для вещдоков стоял в нише возле пустого камина. Ноак достал пару черных башмаков с закругленными носами и простыми стальными пряжками на ушках и поставил их на стол. При виде башмаков заключенный тихо застонал.

Вынув из одного башмака маленький кожаный мешочек, Марриот сказал:

— Итак, когда тебя доставили сюда прошлой ночью, эти башмаки были у тебя на ногах.

Я взял в руки башмак. Верх оказался сильно потертым. Подметка нуждалась в починке. Но кожа хорошая.

— Мы получили информацию, что башмаки принадлежали мистеру Пикетту, — заявил Марриот. — Сегодня утром я отправил их на Бикман-стрит. Поваренок, который чистит обувь,

подтвердил, что это башмаки мистера Пикетта.

— Получили информацию? — переспросил я. — От кого, сэр?

— Это не важно, сэр. Важно лишь то, что информация достоверная. Надеюсь, тут вы мне доверяете?

Впервые за все это время Вирджил поднял голову и посмотрел прямо на меня.

— Ноак, вопрос мистера Сэвилла также не нужно заносить в протокол, — сказал Марриот.

Развязав шнурок, которым был затянут мешочек, он вытряхнул его содержимое, и ему на ладонь упало тяжелое золотое кольцо.

— Это перстень с печаткой. — Марриот зажал кольцо между большим и указательным пальцем. — На печатке вырезан олень. Вдова Мюллер, которая держит меблированные комнаты, где жил Пикетт, клянется, что это его кольцо. Он носил его на левой руке. Она это точно знает, поскольку он задолжал за постой, а когда признался, что не может расплатиться прямо сейчас, она спросила его, почему бы ему не обратить кольцо в гинеи и таким образом не расплатиться с долгами.

— Господин, я в жизни не видел этого кольца. Клянусь, сэр! Господь свидетель…

— Ну а башмаки? — перебил я Вирджила. — Ты ведь видел их раньше?

Заключенный снова посмотрел на меня:

— Да, сэр.

— Конечно видел, — вмешался в разговор Марриот. — Когда этого прохвоста арестовали, башмаки были на его треклятых ногах.

— Вирджил, а где ты их взял? — спросил я.

— Я нашел их, ваша честь.

— На теле мистера Пикетта?

— Да, сэр. Несчастный джентльмен лежал там, совершенно мертвый. Я решил, башмаки ему теперь без надобности и не будет большого вреда, если я их возьму. Сами поглядите, сэр. — Вирджил показал на свои ноги. — Я потерял палец, отморозив его прошлой зимой.

— Он был мертвым, потому что ты убил его, — заявил Марриот. — Именно так и обстояло дело, а? Ты поживился его башмаками, а заодно снял с пальца кольцо.

— Нет, сэр. Не было никакого кольца, когда я нашел его.

— Тогда как кольцо оказалось в твоем узелке?

Вирджил яростно затряс головой:

— Я его туда не клал, господин. Клянусь…

— Придержи язык, черт бы тебя побрал! —

Марриот повернулся к солдатам, безучастно стоявшим у стены за столом. — Уведите его. И не снимайте наручники.

Никто не проронил ни слова, пока не увели заключенного. Марриот поднялся и подошел к окну.

— Итак, господа, — начал он, по-прежнему стоя к нам спиной, — полагаю, это дело больше не должно нас занимать. Все улики изобличают негодяя.

— Ни один разумный человек не способен в этом усомниться, — зевая, ответил Таунли. — Если бы Пикетта убил кто-то другой, то не оставил бы кольца у него на пальце. Попросить Ноака сделать вам точную копию протокола?

— Я был бы вам весьма признателен. — (Мистер Ноак кивнул.) — Когда будете записывать, вам следует упомянуть, что мистер Сэвилл из Американского департамента присутствовал в качестве наблюдателя, — повернувшись к нам, продолжил Марриот. — Но все, что он говорил, можно опустить.

— И теперь? — спросил я.

— А вы сами как думаете, сэр? — ответил Марриот. — Мы подождем, а дальше пусть все решает закон. Закон военного времени, разумеется.

Глава 12

В среду ночью я снова слышал плач ребенка. Утром я спросил об этом Джосайю, старшего из двух слуг мужского пола. Это, должно быть, один из соседских детей в бараках для рабов, сказал он. Но он непременно все выяснит и устранит причину неудобства. Я ответил, что не стоит утруждаться, так как это совершенно не важно.

Администрация нашла мне помещение под контору в доходном доме в восточном конце Брод-стрит, неподалеку от мэрии. Убогие комнаты на втором этаже. Там меня уже поджидал первый посетитель: священнослужитель из Коннектикута, которого повстанцы выгнали из дома и лишили прихода. Его преступление состояло в том, что он прочел проповедь с использованием текста Евангелия от Луки, глава 20, стих 25: «Он сказал им: итак, отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу». Под кесарем в его случае подразумевался скорее Георг III, чем конгресс. Бедняга потерял все свое имущество, включая унаследованную от дяди ферму.

Незадолго до обеда в комнату ворвался Таунли.

— Ну и ну, сэр! — без всякой преамбулы начал он. — Я буквально секунду назад кое-что узнал от майора и тут же надел шляпу, так как решил, что должен доставить себе удовольствие лично сообщить вам новости.

Я проворно вскочил с места:

— А что за новости? Военное столкновение?

— Ничего подобного. Я о том негре. Вирджиле. Сегодня утром он предстал перед судом, и суд счел его виновным в убийстве Пикетта. Марриот говорит, парня повесят завтра утром. Сэр Генри Клинтон утвердил приговор. Говорят, главнокомандующий хочет повесить его в назидание другим рабам, чтобы им было неповадно убивать.

— А что, правосудие в Нью-Йорке всегда так поспешно вершится?

— По крайней мере, в военных трибуналах очень быстро. Они не любят тянуть кота за хвост, — пожал плечами Таунли. — Ну а сейчас, когда в городе ходят слухи о поджигателях в наших рядах, будет нелишне показать, что власти держат все под контролем. Вы пойдете со мной, сэр?

— Куда? Смотреть на повешение?

— Конечно. Поскольку я должен быть там как

официальный представитель города, я подумал, что вы, возможно, захотите меня сопровождать. Вам будет полезно знать, как делаются подобные вещи. Все складывается крайне удачно. Казнь состоится в восемь утра, а затем нас будет ждать завтрак. У них там отличная еда. — Таунли достал часы. — А коли об этом зашла речь, мой дорогой сэр, думаю, сейчас самое время пообедать.

После обеда с Таунли я направился обратно в контору, огибая окраины Холщового города. Было очень жарко, и я не торопился. А поскольку я еще плохо ориентировался в городе, то по воле случая оказался вблизи Сахарного дома Ван Кортланда.

Очутившись там, я свернул на церковный двор церкви Троицы. Здесь воздух был чуть прохладнее. Несмотря на соседство с тюрьмой, заросший травой двор использовался в качестве места отдыха, и по крайней мере два десятка человек прогуливались между могильными плитами. И действительно, это место походило скорее не на церковный двор, а на общественный сад с широкой гравийной дорожкой, скамейками с двух сторон, крюками для фонарей на деревьях и даже площадкой для оркестра между развалинами. Уже подходя к церкви, я увидел знакомую фигуру, огибавшую башню с западной стороны.

— Судья! — Я снял шляпу и поклонился. — Как дела, сэр? Сегодня безумно жарко, да?

Винтур растерянно заморгал:

— А-а-а… мистер Сэвилл. К вашим услугам, сэр. Вы застали меня врасплох.

— Вы что, решили подышать свежим воздухом?

— Я, собственно, ищу свою козу.

— Прошу прощения, сэр. Я не совсем…

— Свою дойную козу. Прелестнейшее существо. Миссис Винтур нравится ее молоко. Джосайя привязал козу здесь в понедельник утром. Привязал прямо тут, сэр. К ограждению у дорожки. Он клянется, что отвернулся буквально на секунду, но именно в эту секунду коза испарилась.

— Мне очень жаль это слышать, сэр. — Я почувствовал, как в глубинах моего подсознания галькой перекатывается некое воспоминание.

— К тому же это наше семейное кладбище. Что делает кражу гораздо более серьезным преступлением, словно правонарушитель совершил нечто вроде грабежа. Здесь покоится мой бедный брат. Вот потому-то Джосайя и привел сюда козу. — Догадавшись по выражению моего лица, что я по-прежнему пребываю в неведении, мистер Винтур с улыбкой добавил: — Прошу про-

щения, сэр. Я, кажется, озадачил вас ненужными головоломками.

— Значит, здесь похоронен ваш брат?

— Именно так. Он был непоколебим, как и любой мужественный человек, в своей приверженности короне. — Лицо старого судьи на секунду страдальчески сморщилось. — Увы, с раннего детства он отличался невоздержанностью и высказывал свою точку зрения, не задумываясь о последствиях. Что его и погубило. Повстанцы убили моего брата, что бы они там ни говорили.

— Он погиб в бою, сэр? — спросил я.

— Нет, сэр. Не в бою.

Во время разговора судья приблизился к ограде и бросил взгляд на находящиеся за ней надгробия. Я последовал за ним. Надпись на одном из памятников была явно более свежей, чем на других:

В память о Фрэнсисе де Лэнси Винтуре,
докторе богословия, магистре искусств,
члене ученого совета Королевского колледжа, Нью-Йорк,
сыне Уильяма Винтура, эсквайра,
умершем 21 июня 1776 года
в возрасте 57 лет

— Когда повстанцы в начале войны заняли этот город, — сказал Винтур, — они расшевелили республиканский сброд и принялись отлавливать, невзирая на возраст и немощность, всех известных тори, которых могли найти. Мой бедный брат Фрэнсис как до начала войны, так и после открыто высказывался о вигах. Он призывал их сложить оружие и вернуться к принципам верности государству в силу рождения. — Судья Винтур схватился за пику ограды и отвернулся, но затем продолжил, понизив голос: — Этот сброд заявился к нему в дом, выломав дверь, и выволок его на улицу в одной ночной рубашке. Фрэнсис закричал: «Боже, храни короля Георга!» Они привязали его к балке и пронесли по улицам под громкие крики «ура!». И да, там были солдаты и патрульные, которые в свое время обедали в моем доме, хотя впоследствии они и отрицали свое участие в сем беспределе. Они смеялись. Можете в это поверить, сэр? Они смеялись, подвергая издевательствам старого, больного ученого во имя так называемой свободы и прав человека.

Я схватил мистера Винтура за руку:

— Мой дорогой сэр, умоляю, не стоит травить себе душу! Позвольте мне проводить вас до дома.

— Нет. — Судья пожал мне руку. — Нет, сэр.

Будет лучше, если вы все узнаете. Они пронесли моего бедного брата прямо под окнами генерала Вашингтона, и этот галантный офицер снял шляпу и ответил им громким «ура!». Повстанцы собирались бросить беднягу Фрэнсиса в пруд с пресной водой на Манхэттене, а затем выгнать из города. Но Господь сжалился над моим братом и прибрал его. У брата кровь прилила к голове, и он скоропостижно скончался от апоплексического удара.

— Сэр, давайте вернемся домой, — сказал я. — Примите мои соболезнования.

— Но я хотел бы найти козу. — Судья отпустил ограждение и выпрямился. — Видите ли, коза принадлежала моему брату. Он очень любил ее. Как и Джосайя. Наш отец подарил Джосайю моему брату, когда тот был еще мальчиком. После смерти брата они оба перешли ко мне вместе с тем, что осталось от его поместья. И Джосайе нравится иногда приводить сюда козу, чтобы та могла повидать своего хозяина в месте его последнего упокоения. Это… это вполне безобидная привычка. Ведь так? Я не смог найти в себе достаточно сил запретить ему это делать. Возможно, животное просто заблудилось. Джосайя ужасно расстроен. Я дам объявление в газету.

Судья позволил мне увести его от могилы. Когда мы покинули церковный двор, он отпустил мою руку и вполне резво зашагал в сторону Уоррен-стрит.

— Сэр, сегодня я узнал кое-какую новую информацию, — заявил я, в надежде отвлечь старого судью и перевести разговор в более безопасное русло. — Человек, обвиненный в убийстве мистера Пикетта, предстал перед судом. Суд счел его виновным.

Винтур внезапно остановился:

— Неужели? Его повесят?

— Да, сэр. Завтра утром.

— Упокой, Господи, его душу. Полагаю, в его виновности нет сомнений?

— Я присутствовал на предварительных слушаниях. Он был обут в башмаки мистера Пикетта, и у него нашли кольцо убитого.

— А он признался в содеянном?

— Только в краже туфель. Клянется, что случайно наткнулся на мертвое тело.

Мистер Винтур пожал плечами:

— Ну что ж, суд должен опираться на доказательства, а не на уверения обвиняемого. Хотя военный трибунал трудно назвать судом в общепринятом смысле слова, ибо судьи заседают без

присяжных, и никто из них не имеет ни малейшего представления о законе. И все же… бедняга Пикетт… несчастный конец несчастной жизни.

— Вот я и подумал: учитывая, что миссис Винтур и миссис Арабелла были с ним знакомы, их следует поставить в известность.

— Мистер Сэвилл, предоставьте это мне. Я весьма ценю, что вы столь любезно предупредили нас. Мне наверняка не понравилось бы, если бы мы узнали новости из газет или от знакомых. — Судья остановился и тепло пожал мою руку. — Сэр, мне не хотелось бы больше беспокоить вас. Я уже вполне пришел в себя.

На этом мы распрощались. Я направился в контору. И только свернув на Бродвей, вспомнил о козе.

В понедельник утром Джосайя потерял хозяйскую козу на церковном дворе церкви Троицы. Вечером того же дня я видел еще одну козу среди развалин на Дейес-стрит. Мальчик-мулат вел ее через груду обломков.

Та самая коза?

Глава 13

В ту ночь я не слышал детского плача. Я ворочался на слишком туго набитом пуховом матрасе, то проваливаясь в сон, то вновь просыпаясь. К пяти утра я окончательно проснулся и больше уже не уснул.

Сегодня я увижу, как вешают человека.

Я вылез из кровати, решив остаться в своей комнате. Выпил немного чая, но есть не стал. По какой-то смутной, хотя и веской причине я решил, что человек не должен с набитым животом смотреть на то, как умирает другой человек. Я пытался молиться, однако обнаружил, что это не помогает. Я прочел одну-две главы из Первого послания к Коринфянам. Что тоже не слишком помогло. Тогда я взялся за книгу «Теория нравственных чувств», которую Августа вручила мне при расставании. Она свято верила, что для карьеры мужа будет полезно, если начальству станет известно, что он проводит часы досуга за чтением духоподъемной литературы. Впрочем, книга привела меня в такое раздражение, что я швырнул ее в незажженный камин, едва успев

прочитать пару предложений.

Я стал подумывать о том, чтобы написать Августе, но обнаружил, что не могу найти подходящей темы для письма жене. Пожалуй, мне стоило черкнуть пару строк Лиззи. Хотя как можно писать о подобных вещах любимому ребенку?!

Через секунду я увижу, как мужчину задушат веревкой, и молю Господа избавить меня от этого зрелища. Уж лучше целую вечность страдать от морской болезни или позволить вырвать себе все зубы.

Однако почему я так сильно волнуюсь? Словно это меня, а вовсе не Вирджила приговорили к смертной казни, словно это я, а не Вирджил отнял жизнь у другого человека и заслужил смерть. Я вышел из дома и направился в сторону Северной реки, где воздух был чуть прохладнее. В четверть восьмого я уже стоял перед Верхними казармами.

И хотя о казни через повешение объявили совсем недавно, на площадке за стеной казарм уже собралась целая толпа. Люди самого разного звания болтали, смеялись, ели, пили, покупали, продавали, бродили туда-сюда или просто молча стояли. Они отнюдь не казались хмурыми или недовольными. Нет, они просто ждали и были

настроены весьма благодушно.

Прокладывая себе дорогу в толпе, я вдруг заметил знакомое лицо: негра со шрамами на щеках — того самого, которого видел в Холщовом городе. На нем был тот же выцветший красный мундир, что и в понедельник, когда солдаты выносили из подвала труп мистера Пикетта. Положив перед собой на землю шляпу, негр наигрывал джигу на свистульке. Рядом с ним стоял мальчик, у ног которого лежал поднос с сырым мясом. Над мясом с жужжанием роились мухи.

— Мистер Сэвилл! Сюда, сэр! — Майор Марриот, стоявший у калитки в главных воротах казарменного двора, махал тростью, чтобы привлечь мое внимание.

— Отбивные и рагу, ребрышки и запеканка! — пронзительно выкрикивал мальчик, перекрывая шум толпы. — Свежая козлятина, нежная и сладкая!

Я бросил взгляд на торговца мясом. Мулат с кожей цвета темного меда. Толпа заволновалась, и мальчик исчез.

— Мистер Сэвилл, у нас мало времени! — поторопил меня Марриот, постучав тростью по воротам.

Караульный сержант вычеркнул мое имя из

списка, приколотого к двери караулки. Марриот провел меня в небольшую комнату с окнами, которые выходили на установленную за казармами виселицу. Шум толпы был явственно слышан и здесь.

— Они, естественно, ничего не увидят. — Марриот раздраженно постукивал тростью по своему сапогу, очевидно воспринимая присутствие зевак как личное оскорбление. — Это военная казнь через повешение. Исключительно закрытое мероприятие. И все-таки эти треклятые шакалы собрались у ворот.

Начальник военной полиции, ирландец с красным лицом, приветствовал нас небрежным поклоном. Он стоял у открытого окна и отдавал приказы подчиненным, которые суетились возле эшафота, пристроенного к главному зданию и соединенного с ним деревянным мостиком на уровне первого этажа.

— Ему не потребуется такая длинная опускная доска! — орал он на сержанта, приводящего в готовность виселицу.

После этого никто не проронил ни слова. Начальник военной полиции остался стоять возле окна. Несмотря на ранний час, от него исходил кислый запах бренди. Марриот сердито причмок-

нул и уставился себе под ноги, а я сунул руки в карманы и прислонился к стене, изображая расслабленность, которой отнюдь не ощущал.

Внезапно мои пальцы нащупали в правом кармане какой-то небольшой твердый предмет. То была игральная кость из слонового бивня, которую я нашел на теле Пикетта. Игральная кость благородного джентльмена на трупе джентльмена. Я вынул игральную кость и покрутил на ладони. Тройка.

В комнату вошел Таунли. За ним по пятам, как терьер, следовал Ноак.

— Добрый день, джентльмены. Надеюсь, мы не слишком поздно?

— Проклятые неумехи! — обращаясь в целом ко всему миру, произнес начальник военной полиции. — Даже не способны повесить бродягу без посторонней помощи.

Где-то вдалеке колокол пробил час. Таунли вытащил часы и сверил их с висевшими на стене.

— Они задерживаются, — сказал Марриот. — Чертовски немилосердно по отношению к заключенному.

В комнате снова наступило неловкое молчание. Заглянув в записную книжку, Ноак начал лихорадочно листать страницы. Тем временем

Таунли принялся тереть нос, прилагая особые усилия к левой стороне, словно желая повернуть его под правильным углом, чтобы устранить отклонение в несколько градусов по отношению к остальной части лица.

Я посмотрел в окно на виселицу. Это была перекладина, поддерживаемая с двух сторон вертикальными столбами. С перекладины свисали три черные цепи.

И вот наконец в восемь минут девятого дверь снова открылась. На эшафот один за другим прошли шесть человек. Первым появился помощник начальника военной полиции — сержант, гордо вышагивающий, точно петух на скотном дворе. За сержантом проследовали два солдата, между которыми тащился приговоренный. За ними шествовал какой-то юный субъект с непропорционально длинными конечностями, плохо контролируемыми их обладателем. Замыкал строй еще один солдат с холщовым мешком в руке.

Марриот снял шляпу. Все присутствовавшие в комнате последовали его примеру.

— Как видите, это сугубо военная процедура, — обмахиваясь шляпой, шепотом объяснил мне Таунли. — Армия обычно освобождает нас от

выполнения столь неприятных обязанностей. По крайней мере, так хочет военный комендант. Само собой, всем здесь заправляет начальник военной полиции, что, в сущности, устраивает остальных. К сожалению, ему приходится наблюдать за проведением большинства казней. Видите ли, он несет ответственность за военнопленных, воевавших на стороне мятежников.

Руки Вирджила были связаны спереди, ноги скованы цепью. Когда вся процессия взошла на эшафот, конвойные толкнули осужденного прямо под перекладину. Они развязали ему руки, при этом оставаясь поблизости.

Маленький раб огляделся по сторонам, поворачивая голову то туда, то сюда. Он нашел глазами окно комнаты, где джентльмены ждали, когда его наконец умертвят, чтобы спокойно приступить к завтраку, и внезапно застыл, перестав вертеть головой. Затем он размял запястья. Его руки отчаянно задергались. Губы зашевелились, но он не издал ни звука.

— Вперед! Вперед! — закричал начальник военной полиции. — Мы не можем торчать здесь целый день!

Вирджил продолжал упорно смотреть на наше окно.

Все притихли. Я молился беззвучно и совершенно напрасно: разве Господь мог быть сейчас здесь?

Вперед вышел солдат с мешком. Мужчины в комнате замерли, наблюдая за тем, как солдат достает из мешка ночной колпак и надевает на голову Вирджила. С неожиданной деликатностью он натянул колпак на лицо осужденного, после чего потрепал его по плечу, словно желая успокоить нервную лошадь.

Никто не произнес ни слова — ни на эшафоте, ни в комнате с видом на эшафот. Ночной колпак мгновенно изменил Вирджила до неузнаваемости. Лишившись индивидуальности, он тотчас же превратился в нечто не слишком похожее на человека. Мы увидели перед собой узел со старым тряпьем, дрожавшим, словно высохший лист на ветру.

Затем солдат достал из того же мешка веревку, продел ее в последнее звено цепи и для надежности завязал узлом. Подняв петлю на другом конце веревки, он посмотрел на начальника военной полиции, опустил петлю на шею осужденного и, затянув ее, отошел в сторону.

И словно ощущение петли на шее стало для него сигналом, Вирджил завопил:

— Господи, Господи, Господи! — Его голос звучал глухо и совсем тихо, но он царапал по поверхности моего сознания, словно ржавый гвоздь, и уже не умолкал. — Господи! Господи! Господи!

Сержант сделал шаг вперед и проверил узлы. Священник открыл молитвенник и начал что-то говорить, но через открытое окно мне не удалось ничего расслышать. Впрочем, я знал, какими должны были быть эти слова: «Я — воскресение и жизнь»[3].

У Вирджила подкосились ноги. Он наверняка рухнул бы на помост, если бы солдаты не подхватили его под мышки. «Господь дал, Господь и взял»[4]. Священник отошел от осужденного. И все это время Вирджил выкрикивал:

— Господи! Господи! Господи!

Сержант повернулся к окну. Начальник военной полиции поднял и резко опустил руку. Сержант дважды топнул ногой. Его помощник, стоявший под эшафотом, открыл откидной люк.

— Господи! Господи! Господи…

Доски под ногами у Вирджила разъехались.

---

[3] Notes: 3
Ин. 11: 25.

[4] Notes: 4
Иов. 1: 21.

С чудовищным грохотом он исчез в темноте. Все сразу притихли. Тишину нарушала лишь дробь невидимого барабана.

Вирджил, дрыгая ногами, повис в воздухе. Он беспомощно замахал руками, а затем сжал их в кулаки. Он дергался и извивался на веревке. Он попытался поднять руки, чтобы дотянуться до шеи, однако его локти были привязаны к туловищу.

Начальник военной полиции облокотился на подоконник:

— Проклятье! Я же просил сделать все быстро. Ведь я еще даже не завтракал.

Из темного люка под виселицей возникли две руки. Они схватили повешенного за лодыжки и резко дернули вниз. Судорога пробежала по телу Вирджила. И оно наконец застыло.

Глава 14

— По-моему, воздух стал чуть прохладнее, — заметила миссис Арабелла. — Но мы редко сидим здесь по вечерам, поскольку миссис Винтур утомляют прогулки по саду.

— Мадам, я определенно чувствую, как потянуло сквозняком, — произнес я. — Хотя весьма приятно сидеть с открытыми окнами.

Мне не верилось, что я мог вести столь банальный разговор. На секунду мое замечание, похоже, озадачило присутствовавших, заставив их замолчать. Миссис Арабелла наверняка сочла меня таким напыщенным дураком, каких свет не видывал.

Мы сидели в павильоне в дальнем конце сада Винтуров. Миссис Винтур слишком устала, чтобы спуститься к ужину. После трапезы судья предложил выпить чая в павильоне.

— Оттуда открывается очаровательный вид на Воксхолл-Гарден и земли Королевского колледжа, — сообщил судья. — И при желании можно разглядеть вдалеке Северную реку. Хотя, конечно, когда мы там расположимся, уже совсем стемне-

ет. Впрочем, мы в любом случае будем помнить об этом чудесном виде.

Сад уже окутали сумерки, однако мы не стали зажигать свечи, чтобы не привлекать летающих насекомых. В воздухе витал едва уловимый аромат лимонного сока и винного уксуса, что приятно контрастировало с вонью, стоявшей в большей части города.

Я повернулся к мистеру Винтуру:

— Сэр, я все собирался вас спросить: что слышно о пропавшей козе?

— Ничего. И я опасаюсь худшего. Однако я дал объявление в «Нью-Йорк газетт». «Nil desperandum»[5] должно стать нашим девизом как в данном случае, так и в более важных делах.

Я задумался, стоит ли упоминать о мальчишке, торговавшем козлятиной у ворот Верхних казарм перед казнью. Конечно, невозможно было с полной уверенностью утверждать, но тем не менее не исключено, что это был тот самый мальчик, которого я видел с живой козой рядом с негром со шрамами на лице в тот день, когда мы осматривали труп Роджера Пикетта. Но даже если коза

---

[5] Notes: 5
Никогда не отчаивайся *(лат.)*.

была той самой…

— Нам очень не хватает козьего молока, сэр, — нарушив ход моих мыслей, заметила миссис Арабелла. — Боюсь, нам больше не удастся найти другой молочной козы.

На миссис Арабелле было светлое платье, и в угасающем вечернем свете она словно излучала сияние. Она снова налила мне чая. Я встал, чтобы взять чашку, и внезапно почувствовал исходящее от Арабеллы тепло, вдохнул запах духов, которые запомнились мне еще в первый вечер: розовое масло, смешанное со специфическим ароматом женского тела. Когда я брал чашку с блюдцем, палец Арабеллы коснулся моей руки.

— Спасибо, моя дорогая. Мне достаточно, — поднимаясь, сказал судья. — Пожалуй, я проведаю миссис Винтур, а затем лягу спать.

Мы проводили взглядом старого судью, который пошел по дорожке в сторону задней двери дома.

Миссис Арабелла пошевелилась, и плетеное кресло заскрипело под ее весом.

— Мириам говорит, вы ходили смотреть, как вешают того человека.

— Да, мэм. Печальная обязанность.

— А он перед смертью признался в убийстве?

— Полагаю, нет.

— Принято считать, что человек захочет сказать правду перед тем, как предстать перед своим Создателем.

— Возможно, он и желал бы признаться, мэм. Но насколько я понимаю, ему не дали такой возможности. Впрочем, прошу прощения… эта тема, вероятно, крайне болезненная для вас.

Снова скрипнуло плетеное сиденье.

— Да, конечно. И хотя я плохо знала мистера Пикетта, его убийство меня потрясло. Скажите, сэр… это была… тяжелая смерть?

Я вгляделся в лицо Арабеллы, белевшее в сгустившихся сумерках:

— Чья? Мистера Пикетта?

— Нет. Я имею в виду человека, которого повесили за его убийство.

— А разве такая смерть бывает легкой? — ответил я, пожалуй, резче, чем хотелось бы.

— Простите, я задала вопрос, хорошенько не подумав. — Она казалась расстроенной, но темнота скрывала выражение ее лица. — Но ведь существует такое понятие, как сравнительная степень. Ведь так?

— Его смерть не могла быть легкой. — Я вспомнил сжатые кулаки приговоренного, его дерга-

ющиеся ноги, но сильнее всего мне врезались в память возникшие из темноты под эшафотом руки и последовавший за тем фатальный рывок за щиколотки смертника. — Но мучения продолжались недолго.

— Что ж… — вздохнула Арабелла. — По крайней мере, я рада это слышать. Хотя, конечно, они все чувствуют иначе. Не так, как мы.

— Вы о ком?

— О неграх. Они сделаны совсем из другого теста. Более грубого. На самом деле многие из них не слишком отличаются от домашней скотины. Большинство негров не имеют ни малейшего представления о религии или морали.

— Не могу с вами согласиться, мадам. Их положение, возможно, хуже, чем наше, они не получают образования, но в том нет их вины. И действительно, если кого и винить, только нас самих, за наши пороки.

Она откинула голову и расхохоталась с таким неподдельным весельем, что я невольно улыбнулся в ответ.

— Ах, вы никогда бы не стали так говорить, если бы знали их так же хорошо, как я, сэр!

— Но в Лондоне мне приходилось очень часто иметь дело с неграми, свободными людьми…

— Я, естественно, говорю не о всех неграх, — перебила меня миссис Арабелла, — и даже не о всех рабах. В данном случае я, например, делаю исключение для рабов вроде Джосайи, Мириам и Абрахама. Они так долго жили с нами, что стали почти такими же, как мы, насколько позволяет Господь, с учетом разницы в социальном статусе между нами и ими.

— Выходит, они рабы? Я и не знал.

— Они вполне довольны своим положением и верно нам служат. Их преданность не ставится под сомнение. Уверяю вас, сэр, Джосайя откажется от свободы, даже если мистер Винтур принесет ему вольную на блюдечке с голубой каемочкой. — Сделав паузу, миссис Арабелла продолжила: — Возможно, ваша семья… Не сомневаюсь, миссис Сэвилл считает дни до вашего счастливого возвращения. — Она говорила вполне серьезно, но в ее словах чувствовалась некая насмешка, которая меня раздражала. — Вы давеча говорили, что у вас есть дочь. Так?

— Да, мэм. Элизабет. Ей пять лет.

В разговоре повисла очередная пауза. Затем миссис Арабелла едва слышно, почти шепотом, произнесла:

— Вам, наверное, было очень нелегко покинуть

дочь, чтобы проделать столь длинный путь. Ну а ей, конечно, тяжело далась разлука со своим папочкой.

Тем временем тьма еще больше сгустилась. Я слышал дыхание миссис Арабеллы. Как странно, подумал я, она говорит о том, как Лиззи скучает по мне, но не упоминает об Августе. Как странно и на удивление почти в точку.

Внезапно хлопнула дверь. Мы с миссис Арабеллой резко выпрямились. И как я уже сообразил позже, мы вели себя так, будто нас едва не застали за чем-то непристойным. По саду с фонарем в руке шла Мириам.

— Умница, — похвалила служанку миссис Арабелла. — Я уже собиралась позвонить, чтобы принесли свечи.

Возникшая на пороге Мириам поклонилась хозяйке:

— Нет, мэм. Это хозяин. Он ждет вас в библиотеке.

— Но мне казалось, мистер Винтур уже отошел ко сну.

— Он снова спустился, мэм. Пришел майор Марриот.

— Так поздно? А я им зачем понадобилась?

— Понятия не имею, мэм.

Миссис Арабелла встала:

— Полагаю, мне следует выяснить, что им нужно. Но не беспокойтесь, мистер Сэвилл. Может, сыграем в триктрак, когда я вернусь? Я должна немного отвлечься… Мне что-то совсем не хочется спать. — (Я ответил, что ничто не доставит мне большего удовольствия.) — Значит, договорились. Мириам, проводи меня с фонарем до двери, а потом принеси свечи для мистера Сэвилла. Сэр, доску для триктрака вы найдете под этой скамьей в углу. Но если хотите, можете попросить Мириам принести вам другую доску.

Когда женщины направились к дому, я прошел в угол комнаты и пошарил в темноте под скамьей. Здесь еще сильнее пахло лимонным соком и винным уксусом. Дамы Винтур были хорошими хозяйками. Нащупав коробку для триктрака, я вытащил ее из-под скамьи. Положил на стол и открыл. Однако в темноте не смог толком разглядеть шашки.

Мне не пришлось долго ждать. Я увидел Мириам, которая шла по саду. Она несла канделябр с незажженными свечами, вощеный фитиль и фонарь. Она поставила канделябр и фонарь на стол возле доски для триктрака, положила рядом фитиль, но почему-то не стала зажигать свечи.

У нее тряслись руки.

— С вашего позволения, ваша честь, — сказала она. — Думаю, госпожа сейчас останется в доме.

— Не имеет значения. В таком случае я тоже вернусь в дом. — Я поднялся, и в этот самый момент служанка внезапно ухватилась за край стола.

— Мириам, что случилось?

— Ой, сэр! Это все капитан.

— Но ты вроде говорила, что пришел майор Марриот.

— Да, сэр, — запинаясь, произнесла Мириам. — Он пришел с новостями. Мистер Джон, сэр. Капитан Винтур.

Я не сразу понял, о чем она говорит:

— Ах, мне так жаль. Как печально…

— Нет, сэр, вовсе наоборот. Мистер Джон не умер. Он жив.

Глава 15

Первая неделя в Нью-Йорке незаметно переросла в месяц, затем — в другой. Я обнаружил, что мало-помалу приспособился к своей ситуации, уже казавшейся мне вполне заурядной.

Война изменила все и не изменила ничего. Должно быть, в Трое, которую почти десять лет осаждали греки, дела обстояли именно так. Должно быть, в Трое, как и в Нью-Йорке, жизнь шла своим чередом во время продолжительных перерывов между сражениями. Что невольно наводило на мысль: а так ли необходимы сражения?

В октябре мистер Рэмптон написал мне письмо, в котором сообщал хорошие, по его выражению, новости. Лорд Джордж Джермейн имел удовольствие сообщить с самой любезной снисходительностью, какую только можно вообразить, что он просмотрел меморандум, который я составил перед отъездом в Нью-Йорк, и счел его в своем роде образцовым. Департамент немало выиграет, если такой проверенный человек, как мистер Сэвилл, станет глазами и ушами ведомства в Нью-Йорке.

С учетом всего сказанного выше его светлость просит меня сообщить Вам о его желании, чтобы Вы задержались в Нью-Йорке еще на несколько месяцев. Поскольку морской переход в зимнее время наверняка будет для Вас неприемлем, я взял на себя смелость внести предложение продлить Вашу миссию до марта или апреля. Кто знает, быть может, к этому времени мятежники уже капитулируют. Мы на каждом углу слышим, что солдаты Континентальной армии массово дезертируют, поскольку конгресс может платить им лишь своими бесполезными долларами.

Мой дорогой Сэвилл, какое замечательное достижение! Все складывается именно так, как я и надеялся. Пишу Вам в спешке, ибо гонец вот-вот отправится в Фалмут, чтобы успеть перехватить почтовое судно до его отплытия с августовской почтой.

Искренне Ваш

Х. Р.

Поначалу я, естественно, не мог не обрадо-

ваться, что мои способности заслужили столь высокой оценки, причем со стороны не только мистера Рэмптона, но и самого лорда Джорджа! Однако я тут же ударился в другую крайность. Я был обречен провести еще пять-шесть месяцев в этой неуютной провинциальной глуши. Мне придется день за днем, неделю за неделей иметь дело с постоянно растущим числом несчастных лоялистов, а также с грубостью майора Марриота и множеством уголовных дел.

А как насчет Августы? Мы с женой расходимся по многим вопросам, но она никогда не отказывала мне в правах супруга. Более того, когда свечи были погашены, а шторы задернуты, она проявляла удивительный энтузиазм в деле гарантирования мне оных прав. Тем не менее разлука с женой означала невозможность снять зуд неутоленного желания. Как дальновидный и здравомыслящий человек, я, без сомнения, должен был сказать себе, что радости супружества окажутся еще сладостнее, если я подольше останусь в Нью-Йорке. Однако все разумные соображения ни в коей мере не помогали снять этот самый зуд.

Но где было место Лиззи в бухгалтерском балансе моих подсчетов потенциальных профитов

и возможных потерь? Ведь для пятилетнего ребенка один месяц — целая вечность, а наша разлука продолжалась уже три месяца. Я знал, что в Шеппертоне ей обеспечен хороший уход и моя сестра наверняка проследит за тем, чтобы Лиззи ни в чем не нуждалась. Однако она наверняка скучает по своему папочке. Августа никогда особо не заботилась о Лиззи — возможно, из-за тяжелых родов, а возможно, моей жене просто не нравилось иметь рядом с собой ребенка. А вот я полюбил Лиззи с первого взгляда. И ощущал отсутствие дочери подобно тому, как человек ощущает отсутствие ампутированной руки.

Впрочем, деваться было некуда. Если я действительно хочу создать новый дом для нас троих, обеспечив Августу и Лиззи предметами первой необходимости и даже кое-какими элементами роскоши, то должен пока оставаться в Нью-Йорке.

Я спросил у мистера Винтура, можно ли мне продлить свое пребывание на Уоррен-стрит.

— Ничто не доставит мне большего удовольствия, — посмотрев на меня поверх очков для чтения, ответил судья. — До вашего появления я жил в условиях чудовищного правления жен-

щин[6]. — Судья улыбнулся, давая понять, что шутит. — А кроме того, мне не нравится пить за здоровье его величества в одиночестве. Произносить тосты следует в компании, для чего требуется присутствие еще одного джентльмена. Ну и конечно, в таком случае я буду иметь удовольствие познакомить вас со своим сыном. Ведь он может вернуться буквально со дня на день. Он пишет, что почти поправился.

— Сэр, мне не хотелось бы доставлять неудобство капитану Винтуру, — сказал я. — Если вы предпочитаете, чтобы я уехал…

— Нет, нет и нет, мой дорогой сэр! Даже слышать об этом не желаю. Думаю, миссис Винтур и Белла меня поддержат. Последнее слово, конечно, за Беллой, так как дом принадлежит ей. А что касается Джона, он будет рад возможности пообщаться со сверстником. В противном случае, боюсь, ему здесь будет слишком тоскливо.

В библиотеку вошла миссис Арабелла, и судья поделился с ней новостями. Сегодня Арабелла казалась удивительно красивой, подумал я. Должно быть, чудесная осенняя погода пошла ей

---

[6] Notes: 6

Намек на трактат шотландского священнослужителя, писателя и богослова Джона Нокса «Первый трубный глас против чудовищного правления женщин».

на пользу. При нашей первой встрече я, пожалуй, слишком поспешно отверг ее претензии считаться красавицей. «Однажды увидев, — сказал о ней мистер Ноак, — уже никогда не забудешь». Вероятно, он с самого начала был прав. После всех неудобств нашего морского путешествия из Англии и тех ужасов, с которыми я столкнулся по приезде в Нью-Йорк, я не мог считать себя хоть в чем-то хорошим судьей.

— Сэр, надеюсь, тот факт, что вам придется здесь задержаться, не слишком опечалит миссис Сэвилл и вашу дочь, — сказала она. — Вашу дочь ведь зовут Элизабет?

— Да, мэм. — Меня тронуло, что миссис Арабелла запомнила имя. — Хотя то, что мы теперь не скоро увидимся, определенно опечалит меня.

— И тем не менее вы остаетесь?

— Белла, Белла! — укорил невестку судья. — Мужчина должен следовать туда, куда ему прикажут. И ты, как жена солдата, должна это знать.

— Да, сэр. Естественно, я все знаю. Но дитя не способно понять всю горечь расставания так, как понимает это жена.

Мистер Винтур погладил ее по руке:

— Ты слишком мягкосердечна, моя дорогая.

— Пять лет — очень нежный возраст.

— Но тут уж ничего не поделаешь, — возразил я. — Хотя я всей душой желал бы обратного.

Глава 16

Мистер Таунли со своей семьей жил в просторном и респектабельном доме на Ганновер-сквер, рядом с домом адмирала. Практически весь цокольный этаж был отдан под бизнес.

Со временем я узнал, что Таунли был из тех, о ком говорят: наш пострел везде поспел. Будучи суперинтендантом городской полиции, он также заседал в нескольких комиссиях, одна из которых занималась исполнением портовых правил, а другая — выпуском лицензий для возчиков, доставлявших товары в городе и его окрестностях. Он владел складским помещением на Лонг-Айленде, а также сдавал в аренду причал Нормана на Гринвич-роуд, что позволяло ему торговать за собственный счет.

— Мой дорогой сэр! — обрадовался мистер Таунли, когда я сообщил ему о продлении своей миссии в Нью-Йорке. — Как приятно… по крайней мере, для нас. Впрочем, надеюсь, и для вас тоже. А теперь, прошу вас, присаживайтесь. Еще пять-шесть месяцев, а? Лучше не бывает.

Мы сидели в его личной комнате, в гостиной в

задней части дома. В воздухе уже веяло осенним холодком, и в камине жарко пылал огонь.

— Может, вы теперь захотите найти себе отдельное жилье? — наклонившись поближе ко мне, спросил Таунли. — Так вам будет гораздо удобнее. Полагаю, я мог бы подобрать вам достойнейшую квартиру на Куин-стрит, если хотите: три комнаты, просторная гостиная, кухня и винный погреб. Вы, естественно, сможете пользоваться холлом, каретным сараем и конюшней. Вдова, которая владеет домом, очаровательнейшая дама, — подруга моей жены. Не сомневаюсь, я смогу договориться о сдаче квартиры внаем на шесть месяцев за… давайте-ка посмотрим… сорок пять гиней. — Он вяло взмахнул рукой, словно желая отмести мои возражения. — Как-никак, Американский департамент занимает не последнее место в этом мире. Мистер Рэмптон наверняка хотел бы, чтобы вы жили в условиях, соответствующих статусу этого учреждения.

— Сэр, я в любом случае пока поживу у судьи Винтура. Что во всех отношениях меня вполне устраивает.

— А-а-а… — Таунли поднял на меня глаза. — Что ж, миссис Арабелла, без сомнения, отличная хозяйка. Видите ли, на самом деле дом принад-

лежит ей. Он был городской резиденцией отца миссис Арабеллы, но на время войны она предоставила дом в пользование родителям мужа. Впрочем, в любом случае я уверен, что Винтуры счастливы принимать вас у себя.

Никто из нас не заикнулся о деньгах, но я знал, что мои две гинеи в неделю были хорошим подспорьем для моих хозяев. Судья нуждался в наличных. Все в доме свидетельствовало о прежнем богатстве и нынешней нехватке средств, начиная с ливреи Джосайи с потрепанными обшлагами и пропотевшими подмышками и кончая чайным листом, который заваривали по крайней мере дважды в гостиной и, возможно, еще два-три раза на кухне и в помещении для рабов.

— И все же, — после паузы продолжил Таунли, — меня волнует, каково вам будет на Уорренстрит после возвращения капитана Винтура.

— Надеюсь, не хуже, чем прежде.

— Поживем — увидим. Капитан Винтур не самый легкий человек. Хотя у него есть на то свои причины.

— Из-за сражения при Саратоге?

— Вот именно. — Таунли снова посмотрел на меня; его лицо казалось бесстрастным, но взгляд был непривычно пристальным. — Впрочем, име-

ются и другие причины. Он возлагал большие надежды на своего тестя, однако война внесла свои коррективы, и изменений к лучшему можно ждать, только если снова наступит мир. — Сделав паузу, Таунли спросил: — А когда он возвращается домой?

— Через несколько недель. Насколько мне известно, он уже достаточно окреп, чтобы совершить путешествие, и сейчас находится в Квебеке. Отец отправил ему деньги на дорогу домой.

В дверь постучали. Мистер Ноак принес Таунли письмо на подпись.

— Ах! Наш несравненный Ноак, — улыбнулся Таунли. — Ума не приложу, как я раньше справлялся без вас.

Мистер Ноак поклонился, но не улыбнулся в ответ. Он уже работал на постоянной основе у мистера Таунли, который доверял ему ведение все большего числа дел. Ненавязчивая деловитость мистера Ноака сочеталась с редкостным добросердечием, которое я смог по достоинству оценить, когда он ухаживал за мной во время нашего морского путешествия. Поэтому я был не слишком удивлен, застав его одним сентябрьским воскресным днем в гостиной на Уоррен-стрит за чтением Библии старой миссис

Винтур, которую стало подводить зрение. Эти воскресные визиты превратились в своего рода рутину, и миссис Винтур приходила в волнение, если у мистера Ноака не находилось для нее свободного времени.

— Тут еще вот какая штука, сэр. — Он взял у Таунли письмо и, замявшись, помахал бумагой, чтобы высохли чернила.

— Говорите. У нас не может быть секретов от мистера Сэвилла.

— Да, сэр. Это список дел для майора Марриота.

— Ну и что?

— Здесь в том числе сообщение о юном утопленнике, тело которого обнаружено возле паромной переправы в Паулюс-Хуке. Полагаю, он мог быть правительственным информатором, известным как Бенджамин Таггарт.

Таунли выпрямил спину:

— Ах да. Так он что, был убит?

— Не могу сказать с уверенностью, сэр. В любом случае он утонул. И это все. Я не обнаружил на теле следов насилия. В настоящий момент тело находится на Королевской пристани. Какие будут указания на этот счет, сэр?

— Не будить спящую собаку. Ну а в нашем слу-

чае — утонувшую собаку. — Таунли хихикнул, отдавая дань собственному остроумию. — Или вы видите основания для того, чтобы майор Марриот начал расследование?

— Точно не знаю, сэр. Впрочем, в любом случае осмотр тела утопленника не скажет ему ничего больше того, что нам известно.

— Ну тогда ладно. Думаю, не стоит тратить драгоценное время на случайную смерть раба. И я уверен, майор Марриот со мной согласится, — заявил Таунли и, когда Ноак поклонился, продолжил: — Заметьте, этот Бенджамин Таггарт оказал нам хорошую услугу. — Повернувшись ко мне, он добавил: — Ведь именно Таггарт дал нам наводку на убийцу бедняги Пикетта. Вы помните? На того беглого раба Вирджила. Без помощи Таггарта мы никогда не смогли бы повесить мерзавца.

Глава 17

Безусловно, в этом не будет большого вреда, так?

С другой стороны, благоразумный человек должен знать, что не стоит лезть куда не нужно. Особенно человек, который сам ищет свой путь в этом мире.

По мере того как день шел своим чередом, я вдруг обнаружил, что у меня не выходит из головы дело Пикетта. Я не мог игнорировать того факта, что мной двигало не столько любопытство и желание узнать обстоятельства дела, сколько странное чувство ответственности за беглого раба, которого повесили за убийство.

Будто я подвел этого человека.

Но разве он не был приговоренным судом убийцей? И кто я такой, чтобы ставить свое мнение выше суждения офицеров, входящих в состав военного трибунала? Они обладали большим опытом; они были осведомлены обо всех фактах, тогда как я только-только приехал в город и являлся сущим младенцем, несведущим в подобных вопросах. Ну и что самое главное, в мои

обязанности входил лишь надзор за отправлением правосудия, а кроме того, у меня не имелось ни юридического статуса в этом деле, ни моральных обязательств выходить за рамки своей миссии.

И все-таки… то были доводы государственного служащего, вполне подходящие для ведомственного расследования, или для мистера Рэмптона, или даже для суда общей юрисдикции. Но все эти доводы не могли убедить меня лично — просто как человека. А теперь и Таггарт, информатор, тоже мертв.

Я колебался, взвешивая все за и против, до конца утра, а потом и позже, в кофейне, где вкушал в одиночестве отбивную из старой баранины, запивая ее пинтой хереса. Под конец трапезы я решил отдаться на волю случая. Нащупав в кармане жилета игральную кость, которую нашел рядом с телом Пикетта, я отодвинул тарелку и салфеткой стряхнул со стола крошки.

Если выпадет нечетное число, я вернусь в контору и навсегда выкину из головы утонувшего информатора, повешенного негра и убиенного Пикетта. Но если число будет четным, я все-таки пройдусь до реки по ласковому полуденному солнышку.

Я бросил игральную кость. Она затанцевала по

грязной льняной скатерти, отскочила от ножки винного бокала и замерла возле лежавшей на столе вилки. Выпала четверка.

В этом не будет большого вреда, говорил я себе снова и снова, подобно католику, перебирающему четки в надежде, что все сбудется. В этом не будет большого вреда, да и вообще никакого вреда.

Паромная переправа Паулюс-Хук находилась на северо-западе, в конце Кортланд-стрит, возле Королевской пристани. Я совершил ошибку, прокладывая маршрут, ибо Кортланд-стрит привела меня прямо в безлюдное чрево Холщового города, где мне пришлось идти мимо подвала, в котором нашли тело Роджера Пикетта.

Проéзжая часть улицы представляла собой стихийный рынок. По дороге три шлюхи сделали мне непристойное предложение, какой-то негр предложил купить трехногий раскладной стол с двумя разномастными стульями, однорукий солдат хотел всучить пару сапог, бродячие артисты пытались меня развлечь, а нищие шли за мной следом. Какая-то женщина показала мне младенца, сосавшего ее грудь.

— Ради всего святого! — повторяла она. — Ради всего святого!

То был совсем другой Нью-Йорк: мрачный, призрачный город, темное подобие роскошных магазинов и лавок, выстроившихся вдоль Бродвея.

В конце улицы от воды подул бриз. Река возле берега была запружена маленькими суденышками, качавшимися на волнах. За ними виднелись рассыпавшиеся по морю торговые суда. Море перекатывалось и мерцало на солнце. Побережье Джерси находилось примерно в миле отсюда.

Южнее, в направлении форта Джордж, на оконечности острова группа военнопленных с кирками и лопатами укрепляли дамбу вдоль берега. Их охранял, хотя и без особого рвения, небольшой отряд гессенских наемников. Впрочем, бежать оттуда было невозможно, да и заключенные находились не в том состоянии, чтобы пуститься в бега. На пристани было намного больше охраны, ее сторожили Провинциалы Нью-Йорка[7], опьяненные своей ничтожной властью. Я показал караульному сержанту два пропуска: из штаб-квартиры и от Таунли, — и сержант мгновенно сменил гнев на милость, продемонстрировав даже нечто вроде любезности.

---

[7] Notes: 7

Провинциалами Нью-Йорка называли вспомогательные вооруженные силы бывшей провинции Нью-Йорк, британской колонии.

— Где вы храните тела утопленников? — спросил я. — Я бы хотел взглянуть на одно из них.

— Тело, сэр? — расхохотался сержант. — Мы можем показать вам несколько. Мы храним их день или два и, если за телом не приходят, отправляем к остальным.

— К каким остальным?

Сержант показал тростью на заключенных, укреплявших дамбу:

— Они укладывают мертвых бунтовщиков в фундамент. Избавляют нас от лишней работы.

— Вы хотите сказать, что они хоронят умерших заключенных прямо здесь? Под новой дамбой?

— Да, сэр. И тех, кого выловили из воды, как я уже говорил. Если они не востребованы. Хоть какая-то польза от них, а?

— Я хочу осмотреть труп мальчика, — заявил я. — Его фамилия Таггарт. Люди мистера Таунли уже осматривали тело.

— Ах да! Тот маленький негр. Вам туда, сэр. — Он повел меня в сторону пакгауза, встроенного в склон в стороне от воды, и на ходу бросил через плечо: — Мы храним их под склоном. Там прохладнее.

Сержант отодвинул засов массивной двери и отошел в сторону, пропустив меня вперед. Я ока-

зался в узкой комнате со сводчатым потолком на всю ширину строения. Свет в помещение проникал через два арочных проема в верхней части стены, зарешеченных, но не застекленных. Под проемами располагался ряд широких полок из реек.

Первое, что я почувствовал, — это вонь: отвратительное сочетание запаха соленой воды, водорослей и разлагающейся плоти. У меня перехватило дыхание, и я поспешно закрыл нос и рот носовым платком.

— К вони постепенно привыкаешь, — заметил сержант. — Сейчас я почти не замечаю ее.

Я обвел глазами смутные очертания тел на полках. Для экономии места они были тесно прижаты друг к другу. Некоторые были обнажены, другие в рваных рубашках или штанах. Не оставляло сомнений, что все более-менее ценное сразу же изымалось еще до отправки тел на хранение.

— Вот этот. — Сержант ткнул тростью в испещренную пятнами руку покойника. — Поступил позавчера.

На полке спиной к нам лежал маленький мальчик.

— Я хочу видеть его лицо, — потребовал я.

Сержант схватил утопленника за запястье и

потянул. Тело осталось неподвижным. Ухмыльнувшись, сержант поплевал на руки и уперся ногой в кирпичное основание полок.

— Сэр, он, похоже, сопротивляется. Но ничего, это ненадолго.

Схватив мертвеца двумя руками за предплечье, сержант с силой вывернул на себя тело. Раздался противный чмокающий, хлюпающий звук. Верхняя часть тела покойника развернулась, и теперь он лежал на спине, хотя ноги были по-прежнему повернуты в другую сторону. Вонь усилилась.

Лицо утопленника было обращено к потолку. Сержант взялся за ближайшее к нему ухо и подтянул голову мертвеца поближе к краю полки.

— Этого достаточно, сэр? Если хотите, я могу вытянуть его целиком.

— Спасибо, не нужно.

Я заставил себя посмотреть на мертвое лицо. Глаза отсутствовали. Я тяжело сглотнул.

— Это тот, кого вы ищете? — поинтересовался сержант.

— Да.

У меня не оставалось ни малейших сомнений. Передо мной лежал мальчик-мулат, с которым я уже сталкивался раньше. Он оказался миниатюрнее, чем мне запомнилось, и, возможно, моложе:

лет девяти-десяти, не больше. Он был ужасно тощим, ребра выступали, точно края желобов на колонне с каннелюрами. А еще я увидел побелевшие рубцы на боку трупа: мальчика явно били, возможно концом веревки, но довольно давно.

— Сколько времени тело пролежало в воде?

— День или два, сэр. А может, и меньше. Рыбам не нужно много времени, чтобы выесть глаза. Иногда хватает и нескольких минут.

Передо мной лежал информатор, который, если верить Ноаку, и привел Вирджила на виселицу. Я уже видел этого мальчика дважды, хотя и не знал его имени. В первый раз, в день моего приезда в город, он вел на веревке козу неподалеку от того места, где было обнаружено тело Пикетта. Во второй раз он продавал козлятину возле Верхних казарм в утро казни через повешение человека, обвиненного в убийстве Пикетта.

— Скажите, в последнее время к вам поступали еще какие-нибудь тела?

— В воскресенье. Труп заключенного-бунтовщика. Пролежал в воде неделю или две.

— А как насчет крупного негра с длинными шрамами на обеих щеках?

— Никого похожего на него. По крайней мере, я такого не припомню. — Сержант ткнул тростью

в полку с телом мальчика. — Ну как, увидели все, что нужно?

— Да. Премного вам благодарен.

— Если хотите, я могу подержать его здесь, чтобы на него взглянул майор Марриот?

Я покачал головой. Какой теперь в этом смысл? Марриот лишь поднимет меня на смех.

Сержант снова перевернул тело на бок и вытер руки о мундир:

— Он что, был беглым рабом?

— Не знаю, — признался я. — Вероятно, он действительно пытался от чего-то убежать.

— Но потом это что-то его в результате настигло, — глубокомысленно заметил сержант.

Глава 18

В начале ноября я увидел маленькую девочку. В первый и последний раз.

Я только что пообедал с военным комендантом и большой компанией джентльменов, которые в основном носили военную форму. Было много еды и много тостов. Слегка захмелев, я впал в сентиментальность.

По дороге домой я думал о Лиззи, вот почему в первую очередь и обратил внимание на ребенка. Мысли о дочери вызывали в душе целую гамму эмоций: любовь и нечто вроде тоски по ее обществу, ну и конечно, беспокойство о ее здоровье. А что, если мать или тетя плохо обращаются с моей Лиззи? А что, если я умру, оставив дочь без денег и без защиты в этом жестоком, безжалостном мире? И наконец, самое немыслимое: а что, если умрет Лиззи?

Был ранний вечер, и на Бродвее царило оживление. Уже стемнело. Тьму рассеивали лишь редкие фонари, освещенные витрины и двери магазинов, хотя эти слабые источники света лишь подчеркивали окутавший город мрак. Именно

тогда я и увидел ребенка.

Девочка была младше Лиззи; какая-то женщина вела ее на помочах для детей. Женщина с девочкой вышли из галантерейного магазина, находящегося в двадцати-тридцати ярдах передо мной. Обе кутались от непогоды в длинные накидки с капюшоном. Женщина тащила малышку за собой, едва ли не волоком, поскольку та еще толком не научилась ходить и вырывалась из помочей, как будто собираясь сбежать.

Через секунду они уже шли мимо кондитерской — большого, ярко освещенного заведения с двумя огромными витринами. Малышка, привлеченная вкусными запахами и теплом, вырвала помочи из рук женщины и бросилась к открытой двери.

Но женщина тут же поймала беглянку, схватила ее за талию и раскрутила, отчего та, дрыгая ногами, повисла в воздухе. В суматохе у них с головы слетели капюшоны.

Все происходило, будто на ярко освещенной сцене. Я видел лицо малышки в профиль: она тянула ручонки в сторону кондитерской, рот разинут в вопле возмущения. Девочка оказалась негритянкой, как и женщина, которая с ней была.

Услышав звук шагов, женщина на секунду повернула голову в мою сторону, и тут я, к своему удивлению, узнал Мириам, служанку миссис Арабеллы.

Потом место действия опустело в мгновение ока. Мириам с брыкающимся, завывающим ребенком на руках тотчас ускорила шаг. Она практически перешла на бег и ни разу не обернулась. А затем из дверей мебельного магазина по соседству с кондитерской вышел носильщик с большим вольтеровским креслом в руках и, преградив дорогу, заслонил мне обзор.

К тому времени, как я поравнялся с кондитерской, Мириам уже скрылась из виду, и я больше не слышал воплей ребенка. Они или исчезли в толпе, или зашли в одну из лавок, или свернули в узкий проход между домами.

Но с чего вдруг такое скрытное поведение? Может, Мириам ходила без разрешения по какому-нибудь тайному делу? Могла ли она быть замужем? И был ли это ее ребенок? Я уже начал сомневаться, что видел именно Мириам: как-никак я только мельком разглядел ту молодую женщину, да и освещение оставляло желать лучшего.

Я свернул на Уоррен-стрит. На мой стук дверь

открыл Джосайя. Старый слуга помог мне снять верхнюю одежду, при этом шепотом сообщив, что дамы сейчас в гостиной, а судья Винтур работает в библиотеке, и повернулся повесить мое пальто.

— Джосайя? — окликнул я старика.

— Да, сэр?

— Сегодня вечером я встретил Мириам. По крайней мере, мне так показалось. — (Джосайя без лишней спешки повесил пальто, после чего, повернувшись ко мне, поклонился; его лицо оставалось все таким же бесстрастным.) — С ней был ребенок. Чернокожая девочка, еще совсем крошка. Скажи, у Мириам есть дочь?

— Нет, сэр.

Джосайя снова поклонился и ретировался в дальний конец холла.

А неделю спустя капитан Джон Винтур вернулся домой. Я записал дату: четверг, 12 ноября. Он был тяжело ранен в сражении при Саратоге и, как он сам утверждал, много месяцев находился между жизнью и смертью. Одна слабоумная старуха, собиравшая хворост возле своей хижины, подобрала его, полумертвого, в лесу и выходила, буквально вернув с того света.

Затем он добрался до Канады и нашел дорогу

в Кингстон, где его приютили кузены матери, но там его состояние вновь ухудшилось. К счастью, по его собственным словам, он обладал лошадиным здоровьем и со временем достаточно окреп, чтобы отправиться домой.

Он появился на Уоррен-стрит вечером, в тихий час перед ужином.

Волею случая, когда он постучался в дверь, я как раз спускался в гостиную.

Открыв капитану дверь, молодой слуга Абрахам попытался сказать несколько приветственных слов, но Винтур молча протиснулся мимо него и остановился посреди холла, расставив ноги и сунув руки в карманы залатанной шинели, предназначенной для кого-то ростом поменьше. Это был тощий мужчина лет тридцати с багровым костистым лицом. Он обратил на меня взгляд глубоко посаженных глаз странного ярко-голубого цвета и, покачнувшись, спросил:

— А вы, черт возьми, кто такой?

— Моя фамилия Сэвилл, сэр. Имею ли я честь говорить с капитаном Винтуром?

— Именно так, сэр. Это большая честь для меня. — Винтур попытался поклониться, но покачнулся вперед и сразу выпрямился. — А вы, наверное, тот самый джентльмен из Американ-

ского департамента. Отец сообщил мне.

— Да, сэр. Вы наверняка…

Дверь гостиной распахнулась, и миссис Винтур, продемонстрировав небывалую для себя физическую активность, чуть ли не бегом кинулась навстречу сыну и нежно обняла его. Капитан закрыл глаза и потрепал мать по плечу, свободной рукой почесав нос.

Следующим вышел судья, уже более степенно. Оглядев сына с головы до ног, он произнес:

— Я счастлив снова видеть тебя дома, Джон.

— Да, сэр. Вот я… и вернулся сюда.

— Ты, наверное, устал с дороги, да?

— День был долгим, сэр, а мое здоровье еще не вполне восстановилось.

— Тогда, возможно, тебе следует отдохнуть. Конечно, после того, как увидишься с Беллой. А сейчас дай возможность Абрахаму снять с тебя шинель.

Судья осторожно оторвал жену от сына. Капитан развел руки, позволив снять с себя шинель.

Никто даже не взглянул в мою сторону. Похоже, обо мне все забыли.

Услышав звук шагов на лестнице, я повернулся. Миссис Арабелла огибала поворот площадки между двумя лестничными пролетами и вне-

запно застыла на верхней ступеньке последнего пролета.

Меня она, должно быть, заметила первым, затем перевела глаза на группу людей внизу. Я не смог разглядеть выражения ее лица, поскольку в холле царил полумрак, а огонь свечи, которую она держала в руке, был ниже уровня ее подбородка.

И все же горевшая свеча открыла мне две важные вещи. Мышцы тонкой белой шеи миссис Арабеллы судорожно дергались от глотательных движений, словно у нее кусок застрял в горле. И еще пламя свечи осветило изящную руку, так крепко сжимавшую стойку перил, что сморщилась кожа.

Капитан поднял глаза:

— А вот и вы, мадам. Моя хорошенькая, умненькая женушка.

Глава 19

Таунли был радушным человеком, который легко сходился с людьми и, возможно, позволял себе распускать язык больше, чем пристало джентльмену. Тем не менее я неизменно получал удовольствие от его общества, поскольку он отличался жизнерадостностью и живым умом.

Время от времени он приглашал меня на ужин. Иногда мы ели вдвоем, иногда в компании двоих-троих его друзей. И тогда я видел совсем другую сторону Нью-Йорка: сидевшие за столом джентльмены, конечно же, являлись лоялистами, но, в отличие от тех, кто приходил в мою контору на Брод-стрит, были в целом довольны жизнью.

— Я благословляю тот день, — как-то раз в порыве пьяного откровения признался мне Таунли, — когда эти проклятые янки выбросили в Бостонскую гавань груз чая. В самом деле, сэр, именно благодаря этому мы сейчас так благоденствуем.

Мы сидели за столом в маленьком частном кабинете в «Королевском гербе». Жалюзи были

подняты, в камине весело потрескивали дрова. Компанию нам составляли еще два джентльмена: подрядчик и уполномоченный по вопросам управления портом. Однако они не принимали участия в нашем разговоре, поскольку вели оживленную дискуссию на тему необходимости приглашения профессиональных актрис в театр на Джон-стрит.

— Уверен, вам приходится очень нелегко, ведь из-за острой нехватки многих товаров, вероятно, ощущается постоянная… — начал я, но Таунли не дал мне закончить:

— Спрос и предложение. Именно так называют это студенты, изучающие политическую экономию. Прекрасная вещь, по крайней мере для поставщика. Если запасы уменьшаются, вы поднимаете цену на то, что у вас имеется. А если спрос остается острым, когда исчерпаны запасы, вы просто-напросто начинаете продавать обещания. Что подобно торговле воздухом. Нет, для умного человека эта война стала поистине Божьей благодатью. — Таунли нахмурился, а я задумчиво провел пальцем по ободку бокала, стараясь сдержать улыбку. — Конечно, сэр, я вовсе не утверждаю, что война хотя бы в малейшей степени является желательным явлением,

но в целом… ну… вы понимаете… если принять во внимание все аспекты, нет ничего дурного в том, что человек заботится о собственных интересах. — Таунли помахал у меня перед носом указательным пальцем. — Но, мой дорогой сэр, при условии, что мы в первую очередь соблюдаем интересы его величества без страха и упрека, в любом…

— Сэр, — деликатно прервал я Таунли, — полагаю, я отлично вас понял. Может, тогда выпьем за здоровье его величества?

— И в самом деле! — Таунли схватил бутылку и расхохотался в порыве телячьего восторга. — И будь прокляты его враги! Боже правый, я и не думал, что еще так рано! Как насчет чаши для пунша?

Вечеринка закончилась незадолго до полуночи. Когда мы вышли на улицу, я буквально скрючился от холода. Наступил ноябрь, и зима все настойчивее заявляла о себе.

Таунли и одного из наших сотрапезников сопровождали слуги, освещавшие им дорогу фонарем. Третий джентльмен из нашей компании нанял стоявший неподалеку портшез. Но я решил пройтись до Уоррен-стрит пешком, так как дом судьи находился буквально в двух шагах

отсюда, а прогулка помогла бы мне проветрить голову. Несмотря на поздний час, на улицах было многолюдно, поскольку по ночам город оживал и жизнь била ключом: театральные вечеринки, музыкальные представления, ужины и танцы. Дорога была мне известна, и я искренне верил, что при должной осмотрительности смогу легко избежать опасности.

На другой стороне улицы на фоне ночного неба чернели силуэты тюрьмы и приюта для бедняков. Миновав эти два здания, я свернул в сторону Королевского колледжа.

Здесь было темно и более безлюдно. Какой-то шедший впереди меня человек весело насвистывал. Вдалеке, в районе пруда с пресной водой, лаяла собака. Наконечник моей трости громко стучал по булыжникам мостовой. Когда я сменил направление, в лицо мне ударил сильный северный ветер; он больно кусал меня за шею над воротником пальто и проникал сквозь тонкий шелк чулок.

Впрочем, именно этот ледяной ветер меня и спас. Именно ветер заставил меня замедлить шаг, чтобы потуже завязать шарф.

И в этот самый момент прямо передо мной из темного прохода между домами вынырнул ка-

кой-то мужчина. Если бы я не замедлил шага, он наверняка столкнулся бы со мной. Одновременно у меня за спиной раздались чьи-то шаги. Шаги эти я уже слышал раньше, но сейчас они явно стали быстрее.

— Это он, — произнес мужской голос позади меня.

Я в ловушке!

Я поднял трость над головой и резко свернул направо, упершись спиной в глухую стену соседнего дома.

Шедший впереди мужчина прыгнул прямо на меня. Я взмахнул тростью, описав ею дугу, и услышал крик боли. Звякнул, ударившись о камень, металл.

Тогда я вслепую ткнул тростью в обратном направлении. И закричал, но это был бессловесный вопль. Трость опустилась на что-то и изогнулась, словно внезапно ожив. Я чертыхнулся, выпустив трость из рук.

И тут все закончилось так же внезапно, как и началось. Послышались чьи-то торопливые шаги. Нападавшие нырнули в темный переулок. За ними в погоню с громким улюлюканьем бросились двое мужчин.

— Живее, парень, живее! — возбужденно

воскликнул кто-то, его голос эхом разнесся по переулку.

Согнувшись, я прислонился к стене дома и принялся жадно ловить ртом воздух. Теперь, когда опасность миновала, мне на память пришли все услышанные в свое время истории о насилии и грабежах на улицах Нью-Йорка, о жестоких нападениях с участием пьяных солдат и криминальных элементов, которые военные власти не трудились проверять.

— Сэр? — Это был голос джентльмена, говорившего с английским акцентом. — Вы не ранены?

Я поднял голову:

— Нет, спасибо.

— Слава Господу! Этот город — самый настоящий рассадник преступности.

Тем временем к нам подбежал еще один мужчина. В руках у него был фонарь. При свете фонаря я увидел, что моим спасителем оказался морской лейтенант средних лет, который шел в сопровождении освещавшего ему дорогу лакея.

— Сэр, само Провидение привело вас сюда. — Я сделал паузу, пытаясь отдышаться. — Даже и не знаю, как вас благодарить.

— Это отнюдь не моя заслуга, сэр. Двое солдат прогнали мерзавцев.

Слуга поднял с земли мою трость.

— Бродяги, — взявшись за эфес шпаги, заметил мой спаситель. — Они прыгнули на вас, словно двое тигров на козу. Как-то раз я уже видел такое, сэр. В Ост-Индии. И могу вас заверить, то было не самое приятное зрелище.

— А вам удалось разглядеть нападавших?

— Нет, сэр. В такой темноте можно разглядеть лишь силуэты. Впрочем, я вот что скажу вам: ставлю десять к одному, что это были негры. Вы наверняка замечали, что от их одежды исходит гнилостный запах, да? — Лейтенант фыркнул, словно для иллюстрации своей точки зрения. — Я нередко обращал на это внимание. Сороки-воровки, вот кто они такие. Они легко сперли бы вставные зубы своей бабушки, если бы смогли.

Я переступил с ноги на ногу и случайно задел носком башмака что-то лежавшее на тротуаре. Наклонившись, я поднял с земли некий предмет и поднес его к фонарю.

На секунду мы потеряли дар речи. Я держал в руке нож с грубой роговой рукоятью. Лезвие длиной около восьми дюймов было остро заточено.

Лейтенант коснулся лезвия кончиком пальца:

— Полагаю, они охотились за вашим кошельком и вашими кольцами. Но смею заметить,

если на то пошло, они не моргнув глазом убили бы вас.

Глава 20

У страха есть одна ужасная особенность: он порождает новый страх, который распространяется, точно опарыши в гнилом мясе.

И вот сейчас, когда опасность миновала, я начал дрожать. Мой спаситель, благородно проигнорировав эту постыдную слабость, проводил меня до Уоррен-стрит, где я не увидел никого, кроме слуг. К сожалению, лейтенант решил не задерживаться, так как его судно отходило завтра на рассвете. А я остро нуждался в любой компании, пусть даже капитана Винтура, чьи разговоры отнюдь не всегда доставляли мне удовольствие. В результате мне пришлось в гордом одиночестве пить ром с водой перед разожженным камином в малой гостиной, но алкоголь, к сожалению, на меня не подействовал.

Мои мысли лихорадочно метались туда-сюда, а мозг, казалось, находился под воздействием мощного возбуждающего средства. И когда я наконец улегся в постель, то так и не смог заснуть.

Оказавшись в мягких объятиях пухового ложа, я упорно перебирал в памяти то, что случилось,

и то, что могло случиться. Воспоминания о своем не слишком героическом поведении заставляли меня ворочаться с боку на бок.

Снова и снова я возвращался к тому ужасному моменту, когда нападавший выскочил на меня прямо из темного переулка, а шаги позади ускорились.

Это он. Вот что произнес мужчина за моей спиной. *Это он.*

Проведя бессонную ночь, я направился по мокрым после дождя улицам в штаб-квартиру и попросил встречи с майором Марриотом. Слуга провел меня в личную комнату майора. Я увидел у окна какую-то белую фигуру в маске. На белом лице сверкали два голубых глаза, словно подсвеченных изнутри. На секунду мне показалось, что от стресса у меня помутился рассудок.

Впрочем, через секунду все прояснилось. Просто Марриот сидел, закутавшись в белую простыню, а его лицо покрывала мыльная пена. Стоявший рядом с ним полковой цирюльник точил о ремень бритву. Лезвие мелькало в воздухе, тускло поблескивая в бледных лучах просочившегося в окно солнца.

Я поклонился.

— С добрым утром, сэр, — поздоровался майор,

продемонстрировав неровный ряд почерневших зубов. — Прошу прощения, что не могу встать.

— Пустяки. Я премного благодарен вам, что вы так быстро согласились меня принять.

— Чем могу быть полезен?

Я покосился на цирюльника:

— Майор, мне бы хотелось поговорить с глазу на глаз. Может, я лучше подожду, когда вы освободитесь?

— Тогда вам придется ждать весь сегодняшний день, а заодно и бóльшую часть завтрашнего. Генерал собирается инспектировать укрепления на Королевском мосту, и я должен его сопровождать. — Марриот посмотрел на цирюльника. — Подожди-ка за дверью, приятель. И распорядись, чтобы принесли еще горячей воды.

Когда цирюльник вышел, закрыв за собой дверь, Марриот, даже не предложив мне сесть, не слишком любезно спросил:

— Итак, сэр? В чем дело?

— Прошлой ночью на меня было совершено нападение. Все случилось около полуночи. Я возвращался на Уоррен-стрит после ужина с мистером Таунли в «Королевском гербе».

— Вас ограбили?

— Мне на помощь пришли два солдата. Они и

вспугнули негодяев.

— Вы не пострадали?

— Нет.

— Ну тогда можно сказать, что вы еще дешево отделались. Поздравляю вас, сэр. А теперь, учитывая, что…

— В этой истории меня кое-что беспокоит, сэр. В нападении на меня было нечто… нечто необычное. Такое ощущение, будто они ждали в засаде.

— Что вы имеете в виду?

— Мне показалось, сэр, будто я попал в ловушку. Нападавших было двое. Один оказался впереди меня, а другой — позади.

— Возможно, вы действительно попали в ловушку, сэр. Грабители достаточно часто работают на пару.

— Они поджидали меня. — Я сделал паузу. — Именно меня, а не какого-то случайного прохожего с кошельком в кармане. «Это он» — вот что сказал один из них.

— Ну и что с того? Скорее всего, они приметили вас еще раньше как возможную цель.

— Нет, сэр. Я так не думаю. А иначе они не стали бы нападать на меня на глазах у свидетелей.

— Я по опыту знаю, что грабитель может оказаться таким же дураком, как и любой другой

человек.

— Но тогда не могли бы вы помочь мне хотя бы в одном деле? Я хочу, исключительно ради душевного спокойствия, поговорить с теми двумя солдатами, что вспугнули негодяев. Вдруг они смогут дать больше информации о нападавших. А кроме того, полагаю, они заслужили награду. Ведь они как-никак, возможно, спасли мне жизнь.

— Вы видели их лица?

— Нет, сэр. На улице было очень темно.

— Итак, насколько вам известно, солдаты могли быть Провинциалами Нью-Йорка или ополченцами…

— Сэр, я слышал, как они кричали. — Я задумался, и мне на память пришел клич: «Живее, парень, живее!» — Полагаю, у одного из них был валлийский акцент. Они, конечно, могли быть ополченцами, но скорее всего, нет.

— Отлично! — Мыльная пена на лице Марриота начала высыхать: в ней появились трещинки, под которыми виднелась розовая кожа. — Я распоряжусь провести расследование. Полагаю, мистер Таунли может кое-что узнать от своих информаторов.

Затягивать встречу больше не имело смысла.

Я откланялся. Но когда я подошел к двери, Марриот меня остановил, неожиданно спросив:

— И еще одна вещь, сэр. Как дела у обитателей Уоррен-стрит?

— Очень хорошо, благодарю вас, сэр.

— А капитан Винтур? Как у него дела?

— Думаю, ему с каждым днем становится все лучше, — ответил я. — Хотя рана и выпавшие на его долю лишения, очевидно, оставили свой след.

— Семья капитана Винтура, должно быть, безмерно счастлива этому воссоединению? Как поживают его родители? Ну и… конечно, миссис Арабелла?

— Очень хорошо, благодарю вас.

— Мистер Сэвилл, прошу вас, передайте всем мои наилучшие пожелания. Я не решился лично нанести им визит из опасения, что капитан по-прежнему не в лучшей форме.

— Уверен, они всегда будут рады видеть вас у себя, сэр.

— Вы полагаете?

Майор, говоря о Винтурах, наверняка имел в виду миссис Арабеллу, и подобная собачья преданность не могла вызвать ничего, кроме жалости.

— Я ни секунды в этом не сомневаюсь.

— Тогда я ваш должник, сэр. — Глаза майора, выделявшиеся на фоне потрескавшейся белой маски, ярко блеснули. — Желаю вам хорошего дня.

Глава 21

Незадолго до Рождества мне выпала возможность поближе познакомиться с капитаном Винтуром. Как-то раз нам пришлось ужинать вдвоем. Дамы не спустились к ужину, а судья, страдавший от насморка, остался в своей комнате. В малой гостиной было прохладно, и мы придвинули кресла поближе к камину.

— Здесь чертовски скучно, — заявил капитан Винтур, поворошив угли кочергой. — Мой отец должен больше развлекаться. Нам всем нужно выходить в свет и вращаться в обществе. Ведь мы принадлежим к одной из лучших семей страны. А кроме того, не дело, чтобы мужчина постоянно сидел дома возле жены. Разве нет? — (Я кивнул в знак согласия, но отвечать не стал.) — Заметьте, сэр, миссис Арабелла может украсить собой любое общество или частную вечеринку. А на Уоррен-стрит прелести моей жены пропадают зря, так как здесь ее никто не видит. Знаете ли, бриллианты Винтуров — лучшие в Нью-Йорке, и она в них очаровательна. Они принадлежали еще моей бабушке. После окончания войны я отвезу

миссис Арабеллу в Лондон, и она наденет бабушкины бриллианты, когда появится при дворе.

— Сэр, а вы были в Лондоне?

— В юности я провел там несколько месяцев. — Винтур щелкнул пальцами. — Но давайте во что-нибудь поиграем. Что вы предпочитаете, сэр? Карты? Триктрак? Можно расположиться возле огня. Нам принесут еще бутылочку, и мы здесь отлично устроимся.

Мы пили старую мадеру, светло-золотистую, подобно водянистому солнечному свету. Судья Винтур отложил несколько бутылок до окончания войны, чтобы достойно отпраздновать победу и выпить за здоровье короля. Однако капитан Винтур заявил, что вино нельзя хранить слишком долго, так как оно может испортиться, а потому лучше выпить его прямо сейчас.

— Я предлагаю сделать игру чуть интереснее, — предложил капитан Винтур, пока мы ждали, когда Джосайя принесет новую бутылку, а кроме того, еще одну на случай, если нам не хватит. — Давайте поставим на кон какую-нибудь мелочь. Я считаю, наличие ставок самым чудесным образом влияет на концентрацию умственных способностей.

Джосайя принес вино, и капитан Винтур отру-

гал старого слугу за то, что тот забыл захватить карты и доску для триктрака. Старик низко поклонился и промолчал. Впрочем, я не хуже его знал, что забывчивость тут ни при чем: он просто не получил таких указаний.

Когда Джосайя вернулся, Винтур велел ему принести маленький столик с откидными створками с обеих сторон, а мы поставили на него свечи. Капитан, разложив доску для триктрака со светло-зелеными стрелочками на черном фоне, дрожащими пальцами выложил шашки из эбенового дерева и слоновой кости. В мерцающем свете доска представляла собой чудесное зрелище. По изяществу набор для триктрака ничем не уступал тем, что я видел в Лондоне. Небольшой диссонанс вносила лишь грубо расписанная игральная кость явно колониального производства.

— Принято считать, что это азартная игра, где все зависит от случая, — взяв бокал, заявил Винтур. — Чушь собачья! Разве нет? Случай определяет то, как ляжет игральная кость, но в общем и целом все зависит от сноровки. Когда я ждал своего судна в Квебеке, то оплачивал обеды выигрышем в триктрак.

Шашка выскользнула из его руки. Бокал с вином накренился. Мадера пролилась на доску,

образовав в одном из углов маленькую блестящую лужицу.

— Проклятье! — Капитан пристально посмотрел на доску, медленно покачав головой.

— Ничего страшного, сэр. — Я промокнул вино носовым платком. — Всего-навсего одна-две капли. Ну вот… ничего не осталось.

Винтур уставился на мой носовой платок:

— Вы порезались.

— Что? Где?

— Насколько я понимаю, вы поранили руку. Посмотрите на носовой платок.

Я поднес платок к пламени ближайшей свечи. Капитан оказался прав: в углу батистового платка остался похожий на кровь красноватый круг. Я осмотрел руку. Но не обнаружил никаких повреждений.

— Сэр, это, должно быть, краска, не кровь, — сказал я.

— Очень может быть, — согласился Винтур, его интерес к вопросу угас так же быстро, как и возник.

Я нахмурился. В тусклом свете доска для триктрака казалась черной, хотя не исключено, что она была темно-красной.

Капитан потянулся к бутылке:

— Может, для начала поставим по гинее, сэр?

— Или все-таки это была кровь, — задумчиво произнес я. — Пятно крови на доске.

Воображение тут же нарисовало миссис Арабеллу. Она занималась шитьем, сидя перед раскрытой доской, и ненароком поранила палец. Или у нее внезапно случилось носовое кровотечение типа того, что бывает в результате сильной простуды. Несколько капель крови запросто могли упасть на доску и тут же высохнуть, оставшись незамеченными на черном фоне, особенно если в комнате было темно. Мадера растворила кровь, вернув ее в жидкое состояние.

— Ну так как, сэр? Ставим по гинее? — резко прервал мои размышления Винтур. — Ведь ставка всегда добавляет игре остроты, любой игре. Играть просто так, не на интерес, чертовски скучно.

Со времени приезда в Америку я ни разу не играл в триктрак. И сейчас я понял, что мне стало трудно концентрироваться на игре. Первую партию я по глупости проиграл, позволив Винтуру ввести меня в заблуждение.

— Мы играем строго по правилам Хойла[8], так? — Винтур неприкрыто ликовал, радуясь своему триумфу. — Если я ничего не путаю, это означает удвоение ставок. Поэтому мы утраиваем ее для триктрака.

Я кивнул, хотя так и не припомнил, чтобы в главе, посвященной триктраку, мистер Хойл вообще писал о ставках: там в основном говорилось о математических вероятностях случайности в отношении двух шестигранных игральных костей.

Винтур сделал паузу, чтобы выпить за госпожу Удачу, и снова наполнил свой бокал. А я вернул на доску тридцать шашек. К тому времени, как опустела первая бутылка мадеры, капитан задолжал мне одиннадцать гиней.

— Ну что, удваиваем или в расчете? — выкрикнул Винтур, расставляя шашки для следующей игры. — Что скажете? — Он делал ставки с каким-то диким энтузиазмом, который был сильнее простого расчета.

Раздался стук в дверь, и в гостиную вошла Мириам. Она практически неслышно подошла к Винтуру и остановилась возле его кресла, скло-

---

[8] Notes: 8

Эдмонд Хойл — британский игрок и писатель, автор целого ряда работ по правилам различных карточных и других настольных игр, считающийся родоначальником подобного рода литературы.

нив голову и крепко сжав перед собой руки.

— Итак, сэр? Удваиваем или в расчете?

— Как пожелаете, сэр. — Я уже решил для себя, что если проиграю, то сразу закончу игру.

В этот самый момент я уловил аромат духов миссис Арабеллы, случайно оставшихся на платье или руках ее служанки. Я бросил взгляд на Мириам, которая по-своему была весьма привлекательной молодой женщиной, и увидел блестевшие в темноте белки ее глаз, однако она сразу поспешила отвернуться.

Винтур расставил шашки и снова сел в кресло.

— В чем дело, девочка?

— Если позволите, ваша честь, хозяйка просит вас оказать ей любезность и переговорить с ней.

— Разве ты не видишь, я занят? Передай, что буду ждать ее, когда освобожусь.

— Да, сэр.

Мириам, по-прежнему не поднимая головы, вышла из комнаты.

Мои пальцы, словно по наитию, скользнули в карман жилета, коснувшись игральной кости, которую я нашел возле тела Пикетта. Похоже, еще немного, и это войдет у меня в привычку, подобно тому как некоторые люди трогают на удачу кроличью лапку.

— Они постоянно мне докучают. — Голос Винтура звучал жалобно, он смазывал согласные и расплескивал гласные, будто воду в ведре. — Мой отец, моя жена, моя мать. Неужели так трудно понять, что для восстановления здоровья мне необходимо спокойствие? Ваш бокал, сэр. Прежде чем продолжить игру, давайте выпьем за отсутствие женщин.

Винтур залпом осушил бокал, похоже не заметив, что я не последовал его примеру. Мы продолжили игру, и он проиграл. Тогда мы сыграли еще одну партию, и еще одну, и четвертую, и всякий раз капитан проигрывал.

На мое предложение сделать перерыв Винтур ответил настойчивым требованием дать ему отыграться.

— Я слегка утомился, сэр. А кроме того, почему бы нам не подвести баланс? — спросил я.

— Старина, вы говорите совсем как треклятый чиновник, — рассмеялся Винтур. — Каковым, впрочем, вы и являетесь. Только без обид. Полагаю, джентльмен, если пожелает, может держать перо в конторе, а не меч на поле боя.

Он записал все, что проиграл, накорябав цифры карандашом. Затем поднес листок поближе к горящей свече, после чего, растерянно моргая и

беззвучно шевеля губами, подвел итог.

— Семьдесят гиней или около того, — наконец произнес он. — Боже правый, я даже и не заметил, как так получилось. Сделайте одолжение, сэр, посмотрите на эти цифры. Я никогда не был силен в расчетах.

Я бросил взгляд на его записи, с трудом разбирая цифры. Впрочем, я и без того знал, что Винтур проиграл около восьмидесяти гиней.

— Сэр, давайте будем считать, что тут семьдесят гиней, — предложил я. — Предпочитаю круглые числа.

— Очень хорошо, — снисходительно взмахнув рукой, ответил Винтур. — Будь на то моя воля, я хоть сейчас отдал бы вам деньги, сэр. Если бы не эти проклятые толстосумы! Чтоб им пусто было! Так давайте выпьем за это! — Винтур поднял бутылку, она оказалась пустой.

— Вы о ком? Кого вы проклинаете?

Капитан поставил бутылку и взял другую, которая тоже практически опустела.

— О ком? А? О да… все они… в этом городе все толстосумы… вы не поверите, сэр, эти жалкие торговцы… До войны они себя так не вели. Почему кто-то должен ждать своих денег?

— Сэр, меня это ни в малейшей степени не

касается…

— А вот и нет. Мой дорогой, дорогой Сэвилл, безусловно, вас это тоже касается. Я знаю, вы возьмете мою расписку. Но когда речь идет о долге чести, джентльмен чувствует его вот здесь. — Он приложил руку к сердцу. — Счет торговца может ждать оплаты до второго пришествия. Мне наплевать. Но долг чести — это совсем другое. Да и вообще, почему вы должны ждать? Ведь вы мой друг. И любой в этом городе скажет вам: Джек[9] Винтур держит свое слово. Спросите любого, кого хотите. А если хоть кто-то скажет вам обратное, я вышибу ему мозги. Вам понятно?

— В самом деле, сэр, вы чрезвычайно любезны, но я отнюдь не тороплю вас с деньгами.

Винтур постучал кулаком по столу, заставив шашки подпрыгнуть на игральной доске:

— Сэр, нет ничего более абсурдного, чем ситуация, в которой я нахожусь. Ну разве не абсурд, что человек моего положения должен страдать от нехватки наличных денег? И неужели Маунт-Джордж вообще ничего не значит? Черт побери, какой от него прок, если я не могу разрешить временное затруднение подобного рода?! Нет, вы

---

[9] Notes: 9

Здесь: Джек — уменьшительное от имени Джон.

ни в коем случае не должны ждать. Это совершенно необязательно. У меня есть план, который поможет в два счета уладить дело. Прошу вас, будьте любезны позвонить в колокольчик.

Я потянулся к колокольчику слева от камина:

— По-моему, я сегодня и так позволил себе выпить лишнего.

— Нет-нет. Я по другому поводу. Впрочем, хорошая мысль. Мы вполне можем распить еще бутылочку.

В гостиную вошел Джосайя и низко поклонился.

— Передай Мириам, чтобы шла сюда, — распорядился Винтур.

Джосайя поднял глаза на хозяина:

— Мириам, сэр?

— Да, старый дурак. Мириам. Ты что, оглох? И принеси еще одну бутылку.

Джосайя снова поклонился и закрыл за собой дверь. Секунду спустя в гостиную вошла Мириам. Она присела в реверансе, после чего застыла в ожидании приказов.

— Подойди сюда, женщина. Вот так. Встань в свете огня камина.

Мириам молча повиновалась. Ее лицо было непроницаемым совсем как дом с закрытыми

ставнями.

— Повернись! — Капитан поднял свечу, чтобы свет падал на девушку. — Нет, не так. Медленно. Чтобы мы могли рассмотреть тебя со всех сторон. — Он взглянул на меня. — Что вы о ней думаете, сэр?

— Не уверен, что мне пристало иметь свое мнение о чужой прислуге.

— Но в том-то и дело, сэр, — расхохотался Винтур. — Неужели вам не понятно? Она не прислуга. Она рабыня.

— Да, но в принципе…

— В принципе, это то же самое, как если бы она была моей лошадью. Или моей собакой. Или моим домом, если уж на то пошло. Она принадлежит мне. А значит, я могу ее продать. — Он снова повернулся к Мириам, которая застыла, отвернувшись от света. — Ну что скажете? Девяносто гиней на аукционе? Сто гиней? Хорошо обученные служанки благородных дам на дороге не валяются! В самом расцвете сил, отличная фигура. — Голос капитана внезапно стал хриплым. — Посмотри на меня, девочка, и открой рот.

Мириам посмотрела на капитана. Она открыла рот. Я мельком увидел влажный розовый язык.

— Вот! Я так и знал! — воскликнул он. — Вот

видите? У нее все зубы целы, по крайней мере бóльшая часть. Понимаете, у домашних рабов всегда хорошие зубы. Будь я проклят, если я знаю почему, но это факт. Я выставлю ее на аукцион прямо завтра. Уверяю вас, вам не придется долго ждать. Ее купят в мгновение ока.

— Но, сэр, Мириам — служанка миссис Арабеллы. И подобная продажа может доставить ей неудобство. Я категорически отказываюсь это делать.

— Уверяю вас, вам и не придется ничего делать, — расхохотался Винтур. — Моей жене отнюдь не всегда требуется служанка. А если возникнет нужда, она может воспользоваться служанкой моей матери. Да и вообще, после окончания войны у моей жены будет столько служанок, сколько она пожелает.

— Однако, по-моему, Мириам прислуживает и вашей матушке тоже.

Капитан выпрямился в кресле:

— Для меня это вопрос чести, сэр.

Впрочем, он сразу отвлекся на новую бутылку мадеры, которую принес Джосайя. Открыв бутылку, старый слуга налил нам вина, но не ушел, а остался стоять в тени возле двери.

Я взял бокал, чтобы поддержать компанию, и,

повернувшись к Винтуру, произнес:

— Не могли бы вы оказать мне любезность, сэр?

— Будь на то моя воля, сэр, я сделал бы для вас все, что угодно, но долг чести…

— Видите ли, — перебил я капитана, — в данный момент мне не хотелось бы иметь при себе столь большую сумму наличных, учитывая царящий в городе беспредел. В наши дни человек не может доверять ни банку, ни торговцу, не может вложить деньги так, чтобы его не обманули, не нарушили обязательств и не сделали банкротом.

— Ваша правда, сэр, — нахмурился Винтур. — Банкиры — это худшие из преступников. Жадность делает их слепыми как к морали, так и к здравому смыслу. Что я неоднократно замечал.

— И исходя из элементарной логики вещей, сэр, для меня будет безопаснее и гораздо спокойнее вместо денег принять вашу расписку. Я знаю, что ваше слово надежнее векселя Банка Англии.

Я задержал дыхание, опасаясь, что до капитана дойдет вся абсурдность обсуждения надежного хранения несуществующих денег. Но нет, не дошло.

Вместо этого он продолжил потягивать вино и с видимым удовольствием развивать идею, что

деньги, реальные или нет, надежнее держать у него, чем в Банке Англии.

— Не могу отказать другу в просьбе. — Капитан поставил пустой бокал, отяжелевшая голова упала на грудь, секунду спустя он зашевелился и приоткрыл глаза. — А кроме того, мой дорогой сэр, я скоро получу свою шкатулку с диковинками, и все наши беды останутся позади.

Глаза капитана закрылись. Дыхание стало тяжелым и равномерным. В камине догорело полено. Мириам и Джосайя, точно статуи из эбенового дерева, остались ждать в темноте.

Глава 22

На следующее утро я спал допоздна. Проснулся я оттого, что Джосайя отдернул полог кровати и поток холодного воздуха коснулся моего лица. В горле у меня пересохло, голова гудела от выпитой накануне мадеры.

Я с трудом принял сидячее положение.

Что-то явно изменилось. Сегодня все стало немного по-другому. Даже воздух в комнате был пронизан светом.

Джосайя стоял у окна спиной к кровати.

— Что там такое? На что ты смотришь? — спросил я.

— На снег, ваша честь. — Старик с широкой улыбкой повернулся ко мне. — Он выпал ночью. Всего один-два дюйма. Но все кругом белым-бело.

Я завтракал в одиночестве в малой гостиной. Утром, до ухода в контору, я редко видел представителей семьи Винтур. Однако, когда Джосайя ушел за моей шляпой и пальто, в холл спустилась миссис Арабелла в сопровождении Мириам. Женщины были одеты для прогулки.

— Насколько я понимаю, вы собираетесь на работу? — спросила миссис Арабелла, когда мы пожелали друг другу доброго утра.

Этой зимой она впервые надела меха, которые добавили блеска ее темным глазам и подчеркнули кремовый тон кожи.

— Да, мэм. Если только мне не выпадет честь сперва сопроводить вас туда, куда вы направляетесь.

Миссис Арабелла склонила голову:

— Возможно, вы будете так любезны и проводите меня до Литтл-Куин-стрит? Я там встречаюсь с подругой.

— С превеликим удовольствием.

Я предложил миссис Арабелле руку, и мы покинули дом. Мириам шла в пяти шагах за нами. Под холодным зимним солнцем мы направились в сторону Бродвея. На подоконниках и водостоках висели сосульки. Из труб лениво поднимались спирали дыма, оставлявшего грязные пятна на голубом небе. В этот утренний час движения по Уоррен-стрит почти не было, и снег лежал практически нетронутый.

Мы шли молча. Я остро ощущал близость миссис Арабеллы, тяжесть ее руки, цеплявшейся за меня всякий раз, как дорога становилась пре-

дательски скользкой. Прикосновения миссис Арабеллы доставляли мне несказанное удовольствие. В последний раз я видел так близко от себя женщину во время прощания с Августой.

Мы свернули на Бродвей. На улице было многолюдно, и под ногами уже противно хлюпала слякоть. Военнопленные, работавшие по двое и по трое, лопатами сгребали снег в кучи вдоль дороги.

— В Нью-Йорке всегда так, — заметила миссис Арабелла.

— Что именно, мадам?

— Снег. Сперва он прекрасный, а затем, когда на улице появляются люди, становится безобразным, доставляя множество неудобств. Люди все портят. Не так ли? — Миссис Арабелла подняла на меня глаза.

Я мельком увидел ее профиль в обрамлении мехов; щеки молодой женщины слегка порозовели от холода, и я удивился, как мог при первой встрече остаться равнодушным к ее чарам.

— Я ваша должница, сэр, — едва слышно проронила она.

Мне показалось, я ослышался.

— Прошу прощения, мэм?

— Мириам рассказала, что вы сделали для нее

вчера вечером.

— Тут не о чем говорить, мэм. Это такая мелочь.

— Но не для меня, сэр. — Миссис Арабелла замялась. — Вы даже не представляете, как это важно.

— Прошу вас, давайте не будем. Мне это ничего не стоило. Пустячное дело.

— Мириам сказала, семьдесят гиней. Отнюдь не пустячное дело.

— Но я не нуждаюсь в деньгах, мэм. — Я почувствовал, что краснею. — По крайней мере, сейчас. Более того, я уверен, мне будет не хватать участия Мириам в ведении нашего домашнего хозяйства. Мои рубашки еще никогда не были такими белоснежными, а мои чулки так аккуратно заштопаны. Как видите, мои мотивы сугубо эгоистичные, а посему я заслуживаю вашего осуждения, а отнюдь не похвалы.

Миссис Арабелла звонко расхохоталась, повернула голову и улыбнулась мне, продемонстрировав ровный ряд белых зубов.

— Прекрасная речь, сэр. Вы ведете споры не хуже иезуита.

Мимо нас проехал кавалерийский офицер. Он бросил взгляд на миссис Арабеллу, затем — на

меня. После чего дотронулся до своей шляпы и улыбнулся мне с оттенком добродушной зависти.

Поскольку миссис Арабелла по-прежнему смотрела на меня, то ничего не заметила, и выражение ее лица было серьезным.

— Нам сейчас нелегко, — тихо сказала она. — Капитан Винтур так долго отсутствовал и столько всего пережил, что ему трудно… приспособиться к той жизни, что требуют от него обстоятельства.

— В этом нет ничего удивительного, мэм.

— Но я прошу меня извинить, сэр. Я болтаю о своих заботах, которые навряд ли представляют для вас интерес. Боюсь, ваша доброта заслуживает большей благодарности.

Она отвернулась, и мы пошли дальше. Я не мог не испытывать к ней жалости… ну и к капитану Винтуру тоже. Когда богатство сводится к элементарной компетентности, тогда даже компетентность становится формой бедности.

Зима 1778/79 года выдалась лютой. В сущности, все военные зимы были исключительно долгими и холодными. В некоторых домах Нью-Йорка поговаривали, что Господь прогневался на них. В таком случае, заметил мистер Таунли, Господь

прогневался и на повстанцев тоже, ибо они точно так же страдают от плохой погоды, нехватки еды и топлива, что еще больше ухудшает сложившуюся ситуацию. Однако за спиной повстанцев суша со всеми ее ресурсами, а у нас — только море.

И вот в самые суровые месяцы года мы с почти мистической надеждой ждали прибытия каравана судов из Корка. Они пересекли океан, преодолев три тысячи миль, в составе большого конвоя, охраняемого нашими военными кораблями от угрозы французского военно-морского флота, а у самого побережья — от наглых атак американских каперов. Суда привезли муку и вино, чай, ткани, свечи, посуду, предметы меблировки, книги и, что самое главное, новости из дома. То было великолепное зрелище: пролив Нарроуз, забитый белыми парусами, взорвавшими, словно фейерверк, воды Нью-Йоркской гавани.

В тот год суда прибыли гораздо позже, чем ожидалось. Запасы муки на общественных складах практически истощились, и уже ходили слухи, что овсяная мука, использовавшаяся для выпечки хлеба, скоро закончится. И что потом? Если жители города и его солдаты будут голодать, то Вашингтон сможет войти в Нью-Йорк во главе

своей армии без единого выстрела.

Тем не менее обитатели Уоррен-стрит справлялись с экономическими трудностями гораздо лучше других. За что мы должны были благодарить мистера Таунли и майора Марриота. И действительно, если бы не их влияние и связи, то Винтуры навряд ли сумели бы сохранить дом или, по крайней мере, избежать определения солдат на постой.

Мистер Таунли был на дружеской ноге со многими подрядчиками. Он всегда знал, когда ожидается отгрузка или когда из Бруклина доставят партию овощей. И что самое загадочное, он умудрялся присылать нам мистера Ноака со скромными подношениями в виде мяса, как правило жесткого и соленого. Когда я однажды поинтересовался, откуда мясо, мистер Таунли постучал по своему внушительному носу и пробормотал что-то насчет того, что Небеса помогают тем, кто сам себе помогает.

Голод притупляет как щепетильность, так и тонкие вкусовые ощущения. Я ел все, что мне подавали, особо не переживая по поводу того, откуда это взялось.

Благодаря занимаемому положению, майор Марриот успешно снабжал нас дровами для ка-

минов. По мере вырубки деревьев по границе города и в Бруклине, а также, естественно, роста дефицита топлива, цены становились все выше. Однако армия ни в чем не испытывала недостатка. Майор Марриот вполне комфортно обосновался в штаб-квартире и явно был в фаворе у военного коменданта. Благодаря любезности майора подвода с вязанкой-другой дров иногда громыхала по Уоррен-стрит и останавливалась у нашей двери.

Той зимой я частенько встречал и Марриота, и Таунли в нашем доме. Они или беседовали с дамами в гостиной, или обсуждали военное положение с судьей Винтуром, или играли в карты с его сыном. Таунли вел себя крайне обходительно. Казалось, он посещает Уоррен-стрит, движимый исключительно дружелюбием, к которому, возможно, примешивалось восхищение, естественно в рамках приличия, миссис Арабеллой и преклонение перед ее семьей, ибо сам Таунли имел более низкое происхождение, нежели Винтуры. И все же меня несколько удивляло, что такой деловой человек тратит время на обхаживание семьи, которая на данный момент не имела ни богатства, ни влияния.

Что касается майора, то его мотивы лежали на

поверхности, хотя он и пытался их скрыть: он исподтишка бросал на миссис Арабеллу влюбленные взгляды и заливался краской, когда она с ним заговаривала.

Ноак тоже часто бывал в доме Винтуров. Он помогал приводить в порядок библиотеку судьи, находившуюся в плачевном состоянии, или бегал по поручениям, которые вполне можно было бы доверить слуге.

— Сдается мне, что вы больше времени проводите здесь, чем на Ганновер-сквер, с мистером Таунли, — как-то в январе заметил я, глядя, как он затачивает перья для судьи Винтура.

— Мистер Таунли предложил судье мои услуги, сэр. — Ноак, не поднимая глаз, продолжал скрести перочинным ножом по кончику пера. — А я счастлив угодить старому джентльмену.

Январь незаметно перешел в февраль, и в доме мало-помалу начали происходить кое-какие перемены. Старая миссис Винтур больше других страдала от холода. Домочадцы закладывали чуть ли не поленницу дров в камин в малой гостиной, и она сидела у самого огня, кутаясь в старые меха и протягивая к камину руки в митенках. Судья суетился вокруг жены, растирал ей ладони, посылал Мириам за чаем, или бульоном, или ромовым

пуншем с мускатным орехом, или за каким-либо другим согревающим напитком. Однако миссис Винтур практически ни к чему не притрагивалась, напитки остывали, а еда оставалась лежать на тарелке.

Зима повлияла как на тело, так и на разум старой дамы. Создавалось впечатление, будто ее умственные способности сковало льдом, а восприятие было скрыто под невидимым снежным одеялом. Хирург делал ей кровопускания, отчего она лишь еще больше слабела, бледнела и мерзла.

Единственными частями тела, которые, казалось, находились в движении по несколько часов кряду, были ее узкая грудь, вздымавшаяся и опускавшаяся практически незаметно, да губы, которые шевелились, когда в не тронутых морозом дальних уголках сознания возникали невнятные слова, выходившие наружу мутным потоком. Глаза старой дамы постоянно слезились, и слезы текли по извилистым бороздам морщинистых щек. Как странно, думал я, что эти соленые ручейки до сих пор не замерзли.

— О, моя дорогая, — обычно говорил судья, сжимая руки жены или нежно чмокая ее в щеку, — тебе нельзя волноваться. Право слово,

нельзя. Тише, моя дорогая. Тише.

Если прислушиваться к речам миссис Винтур достаточно долго, то можно было отыскать остатки определенного смысла в словах, которые вылетали из ее рта, словно отрывки детских стишков. Некоторые темы повторялись, как рондо, впрочем иногда в разном виде. «Чилли-вилли, чилли-вилли». Или «Обедать пора, пора». Или «Хетти-Петти. Хетти-Петти». Я заметил, что слова «Хетти-Петти» всегда сопровождались слезами.

— Когда-то у нее была дочь, — понизив голос, объяснила мне миссис Арабелла, когда я упомянул об этом. — Хенриетта была их первенцем. Она родилась еще до появления на свет моего мужа.

— Она умерла?

— В свой первый день рождения. Боюсь, разум миссис Винтур блуждает в потемках прошлого.

— Тогда в том, что она говорит, есть какой-то смысл.

— Смысл, сэр? — Миссис Арабелла отрывисто рассмеялась. — Кто знает, какой в этом смысл?

— Когда твой ребенок умирает, — произнес я, думая не только о Хенриетте, но и о Лиззи, — тогда…

Я запнулся, словно передо мной открылась ужасная перспектива: *а что, если Лиззи умрет?*

— Тогда что, сэр? — спросила миссис Арабелла, и ее голос был мягким, как зола, выпавшая из очага.

— Тогда, полагаю, любой начал бы нести околесицу.

— А может, и того хуже. — Теперь запнулась уже миссис Арабелла.

Она обратила на меня взор своих прекрасных, широко распахнутых глаз, однако ее лицо оставалось непроницаемым, и я поспешно отвернулся, чтобы не выходить за рамки приличия. Затем миссис Арабелла добавила, еще тише, чем прежде:

— Гораздо хуже.

В этот самый момент в дверь постучали, и вошел Джосайя с лежавшим на подносе письмом. Низко поклонившись, он протянул его мне и, деликатно кашлянув, произнес:

— С вашего позволения, сэр, Мириам просила вам передать, что подогнула манжеты и воротничок вашей рубашки и положила на полку в шкафу.

— Благодарю тебя. — Я сломал печать на письме.

Джосайя снова кашлянул:

— И от сапожника уже принесли ваши сапоги.

Я удивленно посмотрел на слугу:

— Надо же, как быстро! Ведь я только сегодня утром отдал тебе сапоги.

— Я лично отнес их сапожнику и дождался, когда они будут готовы.

— Весьма признателен.

Джосайя снова поклонился, в том числе и миссис Арабелле, и удалился.

Я с улыбкой посмотрел на свою собеседницу:

— Мэм, они ухаживают за мной с материнской заботой. Поразительно!

— Это все из-за Мириам.

— Простите?

Миссис Арабелла резко встала и холодно посмотрела на меня, словно я каким-то образом слишком злоупотребил установившейся между нами невольной близостью. Столь внезапные смены в поведении миссис Арабеллы были обычным явлением в ее общении со мной, что жестоко ранило меня и в то же время странным образом завораживало; я объяснял это очарованием непредсказуемости.

— Видите ли, рабы похожи на собак или лошадей. — Миссис Арабелла роняла слова медленно и обдуманно. — Они хорошо помнят доброту. Если бы не вы, Мириам продали бы чужим людям. —

Она присела в реверансе.

Я открыл дверь, и миссис Арабелла покинула комнату. Я вернулся к своему креслу с конвертом в руке и развернул письмо, все еще думая о миссис Арабелле и ее словах.

В письме было всего несколько строк, небрежно начерканных карандашом:

> *Сэр, я, кажется, нашел одного из тех солдат, которые пришли Вам на помощь в ноябре. Прошу Вас, сообщите мне, если у Вас сохранилось желание поговорить с ним.*
>
> ***Искренне Ваш и т. д. Р. Марриот***

Глава 23

Человек, которого нашел Марриот, был капралом из полка Королевских уэльских фузилеров. На основании одного услышанного мной слова «парень», которое произнес солдат, я ожидал увидеть уроженца Уэльса — низкорослого, черноволосого субъекта, быть может, по фамилии Льюис или Джонс, а название его полка лишь подкрепило мое предубеждение.

Однако фамилия капрала была Грантфорд; он оказался более шести футов роста и тонким, словно мушкет. Судя по щетине на его подбородке, он был рыжеволосым, а судя по голосу, когда он, вытянувшись по стойке смирно, назвал свою фамилию и звание, он родился в Йоркшире.

— Вольно, — произнес я. — Вы не на параде.

По-прежнему в пальто и шляпе, я сидел за столом в своей конторе на Брод-стрит, придвинув кресло к маленькой печке и закутав шею шарфом. Стекла в комнате обледенели изнутри.

Грантфорд остался стоять по стойке смирно.

— Капрал, я у вас в неоплатном долгу, — сказал я. — Вы с вашим товарищем спасли мой кошелек,

а возможно, и мою жизнь.

— Так точно, сэр, — ответил он, словно подтверждая приказ.

— Погрейтесь у печки. Почему вы так долго не откликались? Майор Марриот сообщил, что сделал запрос еще в ноябре.

Грантфорд на шаг приблизился к печке:

— Мы патрулировали Спорные территории, ваша честь. А потом я заболел. Плевритом, как мне сказали.

— В таком случае лучше поздно, чем никогда. Надеюсь, вы уже поправились?

— Да, ваша честь. Хотя не могу сказать того же о бедняге Ифоре. Да упокой Господь его душу!

Живее, парень, живее!

— Это ваш товарищ? У него что, тоже был плеврит?

— Нет, сэр. Один из скиннеров выстрелил ему в спину, когда мы были в округе Уэстчестер. — Грантфорд пожевал губами, словно собираясь сплюнуть. — Подлые трусы сделали вид, будто сдаются, а потом выстрелили в спину. Будь моя воля, я бы повесил большинство из них, да поможет мне Бог!

Скиннерами называли солдат иррегулярных войск, наводнивших Спорные территории в

поисках домашнего скота для снабжения Континентальной армии, а также всего того, чего их душа пожелает. Впрочем, у лоялистов были ковбои — солдаты, занимавшиеся тем же самым, но для правительственных частей.

— Знаете, а ведь именно благодаря ему мне удалось вас найти, — сказал я. — Я услышал, как он подбадривал вас, когда вы побежали за нападавшими. И узнал валлийский акцент.

— Он первым за ними погнался, ваша честь. Всегда был готов к драке, чтобы немного развлечься. Словно терьер в хлеву, полном крыс.

— Расскажите, что случилось. И как вы оказались на месте происшествия.

Грантфорд задумчиво поскреб подбородок:

— Всю осень мы были в плавании на кораблях военно-морского флота, сэр. А потом переехали в казармы на Статен-Айленде вместе с остальной армией. Наш отряд нес караульную службу в Бруклине, а по окончании дежурства нам дали увольнительную в город на обратном пути в казармы. Ну мы, само собой, провели бурную ночку, если вы понимаете, о чем я.

— Значит, вы были навеселе? — улыбнулся я.

— В некотором смысле, ваша честь. А что касается Ифора, то спиртное всегда будило в нем

боевой дух. И когда мы услышали, как англичанин зовет на помощь, он вылетел, словно пуля из мушкета. А я бежал за ним по пятам, пытаясь остановить.

— На улице было темно.

— Да, сэр. Но мы все же смогли разглядеть, как парочка негров напала на джентльмена. Когда мы подбежали, они задали стрекача, словно за ними черти гнались. Что в каком-то смысле было недалеко от действительности, так как, когда у Ифора вскипала кровь, он уже не знал удержу.

Грантфорд понемножку расслабился и теперь выкладывал все больше подробностей, практически не нуждаясь в подсказке. Бросившись наутек, два негра петляли по соединявшим улицы переулкам. Королевские фузилеры настигли их на окраине Холщового города. После непродолжительной драки они загнали свою добычу в развалины какой-то пристройки.

— Ваша честь, я пытался увести Ифора, — сказал Грантфорд. — В Холщовом городе только и жди беды. Но это было все равно что пытаться остановить бойцового петуха, почувствовавшего кровь.

В наступившей темноте негры пустили в ход ножи. У того, что повыше, в руках была палка

или вроде того. Однако солдаты тоже оказались не лыком шиты. Ифор, возможно, ранил, а то и убил негра, что был помельче, но затем высокий сбил уэльсца с ног, и тот потерял сознание.

— Потом здоровяк дал деру. Но мне нужно было унести оттуда Ифора целым и невредимым. Я перекинул его через плечо и, слава Всевышнему, вскоре встретил патруль, а иначе здоровяк наверняка меня бы уделал.

— А вы их хорошо разглядели? — спросил я. — Вы видели их лица?

— Лично для меня эти черномазые язычники все на одно лицо, — заявил Грантфорд и после паузы добавил: — Вот почему Ифор заметил шрамы.

Я потер жирное пятно на своих кюлотах:

— Скажите, а что за шрамы такие?

— Негры были впереди нас. И когда они поравнялись с таверной, дверь открылась и здоровяк оглянулся. Ифор сказал, что и на том свете узнал бы длинного, потому что на каждой щеке у него было по шраму. Вроде таких. — Грантфорд провел пальцем линию от края глаза к уголку губ. — С двух сторон. Дьявольское лицо, сказал тогда Ифор. Такое будет являться в ночных кошмарах.

— Вы сказали, высокий мужчина? Крепкого

телосложения?

— Да, сэр. И страшный как смертный грех.

Я продолжил расспрашивать Грантфорда еще несколько минут, но больше не узнал ничего важного. Тогда я отпустил его с гинеей в кармане за труды.

После чего еще полчаса просидел возле печки, дрожа как осиновый лист, к вящему неудовольствию ожидавших в приемной посетителей.

Высокий негр со шрамами на лице, похоже, преследовал меня, как некий злой дух. Я встретил его в день приезда в Нью-Йорк вместе с маленьким мулатом Бенджамином Таггартом и молочной козой, вероятно украденной у Винтуров. Негр со шрамами на лице наблюдал за тем, как солдаты грузили тело Пикетта на повозку.

Несколько дней спустя негр снова попался мне на пути: он развлекал толпу игрой на свистульке перед Верхними казармами в то утро, когда за убийство Пикетта повесили Вирджила, щуплого беглого негра. Маленький мулат был тогда там же; он торговал свежей козлятиной. Неужели тем, что осталось от молочной козы Винтуров?

По словам Таунли, маленький мулат Таггарт являлся правительственным информатором, давшим Марриоту наводку на Вирджила как

на убийцу Пикетта. А в октябре тело Таггарта обнаружили в воде возле паромной переправы Паулюс-Хук.

И вот, наконец, большой негр со шрамами на лице оказался одним из тех, кто напал на меня в ноябре. Впрочем, в этом не было полной уверенности, напомнил я себе, ибо идентификация основывалась на рассказе Грантфорда о том, что его товарищ вроде бы разглядел в темноте.

В голове кружились самые разные мысли. За всем этим определенно крылся некий план. Имело ли все это хоть какое-то отношение к смерти Пикетта? Но с чего вдруг негру из Холщового города направлять свои кровавые помыслы на безобидного английского чиновника, которого даже не было в Нью-Йорке во время убийства Пикетта?

И самым неприятным во всем этом деле было то, что я каким-то образом ухитрился вызвать острую неприязнь негра со шрамами на лице. Но я практически ничего о нем не знал. В моем распоряжении были исключительно подозрения, что он совершил два убийства и, вполне вероятно, собирался убить и меня.

Но если я прав, то не следует ли из этого, подобно тому как ночь следует за днем, что он повторит

свою попытку?

Глава 24

После беседы с капралом Грантфордом я не покидал дома, не приняв мер предосторожности. Я делал все возможное, чтобы не оставаться одному на улице по вечерам, и если не мог вернуться в компании, то нанимал экипаж или портшез. Даже при свете дня я старался избегать пустынных мест или больших скоплений людей, ибо в толпе можно было спокойно воспользоваться ножом или залезть в чужой карман.

Самые дикие мысли кружились в моей голове, точно воронье над останками овцы. У меня возникло ощущение, будто я ступил за границы нормальности и мне, подобно многим безумцам, очень скоро начнет мерещиться, что все хотят меня убить.

В конце концов я решил, что оптимальной тактикой станет самая очевидная. С Грантфордом я встречался в среду. И вышло так, что судья пригласил как Марриота, так и Таунли к нам в дом на обед в ближайшую пятницу. Миссис Таунли, естественно, тоже получила приглашение, но вежливо отклонила его, сославшись на слабое

здоровье.

— Пустые отговорки, — громким шепотом сказал мне капитан Винтур, пока его мать и жена приветствовали гостей. — Он ее стыдится. Ясно как день. Говорят, он женился на ней исключительно ради приданого и изящества в ней не больше, чем у мула. Он получил за нее двадцать тысяч фунтов, но, похоже, заключил худшую из всех своих сделок.

Итак, за столом нас было семеро: четверо Винтуров, Марриот, Таунли и я. В последнее время Винтуры редко позволяли себе увеселения, однако мистер Таунли и майор Марриот так много сделали для этой семьи, что судья счел необходимым устроить пышный прием, дабы отплатить им за доброту. Жалюзи были подняты, и дрожащее пламя свечей образовывало среди теней желтые теплые лужицы света, отражаясь в старом серебре, отполированном красном дереве и потускневшей неровной поверхности большого зеркала над каминной доской.

Еду подавали вполне заурядную, но вино было хорошим, в основном благодаря стараниям мистера Таунли. Миссис Винтур что-то непрерывно бормотала себе под нос, в то время как Мириам нарезала для нее хлеб и мясо и помогала есть.

Судья разглагольствовал о злодеяниях мятежников и нерешительности уполномоченных по установлению мира, безуспешно пытавшихся заключить соглашение между воюющими сторонами. Когда эта тема была исчерпана, судья перешел к обсуждению некомпетентности администрации и своекорыстии некоторых представителей судейского сообщества Нью-Йорка, ставивших собственные интересы выше лояльности королю.

Капитан Винтур, как обычно, говорил о капитане Винтуре; при этом он то и дело переводил горящий взор с жены на гостей. В своих речах он неизменно обращался ко мне; после той знаменательной партии в триктрак перед Рождеством он проявлял ко мне доброту, почитая своим другом, хотя, боюсь, и не равным себе. В присутствии дам Марриот и Таунли принимали не столь активное участие в общей беседе, но явно не обделяли своим вниманием миссис Арабеллу.

Было забавно видеть, какую власть она имеет над сидевшими за столом. Она ела немного, говорила мало, но всегда по делу. Таунли и Марриот соперничали за ее внимание. И действительно, в тот вечер миссис Арабелла казалась очень красивой. Впрочем, в этом не было ничего удиви-

тельного, поскольку она приоделась для приема гостей, да и пламя свечей всегда благоволит дамам.

Исполняя обязанности радушной хозяйки, миссис Арабелла бдительно следила за тем, чтобы Мириам делала все для удобства старой миссис Винтур и чтобы поток блюд и вин, которые Джосайя с Абрахамом подавали к столу, оставался неизменным. При всем при том она ни разу не заговорила с капитаном Винтуром.

Со мной миссис Арабелла также не перемолвилась ни словом. Стоявший между нами на столе массивный серебряный с позолотой канделябр существенно затруднял непосредственное общение. Хотя, быть может, она к этому и не слишком стремилась. Впрочем, один раз я случайно поймал на себе ее холодный, оценивающий взгляд, словно я был книгой домашних расчетов с плохо сведенным балансом. Но когда наши глаза встретились, она поспешно отвернулась.

После окончания трапезы скатерть со стола убрали и дамы собрались покинуть мужчин.

— Хетти-Петти, — грациозно склонив голову, прошептала мне старая миссис Винтур, когда я открыл перед ней дверь, и с вопросительной интонацией повторила: — Хетти-Петти?

— Тише, матушка! — перехватив мой взгляд, шикнула на нее миссис Арабелла.

Затем дамы удалились, оставив после себя шлейф из аромата розового масла.

По приглашению судьи джентльмены придвинули стулья поближе к огню. Оставшись наконец в обществе мужчин, я намеревался рассказать об итогах встречи с Грантфордом, но Марриот перехватил инициативу.

— Сэр, тот фузилер, которого я к вам направил, сообщил вам хоть что-нибудь полезное? — поинтересовался Марриот, причем достаточно громко, чтобы слышали остальные.

— Да, на самом деле да. Я был рад возможности продемонстрировать ему свою благодарность, — ответил я и, повернувшись к Винтурам и Таунли, объяснил: — Майор сумел найти одного из солдат, пришедших мне на помощь, когда прямо перед Рождеством на меня напали уличные грабители.

— Безобразие! — возмутился судья Винтур. — Подобные нападения теперь происходят чуть ли не ежедневно. Никакого уважения к закону!

— Вам удалось что-нибудь у него узнать? — спросил Таунли.

Я поставил бокал.

— Да, но пока не знаю, стоит ли придавать это-

му слишком большое значение. Тот фузилер и его товарищ гнались за мерзавцами до Холщового города, но, к сожалению, не смогли толком их разглядеть.

— То были негры? Вы, кажется, так говорили, сэр?

— Полагаю, что да. И солдат подтвердил мои подозрения. Его товарищ при свете мельком увидел лицо одного из них и отметил одну характерную особенность: у этого человека лицо было покрыто шрамами. По шраму на каждой щеке, шедшему от уголков глаз к краям рта.

Капитан Винтур потянулся к бутылке.

— Лично я отправил бы патруль в Холщовый город, сэр, — заявил он. — Вот что я сделал бы. И тогда можно было бы быстро выкурить оттуда этого дьявола.

— Это легче сказать, чем сделать. — Лицо Марриота стало багровым, возможно, от выпитого вина и огня камина, а возможно, от раздражения. — Сейчас в городе проживает двадцать или тридцать тысяч человек, и половина из них осела в Холщовом городе.

— Я уже встречал раньше негра со шрамами на лице, — сообщил я, решив не уточнять, что периодически вижу его во сне. — Несколько раз. Он

следил за нами, когда из Холщового города увозили тело несчастного мистера Пикетта. А еще он был возле Верхних казарм, когда там повесили беглого негра, обвиненного в этом убийстве.

— Вполне вероятно, что это тот самый человек, — заметил Таунли. — Они, как клопы, привлеченные запахом крови, сползаются поглазеть на чужие несчастья.

— Но разве это не странно?

Таунли со скучающим видом улыбнулся:

— Позвольте вам возразить. Если бы негодяя там не оказалось, это действительно было бы странным.

— Мистер Сэвилл, сэр! — воскликнул капитан Винтур. — Сочту за честь выпить с вами бокал вина. Давайте выпьем за то, чтобы напавшие на вас негодяи горели в аду!

Разговор, свернув с темы войны, перешел на общие вопросы. Я сидел молча, мысленно спрашивая себя, не свалял ли я дурака, позволив страхам взять верх над разумом. Впрочем, оставалось надеяться, что проблема как-нибудь сама собой разрешится. На дворе уже был февраль. Через месяц или около того, самое большее через восемь или десять недель, я отправлюсь домой, чтобы насладиться плодами своих трудов в этом

несчастном городе: буду жить в собственном доме с Августой и Лиззи, а моя карьера в Лондоне благодаря великодушной поддержке мистера Рэмптона будет цвести пышным цветом.

Тем временем остальные мужчины перешли к обсуждению того, как сложно стало доставать свежие продукты питания: мясо и овощи.

— Это наша единственная слабость, — сказал судья. — Хотя нет, скорее, фатальная слабость.

Капитан Винтур оторвал глаза от бокала:

— Наши набеги на Спорные территории наверняка восполнят нехватку продуктов, сэр. Ну и конечно, контрабандисты.

— Только отчасти, — заметил Таунли. — Но наши запасы постоянно уменьшаются, и чем дольше тянется война…

Капитан Винтур повернулся к Марриоту:

— Полагаю, армия направляет регулярные патрули в округ Уэстчестер, не так ли?

— Само собой. Как и повстанцы. И ополченцы с обеих сторон. — Майор невесело улыбнулся. — Отсюда, естественно, и название Спорные территории. Ведь мы постоянно спорим по этому вопросу. Впрочем, сейчас там осталось совсем немного скота.

— У меня возникла идея самому отправиться

туда, — заявил капитан Винтур, и в комнате внезапно стало тихо. — Конечно, когда заживет моя рана. И когда закончится чертова зима.

— Я решительно не советую вам этого делать, сэр, — нахмурился Марриот. — Вы ведь знаете: посещать в одиночку Спорные территории отнюдь не безопасно.

— Не в одиночку. Думаю, я мог бы присоединиться к патрулю. Или даже к ополченцам.

— Глупости, Джон! — возразил судья. — Риск очень значительный и никакой видимой выгоды.

— Позвольте с вами не согласиться, сэр. Если человек знает, где искать, то, уверен, выгода может быть весьма значительной. А кроме того, я понял, что мне не терпится снова увидеть Маунт-Джордж.

— Маунт-Джордж? Но зачем?

— Потому что поместье теперь мое, сэр. Ведь так? Маунт-Джордж и все, что там находится. Чем плохая причина?

Глава 25

Картина висела над камином в гостиной. Вид на неглубокую долину с разбитым там господским парком. Долина переходила в невысокий холм, на вершине которого стоял длинный белый особняк. Вдоль фасада тянулось крыльцо или веранда с фронтоном, поддерживаемым восемью колоннами. В дальнем конце долины коровы и овцы щипали травку под голубым небом с пухлыми белыми облаками.

Слева на переднем плане была изображена группа людей: джентльмен с планом или картой в руке и торчащей из кармана латунной подзорной трубой, элегантная молодая дама, державшая его под руку, маленькая девочка, не менее элегантная, прильнувшая к молодой даме, и маленький золотистый спаниель, сидевший у ног девочки. Рукой с картой джентльмен показывал на особняк, словно подчеркивая его красоту. Спаниель смотрел в другую сторону.

Прежде я не обращал особого внимания на эту картину. Однако разговор за обедом пробудил мое любопытство. Два дня спустя, после вос-

кресного посещения церкви, я повнимательнее присмотрелся к картине. Судья с сыном находились в библиотеке, а я составлял компанию дамам в гостиной. Мы пили чай, пытаясь согреться, поскольку в часовне Святого Павла сегодня утром было особенно холодно, несмотря на собравшуюся там паству.

— Это и есть Маунт-Джордж? — спросил я.

— Да, сэр, — ответила миссис Арабелла, не отрывая глаз от чайного подноса.

— А это ты сама, моя дорогая! — воскликнула старая миссис Винтур. — Еще совсем крошка. Очаровательно!

— Мне никогда не нравилось это платье, — заявила миссис Арабелла.

— А леди и джентльмен — ваши родители, мэм?

— Да.

— Мистер Фруд был привлекательным мужчиной, не правда ли? — По утрам у старой миссис Винтур, как правило, наступало просветление. — Но он никогда не был атлетом. Разве нет, моя дорогая? Его интересовала наука. Ничто не доставляло ему большего удовольствия, чем препарирование мертвой птицы или постукивание молотком по куску скалы. А однажды я видела,

как он насаживает на булавку бабочку. Она была очень красивой.

Я повернулся к миссис Арабелле:

— Увлечения мистера Фруда лежали в сфере науки?

— Да, сэр. В основном его привлекала натурфилософия. Он вел переписку с Королевским обществом на самые разные темы.

— Джентльмены иногда развлекаются самым причудливым образом, — с удивлением в голосе произнесла миссис Винтур. — Белла, может, хорошо, что твоя бедная мать умерла молодой. Уверена, ей все это не слишком нравилось.

— Очень красивое поместье. — Я попытался перехватить нить разговора и сменить не слишком приятную для миссис Арабеллы тему.

— Художники любят преувеличивать, — проронила миссис Арабелла. — Они всегда так делают. Не сомневаюсь, что в Англии резиденции благородных господ намного изысканнее, а их размеры намного внушительнее.

— Вовсе нет, мадам, — возразил я. — Точнее, это можно сказать далеко не обо всех английских домах. Впрочем, так или иначе вы наверняка с нетерпением ждете того дня, когда война закончится и вы сможете вернуться в Маунт-Джордж.

— Но только не зимой, — вмешалась в разговор миссис Винтур. — Зимой там вообще нет светского общества. Мы всегда проводили зимы в Нью-Йорке. За исключением одного раза, когда уехали в Лондон.

Миссис Арабелла бросила взгляд на картину.

— Сейчас Маунт-Джордж выглядит совсем по-другому, — прошептала она. — В любом случае мне не хотелось бы все это видеть.

— Возможно, мадам, — улыбнулся я Арабелле. — Но когда печальные события закончатся, мы вернемся к нашей прежней жизни. И следы любых повреждений или запустения наверняка очень скоро будут устранены…

— Вы меня не поняли, сэр, — перебила она. — Я больше не желаю видеть это поместье, в каком бы состоянии оно ни находилось.

— И в самом деле, зимой в деревне очень холодно. — Старая миссис Винтур принялась энергично кивать, словно соглашаясь со своей невесткой, после чего заметила: — Сердце мерзнет.

Девятнадцатого февраля, через несколько дней после этого разговора, пакетбот «Меркьюри» доставил из Фалмута декабрьскую корреспонденцию. Мои письма ждали меня в штаб-квартире, куда я и зашел по дороге на Брод-стрит.

Я открыл их только тогда, когда вернулся в контору, где сразу уединился в комнате в задней части здания, которой редко пользовался в столь ранний час. Я устроился на диванчике в эркере, откуда открывался прекрасный вид на море. Серая вода была покрыта бесконечными клочьями белой пены. Залив пересекал военный транспортный корабль, направлявшийся в сторону Статен-Айленда. Чайки рваной тучей летели в кильватере корабля.

Домой, подумал я. *Прошу тебя, Господи, позволь мне вернуться домой.*

Письма пришли в двух пакетах. Я сломал печать пакета потоньше, надписанного почерком моей сестры; мистер Рэмптон услужливо отправил ее корреспонденцию через наш департамент. Внутри лежал сложенный вдвое лист бумаги. Когда я развернул его, оттуда выпала прядь светлых волос, которая непременно упала бы на пол, если бы я вовремя не поймал ее.

Завиток волос, похожий на крошечный золотистый бантик, был перевязан потрепанной на концах голубой ленточкой. Внизу листа я увидел карандашный рисунок корабля с двумя мачтами, плывущего по изломанной поверхности моря. За той мачтой, что повыше, стояла похожая на

палку фигура. Под рисунком шли две строчки, написанные неровным почерком и покрытые кляксами:

Дорогой папочка! Спасибо за куклу. Это корабль, который плывет домой. Человек на палубе – это ты. Посылаю тебе свою горячую любовь и почтение.

Элизабет

Бóльшую часть страницы занимало письмо от сестры. Сестра писала, что у Лиззи все в порядке и она в восторге от куклы, которую тетя подарила малышке на день рождения от моего имени. Девочка слегка занедужила, но ей сделали промывание желудка, а дядя пустил ей кровь, и теперь она чувствует себя гораздо лучше. В прошлое воскресенье она заснула в церкви во время проповеди, за что получила нагоняй.

Через секунду я сложил бумагу с прядью волос и положил в карман жилета, где хранилась игральная кость, которую я нашел возле тела мистера Пикетта. Во рту появилась странная сухость, в висках застучала кровь. Я выглянул в окно. Транспортный корабль по-прежнему преодолевал свинцовые волны, но чайки исчезли.

Письмо Рэмптона лежало на диванчике рядом

со мной. Я вскрыл пакет. Аккуратный мелкий почерк моего начальника заполнял всю страницу, залезая за поля и перекрывая написанные строчки. Бережливость, как любил говорить мистер Рэмптон младшим клеркам Американского департамента, должна стать нашим девизом; ни у него, ни у его величества нет неисчерпаемых запасов бумаги. Через мгновение мои глаза выхватили отрывок, особенно сильно подействовавший на меня.

Не далее как неделю назад лорд Джордж любезно намекнул мне, что наличие собственного источника информации в Нью-Йорке оказалось бесценным. Поэтому он хочет, чтобы Вы задержались в Нью-Йорке еще на несколько месяцев, возможно до осени, ну а к тому времени этот злополучный бунт станет не более чем воспоминанием.

Я чертыхнулся. И со злостью лягнул ногой стену.

Вы наверняка помните убийство в прошлом августе джентльмена-лоялиста мистера Пикетта, о чем Вы докладыва-

ли в Вашем первом письме из Нью-Йорка. Как я заметил, Вы упомянули сестру покойного, которую местные власти не потрудились найти. Оказывается, эта дама находится в Англии; она замужем за бристольским торговцем по фамилии Дорнфорд. Она получила письмо от брата, написанное незадолго до его смерти. В письме мистер Пикетт писал, что опасается за свою жизнь, поскольку располагает информацией о шкатулке с диковинками, содержание которой, пишет он, сделает его сказочно богатым и снимет проклятие войны.

Я снова пнул стену.

Что крайне странно, и мы можем счесть это чудачеством или уловкой отчаявшегося человека с целью одолжить у сестры деньги. Однако не лишено вероятности, что мистер Пикетт говорил чистую правду и его убили повстанцы, чтобы завладеть большой суммой денег.

Впрочем, все это могло бы нас и не заинтересовать, если бы деверь вышеупомянутой дамы не являлся поверенным

лорда Норта в Сомерсете, что позволило этому человеку обратиться от имени миссис Дорнфорд к его светлости с просьбой разобраться в этом деле. Его светлость соблаговолил поднять данный вопрос в разговоре с лордом Джорджем. И по просьбе последнего я подготовил меморандум, основанный на полученной от Вас информации по данному делу.

Иными словами, мистер Рэмптон позаботился о том, чтобы как можно больше дистанцироваться от расследования обстоятельств смерти Пикетта. Поскольку делом внезапно заинтересовался сам лорд Норт, премьер-министр Великобритании, мистер Рэмптон не захотел, чтобы его имя было связано с расследованием, оказавшимся незаконченным и, возможно, проведенным с фатальными ошибками. Но худшее было еще впереди.

Рассмотрев все обстоятельства, их светлости решили, что дело заслуживает дальнейшего расследования. И лорд Джордж полагает, что Вы являетесь наиболее подходящим человеком для выполнения данной миссии. Тем не менее

он требует от меня, чтобы я призвал Вас соблюдать максимальную осмотрительность. Ибо, если убийство не было совершено под влиянием момента беглым рабом, оно могло быть частью заговора бунтовщиков, а мы не хотим насторожить настоящих преступников.

Перекатывающиеся периоды прозы мистера Рэмптона подошли к приличествующему его высокому положению завершению. В формальном постскриптуме после поставленной подписи он добавил, что, насколько ему известно, его племянница Августа находится в добром здравии. Из чего я понял, что сама Августа не удосужилась написать мне, а кроме того, я понял, что подобное пренебрежение не слишком меня расстроило.

Внезапно я услышал в коридоре хромающие шаги. Похоже, кто-то только что вышел из приемной. Я встрепенулся. Ко мне, припадая на больную ногу, направлялся Марриот, его лицо раскраснелось.

— Мистер Сэвилл, мне сказали, я могу найти вас здесь. Что вы тут делаете? Прячетесь ото всех?

— Мне хотелось уединиться, сэр, — не сдержался я. — И все еще хочется.

— Вы не найдете уединения в этом треклятом городе. Вам давно пора это понять! Но так или иначе, какого черта тут происходит?

— Вы о чем?

Он остановился прямо передо мной:

— Об этой чуши насчет шкатулки с диковинками.

Глава 26

— А вот и он! — оттолкнув меня в сторону, чтобы лучше видеть, воскликнул Марриот. — Черный дьявол! Цельтесь в ноги! Огонь, без команды!

Раздались нестройные звуки выстрелов. Но ни один из них не достиг цели. Высокий негр в выцветшем красном мундире продолжил петлять между развалинами. При всей своей массивности он оказался достаточно проворным.

— Дубины стоеросовые, за ним!

Все происходило в середине дня, однако день шел на убыль, и февральский мороз крепчал. Солдаты, отягощенные снаряжением, углубились в Холщовый город. Они не успели перезарядить оружие, но их снабдили морскими кортиками, которые были короче, а потому, по словам Марриота, больше, чем обычные сабли, подходили для боя в условиях ограниченного пространства. В составе роты, откомандированной на этой неделе в Холщовый город, было семь человек: шесть рядовых и капрал из Королевского американского полка.

— Он направляется в сторону дороги! Живее!

Негр исчез из виду за торцовой стеной, оставшейся от бывшей конюшни. Капрал, пытавшийся громкой руганью заставить солдат разделиться на две группы, внезапно поскользнулся и упал, после чего его голос замер.

— Идиоты! — пробормотал Марриот. — Дубины!

Земля, неровная и предательски скользкая, была покрыта обледеневшими лужицами воды. Над замерзшим снежным месивом нависало свинцово-серое небо. И ни одного человека в пределах видимости. Когда солдаты маршем прошли вверх по дороге, Холщовый город буквально кишел людьми, но сейчас все они, как по сигналу, разбежались, хотя наверняка прятались где-то поблизости: я чувствовал на себе неприязненные взгляды.

— Этот дьявол делает из нас дураков.

Через три дня после прибытия декабрьской почты Марриот получил наводку от информатора. В Холщовом городе этот самый негр был известен как Лицо со Шрамом. Похоже, он даже гордился своим уродством. Я сразу разглядел Лицо со Шрамом среди кучки людей, расположившихся вокруг костра; красный мундир и высокий рост

выделял его из общей массы. Солдаты, подобно своре гончих, бросились за ним в погоню.

— Они все запороли. — Марриот достал пистолет и захромал по раскисшей тропе в сторону перекрестка.

Марриот, должно быть, вычислил, что негр рассчитывает добраться до Бродвея, где толпы народа и лабиринты улиц помогут ему скрыться, а на перекрестке будет более четкая линия видимости в двух направлениях.

Я медленно последовал за майором, пробиравшимся между горами мусора, битого кирпича, стекла и шифера. Сердце мое билось сильнее обычного. Я мечтал, чтобы это малоприятное дело поскорее закончилось. Охота на людей была крайне опасным предприятием, и мне оно совсем не нравилось.

Пустившиеся наутек обитатели здешних мест в спешке побросали свои нехитрые пожитки, в том числе грубое одеяло, нож со сломанным лезвием, почерневший горшок с какой-то коричневой жидкостью и несколькими костями, оставленный на тлеющих углях. Я бывал в Уайтфрайарсе и Сент-Джайлсе, лондонских трущобах, но нищета Холщового города была совсем иного рода. Здесь, в самом сердце большого города, бедняки жили,

как дикие животные, не имея ни прав, ни крыши над головой, ни, что хуже всего, надежды.

Из развалин справа до меня донеслись крики и звуки торопливых шагов. Марриот, оказавшийся в двадцати-тридцати ярдах впереди, настороженно крутил головой. Кроме пистолета, у него была утяжеленная свинцом трость.

Внезапно из проема в выходящей на дорогу кирпичной стене с пронзительным воплем выскочил Лицо со Шрамом. Марриот споткнулся и рухнул под тяжестью негра.

Я со всех ног бросился к ним. Впоследствии я так и не смог понять, почему не побежал в другом направлении. Мной как будто кто-то управлял. И свободы выбора у меня было не больше, чем у лошади, пришпориваемой опытным всадником.

Размахивая тростью и оглашая воздух громкими криками, я неуклюже бежал вниз по дороге. Марриот лежал лицом вниз, придавленный мощным телом навалившегося на него негра. Майор задыхался, как выброшенная на сушу рыба, и рычал от бессильной ярости.

Лицо со Шрамом вырвал у майора пистолет и с силой ударил его рукояткой по голове, отчего тот взвыл от боли, а затем обмяк. Лицо со Шрамом поднял пистолет и ребром ладони взвел курок.

Ствол смотрел прямо на меня. Я находился буквально в двух шагах от лежавших на земле мужчин. Впервые за все это время я смог хорошо разглядеть негра. Черты его бесстрастного лица свидетельствовали о явной примеси европейской крови. Розовые рубцы извивались по щекам от уголков губ, создавая впечатление карикатурной безрадостной улыбки.

Я замахнулся тростью и, описав ею широкую дугу, ударил вслепую. Палец негра еще сильнее надавил на спусковой крючок. Щелкнул ударник. Грянул выстрел. Все произошло в мгновение ока.

Пуля пролетела так близко от меня, что я почувствовал дуновение воздуха на щеке. Впрочем, я ничего не увидел, ибо, к своему величайшему стыду, по какой-то детской абсурдной логике закрыл глаза в слабой надежде, что если встречу смерть в темноте, то она меня не заметит и пройдет мимо.

По моей руке пробежала дрожь. Я оступился и упал. Выпустил из рук трость. У меня над ухом кто-то охнул. Послышались чьи-то шаги и громкие крики.

Наконец я решился открыть глаза. Рядом со мной был Марриот. Он стоял на четвереньках, раскачиваясь из стороны в сторону и горестно

стеная. Шляпа слетела у него с головы. По лицу текла кровь. Парик валялся в луже грязной воды со льдом. Красные капли струйкой стекали в серую воду и сразу растворялись.

Лицо со Шрамом исчез.

— Как я ненавижу Нью-Йорк! — заявил Марриот. — Чтоб ему провалиться в тартарары!

Мы сидели напротив друг друга в кабинке таверны «Виноградная гроздь». Занавеска была задернута, чтобы не мешали посторонние, на столе стояла бутылка бренди. Марриот не позволил военному хирургу перевязать рану. Всего-навсего жалкая царапина, заявил майор, и если бы этот негр не удрал, то он, Марриот, заставил бы подлого труса дорого заплатить за нее.

Рукоять пистолета майора была отделана чеканной сталью, которая и оставила длинную ссадину на его скуле. Рассеченная кожа уже начала покрываться коркой, но рана, судя по тому, как сильно она распухла, была болезненной. Синяк с каждой минутой становился все темнее и заметнее.

Марриот поставил бокал и откашлялся.

— Я должен поблагодарить вас, сэр, — произнес он почти обвинительным тоном.

— Не стоит благодарности, сэр.

— Нет, я серьезно. Вы спасли мою шкуру. Тот негодяй едва меня не убил. Ну что теперь будем делать?

Он уставился на пламя одинокой свечи на столе, будто пытаясь найти ответ. Я прислонился к мягкой обивке стенки кабинки. По другую сторону синей занавески, в обеденном зале, мужчины болтали, смеялись, курили, читали газеты и играли в игры. В воздухе висел сизый туман от дыма трубок, сигар, ламп и свечей. Но здесь, в кабинке, мы словно были одни во Вселенной. Ничто не отвлекало нас от обсуждения сложного положения, в котором мы оказались.

— Чертовски гнусное дело! — Марриот налил бренди в бокалы, закапав стол. — Ни одной зацепки. Ты словно гонишься… гонишься за облаками.

— По крайней мере, человек может видеть облако, — заметил я.

— Э-э-э? — Марриот наградил меня сердитым взглядом, но, уловив наконец смысл моих слов, хрипло рассмеялся. — Да, уверен, это очень забавно. А как насчет той шкатулки с диковинками? Что все это значит? И при чем здесь Лицо со Шрамом, черт бы его побрал?!

Какое-то время мы пили молча. Я не стал говорить о том, что капитан Винтур тоже упо-

минал шкатулку с диковинками во время игры в триктрак два месяца назад. Эта шкатулка с диковинками сулила ему, как и бедняге Пикетту, огромную прибыль.

Все наши беды останутся позади.

Но тогда Винтур напился вдрабадан, да и я сам был не слишком трезвым. И вообще, не просматривалось никакой явной связи между ним и убийством Пикетта. Как-никак капитан в то время находился в Канаде, а его семья даже не знала, жив он или погиб. Нет, наверняка это чистой воды совпадение, и только, однако я твердо решил выяснить, были ли эти двое знакомы.

Впрочем, одно мы знали наверняка: лорд Джордж Джермейн относился к данному вопросу крайне серьезно. Он не только приказал мистеру Рэмптону привлечь меня к расследованию, но и написал об этом в постскриптуме в письме генералу Генри Клинтону, главнокомандующему британскими войсками в Северной Америке. Генерал Клинтон, в свою очередь, написал генералу Джонсу, военному коменданту города, который, естественно, перепоручил дело Марриоту, поскольку именно он с самого начала занимался убийством Пикетта.

Означало ли это, что Джермейн что-то знал о

том, о чем заявлял Пикетт? Или Джермейн просто хотел угодить лорду Норту, подобно тому как верный пес пытается исполнить любые, даже самые безумные требования хозяина?

— Как, по-вашему, вам удастся его найти, сэр? — прервал я затянувшуюся неловкую паузу.

— Лицо со Шрамом? Возможно. — Майор, поморщившись, промокнул рану уголком смоченного в бренди носового платка. — Однако в Нью-Йорке больше дыр, чем в дуршлаге. Десять к одному, что он скроется на Лонг-Айленде или на Спорных территориях. Впрочем, так или иначе, это не имеет значения.

— На самом деле мы точно не знаем, сможет ли он нам чем-то помочь, — сказал я. — И мы не можем прямо связать его с мистером Пикеттом. Но он слишком часто возникал в ходе следствия, чтобы мы могли его игнорировать. Нам необходимо с ним пообщаться.

— Все это, конечно, очень хорошо, сэр, — кивнул Марриот, — но я не уверен, что у нас появится такая возможность.

— Можно найти и другие подходы. Перед тем как приехать в Нью-Йорк, мистер Пикетт провел несколько недель в Филадельфии. Он вполне мог с кем-нибудь поделиться. А кроме того, нам сле-

дует наведаться на Бикман-стрит, где он снимал комнату. И конечно, мы должны снова расспросить о нем Винтуров.

— Не думаю, что нам стоит беспокоить Винтуров. Это их расстроит.

— Винтуры — единственные, к кому, по нашим сведениям, он приходил, — возразил я.

— Они едва обменялись парой фраз.

Тут я заметил, как по занавеске в кабинке пробежала рябь.

— Вы голодны, сэр? Уверен, вам понравятся лепешки или кусок пирога.

— Еда? — Марриот с размаху поставил бокал на стол. — У нас нет времени…

Я отдернул занавеску. За ней, буквально в ярде от нас, стоял Таунли. На его губах играла приятная улыбка, поднятая рука сжата в кулак, словно занавеска была дверью, в которую Таунли собирался постучать.

— Ах, как я рад вас видеть! — воскликнул он. — Ноак сказал, что я найду вас в таверне «Виноградная гроздь», и это весьма кстати, поскольку я хотел поговорить с вами обоими.

Марриот растерянно заморгал, слегка привстал на стуле и поклонился. Он сидел вполоборота к Таунли, и тот не видел его поврежденную щеку.

— К вашим услугам, сэр. Но…

— Не возражаете, если я к вам присоединюсь?

Таунли махнул официанту и проскользнул на скамью рядом с майором. Интересно, как долго он стоял за занавеской и что именно мог услышать?

— Но почему вам вдруг понадобилось со мной поговорить? — Язык у Марриота слегка заплетался.

— Точнее, с вами обоими, — улыбнулся мне Таунли. — Я пришел пригласить вас в театр.

— Что? С чего вдруг?

— Я заказал ложу на пятницу. Винтуры тоже будут. Ну… судья, капитан и, конечно, миссис Арабелла. Боюсь, миссис Винтур не сможет присоединиться к нам. Это совсем маленькая плата за их гостеприимство тем вечером. Тем более что, по словам миссис Арабеллы, в последний раз она была в театре в прошлом году, когда там давали «Спасенную Венецию». Вот я и подумал, что просто обязан пригласить в нашу маленькую компанию майора Марриота и мистера Сэвилла. Ну а потом сходим поужинать в таверну Фронса.

— Чудесно! — обрадовался я. — А какую пьесу будем смотреть?

— «Отелло». Шекспир, как никто другой, описывает возвышенные чувства, хотя его язык не

столь утонченный, как хотелось бы, да и конструкции недостаточно отточены. — Таунли улыбнулся и пожал плечами, словно приглашая нас посмеяться вместе с ним над его потугами в области театральной критики. Он повернулся к Марриоту. — Вы присоединитесь к нам, сэр? Я знаю, Винтуры не меньше меня будут рады вашему обществу.

— Да, сэр. Спасибо… я… премного вам благодарен.

Появился официант. Мы заказали еще бренди, тарелку лепешек и попросили принести еще один бокал.

— Что ж, весьма недурно, — заявил Таунли, когда ушел официант. — Обычно я пью спиртное лишь поздно вечером. Однако погода такая сырая, что не помешало бы согреться. — Он окинул нас испытующим взглядом. — Джентльмены, почему вы такие серьезные? У вас такой вид, будто вы что-то замышляете.

Марриот повернул голову. Пламя свечи осветило поврежденную щеку.

— Боже правый, сэр! — ужаснулся Таунли. — Что, черт возьми, вы сделали со своим лицом?!

Глава 27

Я вернулся к ужину на Уоррен-стрит не совсем трезвым, что в результате привело к определенным последствиям. Алкоголь развязывает язык. Впрочем, я не был пьяным, отнюдь, в отличие от Марриота, которого нам с Таунли пришлось усаживать в экипаж, когда мы покинули таверну.

Мистера Винтура я застал за изучением карты. Судья разложил карту на большом столе посреди библиотеки и внимательно изучал ее со свечой в руке. Комнату освещали лишь огонь в камине да пламя второй свечи, которая оплывала в подсвечнике, стоявшем на другом углу карты вместо пресс-папье.

— А-а-а… очень хорошо, — увидев меня, обрадовался судья. — Теперь у меня есть с кем пропустить бокал вина за ужином. Мой сын уехал и вернется поздно.

Я посмотрел на карту и увидел написанное сверху название.

— Значит, это и есть Маунт-Джордж, сэр?

— Да. Это план поместья, сделанный в свое время мистером Фрудом. А скорее, план дома и

прилегающих владений. В целом поместье гораздо больше. Джон на днях упоминал о нем, да и Ноак тоже. Я обещал поискать для них этот план.

— Ноак?

— Да. Мои книги и бумаги находятся в плачевном состоянии, и он помогает мне навести порядок. На это, скорее всего, уйдут годы, однако Ноак считает, что карта может прояснить некоторые аспекты его системы классификации для поместья Фруда.

Судья поднял свечу. Но свет был слишком тусклым, чтобы я мог хорошо рассмотреть детали. Дом, конюшни и фермерские постройки располагались справа. За домом находились пастбища, поля, загоны для скота и сады. В отличие от висевшей в гостиной картины, карта давала чисто практическое представление о Маунт-Джордже: нечто такое, что представляет интерес для фермеров, юристов и торговых агентов.

— Мы с миссис Винтур провели там несколько месяцев в то лето, когда Джон и Белла обручились, — сообщил судья. — На редкость приятное место и удивительно плодородная земля. Бедняга Фруд. В свое время я считал его счастливейшим из людей.

— Он умер вскоре после помолвки?

— В самом начале войны. Очень печальная история. — Судья отошел от стола. — Вы что-то хотели?

— Сэр, сегодня утром я получил письмо от мистера Рэмптона. Мою миссию продлевают. Возможно, до осени.

— Мистер Сэвилл, вы ведь останетесь у нас? Уверен, мои домочадцы будут очень рады.

Дело было улажено в мгновение ока, хотя судья заявил, что ему нужно посоветоваться с дамами, исключительно для проформы.

— Белла говорит, я должен считать этот дом своим, — произнес он. — Но я не хочу пользоваться ее добротой. Сейчас самое удачное время. Полагаю, мы найдем дам в гостиной.

— Но сперва, сэр, могу я сказать кое-что еще? К сожалению, должен сообщить вам, что мистер Рэмптон хочет, чтобы я снова покопался в причинах смерти мистера Пикетта. Оказывается, у него в Англии есть сестра.

— Пикетт? — Мистер Винтур убрал второй подсвечник, и карта тотчас же свернулась в рулон. — Вы о том несчастном молодом человеке, которого убили прошлым летом?

— Да, сэр.

— Ну конечно. Роджер Пикетт, ведь так? За это

убийство повесили беглого негра?

— Но вам ведь известно, что собой представляют ведомства губернатора? — спросил я. — Они едва двигаются, совсем как улитки, и требуют, чтобы им все по пять раз повторяли.

— Боюсь, тут я вам не помощник. Я встречал мистера Пикетта лишь однажды. В этом доме. А знаете, ведь до войны у нас не было всех этих жутких убийств.

— Нет, я не знал. Скажите, вам удалось с ним побеседовать?

— Практически нет. Видите ли, мне нужно было уходить по делам. Если я ничего не путаю, я собирался встретиться с судьей Джонсом, чтобы обсудить перспективы восстановления нью-йоркских судов. Если правительство продолжит ставить нам палки в колеса, оно обречено топтаться на месте.

Я поклонился, не желая продолжать эту уже приевшуюся мне дискуссию.

— А вы помните, о чем вы тогда говорили с мистером Пикеттом? И как он вам показался?

— С тех пор столько воды утекло… Думаю, он пытался держаться с достоинством. Хотя явно чувствовал себя не в своей тарелке. Что, впрочем, в последнее время свойственно многим из нас.

Но у меня едва хватило времени сказать ему «здравствуйте». Вам лучше спросить миссис Арабеллу. Она еще оставалась дома, когда я уходил, и, конечно, в отличие от меня, немного знала его раньше. — Судья слегка понизил голос: — Боюсь, вы сочтете меня плохим христианином, но в тот раз я решил, что он пришел одолжить денег.

— И еще одно, сэр. Полагаю, он не упоминал шкатулку с диковинками?

— Шкатулку с диковинками? — нахмурился судья. — Нет. Почему вы спрашиваете?

— Насколько я понимаю, его сестра считает, что, возможно, у него имелось нечто подобное.

— Вполне вероятно. Они есть у многих джентльменов. До войны это было модно. Помню, у моего бедного брата тоже была такая. Когда он был в Европе, то собирал миниатюрные предметы антиквариата: печати, монеты и тому подобное. И даже заказал в Лондоне для них специальный ящик. Интересно, где он сейчас? А разве в шкатулке мистера Пикетта хранилось что-нибудь ценное?

— Не исключено. Но я даже не знаю, что конкретно он собирал и имелась ли у него вообще такая шкатулка.

На этом тема была исчерпана. Мы прошли

через холл в гостиную. Дамы сидели перед камином. Миссис Арабелла читала вслух свекрови, которая, похоже, дремала.

Нам потребовалась ровно одна секунда, чтобы уладить вопрос с моим пребыванием на Уорренстрит. Судья Винтур вернулся в библиотеку под тем предлогом, что ему нужно привести в порядок бумаги до ужина, ибо в противном случае Ноак во время следующего визита выскажет ему свое недовольство.

— Ваша дочь наверняка расстроится, — сказала миссис Арабелла.

— Хетти-Петти, — обращаясь к огню в камине, пробормотала старая миссис Винтур.

— Да, бедная Лиззи, — кивнул я. — Она будет очень разочарована. Впрочем, как и я.

— А вы, случайно, не думали о том, чтобы перевезти ее сюда? Ну и конечно, вашу супругу тоже.

— Мэм, Лиззи еще совсем маленькая, и ей вполне комфортно там, где она сейчас. Если бы я послал за ними, то они с матерью смогли бы приехать не раньше чем через три-четыре месяца. А миссис Сэвилл не любительница морских путешествий; она и в лучшие времена предпочитала оставаться в Лондоне. А кроме того, где бы они здесь жили?

— Они могли бы остановиться у нас.

— Вы чрезвычайно добры. Но Нью-Йорк не лучшее место для маленького ребенка. По крайней мере, сейчас.

Миссис Арабелла опустила глаза:

— Вы совершенно правы. Прошу меня извинить. Я позволила сердцу взять верх над разумом.

— В этом нет ничего дурного, мэм.

Миссис Арабелла вскинула голову. В ее глазах промелькнул отблеск огня в камине.

— Тут я могу с вами поспорить, — заявила она.

— Что ж, у меня не было подобного опыта.

В моих словах прозвучало гораздо больше горечи, чем я рассчитывал. Я отвернулся и протянул руки к огню. Подбородок старой миссис Винтур опустился на грудь. Рот открылся, и она едва слышно захрапела. Боже правый, подумал я, какого дурака я свалял, женившись на Августе!

— Мне вас искренне жаль, — проронила миссис Арабелла.

— Жаль?! — Я невольно повысил голос. — Жаль?! — Мне, конечно, не следовало срывать на миссис Арабелле свою глупую злость на Августу и Рэмптона, и я постарался смягчить свой тон. — Прошу прощения, мэм. Впрочем, я собирался,

если можно, поговорить с вами совсем на другую тему. О мистере Пикетте.

— О мистере Пикетте? — эхом отозвалась миссис Арабелла. — С чего вдруг?

— Мне приказано еще раз изучить обстоятельства его убийства. — Я посмотрел на миссис Арабеллу; она отвернулась, чтобы положить книгу на стол рядом с собой. — Думаю, сестра мистера Пикетта ходатайствовала о новом расследовании перед лордом Нортом.

— Сэр, но я ничего об этом не знаю.

— Он заходил сюда за несколько дней до своей смерти.

— Да, но он пробыл здесь всего пару минут, и если на то пошло, я почти не знала его. Не о чем говорить.

— Прошу прощения, мэм. Не люблю совать нос в чужие дела, но мой долг — узнать подробности вашей беседы. О чем вы разговаривали?

— Это было ужасно давно. — В голосе миссис Арабеллы я уловил едва скрытую злость, в чем не было ничего удивительного, учитывая мою слишком высокомерную манеру поведения. — Собственно, ничего существенного. Ой, кажется, он сказал, что приехал сюда из Филадельфии, но из-за эвакуации там творился самый настоящий

хаос.

— Он обращался к вам с какими-либо просьбами?

— Что вы имеете в виду?

— Например, с просьбой одолжить ему денег, — спросил я, но миссис Арабелла в ответ лишь молча покачала головой. — А он, случайно, не рассказывал о своих планах? Или о своих друзьях в городе?

Она снова покачала головой:

— Он не сказал ничего особенного, сэр. Положа руку на сердце, Пикетт мне не слишком нравился, и я была рада от него избавиться. Я сочла неуместным, что он решил зайти к нам, несмотря на наше шапочное знакомство. Как я уже говорила, мой отец встречался с ним по какому-то пустяковому делу, и не более того. Этот человек считал себя пупом земли, да и вообще был плохо воспитан. Терпеть не могу подобных мужчин и стараюсь с ними не общаться.

Я почувствовал, как кровь прилила у меня к лицу, поскольку слова эти относились в равной степени как к Пикетту, так и ко мне.

— Прошу прощения, мэм. Еще один вопрос, и на этом все. Он, случайно, не упоминал о шкатулке с диковинками?

— Нет, ничего подобного, — сказала миссис Арабелла чуть громче, чем следует, и миссис Винтур всхлипнула во сне. — Будьте так любезны позвонить в колокольчик, сэр. Ума не приложу, чем они там на кухне занимаются. Уже давно пора подавать ужин.

Глава 28

Два дня спустя, в среду утром, мы с Марриотом снова посетили дом на Бикман-стрит, где Пикетт снимал комнату в последние дни своей жизни. Наша совместная миссия ненадолго сблизила нас с майором.

Хозяйка дома вдова Мюллер была неряшливой пышнотелой дамой с пухлыми руками, крупным подбородком и обезьяньим лбом.

— Пикетт? — спросила она. — Это тот мужчина, который позволил негру себя прикончить?

— Да, мэм, — ответил я. — Мы приходили обыскивать его комнату, если помните.

— Знаю, что приходили. Но вы не оплатили его счет. Так?

— Это к делу не относится! — отрезал Марриот. — А у него были посетители, пока он здесь жил?

— Не знаю, и мне, в общем-то, наплевать.

— Если не придержите язык и не станете отвечать на наши вопросы, я отзову вашу лицензию на содержание меблированных комнат.

— Я ведь ясно сказала, что не знаю, были ли у

него посетители.

— А как насчет ваших слуг? — спросил я.

— Уборкой занимается одна-единственная девушка. Но она для него почти ничего не делала. Он был гол как сокол, а живущие здесь господа должны платить, если им нужно, чтобы их обслужили. К тому же она слегка придурковатая и…

— Мы с ней поговорим, — перебил Марриот. — Позовите ее.

Вдова Мюллер что-то недовольно проворчала, но крикнула служанке, чтобы поднялась к нам, и та вскоре появилась, на ходу вытирая руки о грязную тряпку. Это была мулатка, такая же необъятная, как и ее хозяйка, босая, несмотря на холод, с глазами, словно две ягоды терновника. Увидев нас, девчонка сделала символический реверанс и дерзко уставилась сперва на Марриота, затем — на меня.

— Ты помнишь мистера Пикетта, жившего здесь прошлым летом? — спросил я.

Служанка кивнула.

— Без гроша в кармане, — подсказала вдова Мюллер, придерживаясь сути дела. — Его еще пришили в Холщовом городе.

— Придержите язык, мэм! — одернул ее Марриот.

— Ты с ним разговаривала?

Девчонка наградила меня смелым взглядом:

— Ваша честь, он хотел, чтобы я стирала ему белье. Но хозяйка сказала «нет», поэтому я не стала.

— Тоже верно, — подтвердила вдова.

— У него были какие-нибудь посетители, пока он жил здесь?

— Нет, сэр.

— Кто-нибудь его спрашивал или что-нибудь ему приносил?

— Нет, сэр. Ну… разве что тот нищий.

— Что? А? Что такое? — навис над ней Марриот.

Я поспешил вклиниться между ними:

— А чего этот нищий хотел?

— Просто спросил, живет ли здесь мистер Пикетт, ваша честь, а потом отдал мне письмо.

— Ты имеешь в виду письмо для мистера Пикетта? Как выглядел тот человек?

— Большой негр, — ответила она. — Красный мундир. Кто-то изрезал его лицо, точно баранью ногу.

Больше мы ничего не смогли вытянуть из девчонки или ее хозяйки. Они ничего не знали ни о сестре мистера Пикетта, ни о шкатулке с

диковинками.

— Этого идиота словно и не существовало. Он практически не оставил следов, — заметил Марриот, когда мы возвращались в форт Джордж. — Что, черт возьми, они хотят, чтобы мы сделали?!

— А как насчет того негра с письмом?

Майор не ответил. Негр в красном мундире вполне мог быть Лицом со Шрамом. Но зачем он приходил на Бикман-стрит? И от кого было письмо? И если негр убил Пикетта, зачем было заходить к нему, словно для того, чтобы объявить о связи между ними?

В последующие несколько дней мы не нашли ответа ни на один из наших вопросов. В том числе о местонахождении негра со шрамом. Он буквально выскользнул из наших рук.

Кроме того, мы с Марриотом пообщались с джентльменами, с которыми Пикетт столкнулся во время своего непродолжительного пребывания в Филадельфии. Однако их знакомство было чисто шапочным, да и в любом случае отступление британцев из города вытеснило из умов местных жителей все остальное. В городе было полно чужаков.

А еще нас тормозила необходимость проводить

расследование тайно от всех. Мы не могли предложить награду за информацию о Пикетте или дать объявление в газету. Мы не могли сделать Таунли нашим союзником, поскольку даже с ним рисковали больше потерять нежели выиграть.

— С Таунли никогда не знаешь, чего ждать, — как-то раз признался мне Марриот в нехарактерном для него приливе откровенности. — Лично я… иногда гадаю, не смеется ли он над нами за нашей спиной. Он вещь в себе, хотя и охотно пьет за здоровье короля Георга. Честно говоря, я не слишком ему доверяю.

— Возможно, это потому, что он американец, — ответил я. — У нас в Англии принято считать колонистов людьми второго сорта, поскольку они имеют несчастье жить среди дикарей на другом конце света. Но я полагаю, они не правы. Американцы могут называть себя вигами или тори, однако, по крайней мере в этом отношении, верность человека его величеству не имеет значения. Дело в том, сэр, что американец, каким бы лояльным он ни был, уже не является англичанином. Он стал совсем другим существом.

Глава 29

В Нью-Йорке был только один театр, расположенный на Джон-стрит. Иногда в порыве верноподданнического энтузиазма его называли Королевским театром, что было слишком громким названием для безобразного здания из красного кирпича ненамного лучше амбара. Театр находился в двадцати ярдах от дороги; крытый переход вел с улицы прямо до его двустворчатых дверей. Переход представлял собой ветхую деревянную постройку с протекающей в дождливую погоду крышей. Во всем этом сооружении и впрямь было нечто временное.

Впрочем, я вскоре обнаружил, что само по себе покровительство театру считалось достойным уважения и расценивалось как знак лояльности короне. Драматические представления устраивались джентльменами из армии и флота с чисто благотворительной целью вспомоществования вдовам и осиротевшим детям павших на поле брани. Нью-йоркские дамы были особенно счастливы поддержать театральное представление, поскольку все роли, как мужские, так и женские,

превосходно исполняли бравые военные, многие из которых были молодыми, красивыми, с большими связями и неженатыми.

В пятницу, 26 февраля мистер Таунли отправил на Уоррен-стрит свою коляску, чтобы отвезти нас всех в театр. Впрочем, пешком мы дошли бы туда гораздо быстрее, так как театр находился совсем недалеко, а экипажей на углу Бродвея скопилось так много, что нам пришлось четверть часа стоять в очереди, чтобы свернуть на Джон-стрит.

Когда мы наконец прибыли в театр, нас уже ждали мистер Таунли и майор Марриот, добравшиеся туда самостоятельно. Мы протиснулись сквозь толпу в фойе к лестнице, которая вела к ложам. Мистер Таунли сообщил, что продано по меньшей мере восемьсот билетов и желающих попасть в театр гораздо больше.

В зале было два ряда лож верхнего и нижнего яруса. Мистер Таунли абонировал одну из самых больших лож нижнего яруса с двумя рядами кресел с рахитичными позолоченными ножками; оттуда зрители могли видеть не только сцену, но и оркестровую яму. Ложа была рассчитана на восемь человек, но мы с трудом уместились там вшестером.

Театр сиял огнями, внутри было очень тепло.

Публика явно пришла сюда себя показать и на людей посмотреть. Пока мы занимали свои места, Таунли раскланивался со знакомыми. Он сел по правую руку от миссис Арабеллы, Марриот — по левую; рядом с ним расположился судья.

Мы с капитаном Винтуром устроились прямо за ними. Капитан болтал не переставая. В тот вечер он отлично пообедал, и его не слишком прельщало, как он шепотом признался мне, смотреть на весь этот фантастический бред. Насколько он знал, это была пьеса о женщине, которой стоило быть благоразумнее, и о выскочке-негре, которого следовало как следует высечь и отправить на галеры, или что там в наши дни с ними принято делать.

Но когда началось представление, природа наконец взяла свое: он задремал и к началу второго акта уже вовсю храпел. Миссис Арабелле даже пришлось повернуться и ткнуть его веером в бок, отчего капитан, что-то пролопотав, задышал более ровно. При этом она перехватила мой взгляд, и мы обменялись улыбками. Чему я ужасно обрадовался, так как в результате моих неуклюжих расспросов о Роджере Пикетте между нами возникла странная холодность.

Должен признаться, после этого я не слишком

следил за ходом действия пьесы. Меня отвлекала близость миссис Арабеллы в полумраке ложи. Я не мог отвести глаз от ее затылка, изящного изгиба шеи, плавной линии плеч.

Меня потрясло, что я стал подглядывать за чужой женщиной. Ведь я был женат на Августе — утонченной даме с твердыми христианскими принципами, о чем она не уставала мне напоминать. Более того, Августа всячески способствовала моему продвижению по карьерной лестнице, ну а самое главное, была матерью моего ребенка. И вот теперь я сидел в театре, пожирая глазами замужнюю женщину, чей муж сопел и храпел рядом со мной. Я безмерно стыдился собственной слабости, но не мог отвести глаз от миссис Арабеллы. Что ж, мужчина иногда предстает не в самом выгодном свете, даже перед самим собой.

Тем временем на сцене разворачивалась трагедия Отелло. На роль Дездемоны пригласили профессиональную актрису из Лондона, что не на шутку рассердило Марриота, так как нарушило установившуюся традицию, согласно которой все роли в театральных постановках исполняли офицеры на службе его величества.

— Джентльмены, состоящие на службе у короля, не должны выступать на сцене вместе с

женщинами подобного сорта, — так громко сказал он судье, что слышно было на сцене. — Это противоречит духу всей вещи.

— Не так-то легко найти веские доводы против такого положения дел, сэр, пока постановка помогает собирать деньги для наших вдов и сирот, — ответил судья Винтур. — Хотя я не хотел бы в этом участвовать. И думаю, миссис Винтур навряд ли сочла бы сие действо соответствующим приличиям.

Внезапно я услышал стук в дверь нашей ложи. Дверь открылась, и в ложу вошла Мириам. Поморщившись, она небрежно присела в реверансе, после чего протиснулась мимо меня и передала своей хозяйке записку.

Миссис Арабелла повернула голову. Я увидел ее лицо, на котором отразилась целая гамма чувств: любопытство сменилось тревогой, мимолетной и практически незаметной, а затем лицо женщины окаменело, словно она инстинктивно решила стереть любые следы эмоций.

Капитан Винтур продолжал спать.

Миссис Арабелла наклонилась вперед, чтобы прочесть записку в отблеске горевших на сцене свечей. Проявив любопытство, я сумел разглядеть, что в записке было не больше двух строчек,

однако не смог хоть что-то прочесть.

Буквально через мгновение миссис Арабелла поднялась с места. Мужчины, за исключением капитана Винтура, поспешно встали. Отелло, декламировавший на сцене внизу, прервал свой монолог и поднял голову, привлеченный сумятохой; белки его глаз казались неестественно белыми на фоне покрытого черной краской лица.

— Прошу прощения, сэр, — прошептала судье миссис Арабелла. — Я вынуждена вас оставить. Умоляю, только не беспокойтесь. В помещении для рабов возникли кое-какие проблемы, и я не хочу, чтобы это потревожило миссис Винтур.

— Но, моя дорогая, вы не можете уехать домой совсем одна, лишь под присмотром Мириам…

— Абрахам ждет внизу, сэр, в наемном экипаже.

Майор Марриот, мистер Таунли и, естественно, я предложили свои услуги в качестве сопровождающих, однако миссис Арабелла от них отказалась и покинула ложу, не дав возможности судье Винтуру выдвинуть очередные возражения.

— Ну ладно, — сдался судья, опускаясь обратно в кресло. — Не могу сказать, что все это мне нравится… и почему было не подождать хотя бы

секунду…

— Тише! — шикнули на него со сцены.

Капитан Винтур беспокойно заворочался, всхрапнул и снова затих. Несколько человек из свиты Отелло посмотрели на нашу ложу с явным неодобрением, смешанным с любопытством.

После ухода миссис Арабеллы сосредоточиться на представлении стало невозможно. Во время последнего акта один из прикрепленных к театру лакеев принес от нее записку. Миссис Арабелла писала, что причин для беспокойства больше нет, но она останется дома, поскольку у нее разболелась голова. Она сожалела, что не сможет воспользоваться приглашением мистера Таунли на ужин и умоляла продолжить развлечения без нее.

Капитан Винтур очнулся от сна уже под конец спектакля. Он протер глаза.

— А что, мавр еще не умер? — шепотом спросил он меня.

— Ему осталось совсем недолго на этом свете, сэр.

— Отлично. Значит, скоро будем ужинать. А где моя жена?

Я объяснил обстоятельства ухода миссис Арабеллы.

Капитан Винтур широко зевнул:

— Возможно, это даже к лучшему. Будем ужинать без представительниц прекрасного пола. Что иногда даже приятно. — Он игриво пихнул меня локтем в бок. — Да? Или такой ловкач, как вы, предпочитает общество женщин?

— Я убивал с лобзаньем… — С этими словами Отелло, достав из-под бархатного дублета большой кинжал, упал на лежавший у его ног труп Дездемоны. Труп громко вздохнул, так как Отелло был весьма корпулентным мужчиной. После чего Отелло, воткнув кинжал себе в бок, хрипло произнес: — И мой путь — убив себя, к устам твоим прильнуть[10].

Приподнявшись, он скривился в предсмертной муке и смачно чмокнул Дездемону в щеку. Дездемона увернулась от дергающихся конечностей умирающего супруга. Наконец Отелло рухнул рядом с женой и перекатился на спину. Кинжал выпал из безжизненной руки и с глухим деревянным стуком приземлился на сцену.

— Слава Всевышнему! — произнес капитан Винтур и улыбнулся мне.

---

[10] Notes: 10
Перевод М. Лозинского.

Глава 30

Таунли заказал отдельный кабинет в таверне Фронса на Перл-стрит. Кабинет был уютным, все блюда со вкусом подобраны, а вино, как всегда в обществе Таунли, лилось рекой.

После ужина наш хозяин заказал чашу для пунша и, повернувшись ко мне, спросил:

— Сэр, вы когда-нибудь пробовали «румбо»?

— Кажется, нет. А что это такое?

— Нью-йоркский специальный напиток. Пунш на основе рома.

— На самом деле практически чистый ром, — заметил капитан Винтур, с энтузиазмом нажимая на согласные. — Прошу вас, мистер Сэвилл, присаживайтесь рядом со мной, и я покажу вам, как мы готовим наш напиток.

Похоже, вечер мог плавно перейти в субботнее утро. Капитан Винтур, размахивая серебряным черпаком для пунша, как дирижер палочкой, затянул какую-то песню, но, не встретив поддержки у собутыльников, снова вернулся к выпивке.

Меня не слишком удивило, что капитан и Таунли решили повеселиться, поскольку оба имели

обыкновение после полудня прикладываться к бутылке. И похоже, майор Марриот был сегодня не прочь к ним присоединиться. Он отнюдь не являлся выпивохой, но, как я успел заметить в понедельник в таверне «Виноградная гроздь», при соответствующем настрое мог пить много и без передышки.

Но я отнюдь не ожидал, что судья Винтур столь охотно их поддержит. До сих пор я ни разу не видел старого джентльмена даже в легком подпитии, но сейчас разглядел за маской трезвенника совсем другого, куда более молодого человека. Возможно, это объяснялось тем, что он на время освободился от домашних забот и был избавлен от общества женщин. А возможно, он хотел утопить в вине свои печали, ибо, Бог свидетель, у бедняги их было более чем достаточно, да и будущее не сулило ему ничего хорошего.

«Румбо» оказался весьма крепким напитком, позволявшим утопить за короткое время множество печалей. Судья пил так усердно и так быстро, что его организм взбунтовался, и он был вынужден на какое-то время удалиться за ширму. А когда он вернулся, очень бледный, но отнюдь не побежденный, то продолжил пить.

— Тост, сэр! — крикнул его сын. — За возвраще-

ние того, что принадлежит нам! Давайте, мистер Сэвилл! Я знаю, вы к нам присоединитесь.

Они выпили. Мы все выпили. Судья пил много, но не долго. Изношенный организм не выдержал переизбытка алкоголя. На сей раз сон все же сморил старого джентльмена. Он стал мало-помалу клевать носом, а затем и вовсе положил голову на столешницу из красного дерева, отчего парик съехал набок, и забылся глубоким сном среди крошек и ореховой скорлупы.

— Судье, наверное, стоит лечь в постель, — тщательно выговаривая слова, произнес Таунли. — Ему нужно отдохнуть.

— Ночь еще только началась! — возразил капитан Винтур. — Моему отцу вполне неплохо и так. Давайте-ка лучше закажем еще выпивки.

Марриот хмыкнул и налил себе пунша.

— По-моему, ему будет гораздо удобнее спать в собственной постели, — сказал он.

— Мне, пожалуй, тоже пора. Завтра рано вставать. — Я решительно отодвинул стул.

— Вы вполне успеете пропустить еще один стаканчик, — остановил меня Таунли. — Экипаж будет здесь буквально через секунду. И вас в целости и сохранности доставят домой.

— Благодарю вас. Ну а тогда, возможно, мне

стоит взять с собой судью Винтура?

— Отличный план, сэр, — обрадовался капитан Винтур. — Не сомневаюсь, завтра утром отец выразит вам свою благодарность. Я вам крайне обязан, Сэвилл. Вы настоящий друг. Впрочем, ничего другого я от вас и не ожидал.

— Не стоит благодарности, сэр.

Он положил руку мне на плечо:

— Но Таунли совершенно прав. Перед уходом вам явно не помешает промочить горло. Так выпьем за дружбу, а?

Я выпил с ними еще один бокал за дружбу. Когда подъехал экипаж, лакей мистера Таунли и двое слуг из таверны отнесли старика вниз. Он заворочался, но не проснулся. Его усадили в угол экипажа, и он прохрапел всю дорогу домой.

Холодный ночной воздух взбодрил меня. Я выпил меньше других и сейчас чувствовал себя обманчиво трезвым. Впрочем, я знал, что это иллюзия, так как пары «румбо» по-прежнему туманили мозг и, без сомнения, влияли на мое восприятие реальности.

Мне действительно нужно было рано вставать, поскольку я ожидал делегацию недовольных лоялистов из Северной Каролины. Впрочем, у меня была еще одна причина покинуть веселую

мужскую компанию, хотя я даже сам себе боялся в этом признаться. В глубине души я лелеял надежду, что миссис Арабелла еще не отошла ко сну и мне удастся перемолвиться с ней парой слов. Тем более что я не слишком верил в ее головную боль.

Когда мы приехали на Уоррен-стрит, Джосайя целую вечность копался с замками и засовом на входной двери. Они с Абрахамом помогли хозяину войти внутрь и усадили его в кресло, где он тотчас же задремал. Джосайя запер дверь, а Абрахам, встав на колени, принялся расстегивать пряжки на башмаках старика.

— Миссис Арабелла здесь? — спросил я.

— Нет, ваша честь. Она ушла к себе час назад или около того. Но мистер Ноак еще в библиотеке.

— Но что, ради всего святого, он здесь делает?

— Думаю, он выполняет кое-какую срочную работу для хозяина.

Джосайя с Абрахамом подхватили судью под мышки, положив его руки себе на плечи, и повели наверх; его ноги в одних чулках тяжело ступали по лестнице. Я прошел через холл к закрытой двери библиотеки. Сквозь щель внизу пробивался слабый луч света. Я повернул ручку

и распахнул дверь.

Ноак с пером в руке стоял, повернувшись к двери, возле большого стола, за которым судья несколько дней назад изучал карту поместья Маунт-Джордж. Лицо Ноака освещала одинокая свеча: рот открыт, губы сложены идеальной буквой «о», словно он собирался свистнуть.

Он поднял на меня глаза. Пламя свечи отбрасывало дрожащий круг света на стол в центре комнаты, и искаженная тень Ноака падала на стоящие вдоль стены книжные шкафы. Она извивалась в неуклюжем танце, передразнивая каждое движение его небольшого, подтянутого тела. Огонь в камине потух, и Ноак для защиты от холода надел шарф и митенки.

— Добрый вечер, сэр. — Ноак положил перо и поклонился.

— Что вы здесь делаете?

— Мистер Винтур попросил разобрать его корреспонденцию. — Голос Ноака оставался мягким; казалось, он не заметил моей грубости. — Мне нужно ее классифицировать.

— В столь поздний час?

— Мистеру Таунли иногда неудобно отпускать меня во время рабочего дня, сэр. Насколько я понимаю, он договорился с судьей, чтобы я пришел

сегодня вечером.

— Первый раз слышу. Мне никто из них об этом не говорил.

Ноак ждал достаточно долго, чтобы я наконец смог понять, что никто и не обязан был мне сообщать обо всех обстоятельствах дела.

— А мистер Винтур уже дома, сэр? — спросил он.

— Да.

— Тогда, возможно, мне нужно запереть его секретер и вернуть ему ключ.

Только сейчас я с удивлением заметил, что крышка секретера почему-то откинута. Сам секретер был массивным предметом из вишневого дерева с ящиками снизу и застекленными дверцами сверху, а задняя часть представляла собой сложный набор больших и маленьких выдвижных ящичков.

— Судья уже отошел ко сну, — сообщил я. — Как и дамы. Капитан Винтур еще не вернулся. Думаю, вам лучше отдать ключ мне.

Ноак позволил очередной паузе затянуться.

— Очень хорошо, сэр, — произнес он, продолжая приводить в порядок бумаги на столе.

Я не мог спустить это Ноаку.

— Мистер Винтур обычно держит ключ от сек-

ретера при себе. Он что, доверил вам ключ?

Как ни в чем не бывало Ноак продолжил перевязывать красной ленточкой пачку бумаг.

— Нет, сэр. Не доверил. Он выложил все нужные бумаги на стол. — Ноак поднял на меня глаза. — Но когда я пришел сюда сегодня вечером, то обнаружил секретер открытым, с ключом в замке, именно в таком состоянии, в каком вы видите его сейчас. Я просто не хотел хозяйничать здесь в отсутствие судьи.

Он попросил разрешения написать записку судье. Я догадался, что Ноак слышал, как слуга мистера Таунли постучался во входную дверь десять минут назад, и наверняка слышал голоса в холле, из чего определенно сделал вывод, что кто-то из членов семьи вернулся домой. Однако он вел себя как человек, который просто выполняет свои служебные обязанности и которому совершенно нечего бояться. Впрочем, с другой стороны, у него было достаточно времени, чтобы замести следы.

Ноак не стал запечатывать записку, которую набросал прямо на лежавшей на столе стопке бумаги. Он прижал записку пресс-папье и закрыл чернильницу. После чего со свечой в руках подошел к секретеру, закрыл откидную крышку и

запер ее на ключ.

— Вот и все, я закончил, сэр. — Ноак, как всегда, говорил очень вежливо, хотя и без малейшего намека на почтительность; он вручил мне ключ. — Что-нибудь еще?

Я покачал головой и посторонился, давая ему выйти из комнаты.

— Но как вы доберетесь домой? — Я знал, что он квартировал в доме Таунли на Ганновер-сквер.

— Абрахам мне посветит. Все в порядке.

Ноак отдал мне свечу и пожелал спокойной ночи. Я смотрел, как он направляется к двери, ведущей в ту часть дома, где жили слуги. Право слово, он был здесь таким частым гостем, что практически стал членом семьи.

Глава 31

Тут явно что-то было не так.

Я знал, что немного устал после долгого вечера возлияний в таверне и, возможно, находился в легком подпитии. Более того, объяснения мистера Ноака по поводу его пребывания в библиотеке казались вполне логичными. На самом деле я не мог с уверенностью указать на нечто такое, что реально вызвало подозрения. Однако меня давно терзали смутные сомнения насчет Ноака, а после сегодняшней встречи мое беспокойство достигло предела. Я был больше не в силах его игнорировать, хотя и не знал, как объяснить даже себе самому, в чем тут дело.

Библиотека, в которой горела одна-единственная свеча, показалась мне больше, чем при дневном свете. Я впервые находился здесь в одиночестве. Это была квадратная комната с высоким потолком, книжными шкафами вдоль двух стен, камином возле третьей стены и секретером у окна в четвертой.

Первым делом я прошел к столу в центре комнаты и посмотрел на лежащие там аккуратные

стопки и связки бумаг. Большинство из них имели отношение к деятельности судьи Винтура еще до войны, некоторые касались дел, слушавшихся под его председательством в провинциальных судах. Остальные были связаны с Исполнительным советом Нью-Йорка, куда мистер Винтур входил в первые годы последнего десятилетия.

Все бумаги мистер Ноак классифицировал по датам и содержанию. Судья Винтур задумал создать фундаментальное произведение под названием «История Нью-Йорка в новейшие времена», важным источником материалов для которого являлись его бумаги. С одной стороны, работа над книгой представляла собой, если можно так выразиться, мартышкин труд, а с другой — являлась отчаянной попыткой придать хоть какой-то смысл миру, который сошел с ума. Все это вполне можно было считать старческой блажью или, наоборот, демонстрацией мудрости и человеческого достоинства.

А вот мои собственные действия, боюсь, были не слишком достойными. Со свечой в руке я подошел к секретеру и открыл замок откидной крышки. Секретер — это святилище человека, нечто сугубо личное, и я не хотел совать нос в дела судьи Винтура. Самым правильным было

поставить его в известность, что я обнаружил мистера Ноака одного в библиотеке рядом с открытым секретером, и тем самым дать судье возможность разобраться с этим делом так, как он сочтет нужным. Но вместо этого я откинул крышку и поднес поближе свечу, чтобы рассмотреть содержимое секретера.

На откидной крышке были разбросаны еще какие-то бумаги, рядом лежала красная ленточка, которой они, вероятно, были перевязаны. Там же находилось нечто вроде перечня, свидетельствовавшего о том, что бумаги касались некогда принадлежащего Фруду поместья Маунт-Джордж.

В глубине секретера над двумя рядами выдвижных ящичков имелась полка с ячейками. Один из ящичков был чуть выдвинут, и я, стараясь, чтобы воск не падал на бумаги, выдвинул его еще больше.

Ящик оказался пустым. Шок от разочарования вернул меня к осознанию того, что я делаю: я позволил любопытству взять верх над здравым смыслом и приличиями. Я почувствовал жаркую волну стыда. Я попятился, поднял крышку и снова повернул ключ в замке.

Столь резкая смена настроения имела самые

неожиданные последствия. Отойдя от секретера, я решил проверить, не оставил ли я каких-либо следов своего нездорового любопытства. И краем глаза заметил что-то лежавшее на полу рядом с секретером: небольшой белый треугольник, выделявшийся на фоне темного дерева мебели и паркета.

Я наклонился посмотреть, что там такое. Это был уголок листка бумаги, завалившегося под секретер. Я поднял листок, и в этот самый момент свет упал на написанные убористым почерком строчки. Мне в глаза бросилось знакомое имя: Арабелла.

И в мгновение ока все мои благие намерения были отброшены в сторону, если не полностью забыты. Я сел за стол, поставив рядом с собой свечу. Если Ноаку можно было шпионить, то чем я хуже? Передо мной было письмо, адресованное судье Винтуру на Уоррен-стрит. Я посмотрел на подпись: Г. Фруд. Вверху слева были указаны место и время написания письма: Маунт-Джордж, 28 ноября 1776 года.

Мой дорогой сэр, с тяжелым сердцем сообщаю Вам, что у моей дочери начались роды и она родила мертвого ребенка,

девочку. Вчера на рассвете, раньше, чем ожидалось, у моей дочери отошли воды, и мы не смогли найти повитуху; ну и конечно, у нас здесь нет никакого врача. В результате роды принимала служанка, хотя, полагаю, роковой исход был неизбежен, поскольку еще в утробе матери пуповина обмоталась вокруг шеи младенца. Мы не знаем, где в настоящее время находится капитан Винтур, и я был бы Вам крайне признателен, если бы Вы смогли передать ему печальное известие о смерти его ребенка.

После родов мы несколько часов опасались за жизнь Арабеллы, но затем ее состояние улучшилось, и теперь, с Божьей помощью, она поправится. Дороги сейчас в плачевном состоянии, но, несмотря на не самое подходящее время года, мы, как только сможем, отправимся в Нью-Йорк.

Искренне Ваш и т. д. Г. Фруд

P. S. Я посылаю это письмо с нашим кузнецом, который собирается в Нью-Йорк, чтобы найти работу, так как повстанцы

обращены в бегство. А кроме того, прошу Вас сообщить капитану, что его раб Ювенал сбежал, ибо беда никогда не приходит одна. Но мы молим Господа, чтобы Он помог нам благополучно добраться до Нью-Йорка.

Ну что ж, письмо все объясняло, подумал я. Вот почему миссис Арабелла так сильно ненавидела Маунт-Джордж, что больше не желала туда возвращаться.

Глава 32

Если бы не миссис Энн Фробишер, я вряд ли смог бы узнать все подробности сей печальной истории.

Это была дородная энергичная дама из Северной Каролины, где у ее супруга имелось солидное поместье. Она появилась в конторе в среду, 3 марта, бесцеремонно заняла стул, стоявший ближе других к печке, и протянула свои бумаги с таким видом, будто делала мне большое одолжение. Судя по ее внешнему виду, она уже успела побывать в нью-йоркских магазинах, как и большинство дам, принадлежавших к партии вигов, когда им предоставлялась возможность пересечь линию фронта и посетить Нью-Йорк.

Во время этой странной и никому не нужной войны в Нью-Йорк постоянно приезжали как военные, так и гражданские лица. Некоторые, подобно миссис Фробишер, прибывали сюда под белым флагом. Но были те, кто путешествовал, не имея разрешения той или другой стороны, а иногда и обеих. Они переходили линию фронта так, словно ее вообще не существовало.

Пропуск миссис Фробишер был подписан губернатором Ливингстоном со стороны повстанцев и генералом Паттисоном со стороны лоялистов. Таким образом, ее документы находились в полном порядке.

— Я прибыла сюда на флагманском корабле из Элизабеттауна, — сообщила она. — Плавание было ужасным. Я совсем обессилела, сэр, можете мне поверить, но дорогой генерал был так любезен, что прислал за мной свою коляску.

Из этих слов я сделал вывод, что должен отнестись к посетительнице со всей серьезностью, а потому учтиво спросил, чем могу быть ей полезен. Выяснилось, что ее супруг был неисправимым вигом, связанным кровными, дружескими и деловыми узами со многими повстанцами в Северной Каролине и соседней Виргинии, и что он выступил в Континентальном конгрессе в самом начале войны.

Но, как часто случалось в этом странном конфликте, в лоне одной семьи, а возможно, и в могучей груди самой миссис Фробишер лояльность разделилась. Один из ее троих сыновей вступил в полк лоялистов и погиб в сражении за Гарлемские высоты. Ее дочь вышла замуж за британского офицера, чей полк в данный момент

был расквартирован на Статен-Айленде.

Миссис Фробишер прибыла в Нью-Йорк именно под предлогом помощи дочери. Молодая дама пережила тяжелую беременность, у нее уже были маленькие дети, и она нуждалась в нежной материнской опеке по крайней мере в течение нескольких недель.

Все это миссис Фробишер обстоятельно мне изложила. В ее истории не было ничего исключительного: многие американские семьи пытались усидеть на двух стульях, причем чаще всего не из расчета, а в силу необходимости, ибо такова природа гражданской войны.

И вот теперь, подобно многим американским дамам и господам из тех, кого я знал, она вбила себе в голову, что король Георг обязан компенсировать ей все неудобства, которые причинил. Она хотела отправить через меня в Лондон ходатайство от ее супруга на имя его величества.

— Мадам, — ласково произнес я, — если я правильно вас понял, ваш супруг, будучи убежденным вигом, поддержал врагов короля. Не думаю, что его величество пожелает возместить вашему мужу понесенные им убытки.

— Ах, но вы жестоко заблуждаетесь, сэр! — Миссис Фробишер нахмурилась, сдвинув густые

брови, и ее маленькие глазки утонули в складках кожи вокруг них. — Это убытки не моего мужа, а моего сына. И упокой Господь его душу, он, как никто другой, хранил верность королю.

Я склонил голову, предпочитая не оспаривать сей факт.

Миссис Фробишер всем телом подалась вперед, словно собираясь кинуться на меня:

— Как я уже сообщила вам, сэр, он отдал жизнь за короля Георга.

— Я преклоняюсь перед доблестью вашего сына, мэм, — произнес я. — Скажите, у него остались жена или дети? — (Миссис Фробишер покачала головой.) — Но тогда кто является его наследником?

— Странный вопрос. Ну конечно же его отец.

— А что входит в наследство?

— Плантация, которую мой сын получил от своего крестного, сэр. Согласно условиям завещания, если мой сын умирает, не оставив наследников, плантация переходит к моему мужу. — Она сунула руку в карман платья. — У меня с собой все бумаги, включая аффидевиты от живущих по соседству джентльменов-лоялистов, а также от полковника из полка моего бедного сына. Полковник, оказывается, близкий друг генерала

Паттисона.

С этими словами дама выложила на стол пухлый пакет бумаг, после чего устроила театр одного актера: тяжело вздохнула и промокнула глаза носовым платком, при этом не переставая внимательно за мной наблюдать.

Я бросил взгляд на бумаги. Время от времени миссис Фробишер громко сопела, возможно желая напомнить мне о своей скорби по убитому сыну.

Поместье, о котором шла речь, находилось неподалеку от Шарлотта. Оно состояло из маленькой табачной плантации, к которой прилагалось около сорока рабов. По словам миссис Фробишер, поместье приносило примерно сто двадцать фунтов в год. Там находился хозяйский дом и жилище поменьше для надсмотрщика с семьей. Когда британские войска прошли через поместье, они сожгли дом, украли все более-менее ценное и разорили землю. Они также освободили рабов, и некоторых из них так и не удалось вернуть.

— Мерзавцы решили, что это плантация моего мужа. — Миссис Фробишер на секунду убрала от лица платок. — Они не знали, что земля принадлежит моему бедному дорогому мальчику.

К ходатайству прилагались копия завеща-

ния крестного отца и письмо от полковника. А еще там было письмо ни больше ни меньше как от самого губернатора Северной Каролины, подтверждавшего лояльность лейтенанта Фробишера и его доблестную смерть на поле брани. И в довершение миссис Фробишер запаслась письменными показаниями двух живших по соседству джентльменов с подтверждением изложенных в ходатайстве фактов. Оба джентльмена являлись лоялистами и были на короткой ноге с Фробишерами.

Насколько я понимал, дело было совсем простым: я возьму ходатайство миссис Фробишер, искренне заверив ее, что постараюсь сделать все возможное. Потом я передам ходатайство вместе с остальными прошениями мистеру Рэмптону из Американского департамента. После чего, возможно, больше никогда не услышу об этом деле.

Но тут, пока я складывал бумаги и размышлял о том, как спровадить эту даму, не оскорбив ее в лучших чувствах, меня поразила одна деталь.

Я поднял глаза на миссис Фробишер:

— Мадам, насколько я понимаю, поместье вашего сына находится рядом с Шарлоттом?

— Да, сэр. — Она снова принялась теребить носовой платок. — Столь удачное местоположение

существенно увеличивает стоимость земли.

— Действительно. Хотелось бы знать… вы, случайно, не были знакомы с джентльменом по фамилии Пикетт? Кажется, он жил недалеко от Шарлотта.

— Джонатан Пикетт? Да, но только шапочно. Он умер еще до начала войны.

— Я имел в виду Роджера Пикетта.

— Это его сын.

Я тотчас же выпрямился:

— Так вы его знали, мэм?

— Нет. Но наслышана о его репутации. — Миссис Фробишер уставилась на меня во все глаза. — А почему вы спрашиваете?

— К сожалению, должен сказать, что этот молодой человек был убит еще в прошлом году.

— Боже правый! Неужели прямо здесь, в Нью-Йорке? Как странно… А что случилось?

— Пикетта ограбили. По обвинению в его убийстве повесили беглого раба.

Миссис Фробишер сложила руки на коленях:

— Что ж… должна признаться, я нисколько не удивлена.

— Но почему, ради всего святого?

— Все вокруг говорили, что Роджер Пикетт в любом случае плохо кончит. После смерти старика

сынок поспешил продать поместье, не дождавшись, когда мертвое тело остынет в могиле. Ну а затем принялся кутить напропалую. По крайней мере, так говорят. Он спустил все до последнего пенни в течение года и, спасаясь от кредиторов, был вынужден завербоваться в армию.

— А вы, случайно, не помните, были у него родственники или близкие знакомые?

— Ну да, у него была сестра, но она вышла замуж и переехала в Англию еще при жизни отца. — Миссис Фробишер, должно быть, почувствовала мой живой интерес и, к счастью, решила меня порадовать. — Так вот, я скажу, что вам нужно сделать, сэр, если хотите побольше узнать о Пикеттах. Вам следует поговорить с доктором Слайпом.

— А кто такой доктор Слайп, мэм?

— Священник, который жил до войны в Шарлотте. Они с женой переехали в Нью-Йорк. На редкость милые люди. Они знали всех в округе. Если они по-прежнему в Нью-Йорке, моя дочь подскажет, где их искать.

— Я бы хотел поговорить с ним, мэм.

— Тогда, если желаете, я выясню, где они живут. Если бы я могла, то с удовольствием навестила бы дорогого мистера Слайпа. Но в настоящий момент

я не вольна распоряжаться своим временем.

Пять минут спустя, обменявшись с миссис Фробишер комплиментами, я проводил ее до двери. И уже на пороге она на секунду остановилась и наградила меня улыбкой, которую можно было назвать почти кокетливой:

— Интересно, а что он здесь делал?

— Кто, мэм? Мистер Пикетт?

— Да. — Миссис Фробишер похлопала меня по плечу затянутой в перчатку рукой. — Ибо, мой дорогой сэр, Нью-Йорк — это последнее место, куда он мог отправиться. Если, конечно, он не был одним из тех бедных военнопленных, которых содержат в ваших жутких плавучих тюрьмах.

Глава 33

В помещении для рабов на Уоррен-стрит случилась вспышка какого-то заболевания, и Джосайя испугался, что началась эпидемия оспы. Именно поэтому миссис Арабелла в тот вечер и ушла раньше времени со спектакля.

Впрочем, мы не заразились оспой, по крайней мере до поры до времени, хотя другая болезнь, пусть и не такая опасная, оказалась не менее прилипчивой. Кое-кто из слуг серьезно занемог. Мы с миссис Винтур тоже подхватили эту заразу. Несколько дней я был прикован к постели, чувствуя себя ужасно несчастным.

Когда я наконец вернулся в контору, то обнаружил, что меня ждет непочатый край работы, а также надушенное письмецо от миссис Фробишер. Она горячо благодарила за проявленную отзывчивость и намекала на то, что с удовольствием возобновит наше знакомство, когда в следующий раз ей выпадет счастье приехать в Нью-Йорк. После чего, вероятно вспомнив об этом в последний момент, она приложила к письму адрес преподобного доктора Слайпа с рекоменда-

тельной запиской.

В течение почти двух недель мне никак не удавалось выкроить час-другой и навестить почтенного джентльмена. Тем временем опасения Джосайи вполне подтвердились. Когда примерно через неделю после беседы с миссис Фробишер я обедал на Уоррен-стрит, в комнату вошел Абрахам и что-то прошептал на ухо судье.

Судья, помрачнев, отослал слугу и постучал лезвием ножа по винному бокалу:

— Боюсь, у меня плохие новости. На нашей улице, в доме Морли, выявлен случай заболевания оспой.

— Оспа? — переспросил капитан. — Неужели эпидемия, сэр?

Судья устало помассировал лоб.

— Если это действительно так, то эпидемия началась непривычно рано. — Он повернулся ко мне. — Для нас лето — худшее время года, сэр. Жара, естественно, способствует развитию болезней. Но сейчас в город понаехало столько народу, что трудно выявить какую-либо закономерность. Ситуация исключительно нездоровая и ухудшается день ото дня. Мы и оглянуться не успеем, как в августе выпадет снег.

— Снег? — Старая миссис Винтур уронила

ложку на тарелку. — Надеюсь, что нет, сэр. Не выношу холода.

— Нет, нет, нет. — Судья Винтур сопровождал каждое «нет» энергичным взмахом салфеткой, словно пытаясь отмести саму возможность подобного катаклизма. — Моя дорогая, это просто фигура речи. Нет ни малейшего повода для беспокойства.

— И нет нужды сидеть с кислой миной, а? — Капитан махнул рукой Джосайе, чтобы тот наполнил его бокал. — Мы, по крайней мере, точно не заболеем.

Судья повернулся ко мне:

— Сэр, а вы болели оспой?

— В детстве мне сделали прививку от оспы, сэр.

— Я рад это слышать, сэр.

— У нас здесь свои способы делать прививки, сэр, — помахав ножом, вмешался в разговор капитан. — Достаточно грубые по лондонским меркам, не спорю, но вполне пригодные. Мы берем инфицированный материал у того, кто уже подхватил заразу, загоняем все это под ногти, и… — Он изобразил необходимые действия с помощью ножа; капля соуса упала с лезвия на скатерть. — Удаляемся в уединенное место

и там легко переносим болезнь. В юности мы с друзьями устроили по этому поводу настоящую вечеринку и целую неделю недурно развлекались на одной из наших ферм.

— Я позабочусь о том, чтобы все наши домочадцы были привиты, — сказала миссис Арабелла, глядя в окно на полоску зелени и павильон в дальнем конце сада.

Капитан положил себе на тарелку маринованной капусты.

— Да уж. Мы попадем в чертовски затруднительное положение, если у нас слягут все слуги.

— Сэр! — одернул сына судья. — Здесь дамы.

— Что? Ах, прошу прощения, мама!

— В чем дело, мой милый Джонни? Дорогой, положить тебе еще капусты?

Миссис Арабелла была настойчивой женщиной. Если она что-то решила, то не откладывала дело в долгий ящик и не ограничивалась полумерами. Мероприятия по прививке домочадцев были продуманы буквально на следующий день и претворены в жизнь еще через день.

Слуги, находившиеся в продолжительном контакте с членами семьи, или уже переболели, или получили прививку. Но оставался еще Абрахам, молодой лакей, служанка, помогавшая Мириам

наверху, кухарка, мойщик посуды, а также многие другие, которых я в глаза не видел. Некоторые из них не могли точно сказать, болели они оспой или нет, поскольку при слабом течении болезни всегда оставались некоторые сомнения. И миссис Арабелла решила во избежание рисков немедленно привить всех слуг.

В мирное время обычной практикой было изолировать больных в сельской местности. Но загородный дом Винтуров отдали в качестве летней резиденции генералу, командующему гессенскими наемниками; фермы, коттеджи и даже амбары были на вес золота, поскольку в удерживаемых британцами городских предместьях яблоку негде было упасть.

Миссис Арабелла решила из экономии отвести под изолятор помещение для рабов и держать там всех пациентов. Поговорив с другими владельцами домов на Уоррен-стрит, она выяснила, что некоторые из них оказались в аналогичной ситуации. За несколько часов она более чем вдвое увеличила число мест в нашем лазарете, тем самым ровно настолько же уменьшив издержки семьи Винтур.

Так как бóльшая часть слуг не могла выполнять свои привычные обязанности, неделю или две

дом представлял собой весьма унылое место: в углах скапливалась пыль, неподходящую еду подавали в неурочное время. Капитан Винтур постоянно ворчал, сетуя на неудобства. Миссис Арабелла принесла мне свои извинения и предложила снизить палату за проживание и питание. Я ответил, что это совершенно необязательно, и она не стала на меня давить.

Она сама ухаживала за страдальцами, обеспечивая их специальным лечебным питанием. И свекор, и супруг, опасавшиеся, что она надышится ядовитых миазмов лазарета, предложили ей послать вместо себя Мириам. Но миссис Арабелла отказалась. Мое восхищение этой героической женщиной безмерно усилилось. Возможно, ее желание лично ухаживать за прислугой объяснялось всего-навсего рачительностью, тем не менее в подобной преданности долгу было нечто такое, что я мог расценивать как беззаветное служение людям.

Однажды ночью я случайно выглянул из окна спальни и увидел, как миссис Арабелла, закутавшись в плащ, быстрым шагом идет через двор. Она не накинула капюшон, и, когда открылась дверь помещения для рабов, я увидел ее лицо в тусклом свете горевших внутри лучин.

Мне послышался детский плач. Однако мое окно было плотно законопачено, и, возможно, это был всего лишь вой ветра в печных трубах.

Глава 34

Преподобный доктор Слайп, адрес которого дала мне миссис Фробишер, жил в доме на Кинг-Джордж-стрит, неподалеку от пруда с пресной водой и водокачки в конце Ориндж-стрит, но слишком близко к кожевенным заводам с их ужасной вонью.

Дом был высоким и узким, и сперва я решил, что ошибся адресом, поскольку дверь мне открыл рядовой гессенец в длинном переднике поверх мундира. Тем не менее в ответ на мой вопрос, здесь ли живет доктор Слайп, солдат направил меня наверх.

— Наверх и снова наверх, сэр. — У него был низкий голос, говорил он с сильным акцентом. — Все выше и выше. На самый верх, да?

На площадке первого этажа я встретил щеголеватого молодого немецкого офицера. Проходя мимо, он вежливо отдал мне честь, но не произнес ни слова. Я преодолевал пролет за пролетом лестницы с постепенно сужающимися ступенями, пока в конце концов не наткнулся на преграду в виде тяжелого кожаного занавеса. На ступеньке

возле нижнего края занавеса стоял колокольчик.

Я позвонил в колокольчик и почти сразу же появилась чернокожая служанка. Когда я сказал, что мне нужен доктор Слайп, и вручил рекомендательную записку от миссис Фробишер, служанка провела меня в крохотную гостиную со скошенным потолком.

День выдался солнечным, и в гостиной, расположенной под самой крышей, было тепло. Комната, обставленная вполне комфортабельно, казалась слишком загроможденной, поскольку массивные предметы мебели явно предназначались для более просторных помещений.

Через секунду за дверью послышались чьи-то тяжелые шаги. Высокий и очень дородный джентльмен боком протиснулся в дверной проем. Как и приличествует его сану, он был облачен во все черное, но жилет был расстегнут, узел шейного платка ослаблен. Голову джентльмена украшал кособокий древний парик с косичкой, перевязанной выцветшей черной лентой.

— Мистер Сэвилл, сэр. — Он неторопливо поклонился. — Знакомство с вами — большая честь для меня.

Я поклонился в ответ:

— К вашим услугам, сэр.

— Вы нашли нас в этом орлином гнезде, сэр. — Его голос был мягким и журчащим, словно мурлыканье большого довольного кота. — Мои поздравления.

— Солдат, открывший мне дверь, объяснил, куда нужно идти.

— Вам повезло встретить самую вежливую кукушку из всех, поселившихся в нашем гнезде. — Преподобный говорил медленно, втягивая в себя воздух между фразами.

— Насколько я понимаю, у вас тут есть постояльцы?

— Четыре офицера и слуги. Они приходят и уходят. Периодически встречаются довольно разнузданные. Никогда не знаешь, чего от них ожидать. По крайней мере, гессенцы, которые квартируют у нас сейчас, — джентльмены, хотя с виду и не скажешь. — Он вытер лоб большим носовым платком. — Сегодня очень душно.

— И в самом деле, сэр. Надеюсь, мой визит вам не в тягость.

— Ни в малейшей степени. Можете считать себя приятным сюрпризом. Я не любитель лазать по лестницам и особенно ценю, когда общество само приходит ко мне. — Он еще больше ослабил узел шейного платка. — Может, устроимся снару-

жи? Там гораздо прохладнее.

На мгновение мне показалось, что хозяин дома лишился рассудка. Он медленно развернулся в сторону двери. Я последовал за ним на лестничную площадку. Служанка поспешно прошла вперед и открыла дверь напротив, которая выходила на большой балкон с низким железным ограждением.

Над головой раскинулось пронизанное солнечным светом синее небо, внизу мерцали воды залива.

— Боже правый! — воскликнул я.

Оказавшись так высоко над сутолокой вонючих улиц, я внезапно понял, почему некоторые считают Нью-Йорк красивым городом.

— Действительно, сэр, — улыбнулся мне доктор Слайп. — Когда я чувствую, что мне недостаточно веры и здравого смысла, тогда один лишь этот вид побуждает меня уверовать в существование милостивого божества.

В защищенной от ветра нише я увидел стол, заваленный книгами, вокруг него стояли два плетеных стула и кушетка. Мы удобно расположились на стульях. Служанка, не дожидаясь приказа, принесла поднос с двумя бокалами, бутылкой рейнского вина и флягой с сельтерской

водой.

— Мои гессенцы иногда приносят мне сельтерскую воду, — сказал доктор Слайп, смешивая напитки. — Они знают, что я к ней неравнодушен. Надеюсь, вы ко мне присоединитесь? По утрам я обычно выпиваю в это время бокал или два. Чудеснейшим образом охлаждает мозг.

Сделав глоток рейнского вина с сельтерской, хозяин дома поставил бокал:

— А теперь перейдем к делу, сэр. Миссис Фробишер утверждает, что вы очаровательный джентльмен. — Преподобный подставил лицо солнцу. — И что вы высокопоставленный государственный чиновник, присланный сюда из Лондона.

— Я действительно прибыл из Лондона и занимаю должность в Американском департаменте. Хотя, боюсь, не слишком высокую.

— Вы наверняка скромничаете.

— Сэр, я разбираюсь с претензиями лоялистов на получение компенсации. Что отнюдь не означает, будто я оцениваю эти претензии. Я выступаю исключительно как передаточное звено и стараюсь, чтобы ходатайства были представлены в наилучшем виде и попали в нужное место.

— На костер? — заметил преподобный, впрочем

весьма беззлобно.

— Надеюсь, что нет. Бог свидетель, среди прошений есть дела, действительно заслуживающие рассмотрения.

— Да уж. Война — ужасная штука. Мы привыкли считать, что разумные существа способны урегулировать свои разногласия без ущерба для заинтересованных сторон. В связи с чем в нашем случае имеется только одно объяснение: человек вовсе не является разумным существом.

— Я смотрю, вы философ, сэр, — заметил я.

— Вы мне льстите, сэр. Я просто жирный старый дурак. — Он снова взял бутылку с вином. — Разрешите налить вам еще вина, а потом вы расскажете мне, чем я могу быть вам полезен. Миссис Фробишер говорит, вы интересуетесь Роджером Пикеттом.

— А вы хорошо его знали?

— Прошу меня извинить, сэр, но почему вас это интересует? И скажите, вы действуете от своего имени или от имени правительства?

— Имеется претензия на компенсацию, которая уже в работе. Мне поручили выяснить все детали, которые могут иметь значение при рассмотрении данного дела.

Доктор Слайп удивленно поднял брови:

— Значит, вы наверняка в курсе, что его убили в прошлом году?

— Да.

Под преподобным скрипнул стул. Доктор Слайп устроился поудобнее и внимательно на меня посмотрел:

— Бедняга. Я узнал обо всем уже после того, как его предали земле. В то время мы с женой гостили у ее сестры на Лонг-Айленде, и я не читал газет. Я слышал, что убийцу повесили. Это был беглый раб, если не ошибаюсь?

— Да, за убийство действительно повесили беглого раба, — подтвердил я. — Но тут совсем другое дело. Я…

— Ах! Я так понимаю, у вас возникли сомнения, что повесили именно того, кого нужно?

Если я и колебался, то не дольше секунды:

— Да, сэр. И хотя я ничего толком не знаю, в этом деле слишком много загадок.

— Но почему вы решили заняться расследованием сейчас, когда уже столько воды утекло?

— Не исключено, что к убийству приложили руку агенты Континентального конгресса.

— Что ж, сэр, дело, похоже, действительно темное, — хмыкнул доктор Слайп, и его большое тело сочувственно заколыхалось. — Но я по-прежнему

не понимаю, чем могу быть вам полезен.

— У нас слишком мало информации о Роджере Пикетте и его семье, сэр. И я надеялся, что вы могли бы нам помочь.

— Не могу сказать, что хорошо его знал. Мы перемолвились с ним лишь двумя-тремя словами, да и то пять или шесть лет назад. Его отца, Джонатана Пикетта, я знал чуть лучше. У него было поместье недалеко от Шарлотта. Но поскольку они входили в пресвитерианскую общину, мы не видели их в церкви и не часто встречали в обществе. Боюсь, сын мистера Пикетта стал для него величайшим разочарованием. Что правда, то правда.

— Но почему?

— Отец был трезвенником, очень богобоязненным человеком. Молодой Роджер кутил напропалую, и они поссорились. Говорят, отец умер от апоплексического удара, когда узнал размер долгов сына. Впрочем, я свечку не держал и поручиться, что это действительно так, не могу. — Доктор Слайп взял свой бокал и устремил безмятежный взор на залив внизу. — Таким образом сын стал наследником. Он продал поместье, едва успев похоронить отца. А затем отправился в Чарльстон и в мгновение ока промотал на-

следство.

— Миссис Фробишер полагает, что он завербовался в Континентальную армию.

— Да, я знаю. По крайней мере, его отец это одобрил бы. Как я уже говорил, они входили в пресвитерианскую общину, и мистер Джонатан исповедовал принципы вигов.

— А его сын?

— Сомневаюсь, что у него вообще были хоть какие-то принципы, — улыбнулся доктор Слайп. — Понимаю, это довольно немилосердно с моей стороны, но, боюсь, Пикетт-младший всегда держал нос по ветру. А ветер тогда дул в Нью-Йорк. Вообще-то, я однажды видел, как он шел по Бродвею.

— Мне казалось, вы говорили, что перемолвились с ним лишь…

Преподобный взмахнул пухлой белой рукой, оборвав меня на середине фразы:

— Прошу прощения, сэр. Я отнюдь не собирался вводить вас в заблуждение. Я видел его на Бродвее весной семьдесят шестого года, когда генерал Вашингтон со своей армией удерживал город. Но мы не разговаривали. На мистере Роджере тогда была военная форма со знаками различия. Кажется, сержанта.

— А он вас видел?

Доктор Слайп покачал головой:

— Это было бы крайне нежелательно. В те дни я хотел сохранить инкогнито. Не то чтобы я по натуре был замкнутым человеком… ну… вы понимаете. Но я член ученого совета Королевского колледжа. Когда Континентальная армия оккупировала город, я понял, что мои принципы сейчас не в моде.

Я вспомнил брата судьи, доктора богословия, похороненного на погосте церкви Троицы.

— Тогда вы, возможно, знали покойного доктора Винтура? По-моему, он тоже был членом ученого совета Королевского колледжа.

Лицо доктора Слайпа омрачилось.

— Несчастный джентльмен. Он был больше тори, чем его королевское величество, и не мог это скрыть. За что и поплатился. Теперь вы понимаете мое желание оставаться инкогнито.

— Между прочим, я квартирую в доме его брата.

— В доме судьи? Я видел его раз или два в обществе доктора Винтура, но не имел чести быть на короткой ноге с их семьей.

— А вы, случайно, не в курсе, были ли они знакомы с Пикеттами?

— Насколько мне известно, нет. А почему вы спрашиваете?

— Просто так, сэр.

— По-моему, Винтуров не было в городе, когда его захватили повстанцы. Кроме доктора Винтура, естественно. Так что они никак не могли встретиться здесь с Роджером Пикеттом.

Осушив бокал, я начал подумывать о том, чтобы попрощаться. Доктор Слайп показал на бутылку с вином. Я с улыбкой покачал головой и решительно встал с места.

— Полагаю, между ними была некая связь, — внезапно заявил доктор Слайп. — Я хочу сказать, между Пикеттами и Винтурами существует некая связь. Хотя и косвенная. — (Солнце било мне прямо в глаза. Доктор Слайп казался темной тенью, стекавшей с краев стула.) — Ну да, я хорошо помню. Племянник доктора Винтура женился на молодой леди, носившей фамилию Фруд.

— Да, сэр. Все верно.

— И я почти уверен, хотя и не могу безусловно утверждать, что именно отец молодой леди купил поместье Пикетта в Северной Каролине. Мистер Генри Фруд. Так его звали.

Глава 35

Когда после визита к доктору Слайпу я вернулся на Уоррен-стрит, то уже в холле услышал раздраженный голос капитана Винтура, доносившийся из малой гостиной.

— Обед снова был холодным, — возмущался он. — И могу поклясться, что эту ветчину нам подают в третий раз. Она уже гниет на кости. Ты что, хочешь нас всех убить? А сегодня утром я обнаружил, что у меня нет ни одной чистой рубашки. — (Если миссис Арабелла что-то ответила, я не расслышал.) — Так не пойдет, мадам. Это я вам говорю. Вы проводите слишком много времени, ухаживая за скулящими неграми, и пренебрегаете своими обязанностями. Вы меня слышите?

Я поспешно прошел мимо. Вечером того же дня, после ужина, капитан тоном, не терпящим возражений, потребовал, чтобы миссис Арабелла нам почитала. Когда она спросила, что почитать, он обвел глазами комнату, и его взгляд упал на экземпляр «Рамблера», который лежал на приставном столике.

— Ну вот… это отлично подойдет.

Миссис Арабелла начала читать вслух статью о грехе праздности. Через секунду-другую ее свекор и свекровь уже крепко спали. Я листал «Роял американ газетт», поскольку в тот вечер у меня не было никаких дел вне дома. Капитан Винтур скривился и поерзал на стуле.

— Давайте-ка лучше пройдемся по саду, — перебив жену на середине фразы, внезапно сказал он.

— Как? Прямо сейчас, сэр?

— Да, сейчас. Здесь так душно, что мне нечем дышать. Наденьте плащ, мадам, свежий воздух вам точно не повредит.

Миссис Арабелла повернулась ко мне:

— Вы присоединитесь к нам, сэр?

Капитан насупился.

— Думаю, нет, — ответил я.

Они отсутствовали примерно двадцать минут. Я зевал над газетой, в то время как мистер и миссис Винтур сопели и храпели в креслах возле тлеющего огня камина. Внезапно я услышал шум: крик или всхлип, который тут же затих. Я продолжил читать.

Потом я решил подняться в свою комнату, чтобы написать Августе и Лиззи. Когда я выходил

из гостиной, дверь в сад внезапно распахнулась. В дом вошла миссис Арабелла, скидывая на ходу тяжелые башмаки на деревянной подошве. Левой рукой она держалась за щеку. Миссис Арабелла, должно быть, заметила меня на пороге гостиной, но не замедлила шаг и никак не отреагировала на мое присутствие.

Вслед за миссис Арабеллой вошел капитан Винтур; его рука была поднята, словно для замаха. На секунду мы все трое застыли совсем как восковые фигуры в музее.

В супружестве третий человек всегда является лишним. То, что мужчина и его жена говорят наедине, никого не касается. И то, что мужчина делает со своей женой, — их личное дело.

Я это отлично знал. Я знал, что сделал со своей женой капитан Винтур, так же хорошо, как если бы видел все своими глазами. Я знал, что любой суд в Америке или Англии решил бы, что закон на его стороне.

Несмотря на все доводы рассудка, я сделал шаг вперед. Миссис Арабелла поспешно прошла мимо. А вот Винтур двинулся прямо на меня. Он был крупным мужчиной, если не выше, то гораздо тяжелее, чем я. И сейчас он находился в той опасной стадии опьянения, когда человек забывает

об осторожности, хотя его тело еще способно подчиняться требованиям разума.

— Нет, сэр, — твердо произнес я.

Я почувствовал горячее дыхание Винтура. От него разило спиртным. Черты его лица были искажены злобой. Я слышал похрапывание судьи и звуки легких шагов миссис Арабеллы по ступеням лестницы.

— Как вы смеете, сэр? — Он занес сжатую в кулак руку, но я не двинулся с места и не произнес ни слова. — Проклятье, я…

— Джонни, дорогой? — послышался голос его матери. — Это ты?

Винтур круто развернулся и, чеканя шаг, прошел через холл в сад.

Я вернулся в гостиную.

— Нет, мэм, это всего лишь я. Капитан Винтур решил прогуляться по саду. А я пришел пожелать вам доброй ночи.

Старая дама кивнула и слегка нахмурилась, словно пытаясь совместить мое лицо с лицом сына:

— А моя дочь?

— По-моему, я слышал, как миссис Арабелла поднималась к себе.

Тем временем тембр храпа судьи Винтура

несколько изменился. Мы с миссис Винтур, не сговариваясь, посмотрели на него. Голова судьи опустилась на ручку кресла, парик съехал набок, рот был открыт. Судья казался совсем дряхлым и выглядел на редкость глупо.

— Мистер Сэвилл? — Миссис Винтур снова уставилась на меня. — Будьте осторожны.

— Прошу прощения, мадам?

— Очень осторожны. Я старая женщина, сэр, и вы наверняка дозволите мне говорить откровенно.

Я с удивлением обнаружил, что ее голова внезапно прояснилась, что было несколько неожиданно для столь позднего часа, да и вообще для любого времени суток.

— У джентльмена в вашем положении, сэр, может легко возникнуть привязанность. О чем он иногда даже не ведает. Привязанность, которая совершенно невозможна и которая принесет лишь боль всем заинтересованным лицам.

— Боюсь, я не совсем понимаю ход ваших…

— И моего мужа безмерно расстроит… — продолжила старая миссис Винтур, — полагаю, безмерно расстроит всех домочадцев, если вы будете вынуждены покинуть нас до завершения своего визита в Нью-Йорк. Ведь мы уже считаем

вас одним из членов нашей семьи.

— Вы очень добры, — поклонился я.

— Однако время уже позднее. — Миссис Винтур милостиво мне улыбнулась. — Вам пора спать. Так что не стану вас больше задерживать.

Еще раз поклонившись, я вышел из гостиной и закрыл за собой дверь.

Я стоял в холле, пытаясь осознать то, что сейчас произошло. Дверь в сад по-прежнему оставалась приоткрытой. Сад окутала тьма. Серп луны скрылся за облаками, затянувшими ночное небо цвета сланца. Капитана Винтура нигде не было видно.

Внезапно я услышал над головой едва уловимый звук. Я поднял глаза. Свет был совсем тусклым: на лестничной площадке горела лишь масляная лампа, а на столике в холле — одинокая свеча.

Какой-то человек смотрел на меня, перегнувшись через перила. Я мельком увидел, если это слово можно считать здесь уместным, какую-то тень, а на ее фоне — блеск белых зубов и белков глаз.

Ноги в домашних туфлях поспешно прошлепали по лестничной площадке. Закрылась дверь.

Глава 36

В течение следующих десяти дней или около того я в основном только ночевал на Уоррен-стрит, что было даже к лучшему. Старая миссис Винтур больше не возвращалась к тому разговору. Она отступила за пределы старости туда, где только частично понимала происходящее. Спустя день или два она подхватила ангину и была вынуждена оставаться в постели, что, должен признаться, стало для меня огромным облегчением.

Я не мог игнорировать тот факт, что миссис Винтур несколькими скупыми фразами предостерегла меня от опасности вынашивания плотского вожделения к миссис Арабелле. И если вожделение, в котором я сам себе не решался признаться, не стало тайной для миссис Винтур, тогда кто еще мог заметить эти предательские знаки?

А в это время в городе царило приподнятое настроение, поскольку наши силы добились успехов в Джорджии, причем настолько впечатляющих, что в колонии были восстановлены общественный порядок и гражданское правительство. Однако настроение в доме Винтуров

было отнюдь не радужным. Из-за прививок наши домашние финансы по-прежнему оставались в плачевном состоянии. И в довершение всех бед необходимость ухода за миссис Винтур легла дополнительным бременем на плечи прислуги, и так находившейся на пределе возможностей.

Я практически не видел миссис Арабеллу. Я столкнулся с ней на лестнице через день после того инцидента с капитаном Винтуром. Кожа вокруг ее левого глаза приобрела темно-фиолетовый, почти черный оттенок сливовой кожуры.

Вечером за ужином в ответ на расспросы судьи она объяснила, что наткнулась на открытую дверь, когда встала ночью в уборную. Миссис Арабелла говорила о происшествии меланхоличным, равнодушным тоном, словно все это приключилось с кем-то другим, на кого ей было наплевать. Судья беспокоился за нее: он опасался, что она подорвала здоровье, ухаживая за больными. Похоже, он даже не подозревал, что произошло на самом деле.

В тот вечер за столом нас было трое. Старая миссис Винтур осталась наверху, а капитан куда-то ушел. Он взял себе за правило поздно возвращаться, спать допоздна и рано уходить из дома. Впрочем, за прошедшие десять дней в тех редких

случаях, когда мы с ним сталкивались, вел он себя на редкость дружелюбно. Мы раскланивались и как ни в чем не бывало обменивались общими фразами. Может, в тот вечер он был слишком пьян и вообще не помнил о нашей ссоре? Или благоразумно решил не портить со мной отношения?

Что касается Мириам, она меня избегала. Похоже, это она наблюдала за моей стычкой с капитаном Винтуром и это она была тогда на лестничной площадке, ну а теперь избегала лишних расспросов.

Связь между госпожой и служанкой может быть такой же близкой, как связь между мужем и женой, иногда даже более тесной. Мне казалось, что Мириам ведет себя со мной неприветливо и в ее глазах сквозит неодобрение. Неужели она осуждала меня за то, что я не смог защитить миссис Арабеллу или отомстить за нее? А может, она осуждала меня исключительно за то, что я знал, как несчастна миссис Арабелла?

Впрочем, я ни в чем не винил Мириам. На самом деле я винил лишь себя.

Долг указывал мне один путь, а личный интерес — совсем другой.

И хотя в конторе было полно рутинной работы,

у меня не шло из головы дело Пикетта. Я знал, что должен принять решение. Грубо говоря, мне следовало или поделиться имеющейся информацией с Марриотом и Рэмптоном, а значит, и с нашими хозяевами в правительстве, или оставить Роджера Пикетта покоиться с миром и таким образом избавить Винтуров, особенно миссис Арабеллу, от расследования связей семьи с повстанцем.

В конце марта военный корабль «Ромул» привел в Нью-Йоркскую гавань караван из двадцати транспортов с продовольствием и торговых судов, вышедших из Торбея в начале января. Зимой погода делала сообщение между Нью-Йорком и Англией еще более медленным и рискованным, чем обычно.

Мистер Рэмптон прислал целую сумку корреспонденции. Адресованное мне письмо, написанное через две недели после его последнего послания, касалось исключительно работы департамента. Я не нашел ни намека на наши личные отношения и уже начал подозревать, что он выбрал меня для нью-йоркской миссии отнюдь не с целью моего продвижения по карьерной лестнице, а чтобы приговорить к своего рода ссылке.

Однако я все же получил маленькую компенсацию: мистер Рэмптон вообще не упоминал о мистере Пикетте и его шкатулке с диковинками. Я интерпретировал сие упущение как знак того, что мистер Рэмптон умывает руки. Он сделал все, что от него ожидали, а потому решил больше не прикладывать усилий для продолжения данного дела.

Если я был прав, то как лорд Джордж, так и лорд Норт вполне удовольствовались тем, что продемонстрировали готовность выполнить просьбу: первый — просьбу премьер-министра, а второй — своего поверенного в делах, который оказался зятем мистера Пикетта. Я еще не успел составить меморандум о возобновленном расследовании, но что бы я там ни написал, это навряд ли существенно повлияло бы на мнение мистера Рэмптона.

День или два спустя я приехал в форт Джордж на совещание с заместителем генерал-адъютанта. После совещания майор Марриот поймал мой взгляд и едва заметно кивнул. Мы прошли, словно ненароком, на плац. В этом перенаселенном городе по-настоящему уединиться можно было лишь в общественном месте.

— Итак?.. — Марриот повернулся ко мне ли-

цом. — Я насчет дела Пикетта. — Я не ответил, и он нахмурился. — У вас есть новая информация?

Я со вздохом пожал плечами:

— А вы как думаете?

— Я думаю, это охота за призраками. — Майор потер левую ногу; он часто массировал раненую ногу, причем, как мне кажется, чисто машинально. — Мне больше не поступало какой-либо информации о том, что Лицо со Шрамом все еще в городе.

— А вдруг он где-нибудь в серой зоне? На Лонг-Айленде, например?

— Не исключено, если его кто-нибудь укрывает. Ну да, насколько нам известно, он вполне может быть здесь.

— В таком случае он вряд ли часто покидает свое укрытие, — заметил я. — Разве что ночью. Он слишком бросается в глаза.

— Десять к одному, что он проскользнул за линию фронта и сейчас находится где-то на Спорных территориях, — кивнул Марриот.

— Из Филадельфии ничего нового, — сообщил я. — Дом, где квартировал Пикетт, тоже пустой номер. И ни звука о шкатулке с диковинками или о заговоре с целью убить Пикетта.

— Это как бой с тенью, — сказал Марриот.

Я бросил на него пристальный взгляд. Для простого солдафона Марриот был весьма поэтичен и обладал удивительным даром рождать непривычные метафоричные образы. Как-то раз он назвал дело Пикетта погоней за облаками. Теперь он говорил о «бое с тенью». И мне вовсе не хотелось смеяться над ним. Его метафоры характеризовали наше странное расследование лучше любых слов.

Лицо майора побагровело.

— Короче говоря, чертовски сложное дело. Совершенно не за что зацепиться. И вообще, я ненавижу выполнять бессмысленные поручения.

— Тогда, возможно, нам и не стоит пытаться.

— А? Но мне казалось, лорд Джордж…

— Мы сделали все, что могли, сэр. Невозможно прыгнуть выше головы. Поэтому хочу предложить вам следующее: я представлю в сжатом виде сведения о том, что нам удалось обнаружить, и, конечно, приведу кое-какие детали, после чего мы с вами поставим под бумагой свои подписи.

— Вы действительно считаете, что этого хватит?

— Полагаю, да. Если им понадобится что-нибудь еще, они нам сообщат. А если в ближайшее

время нам удастся наткнуться на что-нибудь важное, мы им доложим.

Марриот огляделся по сторонам, словно опасаясь, что нас могут подслушать:

— А вы уверены, что это разумно, сэр? И не пострадает ли наша карьера?

— С какой стати? — Я говорил вполне уверенно, ведь это был мой мир, а вовсе не мир майора; я знал ход мыслей мистера Рэмптона; я понимал как те слова, что он использовал, так и те, что опускал. — Нам нечего терять, кроме скучного времяпрепровождения в отсутствие основной работы.

Майор потер щетину на подбородке:

— Очень хорошо, сэр. Будь по-вашему. И… э-э-э… я вам крайне признателен.

Глава 37

В тот вечер мы договорились встретиться с Таунли на ассамблее, которая проводилась примерно каждые две недели в верхнем зале таверны Рубале. Мы с ним пожертвовали по две гинее каждый.

— Счастлив видеть вас в таком отличном расположении духа, сэр, — произнес Таунли, когда я гомерически расхохотался над дурацким анекдотом, рассказанным пожилым флотским лейтенантом. — Неужели «Ромул» привез приказ о том, что вас отзывают?

— Нет, сэр. — Я мгновенно протрезвел.

— Я, само собой, счастлив это слышать. Из чисто эгоистических побуждений. — Он обвел рукой зал, где звучала музыка и танцевали нарядно одетые люди. — По крайней мере, нет худа без добра, — не переставая улыбаться, продолжил Таунли. — Вам придется продлить свое пребывание на Уоррен-стрит. Вы продолжите наслаждаться обществом вашей прелестной хозяйки. Естественно, той, что помоложе.

Намек весьма недвусмысленный. И тут не было

ошибки. После завуалированного предостережения старой миссис Винтур слова Таунли меня неприкрыто встревожили, хотя я надеялся, что это всего лишь пустая болтовня, которую часто позволял себе Таунли. Я холодно поклонился.

— Кстати, — нимало не смущаясь, продолжил Таунли, — как там наш доблестный капитан? Я видел его прошлым вечером у губернатора Франклина, но не имел возможности вступить с ним в разговор. А что, капитан по-прежнему вынашивает идею экспедиции в Маунт-Джордж?

Таунли очень изящно сменил тему, и мне все это не слишком понравилось. Манера общения Таунли, как всегда, была очень доверительной, но под этой маской я чувствовал беспокойный, пытливый ум, который следует тайным путем прямо к скрытой цели.

— Не могу сказать, сэр, — ответил я. — В последнее время капитан Винтур об этом не говорил. По крайней мере, при мне.

— Любопытно, с чего вдруг ему так хочется туда поехать, — глядя на танцующих, задумчиво произнес Таунли. — Его здоровье оставляет желать лучшего. Экспедиция будет сопряжена с трудностями и опасностями. А что в результате? Если я не ошибаюсь, его дом был сожжен, а поме-

стье неоднократно подвергалось грабежам. Я бы сказал, что до окончания войны ничего ценного там найти не удастся.

— Я знаю не больше вас, сэр.

— Ну а для миссис Арабеллы это место наверняка связано с неприятными воспоминаниями.

— Неужели? — Я пристально посмотрел на Таунли. Много ли людей знают о том, что миссис Арабелла родила у себя в поместье мертвого ребенка? — Почему?

— Разве вы не знаете? Ее отец умер там в конце семьдесят шестого года. Очень печальная история.

— Надо же! А что с ним произошло?

Таунли понизил голос:

— Все случилось через месяц или два после того, как мы снова взяли Нью-Йорк и континентальные войска отступили на север. Отряд ополченцев напал на поместье, и мистер Фруд был убит.

— А миссис Арабелла там была?

— Да. Но, слава Всевышнему, ей и кое-кому из слуг удалось убежать. — Таунли улыбнулся. — Поэтому вы понимаете мое любопытство насчет планируемой экспедиции, сэр. Капитан Винтур, похоже, полон загадок.

— Если тут и кроется какая-то загадка, то, боюсь, я не могу ее отгадать. — Я бросил взгляд в сторону аванзала, где уже устанавливали карточные столы. — Как насчет партии в вист? Попробуем найти еще двоих, чтобы нас было четверо?

Таунли согласился на мое предложение, и мы скоротали часок-другой за карточным столом. В результате мы просидели там до двух часов ночи. Мистер Таунли подвез меня в своем экипаже до Уоррен-стрит и высадил прямо у дверей дома.

В столь поздний час дом, как правило, был погружен в темноту, а все его обитатели крепко спали. Абрахам, молодой лакей, обычно дремал на стуле в холле, чтобы открыть засов на двери, если кто-то вдруг припоздниться. Сегодня, еще не переступив через порог, я понял: что-то явно было не так. Сквозь жалюзи на окнах гостиной пробивался свет и в световом окне над дверью горел фонарь.

Мне пришлось ждать дольше, чем хотелось бы. Я слышал скрип колес отъехавшего экипажа Таунли, а также улюлюканье и крики гуляк на Бродвее. В результате дверь мне открыл Джосайя, причем без обычной возни с задвижками и засовами. Вид у старика был крайне растерянным.

— Он пришел? — крикнул из малой гостиной

судья. — Немедленно проведите его сюда!

— В чем дело? — отдав Джосайе шляпу, спросил я.

Автоматически взяв шляпу, слуга потянулся за моим плащом.

— Быстрее! — срывающимся голосом крикнул судья.

Джосайя посторонился и махнул рукой, приглашая меня в малую гостиную.

Секунду спустя я увидел капитана Винтура, распростертого на диване. Одна рука бессильно свешивалась с края. Его сюртук и жилет валялись на полу.

Миссис Арабелла стояла перед ним на коленях. Мистер Винтур нервно расхаживал туда-сюда перед диваном. Он посмотрел на меня, его лицо исказилось от отчаяния.

Не вставая с колен, миссис Арабелла повернула голову. В тусклом свете синяк на ее лице напоминал повязку на глазу. Шаль сползла с плеч, открыв моему взору белую сорочку. На груди алело кровавое пятно.

Глава 38

Бросившись ко мне, судья сжал мою руку:

— На Джона напали, сэр! Прямо на пороге нашего дома! Как я скажу его бедной матери, что его убили?!

Миссис Арабелла поднялась с колен и поплотнее завернулась в шаль.

— Милостью Божьей, Абрахам услышал его крики и открыл дверь. И должно быть, вспугнул негодяя.

— Он сильно ранен?

— Его ударили ножом. А еще рана на голове. Я отправила Абрахама за врачом. Вы разминулись всего на пару секунд.

Судья снова принялся мерить шагами комнату, при этом то и дело тихо стеная. Его ночной колпак съехал набок, и он потерял один шлепанец.

В комнате горели три свечи: одна на каминной доске и еще две — на приставных столиках с правой и с левой стороны дивана. Камин потух, в комнате было холодно.

Абрахаму сильно повезет, если он сумеет разбудить врача в такой час, подумал я. А еще больше

повезет, если ему удастся найти такого врача, который отважится выйти ночью на улицу без вооруженной охраны. Какая жалость, что мы с Таунли не приехали чуть-чуть пораньше!

— Прошу вас, мадам, мне нужен свет. Не могли бы вы подержать свечу, чтобы я мог его осмотреть?

Миссис Арабелла взяла свечу. Я склонился над капитаном Винтуром. Тяжело дыша, он лежал на спине, голова покоилась на подлокотнике дивана. Его рот был открыт, и от него разило «румбо». Со стороны могло показаться, будто он просто отсыпается после разгульной ночи. Рубашка на груди с левой стороны пропиталась кровью. Шейный платок был использован в качестве перевязочного материала для раны. Отодрав окровавленную ткань, я обнаружил прямо под ключицей рану шириной примерно полдюйма, формой похожую на прищуренный глаз. Наверное, все-таки не пуля, а лезвие ножа. Судя по разорванной коже, нож был направлен вверх и вошел под углом. Из раны все еще сочилась кровь, которая, впрочем, уже начала свертываться.

— Мы должны что-то сделать, — сказала мне на ухо миссис Арабелла. — Причем очень быстро, или он умрет.

— Успокойтесь, мадам, — ответил я. — Держите повыше свечу, чтобы мне было лучше видно.

Пальцы правой руки капитана касались пола. Кончики пальцев купались в луже крови. Кровь закапала и ковер на полу. Я поднял руку раненого и повернул ладонью к себе. Ладонь и основания пальцев были в крови. Винтур, должно быть, схватился за лезвие, пытаясь вырвать нож из рук нападавшего. В противном случае нож мог войти не в плечо, а прямо в сердце.

Я отпустил окровавленную ладонь Винтура:

— А где другая рана?

— Здесь.

Поставив свечу, миссис Арабелла осторожно повернула голову мужа. Он потерял парик и шляпу. Череп был покрыт колючей щетиной, которая, к моему величайшему удивлению, уже начала седеть.

На левом виске красовалась большая ссадина с рваными краями. Я осторожно пощупал ее. Височная кость показалась мне твердой и гладкой, значит перелома, похоже, не было.

Я услышал за дверью шаги. В комнату со свечой в руке вошла Мириам. Она тоже была в неглиже.

— Как твоя хозяйка? — встрепенувшись, спросила Арабелла.

— Я снова уложила ее в постель, мэм, и дала ей капли. Думаю, теперь она точно уснет. — Увидев меня, служанка присела в реверансе. — Я не стала говорить, что это был капитан.

— Но где, ради всего святого, врач?! — спросил мистер Винтур.

— Сэр, прошу вас, не нужно расстраиваться. — Выпрямившись, я повернулся к миссис Арабелле. — Мэм, мы не можем ждать. Нам следует уложить капитана на импровизированные носилки, на створку двери например, и отнести его в постель.

— Но во время подъема по лестнице рана может снова открыться. И суета разбудит его мать.

— Тогда давайте принесем сюда матрас и положим его на пол возле дивана. Переложим капитана на матрас и постараемся устроить его поудобнее.

— Очень хорошо.

На мгновение у меня возникло странное ощущение, что мысли миссис Арабеллы витают где-то очень далеко, что сцена в гостиной — лишь интермедия. Но затем она резко повернулась и велела Джосайе принести из ее стенного шкафа тюфяк.

— И вскипяти воду, — добавил я. — Принеси

чистую одежду и побольше свечей. А еще затопи камин. Здесь холодно. Мэм, у вас найдется баночка целебной мази? И корпия? Нужно перевязать раны.

Через час события приняли более благоприятный оборот. Капитана Винтура помыли, его раны перевязали, после чего устроили поудобнее. В комнате сразу стало уютнее, отчасти благодаря дополнительным свечам, а отчасти потому, что в камине жарко пылал огонь, пламя забиралось в дымоход и сырые поленья весело потрескивали.

Вернулся Абрахам, но без врача. У меня сразу отлегло от сердца. Я боялся за его безопасность на улицах, где царило беззаконие.

— Очень плохо, — проворчал судья. — Неужели для этого человека клятва Гиппократа — пустой звук? Неужели для них главное только деньги?

— Сэр, быть может, это даже к лучшему, — сказал я, поскольку узнал от Таунли, что в городе практически не осталось квалифицированных врачей. — Я напишу записку нашему другу майору Марриоту и попрошу прислать военного хирурга. Они отлично знают свое дело. Абрахам отнесет записку, как только за окном станет светлее.

Мы с миссис Арабеллой уговорили судью лечь

в кровать, клятвенно пообещав разбудить его, если состояние капитана Винтура ухудшится. Джосайю мы тоже отослали. Старик совсем выбился из сил.

— Абрахам, ты видел того, кто напал на капитана Винтура? — спросил я лакея.

— Нет, сэр. — Парень едва стоял на ногах от усталости. — Но слышал, как он убегал.

— Он был один?

— Да, сэр.

— А куда он направился?

— Вниз по улице, мимо Королевского колледжа, ваша честь.

Миссис Арабелла велела ему поспать хотя бы пару часов.

— А вы, сэр? — спросила она меня. — Вы собираетесь лечь спать?

— Думаю, мне стоит остаться на тот случай, если понадобится моя помощь. Если, например, капитан проснется.

— Тогда, может, желаете чего-нибудь выпить? Или поесть?

— Чай меня вполне устроит, мэм.

Она отправила Мириам на кухню приготовить чай. Впервые за долгое время мы с миссис Арабеллой остались вдвоем, если, конечно, не считать

ее мужа в роли лежавшей без чувств дуэньи. Мы уселись перед камином, словно пожилая супружеская пара. Капитан Винтур громко храпел на матрасе рядом с диваном: за протяжным раскатистым звуком, означавшим вдох, следовала длинная пауза, и мы невольно напрягались в ожидании, после чего снова раздавалась рокочущая трель.

— Даже не знаю, как благодарить вас, сэр, — произнесла миссис Арабелла во время очередной паузы. — Вы сделали нам огромное одолжение сегодня вечером.

— Какие пустяки, мэм! — Мне пришлось повысить голос, так как капитан снова захрапел. — Вы с вашими слугами и без меня прекрасно справились бы.

— Я так не думаю. Ваша помощь оказалась как нельзя кстати. — Замявшись, она добавила: — Впрочем, по-моему, эта ситуация явно была вам не в новинку. Вы сразу поняли, что нужно делать.

— Мой зять — хирург, и в молодости я пару месяцев сопровождал его во время обходов пациентов. Все мастерство заключается в основном в использовании здравого смысла, и не более того.

Ритм дыхания капитана Винтура изменился.

Мы обернулись посмотреть на него. Когда он снова захрапел, звук изменился: он стал меньше похож на рокот и теперь напоминал шелест сухой листвы под ногами.

— Скажите, а это его кошелек? — внезапно спросил я. — Рядом со свечой на столике возле дивана?

— Да. И его записная книжка.

— Значит, грабитель убежал с пустыми руками?

— Да. Спасибо Абрахаму.

В дверь постучали. Мириам принесла все для приготовления чая.

Миссис Арабелла встала:

— Прошу меня извинить, сэр. Мне нужно сходить в мой лазарет. Некоторым больным сегодня не спится. Мириам сделает вам чай, а я вернусь через пару минут.

Она отсутствовала гораздо дольше. Мириам налила мне чая и поставила чашку для хозяйки. После чего сделала реверанс и попросила разрешения удалиться.

Я подкинул в камин еще одно полено. На душе было неспокойно. Какой-то человек прямо на пороге дома напал на капитана Винтура, но не ограбил его. Не исключено, что нападавший сбил

капитана с ног ударом по голове, а затем пырнул ножом. Если ограбление являлось единственным мотивом, тогда почему было не оглушить его дубинкой или просто не припугнуть? Капитан оказал сопротивление, а иначе удар ножом стал бы смертельным. И наконец, негодяй, когда его вспугнули, побежал в направлении Холщового города.

Все это было до ужаса знакомо. Я слишком хорошо помнил нападение, которому подвергся в ноябре. В городе действительно царило беззаконие, особенно ночью, что правда, то правда, и было полно воров, вооруженных ножами. Поэтому не было нужды считать, что покушение на капитана Винтура — дело рук Лица со Шрамом. А то, что он напал на случайную жертву на пороге того самого дома, где я квартировал, могло быть чистой воды совпадением.

Тем не менее, и тут я бы не отказался выпить чего-нибудь покрепче, чем чашка чая, которую держал в руке, это отнюдь не было совпадением.

Возможно, капитан Винтур вовсе не был целью преступника. Мы с капитаном были примерно одинакового телосложения, а в темноте лицо трудно разглядеть. Неужели тот негр принял за меня капитана Винтура? И неужели преступник

просто вернулся с ножом в одной руке и дубинкой в другой, чтобы закончить то, что начал четыре месяца назад?

Глава 39

Я задремал, и меня разбудил звук открывшейся двери. Вернулась миссис Арабелла. Пламя свечи освещало ее лицо. Она выглядела усталой и нездоровой, словно она, а не ее супруг, нуждалась в визите врача.

Она извинилась, что оставила на меня своего мужа, который все так же храпел на матрасе. По словам миссис Арабеллы, у пациентов в импровизированном лазарете произошел некий кризис, потребовавший ее присутствия, а также помощи Мириам. Я спросил, в чем заключается кризис и нужны ли мои услуги.

— Благодарю вас, но нет. Видите ли, пациенты не всегда хорошо переносят эти прививки, а потому в конце концов единственный выход — дать болезни идти своим чередом.

Похоже, я снова задремал, а проснувшись, увидел, что она сидит возле меня в кресле старой миссис Винтур, накинув на голову шаль. Я с удивлением уставился на миссис Арабеллу. Мне снился большой белый особняк со множеством комнат. Во сне я точно знал, что это и есть

Маунт-Джордж. И я отчаянно искал там кого-то или что-то. Я бегал из одной гулкой комнаты в другую. У меня не было четкого представления о планировке или форме дома, а комнаты тянулись бесконечной чередой. Иногда я, похоже, попадал через другую дверь в комнаты, в которых уже побывал, хотя и не мог утверждать это с полной уверенностью. И вот сейчас, на мгновение оказавшись между явью и сном, я понял, что искал там миссис Арабеллу.

Я поспешно выпрямился. Камин потух, тлеющие угли отбрасывали тусклый красный свет. Свечи погасли, осталась лишь свеча на столике возле дивана. Кто-то заботливо накрыл мои ноги одеялом. Капитан по-прежнему храпел.

— Мадам, я…

— Сэр, прошу вас, не беспокойтесь. Вы так крепко спали, и я надеялась, что не разбужу вас.

— Так это вы накрыли меня одеялом?

— Становится холодно. А мой муж вполне обихожен.

— А как дела в вашем лазарете? Надеюсь, все наладилось?

Секунду-другую она молчала.

— Не знаю, — наконец произнесла она, и ее дыхание стало прерывистым. — Пока непонятно.

— Вы должны отдохнуть, — решительно заявил я. — Разве вы не можете прямо сейчас отправиться спать, а заботу о пациентах переложить на Мириам?

— Я чувствую себя вполне отдохнувшей. А вот вам, сэр, непременно следует лечь в постель.

Она наклонилась вперед, чтобы подбросить в камин дров. Откинув одеяло, я взял кочергу и помешал угли. И вскоре языки пламени принялись жадно лизать сухое полено.

Я добавил еще пару поленьев, после чего пошел посмотреть, как там капитан Винтур. Его храп модулировал от анданте к адажио.

— Он улыбается во сне, — заметил я.

Миссис Арабелла не повернула головы.

— В отличие от нас всех, уж он-то определенно хорошо выспится.

— Не сомневаюсь.

На сей раз миссис Арабелла посмотрела на меня:

— Таков порядок вещей. Разве нет? Но мне, пожалуй, пора возвращаться к своим пациентам.

Она решительно встала и, пожелав мне спокойной ночи все тем же мрачным тоном, покинула комнату. И у меня невольно возник вопрос: неужели я ненароком чем-то обидел эту женщи-

ну? А может, эта горечь относилась исключительно к ее мужу или к чему-то засевшему более глубоко? К чему-то такому, что оставалось для меня тайной за семью печатями.

Теперь я полностью стряхнул с себя остатки сна. Я прошелся по комнате, так как члены мои затекли от долгого сидения на стуле. Миссис Арабелла унесла свечу, но оставалась та, что стояла на приставном столике возле дивана. Я отнес свечу на каминную доску. Погрев руки у огня, я поднял глаза проверить, не нужно ли снять нагар с фитиля. И внезапно обнаружил, что картина над камином словно переживает период полураспада. Покрытые лаком гребни и ложбины масляной краски где-то отражали, а где-то поглощали свет пламени свечи. Когда сквозняк заставлял пламя дрожать, падавшие на картину отблески покрывали ее рябью, словно она лежала в прозрачной мелкой воде, поверхность которой взбудоражил легкий бриз.

На картине был изображен белый дом из моего сна с восемью колоннами и крыльцом, а также пасущиеся овцы и откормленные коровы. На переднем плане — групповой портрет маленькой процветающей семьи со спаниелем, которого все это не интересовало.

Маунт-Джордж. Я поднял свечу и принялся рассматривать полотно с более близкого расстояния. По словам миссис Арабеллы, художники, которые пишут подобные картины, играют с перспективой, чтобы увеличить передний план. Я попытался представить себе поместье, а точнее, каким оно было раньше.

По той же самой причине я попытался представить, какой на самом деле была та семья: мистер Фруд, мужчина в расцвете сил, с картой и подзорной трубой; миссис Фруд, молодая и, должно быть, желанная женщина, и маленькая Арабелла, невероятно собранная и изящная. Мистер и миссис Фруд уже отправились в мир иной, как и унылый спаниель. Я подозревал, что собака изображена более реалистично, чем все остальные: единственная уступка художника правде жизни.

В Маунт-Джордже было нечто такое, что от меня ускользало. Но какого черта капитан Винтур так рвется туда поехать?! И какую выгоду он может извлечь из поместья в его нынешнем состоянии? Капитан не отличался излишней чувствительностью. Таунли определенно прав: Винтур наверняка знал, что его жена не любит то место, где при столь печальных обстоятельствах умерли ее отец и дочь.

Я снова сел и натянул на себя одеяло. Капитан Винтур сопел в полутьме, словно храпящий в корзинке охотничий пес. Несомненно, в Маунт-Джордже было нечто такое, чего он хотел, или нечто такое, что он должен был сделать.

Затем я уснул. Меня накрыла тьма забвения. И если мне что-то и снилось, я этого не запомнил.

Внезапно я полностью очнулся. Сквозь закрытые жалюзи просачивались полоски дневного света. Я ужасно замерз. Огонь в камине практически погас. Дыхание капитана Винтура стало ровнее и гораздо спокойнее, чем прежде.

Я услышал торопливые шаги в холле.

Откинув в сторону одеяло, я встал и неверной походкой направился к двери. Мои члены затекли и, похоже, еще окончательно не проснулись.

В холле, у подножия лестницы, стояли, прильнув друг к другу, миссис Арабелла и Мириам. Миссис Арабелла держалась за стойку перил. Обе женщины казались преждевременно постаревшими — старше, чем старая миссис Винтур.

— Мадам? — спросил я. — Что случилось?

Миссис Арабелла не ответила.

Однако Мириам подняла на меня глаза. Слезы катились по ее щекам.

— Мы потеряли ребенка.

— Ребенка? — эхом повторил я, не понимая, в чем дело.

— Ребенка раба, — отрезала Мириам.

— Я могу чем-то помочь?

— Нет, сэр. Тут никто не может помочь.

Глава 40

Майор Марриот появился на пороге дома на Уоррен-стрит еще до восьми утра в сопровождении полкового хирурга. Судья, разбуженный стуком в дверь, спустился к нам прямо в ночной рубашке.

— Вы не должны тревожиться, сэр, — сказал я. — У капитана Винтура была спокойная ночь. Я только что с ним разговаривал. Кажется, он чувствует себя нормально.

Судья Винтур крепко сжал мою руку. А затем практически втолкнул хирурга в гостиную. Ну а мы с майором задержались в холле.

— Удар по голове и проникающее ранение в плечо, — объяснил я. — Винтур сопротивлялся, и у него здорово поранена рука. К счастью, нападавшего вспугнул слуга, который открыл дверь.

— А как там миссис Арабелла?

— Сейчас она спит. Ей пришлось курсировать между домом и бараками рабов. Один из рабов умер прошлой ночью.

— Бедняжка. Сэр, могу ли я быть хоть чем-то полезен? Чем угодно. Буду считать это огромным

одолжением.

— Конечно. — Я кивнул на дверь гостиной. — Вы и так очень много для нас сделали, причем гораздо оперативнее, чем можно было ожидать.

Я отправил Абрахама на кухню за кофейником, после чего мы с майором прошли в гостиную, где хирург осматривал раненого. Капитан Винтур уже проснулся. Его лицо было бледнее обычного, однако он пребывал в отличнейшем расположении духа и даже обложил хирурга, когда тот ощупывал рану на груди.

— Это не было ограблением, — тихо сказал я Марриоту. — Абрахам говорит, нападавший побежал в сторону Холщового города. И у меня невольно возникает вопрос: не кроется ли здесь нечто большее, чем кажется на первый взгляд?

— Я сомневаюсь. Зачем все усложнять? Мужчина вроде Винтура, который возвращается ночью домой пьяный в дымину…

Хирург выпрямился и вытер полотенцем руки.

— Не вижу никаких причин для беспокойства, — обратился он к судье.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Рана чистая. Никаких следов воспаления. А удар по голове всего лишь оглушил вашего сына. Я сейчас сделаю ему перевязку, а

вечером вернусь. Но, полагаю, сейчас сон для него — это лучшее лекарство.

Марриот, поджав губы, бросил кислый взгляд на больного. Возможно, майора не слишком расстроило бы сообщение, что раны могут оказаться смертельными. Тем временем Абрахам принес на подносе кофейник. Джосайя оставался в холле, и я вышел туда с ним побеседовать.

— Миссис Арабелла сообщила мне, что прошлой ночью умер кто-то из рабов.

Старик поднял на меня покрасневшие глаза:

— Да, сэр.

— От всей души сочувствую. Кто-то из наших?

— Нет, соседский.

— Ребенок, насколько я понимаю. — Не дождавшись ответа, я едва слышно произнес: — А миссис Арабелла до сих пор спит, да и вообще на ее плечи легло слишком много обязанностей. Если что-нибудь нужно, обращайся ко мне, и я помогу чем смогу.

Он поклонился. Когда он выпрямился, лучи солнца из светового окна над дверью упали прямо ему на лицо. На его щеках блестели слезы. Даже рабам иногда свойственны сантименты.

Хирург оказался слишком оптимистичным. После ухода врача слуги отнесли капитана на са-

модельных носилках в его комнату. Физическое усилие утомило Винтура. За весь день он выпил только немного бульона и немного вина, отчего его раздражение медленно, но верно росло.

Он требовал развлечений. Я сыграл с ним партию в триктрак, однако он не смог надолго сконцентрироваться на игре. Щеки Винтура лихорадочно раскраснелись. Он перескакивал с темы на тему, а потом заявил, что хочет узнать последние новости. Отец решил почитать ему «Газетт», но буквально через пару минут капитан заявил, что новости слишком скучные, чтобы о них писать.

Он попросил позвать миссис Арабеллу, а когда она наконец пришла, сказал, что с ней не о чем говорить и лицо у нее как у столетней старухи.

К вечеру у него началась лихорадка. К нам снова пришел хирург, который сообщил, что рана, возможно, инфицирована. Вернувшись утром, хирург обнаружил, что лихорадка усилилась, и распорядился пустить больному кровь. Однако кровопускание только лишило капитана последних сил, а вот лихорадка продолжала упорствовать.

Я поужинал в одиночестве в малой гостиной. Мне прислуживал Джосайя.

— Как дела в бараках рабов? — спросил я.

— Лучше, сэр, — не глядя на меня, ответил он.

— А ребенок? — спросил я и, не дождавшись ответа, продолжил: — Может, нужны деньги для похорон? Хозяева ребенка заплатят? Если возникнут какие-то сложности, обращайся ко мне.

— Благодарю вас, сэр. Все уже улажено.

К утру следующего дня больше не оставалось сомнений, что капитан Винтур серьезно болен. Хирург привел двух профессиональных сиделок. Он распорядился, чтобы пациента не беспокоили, и велел не пускать к нему посетителей, включая ближайших родственников.

От старой миссис Винтур каким-то чудом удалось скрыть правду об инциденте, однако судья потерянно бродил по дому, точно призрак.

Майор Марриот постоянно заходил узнать о состоянии больного. Как и мистер Таунли, который, помимо всего прочего, передал через Ноака гостинцы, способствующие восстановлению здоровья. Но больной не оценил желе из красной смородины, портвейн и отварного цыпленка.

Лихорадка продолжала усиливаться. Вечером второго дня температура еще больше повысилась. Я уже собирался лечь, когда в дверь постучали. В комнату вошел Джосайя, еле стоявший на ногах

от усталости.

— Сэр, капитан хочет вас видеть.

— Меня?

— Да. Доктор просил вас прийти.

— А судья? Миссис Арабелла?

— Они уже там, сэр. Но он хочет видеть лично вас, сэр. Он… он бредит, сэр.

Я поспешно натянул халат и позволил Джосайе проводить меня вниз. Комната капитана Винтура находилась прямо под моей спальней, однако была просторнее и с высоким потолком. Врач и сиделка стояли возле кровати. Судья и миссис Арабелла сидели в полутьме у камина. Они кивнули мне, при этом не сказав ни слова.

Врач, чернявый однорукий мужчина, знаком подозвал меня к кровати, на которой лежал капитан; под спину ему подложили три подушки.

— Прошу вас, поговорите с ним, сэр, — прошептал врач. — Но старайтесь не слишком его волновать. Наступил кризис, и я больше не хочу пускать ему кровь.

— Кто это?! — закричал капитан Винтур. — Кто там? Ювенал?

— Это мистер Сэвилл, сэр, — объяснил врач. — Он пришел вас навестить.

— Сэвилл… Это вы? Здесь слишком темно. По-

чему в комнате утром так темно?

— Все в порядке, сэр, — сказал я. — Сейчас уже вечер. И горят свечи.

— Тогда я хочу вас лучше видеть.

Я взял ближайшую свечу и поднял ее повыше, чтобы свет падал мне на лицо. Пламя свечи осветило и Винтура. Расстегнутая на шее ночная рубашка насквозь промокла от пота. Голова была не покрыта, на щеках отросла колючая щетина.

Нахмурившись, капитан потер лицо.

— Глаза болят, — пожаловался он. — Мне это не нравится.

— Скоро пройдет, — успокоил я капитана. — Пусть это вас не волнует.

— Знаете, мне снилось, что мы были там. Мы играли в триктрак на террасе.

— А где именно мы были?

— В Маунт-Джордже, естественно. Сэвилл, у вас там будут отдельные апартаменты, и вы сможете приходить и уходить когда вздумается.

— Весьма любезно с вашей стороны. — Я осторожно покосился на врача, и тот покачал головой.

Капитан облизал потрескавшиеся губы, а затем понизил голос до шепота:

— Вы принесли шкатулку?

— Какую шкатулку?

— Шкатулку с диковинками.

— Нет. Может, хотите воды?

— Что? — Он огляделся по сторонам. — Думаю, мне не помешает выпить воды.

Я взял с ночного столика стакан и, приподняв капитану голову, поднес к его губам. Ночная рубашка сползла с плеча, и я увидел повязку на ране и выпирающие из-под кожи ребра. Я даже не представлял себе, что он стал настолько худым.

Капитан смочил губы водой, пролив немного на грудь, сделал несколько глотков и, вконец утомившись, откинулся на подушки.

Врач принес для меня стул и поставил его возле кровати. Я сел. На секунду в комнате воцарилось молчание.

— Целое крыло, — наконец произнес капитан. — Только для вас.

— Чтобы поесть? — Я думал он имеет в виду цыпленка или какую-то другую птицу.

— Нет, нет! Мой дорогой Сэвилл, вы болван. Крыло. — Его рот искривился, словно в гримасе ужаса, на самом деле означавшей улыбку. — Надо же… как смешно!

— О каком крыле идет речь?

— О целом крыле.

— Ну да. По-моему, вы уже говорили.

— Я говорил совершенно серьезно. Это так же верно, как то, что меня зовут Джек Винтур. Мое слово — закон. — Винтур свирепо посмотрел на меня, и врач, стоявший рядом, беспокойно зашевелился. — И пусть кто-нибудь попробует не согласиться со мной!

— Я знаю. Ни секунды не сомневался.

Капитан Винтур кивнул с улыбкой:

— Вот и отлично. Я знал, что могу положиться на вас. Вот почему вы получите целое крыло. Это самое меньшее, что вы заслуживаете.

— Благодарю вас, — ответил я. — Вы чрезвычайно любезны.

— Видите ли, там есть где размахнуться в смысле строительства. — Его голова на подушке медленно покачивалась из стороны в сторону. — Не понимаю, почему старина Фруд сам не улучшил дом. Наверное, был слишком увлечен своими молотками и лопатами. Гонялся за треклятыми жучками и потел, точно негр. Так что вы получите целое крыло с анфиладой роскошных комнат, обставленных по вашему вкусу. Мы уговорим Беллу найти вам подходящую жену, и мы прекрасно поладим. Разве нет?

— Это будет восхитительно.

— Мы будем совсем как те мужчины в истории Цицерона.

— Я не совсем уверен…

— Вы ведь знаете историю, о которой я говорю! — разгорячился он. — Конечно знаете. Вы ведь всезнайка. — Нахмурившись, он заколебался и покосился на меня. — Ювенал, это ты? Ювенал? Я думал, ты умер!

— Нет, сэр… Я Сэвилл, вы ведь знаете, я…

— Не сомневайтесь, дружище Сэвилл, не сомневайтесь. Но вы говорили совсем как Ювенал, и на мгновение я принял вас за него… И он должен знать, я в этом уверен. Видите ли, он всегда помнил свои уроки, а вот я никогда.

— А что именно он должен знать?

— Кем были мужчины из той истории. Одного ведь звали Давид? Нет, но имя было похоже. А еще там был какой-то тиран.

Внезапно я догадался, кого имеет в виду Винтур. Я покопался в мозгу, выудив остатки школьных знаний:

— Дамон и Пифий? Двое друзей, которые поссорились с тираном Дионисием, правителем Сиракуз?

— Ну конечно. Но они остались верны друг другу и в богатстве, и в бедности, и все закончи-

лось хорошо. У нас тоже все будет хорошо. И вы получите свое крыло. А еще женушку, которая там поселится.

— Прекрасные новости, — подтвердил я. — А теперь, быть может, вам нужно поспать.

Пропустив мимо ушей мои слова, капитан поднял указательный палец, словно для того, чтобы позвать официанта в таверне:

— Так давайте же посмотрим на это.

— Прошу прощения… на крыло?

Капитан снова понизил голос:

— На шкатулку. — Его рука взметнулась вверх, и он толкнул меня в плечо. — Шкатулка! Она нам понадобится, если вы хотите получить свое крыло. Ведь так? Она нам понадобится… для всего.

— Я ведь уже говорил… у меня ее нет.

— Ах да! Совсем забыл. Она до сих пор там.

Я рискнул высказать предположение:

— В Маунт-Джордже?

— А туда долго добираться?

— Недолго, осмелюсь сказать, но только когда вы поправитесь. Хотите еще глоток воды?

Капитан хотел пить. Тогда я снова приподнял его голову и дал ему попить. После чего он снова откинулся на подушки, закрыл глаза и остался лежать, тяжело дыша.

Я медленно поднялся, отошел от постели и посмотрел на врача, который кивнул и улыбнулся. Судья и миссис Арабелла повернулись ко мне, однако свет был слишком тусклым, и я не смог разобрать выражение их лиц.

Какое-то шевеление на кровати заставило меня резко обернуться. Винтур повернул ко мне голову. Его глаза были открыты. Они ярко сверкали, отражая пламя свечи в канделябре на ночном столике.

— Сэвилл? — прошептал он. — Вы еще здесь?

Я присел на корточки возле кровати, так что наши глаза оказались на одном уровне.

— Да. Я здесь.

— Это не сон?

— Нет. — Я коснулся его плеча. — Вот видите? Вы не спите, как и я.

— Да. — Он медленно сделал вдох. — Вы ведь поедете со мной? В Маунт-Джордж? Не хочу ехать туда один.

В комнате внезапно стало совсем тихо, словно все в этих четырех стенах затаили дыхание, ожидая ответа.

— Да, конечно поеду, — ответил я. — Ну а теперь постарайтесь заснуть.

Глава 41

В ту ночь капитан Винтур мирно спал целых шесть часов. К утру лихорадка ослабла. Капитан даже выпил немного бульона и небольшой бокал вина.

Итак, кризис миновал. Весь день я провел в конторе. А когда вечером вернулся на Уоррен-стрит, то ужинал вдвоем с судьей. Капитан выпил еще бульона и теперь снова заснул. Миссис Винтур пока не оправилась от ужасной простуды, а миссис Арабелла слегла с мигренью.

Судья Винтур свято верил, что его сын выздоровел исключительно благодаря мне, и никакие мои доводы не могли поколебать эту уверенность.

— Он прислушивается к вам, мой дорогой сэр, — сжал мою руку судья. — Он вам доверяет. Полагаю, вы смогли убедить его, что все будет хорошо. После этого он сумел заснуть, и природа наконец взяла свое, став для него лучшим доктором.

Мы провели почти час за бутылкой вина. Под конец судья даже разоткровенничался:

— Не понимаю желания сына вернуться в Маунт-Джордж. Квинтэссенция глупости.

— Наверняка он просто бредил в сильном жару.

— Думаю, нет. Он уже давно вынашивает этот план. Разве нет? И что за шкатулка такая, о которой он все толковал?

— Разве вы не говорили мне, что у вашего брата тоже была шкатулка с диковинками? — спросил я.

— Да, но, конечно, не в Маунт-Джордже.

— Быть может, лихорадка вызвала у него видения, — улыбнулся я.

— Теперь вспомнил. — Судья наморщил лоб. — Я действительно рассказал вам, что у моего брата было собрание старинных редкостей. Вы еще тогда спросили, не упоминал ли бедный мистер Пикетт о шкатулке с диковинками во время своего визита сюда.

— Навряд ли то была одна и та же шкатулка, — заметил я. — В любом случае прошлой ночью капитан молол всякий вздор. Вы ведь помните, он что-то говорил о моих мифических апартаментах в Маунт-Джордже. И один раз даже назвал меня Ювеналом. Интересно, с чего вдруг?

— По крайней мере, это я могу объяснить. —

Судья повернул голову в сторону стоявшего за его стулом старого слуги. — Посмотрите… это Джосайя. Вы, наверное, помните, я говорил вам, что он вырос вместе с моим братом Фрэнсисом? Так вот, Ювенал был рабом Джона. Когда сыну исполнилось шесть лет, я подарил ему на день рождения того парня в качестве товарища для игр, — сказал судья и, наклонившись ко мне, тихо продолжил: — Но вернемся к дикой причуде Джона насчет Маунт-Джорджа. Ради всего святого, попытайтесь отговорить его, если он снова упомянет об этом. Нет никакого смысла туда ехать, пока в округе не восстановится общественный порядок.

Я обещал сделать все, что в моих силах, и разговор перешел на другие темы. Спустя сорок пять минут мы пожелали друг другу спокойной ночи. Судья пожал мне руку, что случалось нечасто, сопроводив это словами:

— Видите ли, я уверен только в одном. Мой сын считает вас своим другом. После возвращения из Канады он действительно находился не в лучшей форме, однако в глубине души он очень хороший мальчик, хотя, полагаю, его следует называть мужчиной. И он удостаивает своей дружбой далеко не каждого.

Я осторожно высвободил руку:

— Для меня большая честь считаться его другом, сэр.

— Дамон и Пифий, — улыбнулся судья. — Верные друзья из Античности. Джон сравнил ваши отношения с их дружбой. Мне было бы крайне приятно, если бы это оказалось чистой правдой.

На следующее утро я отказался принимать в конторе посетителей и сел писать меморандум об убийстве мистера Пикетта. В интересах мистера Рэмптона и его начальников я снова изложил обстоятельства дела и детально перечислил меры, принятые мной и майором Марриотом по расследованию преступления в августе прошлого года и после того.

В заключение я написал, что мы не обнаружили каких-либо новых фактов, но добавил, что мы, естественно, не станем закрывать дело и выдадим ордер на арест негра со шрамами на лице, который, возможно, имеет отношение к убийству.

Присыпав песком последнюю страницу, я перечитал свой отчет. Мы с Марриотом сегодня же подпишем меморандум, и он уйдет на следующем пакетботе с остальной почтой домой.

Я решил, что не стану запутывать дело упо-

минанием сплетен, досужих домыслов и недостоверной информации, поэтому не стал писать о двух важных моментах, о которых узнал от преподобного доктора Слайпа: во-первых, что в 1776 году Пикетта видели в Нью-Йорке в военной форме повстанческой армии, а во-вторых, что ранее он продал свои земли в Северной Каролине мистеру Фруду из Маунт-Джорджа. Я также не стал упоминать о том, что капитан Винтур, зять мистера Фруда, придает слишком большое значение какой-то шкатулке с диковинками. А еще я опустил информацию о том, что мистер Фруд был убит в Маунт-Джордже, а я квартирую в доме его дочери в Нью-Йорке.

По тем же самым причинам я решил, что, пожалуй, не стоит открываться майору Марриоту. Ведь я не мог рассчитывать на его молчание. Кроме того, каждый государственный служащий хорошо знает, что при возникновении любых сомнений лучше не будить спящую собаку.

Все верно, чистая правда. На самом деле скорее даже не правда, а проявление благоразумия. Впрочем, все это было лишь покровом, скрывавшим другую, более глубокую правду: тут явно была некая интрига с участием Винтуров, и я, не узнав больше о сути дела, не желал предприни-

мать какие-либо действия, которые могут иметь необратимые последствия.

Я был государственным служащим, верным своему ведомству и короне. Но я также был человеком из плоти и крови и многое принимал близко к сердцу. Я привязался к Винтурам, ко всем четверым, хотя к каждому из них по-разному. И я не хотел причинять им лишнюю боль или доставлять неприятности, ибо они и так испили эту горькую чашу до дна.

Полагаю, все сводилось к вопросу лояльности, и я попытался скрупулезно взвесить все дозы своей лояльности, чтобы каждая из них была точно отмерена.

Несмотря на тяжелые ранения, несмотря на лишения, выпавшие на его долю после Саратоги, несмотря на чрезмерное увлечение «румбо», капитан Винтур шел на поправку со скоростью, безмерно удивлявшей лечившего его врача и сиделок. Спустя три дня лихорадка ослабла, а рана на плече больше не сочилась гноем. И все же он был крайне слаб, а потому очень много спал.

Старой миссис Винтур разрешили навестить сына. Она принесла ему желе из корня маранты и, примостившись, словно птичка, на краешке кровати, собственноручно покормила его. Я еще

никогда не видел ее такой счастливой и такой энергичной. Казалось, она черпала силы в слабости сына.

По мере того как Винтур поправлялся, его характер ухудшался. Теперь я понимал капитана гораздо лучше. Я видел, что безделье утомляло его. Он не был большим любителем чтения. Заточение в четырех стенах сводило беднягу с ума.

Постепенно у меня выработалась привычка заходить к нему: иногда после обеда, если я обедал на Уоррен-стрит, иногда и по вечерам. Он хотел знать, о чем говорят в штаб-квартире и сплетничают в кофейнях, чем занимаются люди на улице, кто приехал в город, а кто уехал. Как ни странно, но между нами возникала неожиданная близость.

Иногда мы играли в карты, шашки и триктрак. После того вечера перед Рождеством я дал себе клятву никогда больше с ним не играть. Но теперь Винтур изменился, да и я, вероятно, тоже. Мы играли не на гинеи, а всего лишь на пенни. Постельный режим лишал капитана возможности пить больше нескольких бокалов вина в день. В результате его голова прояснилась, он открыл в себе удивительный талант рассчитывать шансы, и я проиграл больше, чем выиграл.

Еще с неделю капитан оставался в своей комнате. И я впервые увидел его спальню при дневном свете. Справа от камина висел небольшой и достаточно топорный портрет двух мальчиков: один был в зеленом сюртуке, а другой — в синем. Я подозревал, что это портрет кисти колониального художника. Мальчикам было около десяти лет. На заднем плане было изображено нечто напоминающее нагромождение античных развалин: разбитые колонны, разрушенные стены и мраморные статуи без голов. Мальчик в зеленом был европейского происхождения. Его глаза казались невероятно большими, и он с обаятельной улыбкой смотрел на вас из своего далекого прошлого. Однако черты смуглого лица мальчика в синем были типично африканскими, хотя довольно правильными и даже красивыми. Он смотрел на своего товарища, но без тени улыбки. На шее у него был серебряный ошейник.

Заметив мой интерес к картине, Винтур перестал тасовать колоду карт:

— Как, по-вашему, я сильно изменился?

— Прошу прощения… ах да, теперь понимаю! Так мальчик в зеленом сюртуке — это вы?

— Да. Моя мать заказала портрет. На самом деле позировать — наискучнейшее занятие.

Надевать свой лучший костюм и часами стоять неподвижно!

— Ну а негр?

— Мой раб Ювенал. Какое-то время мы были не разлей вода. Он делал со мной уроки, и мы вместе занимались спортом. Похоже, в конце концов он даже стал ученее нашего учителя.

— Вы называли его имя в горячечном бреду.

— Неужели? — Винтур выкладывал карту за картой на стол. — Не сомневаюсь, я нес всякий вздор.

— А что с ним случилось?

— С Ювеналом? Он умер. А теперь ваш ход, сэр, и я дам вам возможность отыграться.

Мы сыграли еще одну партию в пикет. Винтур выиграл.

— Между прочим, сэр, а как там моя жена? — уже после игры спросил Винтур.

Вопрос меня озадачил. На секунду я даже подумал, не было ли это намеком на некую неподобающую интимность с моей стороны.

— В последнюю неделю я практически не видел миссис Арабеллу, сэр, — ответил я. — По-моему, у нее болела голова и она оставалась в своей комнате.

Винтур собрал карты.

— В последнее время у нее постоянно что-то болит, — пробормотал он.

Покинув в тот день комнату Винтура, я столкнулся на лестничной площадке с Ноаком. Он выходил из комнаты отдыха, предоставленной в распоряжение дам, хотя пользовалась ею только миссис Арабелла.

Я немало удивился, увидев Ноака. Он был частым гостем в библиотеке, изредка я встречал его в гостиной, где он читал старой миссис Винтур. Но я никогда не сталкивался с ним на этом этаже дома, предназначенном только для домочадцев.

Он поклонился мне. Я пожелал ему доброго дня.

— Судья попросил меня взять книгу у миссис Арабеллы. — Он развел руками, продемонстрировав, что они пустые. — Но я ничего не нашел.

— Вероятно, я могу вам помочь. А что это за книга?

— Экземпляр «Спектейтора», сэр.

— Я непременно справлюсь у миссис Арабеллы, когда увижу ее. А какой именно номер нужен судье?

— Третий.

Поблагодарив меня, Ноак проследовал за мной вниз по лестнице.

В тот вечер за ужином я перевел разговор на мистера Ноака.

— Очень услужливый молодой человек, — заметил судья Винтур. — Сегодня днем я сказал, что хочу немного отвлечься, и он заявил, что просто обязан принести мне конкретный номер «Спектейтора» с крайне любопытным обзором клубов. Он перевернул весь дом вверх дном в поисках нужного экземпляра и был буквально убит горем, когда не сумел его отыскать.

Факт остается фактом. Ноак оказался в дамской гостиной, когда там никого не было. И зашел туда, похоже, под надуманным предлогом.

Я взял грецкий орех из стоящей передо мной миски.

— Капитан Винтур показал мне свой детский портрет, сэр.

— Тот самый, что висит в его комнате? — Судья передал мне щипцы для орехов. — Портрет написал художник из Филадельфии. Он содрал с нас кругленькую сумму, но миссис Винтур хотела самого лучшего. А Джон настоял, чтобы рядом с ним изобразили и Ювенала.

— Того маленького раба?

— Да. В те дни они были не разлей вода. Постоянно затевали какие-нибудь проказы.

Орех раскололся, и кусочки скорлупы разлетелись по всему столу.

— А что с ним случилось?

— С Ювеналом? — Судья моментально утратил всю свою жизнерадостность. — Очень печальная история. Когда Джон ушел на войну, он оставил Ювенала в Маунт-Джордже с Беллой и мистером Фрудом. Но Ювенал пошел неверной дорожкой. Пропитался тлетворным духом тех революционных времен. Может, взыграла дурная кровь? Не имею понятия. Один Господь знает, что творится у них в голове! Я имею в виду негров. Даже у лучших из них. — Мистер Винтур пальцем поманил к себе Джосайю, старый слуга подлил мне вина, после чего судья продолжил: — Да-да. Он сразу сбежал, украв деньги, причем, заметьте, в самый тяжелый период войны, оставив хозяйку и ее престарелого отца лишь с горсткой слуг в окружении враждебно настроенных солдат повстанческой армии. А Белла уже тогда отличалась слабым здоровьем. — Он выпил еще немного вина. — Впрочем, худшее было впереди. Этот вероломный мерзавец вернулся глухой ночью. Наверняка собирался ограбить дом, а может, и отомстить за надуманную обиду. Бог его знает… ведь от нас он видел лишь самое доброе к себе отношение.

А затем… — Судья замолчал, пытаясь справиться с нахлынувшими эмоциями.

— Сэр, не стоит травить себе душу. Я…

— А затем этот черный дьявол убил беднягу Фруда. Будь у негодяя такая возможность, он наверняка убил бы и бедняжку Беллу. Но Господь милостив! Мириам его застрелила.

— Прошу прощения, сэр. Мне не следовало ворошить столь тягостные воспоминания. Я понятия не имел.

Но судья отмахнулся от моих извинений:

— Откуда вам было знать? Мы должны благодарить Всевышнего, что хотя бы Белла сумела спастись. Мы живем в ужасные времена. Но прошу вас, сэр, держите язык за зубами. Мы не слишком хотим, чтобы подробности этого дела стали всеобщим достоянием.

Поднявшись в тот вечер к себе в спальню, я услышал шорохи в дамской гостиной. Было слишком поздно узнавать насчет экземпляра «Спектейтора», а именно это я и планировал сделать, чтобы вывести Ноака на чистую воду. Тем не менее я остановился на лестничной площадке и прислушался.

Там, за дверью, плакала женщина.

Глава 42

В конце мая мистер Таунли устроил увеселительную прогулку на Лонг-Айленд на скачки и пригласил меня присоединиться к их компании. Мы переплыли на пароме реку, а в Бруклине нас уже ждали нанятые экипажи.

Поток колясок, всадников и пешеходов устремился на восток, в сторону обширных пустошей, где проводили скачки. В тот день все пребывали в праздничном настроении. Среди толпы покачивались портшезы. Наша компания из шести человек от души веселилась. Мы чувствовали себя совсем как мальчишки, которых отпустили с уроков.

И мне даже странно было думать, что всего в нескольких милях на север плавучие тюрьмы со своим зловещим грузом под палубой гнили в Уоллабут-Бей, а восточная часть Лонг-Айленда представляла собой огромную полосу разоренной земли в результате рейдов повстанческих вельботов из Коннектикута. Но, Господь свидетель, в Нью-Йорке часто было так: пышные увеселения и непомерная роскошь мирного времени

существовали бок о бок с самыми мрачными последствиями войны.

Огромная толпа собралась на пустоши, названной Аскот в честь куда более цивилизованного места проведения скачек в Англии. Временный городок из палаток, киосков и ларьков вырос как грибы вокруг ипподрома. В толпе плечом к плечу стояли представители всех слоев общества.

Пока мы ехали по дороге к месту проведения скачек, я слышал хриплые звуки трубы, перемежающиеся барабанной дробью. Наконец мы приблизились к источнику шума: его производил маленький человечек в синем камзоле, покрытом потускневшим золотым кружевом. Левую ногу ниже колена ему заменяла деревянная. Несмотря на этот дефект, он неуклюже продвигался в толпе с помощью костыля, который использовал скорее как способ прокладывать себе дорогу, чем средство поддержки. На шее у инвалида на кожаном ремне висел небольшой барабан. И когда маленький человечек не дул в трубу, то использовал этот духовой инструмент как палочку, чтобы бить в барабан.

Рядом с инвалидом шагал здоровяк, скрытый под сложной конструкцией с занавесками, качавшимися из стороны в сторону. В свое время

полотно было раскрашено полосами, предположительно красными и предположительно вертикальными, но художнику явно не хватило ни умения, ни краски. Занавески свисали практически до земли, открывая взору лишь бледные икры да башмаки скрытого под конструкцией человека.

Когда наша компания поравнялась с этой странной парочкой, мужчина в синем сюртуке, сунув трубу под мышку, снял свою широкополую шляпу.

— К вашим услугам, ваша честь! — крикнул он. — Лучшее драматическое представление, которое вы увидите вне стен Королевского театра на Друри-лейн.

Таунли сердито оскалился:

— Если ты не уберешься с нашего пути, я сдам тебя военной полиции за препятствие проезду по королевской дороге.

Инвалид хихикнул, словно Таунли отмочил веселую шутку. Тем не менее он со своим спутником вжались в изгородь на обочине дороги. Когда мы проезжали мимо, я мельком увидел белое потное лицо второго мужчины в прямоугольнике театральной конструкции, которую он нес на своих плечах. Разинув рот, он смотрел на нас

грустными карими глазами, словно это мы разыгрывали некий спектакль, а он был зрителем.

До ипподрома мы добрались вскоре после десяти. Таунли тут же провел нас к палатке с полосатым навесом, где продавали освежающие напитки, а его слуга занялся лошадьми. Мы нашли столик и сели утолить жажду.

Разговор в основном крутился вокруг сравнительных достоинств лошадей, которые сегодня будут участвовать в скачках. Я не принимал особого участия в обсуждении, поскольку не был слишком азартным человеком, да и вообще не слишком хорошо разбирался в этом виде спорта. Более того, мое внимание отвлекала праздничная толпа, которая все прибывала, обтекая нашу палатку.

Волею случая балаганщики, с которыми мы столкнулись на дороге, устроились неподалеку от нас. Здоровяк, несший на себе сложную конструкцию, положил ее на землю и вытер вспотевший лоб. Его широкое лицо блестело, словно полная луна. Он был не выше своего товарища, но почти вдвое шире. Помимо передвижной театральной будки, он нес на плече большой ящик, который осторожно поставил на землю, снял с него крышку, привязал к передней стенке и принялся

выкладывать на траву марионеток.

Вскоре перед взором публики предстал самый настоящий кукольный театр, начали собираться зрители. При этом одноногий зазывала постарался, чтобы между миниатюрной сценой и палаткой с прохладительными напитками, где мы сидели, оставалось свободное пространство.

Время от времени зазывала бил в барабан и дул в трубу.

— Трагическая история Панча и Джоан! — кричал он. — С участием Дьявола и Палача!

Таунли бросил раздраженный взгляд в сторону балаганщиков.

— Какого черта они устроили такой тарарам?! — Подозвав официанта, он указал на кукольный театр. — Убери их отсюда! Я не слышу собственных мыслей.

Официант принялся возражать, но управляющий заведением, который знал, кто такой Таунли, поспешил уладить дело, к полному удовольствию последнего. Кукольники переместились подальше от нас.

Нам не пришлось долго ждать. Скачки начались в одиннадцать утра. В тот день было четыре заезда, причем все с участием джентльменов на собственных лошадях. Я не большой знаток

экстерьера лошадей, но все-таки поставил десять шиллингов на фаворита в следующем заезде. Я выбрал гнедую лошадь с белой отметиной на носу исключительно по той причине, что, когда я был маленьким, у моего отца была точно такая же.

Выбранная мной лошадь вовсе не была фаворитом, ставки на нее составляли семь к одному. В забеге участвовали двенадцать лошадей с призовым фондом тридцать гиней и элегантным седлом, предназначенным для победителя, стоимостью еще двадцать гиней. Но дуракам везет, и моя лошадь пришла к финишу первой, вырвавшись на полтора корпуса вперед. В результате я единственный из всей нашей компании остался в выигрыше.

Пообедав на ипподроме, мы поехали обратно в Бруклин. Возле паромной переправы находилась большая таверна, построенная из камня, который в этих местах был редкостью. Заведение славилось своими рыбными ужинами, и слуга Таунли заказал для нас столик.

Мы закончили трапезу уже в середине вечера. Паром в город отправлялся лишь через три четверти часа. В обеденном зале стало невыносимо душно. Я оставил своих спутников продолжать

возлияния и вышел на улицу глотнуть свежего воздуха.

Деревня была забита возвращавшимися с ипподрома гуляками. Многие были в подпитии, некоторые до положения риз, и веселье становилось все более разнузданным, а иногда и более злобным.

Среди толпы я увидел будку кукольного театра. Представление было в самом разгаре. Одноногий призывал зрителей не скупиться и обещал, что за это они смогут увидеть редкий жест. Какой-то высокий худой мужчина лежал на земле прямо перед кукольной будкой и громко храпел.

— У мистера Панча прямо-таки беда с миссис Джоан, — хрипло вещал одноногий заговорщицким тоном. — Дело в том, что ей хочется облегчиться в самый неподходящий момент. — Он вдруг заговорил тонким писклявым голосом, который должен был сойти за женский. — Что не слишком-то прилично. Ведь так? Мистер Панч очень, очень недоволен.

На крошечной сцене Панч дубасил Джоан палкой, приговаривая уже обычным голосом, что, он надеется, дьявол заберет женушку туда, где ей самое место из-за ее вопиющего бесстыдства. Джоан голосила, что ей уже невмоготу и она больше не

в силах терпеть, и в конце концов повернулась спиной к зрителям, наклонилась и задрала юбки. Я мельком увидел конец маленькой кожаной трубки. Внезапно оттуда с неожиданной силой вырвалась тонкая струйка воды, забрызгав ногу спящего мужчины. Находившиеся рядом с ним зрители, зажимая нос, поспешно отскочили в сторону. Толпа радостно взвыла. Пьяный заворочался во сне и снова застыл.

Зазывала возбужденно подпрыгивал на единственной ноге.

— Я очень надеюсь, миссис Джоан сможет контролировать свой кишечник! — крикнул невидимый кукловод по-прежнему заговорщицким тоном. — А иначе я буду вынужден упасть в обморок!

В этот момент толпа передо мной раздвинулась, и я наконец ясно увидел лицо жертвы. Этот человек потерял шляпу и парик. Щеки и подбородок заросли рыжей с проседью недельной щетиной.

Храп прекратился. Мужчина открыл глаза. Он ошалело таращился на возвышавшуюся над ним будку и веселые лица вокруг.

И в этот самый момент я узнал его.

— Прекратите! — Я вышел вперед и положил руку на плечо одноногого зазывалы. — Все! Пове-

селились, и хватит. Оставьте его в покое.

Одноногий уставился на меня, оскалив зубы:

— С какой стати?

Зрители недовольно зароптали, кто-то из них меня толкнул. Пьяный отполз от кукольной будки, приняв сидячее положение.

— Потому что, если вы оставите его в покое, я у вас в долгу не останусь, — заявил я. — А если нет, я позову своего друга мистера Таунли, заместителя суперинтенданта полиции, и мы передадим вас начальнику военной полиции. Я только что отужинал с мистером Таунли в таверне. Впрочем, вы его знаете. У него сегодня уже была причина послать вас куда подальше.

Ропот слегка улегся. Пьяный попытался встать, но со стоном снова упал и потер правую руку.

У одноногого зазывалы забегали глаза.

— Значит, вы в долгу не останетесь, сэр?

Я понизил голос:

— Пять шиллингов. А иначе полиция и тюрьма. Вам решать.

— Покажите деньги, сэр.

Я вынул пригоршню серебра. Он потянулся за деньгами. Но я поспешно сжал монеты в кулаке и спросил:

— Ну что?

— Ну ладно. Так и быть, по рукам, — кивнул он.

Толпа мало-помалу рассеивалась. Я вложил монеты в руку одноногого зазывалы. Он посмотрел на меня и пожал плечами, не скрывая своего презрения. Его товарищ уже начал укладывать кукол в ящик.

Я повернулся к лежавшему на земле человеку. Теперь мы с ним остались одни. Он хмуро смотрел на меня.

— Поднимайтесь, капрал Грантфорд, — сказал я.

Когда на следующее утро я пришел в контору, Грантфорд уже поджидал меня.

Сейчас он разительно отличался от того человека, которого я встретил вчера вечером в Бруклине. Он был в черном костюме, вытертом и блестевшем от старости, но аккуратном и чистом. На голове потрепанный, слегка маловатый ему парик. Он недавно побрился, и на гладкой коже щек алело раздражение от бритвы. Он стоял у дверей в приемную, прямой как шест и такой же тощий. Его правая рука покоилась на перевязи.

Отперев дверь своей личной комнаты, я пригласил Грантфорда следовать за мной, после чего сел за стол и внимательно посмотрел на него.

Несмотря на вчерашний пьяный загул, сегодня он выглядел совершенно трезвым. В общем-то, я не обнаружил на его лице следов беспробудного пьянства.

— Если честно, я не был уверен, что вы придете, — сказал я.

Он не ответил. Вчера вечером я дал ему несколько шиллингов и велел утром прийти ко мне в контору, хотя и не исключил вероятности, что он пропьет деньги.

— В последний раз, когда мы встречались в этой комнате, вы были капралом в Двадцать третьем полку Королевских уэльских фузилеров, — продолжил я. — Но теперь, по-видимому, вы больше там не служите. Что случилось?

— Меня комиссовали. — Он дотронулся до правой руки. — Отправлен в почетную отставку.

— Насколько я понимаю, вы были ранены?

— Огнестрельное ранение в руку, сэр. Пуля из мушкета. Вскоре после нашей встречи здесь.

— Но почему вас комиссовали? Рана не зажила?

— Зажила, сэр. Но неправильно. Рука утратила подвижность. — Он показал мне, что не в состоянии поднять руку выше плеча, быстро согнуть в локте или помахать ею из стороны в сторону. — Я

умею стрелять из мушкета не хуже любого другого, но не могу заниматься строевой подготовкой. И не могу отдать честь офицеру.

Мне пришлось чуть ли не клещами вытягивать из него всю историю, поскольку Грантфорд был северянином и ему нелегко давался разговор с малознакомыми людьми, даже с такими благожелательными, как я. В марте он вместе с другими солдатами патрулировал Спорные территории, и при отступлении к Королевскому мосту его подстрелил снайпер повстанцев.

Когда стал очевиден характер ранения Грантфорда, полковник уволил его со службы и дал хорошую рекомендацию. Грантфорд также получил единовременное пособие, но сразу пропил половину денег, а вчера попытался поправить свое материальное положение на скачках. Все закончилось полным провалом, и бедняга решил найти утешение на дне бутылки с ромом. И пока он валялся в Бруклине в невменяемом состоянии, у него украли все оставшиеся деньги. Вор также обчистил его карманы, стащив не только карманный нож, но и выданную полковником рекомендацию.

— Ну и что вы теперь намерены делать? — спросил я.

Грантфорд ничего не ответил и только едва заметно повел плечами. Я не хуже его знал, что в Нью-Йорке полным-полно людей без гроша в кармане и без каких-либо надежд на будущее: беженцев без имущества, торговцев без торговли, подмастерьев без мастеров и солдат, лишившихся из-за ранения средств к существованию. И эту социальную прослойку неудачников в любой момент могло затянуть в трясину, населенную жуликами, бродягами и нищими.

— Мне нужен привратник, — сказал я. — Надежный человек, который будет стоять в дверях и передавать послания. Вы хотите воспользоваться этой возможностью?

Глава 43

К середине июня капитан Винтур окончательно оправился от ранения. В каком-то смысле он оказался даже в лучшей форме, чем до нападения. В период реабилитации ему пришлось вести почти трезвый образ жизни, благодаря чему его природная энергия возродилась.

Когда капитан смог вставать с постели, он тотчас же занялся физическими упражнениями. Мы с ним частенько совершали пешие прогулки.

— Скажите, а в Англии вам приходилось ездить верхом? — спросил он меня как-то раз, когда мы прогуливались в районе Ист-Ривер.

— Довольно часто, когда я был моложе.

— Тогда давайте прямо завтра покатаемся верхом. Весьма полезно для здоровья.

Итак, мы наняли лошадей — бывших кавалерийских лошадей, слишком хороших, чтобы отправить их на живодерню ради шкуры и копыт, — и поехали на север от города. Капитан показал мне сельские окрестности Манхэттена. Война оставила свои шрамы на местном ландшафте: бóльшая часть деревьев была вырублена

на топливо, лучшие дома реквизированы для военных целей, земля изуродована укреплениями, построенными военными инженерами.

И тем не менее очень многое по-прежнему радовало глаз: красивые фермы и дороги, элегантные поместья джентри, фруктовые сады, широкие приливные реки. Воздух здесь был особенно свежим и чистым. Впервые за все это время я понял, почему местные жители так привязаны к своей стране, несмотря на удаленность от цивилизации и наличие дикарей на границах, несмотря на примитивные условия и перепады температур в летний и зимний сезоны. Люди настолько любили свою землю, что были готовы сражаться за нее.

Мне чрезвычайно понравилась подобная физическая активность. Да и вообще, неожиданно для себя я обнаружил, что чем лучше узнавал своего спутника, тем больше он мне нравился. Когда мы только познакомились с Джеком Винтуром, с ним было весьма трудно общаться, ибо из-за ранений он стал чрезмерно желчным, а злоупотребление спиртным притупило его чувства и даже пробудило в нем злобу. Теперь я видел капитана Винтура таким, каким его задумала природа: не интеллектуалом, конечно, но опре-

деленно человеком мужественным и сердечным. Кроме того, он доказал мне свою порядочность, поскольку не забыл о семидесяти гинеях, которые задолжал после той катастрофической игры в триктрак. Тогда я в глубине души посмеивался над его заявлением, будто его слово было точно банковский вексель. Сейчас я уже не смеялся. Возможно, я в конце концов и не получу своих денег, но отнюдь не из-за отсутствия у него желания как такового, если предположить, что дело исключительно в этом.

Однажды, когда мы возвращались по Бауэрилейн в город, Винтур спросил, помню ли я, как он лежал в лихорадке после ранения.

— А вы помните, о чем я тогда говорил?

— Припоминаю, вы тогда много говорили о Маунт-Джордже.

— Да, полагаю, что так. У меня были странные видения об этом поместье. — Ярдов двадцать он ехал молча, но затем вернулся к этой теме. — Видите ли, я просто обязан туда поехать. Я снова говорил с губернатором Франклином. У него есть обширная сеть информаторов на Спорных территориях, и он знает все, что там происходит.

— А разве это не опасно?

Капитан Винтур бросил на меня пристальный

взгляд:

— Я приму меры предосторожности. Но прошу вас, не говорите об этом моему отцу. Не хочу прежде времени его волновать.

Дальше мы снова ехали в полном молчании. Я предвидел, что у капитана Винтура могут возникнуть трудности, если он слишком тесно свяжет свои интересы с интересами Уильяма Франклина. Франклин, губернатор Нью-Джерси, жестоко поплатился за свою лояльность. Он и его отец, печально известный Бенджамин Франклин, теперь были заклятыми врагами. Сын стал *de facto* лидером беженцев в Нью-Йорке. Лишения сделали его непримиримым в своей ненависти. Мистер Рэмптон считал Уильяма Франклина опасным человеком из-за его неспособности пойти на компромисс с повстанцами.

Впрочем, капитан Винтур в любом случае не стал бы слушать моих советов. Шоковое воздействие на тело иногда влечет за собой шоковое воздействие на разум, заставляя менять ход мыслей. Хотя, вероятно, долгие часы в постели дали ему время для размышлений. Как бы то ни было, теперь он стал человеком, твердо знавшим, чего хочет.

Во время наших прогулок или поездок верхом

Винтур ни разу не упомянул раба Ювенала или шкатулку с диковинками.

В начале июля ко мне в контору зашел майор Марриот. Что было весьма необычно, поскольку, как правило, я навещал его в штаб-квартире. Грантфорд возвестил о приходе майора так торжественно, что, будь мой привратник более экспансивным человеком, это было бы равносильно звукам фанфар.

Марриот сел в предложенное мной кресло и принялся молча обмахиваться шляпой.

— Я всегда счастлив видеть вас, сэр, — сказал я. — Но есть ли какая-то особая причина в том, что вы удостоили меня своим визитом?

Он ткнул пальцем в сторону приемной:

— А это, случайно, не тот капрал из Двадцать третьего полка? Тот, которого я к вам посылал?

— Да. Его уволили со службы в марте. С почетом, по причине ранения. И я взял его к себе привратником.

— И сколько времени он уже здесь?

— Почти два месяца. — Я вкратце изложил обстоятельства появления Грантфорда в моей конторе.

— И он удовлетворяет всем требованиям?

— Целиком и полностью. Он стал для меня не

только привратником, но и своего рода секретарем.

Что было чистой правдой. В свое время Грантфорд получил кое-какое образование: он год или два посещал грамматическую школу в Уэйкфилде. В случае необходимости он писал для меня письма и производил подсчеты.

А кроме того, Грантфорд днем и ночью охранял дверь в контору, поскольку спал в приемной. Некоторые беженцы, желавшие получить здесь поддержку, иногда расстраивались и приходили в ярость, когда их надежды не оправдывались. Как-то раз капралу даже пришлось повалить напавшего на меня дебошира на землю. Днем капрал держал рядом со своим стулом утяжеленную свинцом трость, а ночью клал ее рядом со своим матрасом на пол.

Марриот что-то сердито пробурчал. Однако, успев его хорошо изучить, я сразу почувствовал, что он мой поступок одобрил.

— Винтур, — отрывисто произнес майор. — Наш доблестный капитан Джек. Вот потому-то я и пришел.

— А что с ним такое?

— Он обратился за пропуском для проезда в Маунт-Джордж. И я подумал, вы должны об этом

знать, если, конечно, он уже не посвятил вас в свои планы.

— Я вам чрезвычайно признателен. Он один туда собирается?

— Сомневаюсь. Он будет круглым дураком, если отправится туда один. Впрочем, он вполне может присоединиться к милицейскому патрулю губернатора Франклина. Винтур говорит, что должен определить причиненный поместью ущерб. Он также утверждает, что арендаторы помогут ему оценить лояльность живущих по соседству фермеров.

— Так ему выдадут пропуск? — уточнил я.

— Возможно. Причин для отказа, собственно, не имеется. — Марриот замялся, а потом добавил: — Бытует мнение, что с судьей Винтуром обошлись не слишком хорошо, и положительный ответ на запрос его сына станет простейшим способом хоть как-то компенсировать несправедливость.

— Однако отказ на запрос, возможно, будет куда милосерднее.

— Поживем — увидим. — Майор снова замялся. — Я подумал, вам следует знать. Полагаю… что миссис Арабелла пользуется доверием своего мужа.

Мы с майором переглянулись, но каждый из

нас имел в виду нечто прямо противоположное. Насколько я понял, Марриот считал, что миссис Арабелла знает о планах супруга, а если нет, то мне нужно ей намекнуть.

Глава 44

В следующий понедельник, через три дня после визита Марриота, я заглянул после обеда на Уоррен-стрит. Миссис Арабелла и старая миссис Винтур находились в гостиной. Миссис Винтур крепко спала в своем любимом кресле возле камина.

— Моего мужа нет дома, — тихо сказала миссис Арабелла, подняв глаза от своего шитья и взглянув на столик у окна. — Судьи тоже.

— Не имеет значения. Сегодня очень жарко и душно. В данный момент мое единственное желание — получить чашечку чая.

Она попросила меня позвонить в колокольчик и секунду спустя велела Мириам принести все для чая. Я стоял возле открытого окна в надежде поймать дуновение свежего ветерка.

Миссис Арабелла по-прежнему выглядела бледной и усталой — она еще не вполне оправилась после событий марта и апреля: тяжелого ранения супруга, болезни старой миссис Винтур и прививок от оспы. Я сообщил ей, что капитан Винтур обратился за пропуском на Спорные территории,

и мне стало интересно, не мучает ли и это тоже ее истерзанную душу.

Я ждал, когда миссис Арабелла со мной заговорит, и на меня внезапно нахлынула невероятная нежность. Миссис Арабелла выглядела такой несчастной, такой уязвимой, что мне безумно захотелось ее защитить. Мне хотелось защитить и мою маленькую Лиззи тоже, хотя и несколько по-другому: все мужчины, которые не являются монстрами, ощущают естественное желание охранять малышей от бед, даже если они не связаны родственными узами, ну а отцу, само собой разумеется, свойственно горячее стремление позаботиться о собственном ребенке. Однако эмоции, которые вызывала у меня миссис Арабелла, имели более темную природу. Назвать их жалостью было бы неверным. В алхимии души жалость тесно связана с другими страстями, подпитывающими друг друга.

— Насколько я понимаю, мистер Таунли и мистер Ноак навестят нас в среду вечером, — тихо сказала миссис Арабелла, — чтобы обсудить предполагаемую экспедицию в Маунт-Джордж.

Лично я, хоть убей, решительно не понимал, какое отношение имеет Таунли, не говоря уже о Ноаке, к планам капитана Винтура.

— Сэр, я уверена, у них нет от вас секретов, — продолжила миссис Арабелла. — И думаю, мой муж не станет возражать, если я заранее переговорю с вами на эту тему. Если вы, конечно, согласны.

— Само собой, мадам.

Она покосилась на старую миссис Винтур и помотала головой, тем самым давая понять, что разговор будет с глазу на глаз. Я остановился перед ней, повернувшись спиной к комнате.

Миссис Арабелла отложила шитье:

— Боюсь, я не вправе втягивать вас в эту историю. Ведь дело чисто семейное. Если бы не срочность, я не стала бы вас беспокоить.

— Надеюсь, вы верите, что я принимаю близко к сердцу ваши интересы, — произнес я и, когда миссис Арабелла опустила глаза на сложенные на коленях руки, поспешно добавил: — Интересы всей вашей семьи.

Я боялся, что она может понять из моих слов больше, чем я хотел сказать. А скорее, больше, чем мне хотелось, чтобы она поняла.

Миссис Арабелла подняла голову:

— Мой муж решительно настроен отправиться в Маунт-Джордж.

— Я знаю.

— Но его отец считает, что это слишком опасно, и хочет, чтобы Джон остался.

— Теперь, когда капитан Винтур окончательно поправился, ему не сидится на месте. Полагаю, он жаждет активной деятельности.

— Как, по-вашему, он пойдет против воли отца? И естественно, против воли матери, если бы она была достаточно здорова, чтобы быть в курсе наших дел?

— Он очень увлечен этим планом.

Миссис Арабелла явно не собиралась так просто меня отпускать:

— Но что конкретно это означает, сэр? Капитан Винтур, случайно, не говорил вам, что твердо настроен уехать независимо от желания отца? — Я не ответил, и миссис Арабелла, помолчав, добавила: — Насколько я понимаю, говорил. Хотя сможет он поехать или нет — это уже совсем другой вопрос. Правда состоит в том, что мой супруг может отправиться в Маунт-Джордж без дозволения отца, однако он не поедет туда без отцовских денег.

Разговор действительно стал весьма откровенным. Насколько я знал, экспедиция капитана Винтура на Спорные территории требовала существенных расходов. В Нью-Йорке ничего не

давали даром. Буквально все стоило денег либо их эквивалента в каком-либо виде: провиант, лошади и, естественно, взятки. А из-за войны инфляция взвинтила цены вне всяких разумных пределов. Губернатор Франклин, вероятно, обеспечит капитана Винтура пропуском и информацией. Но не более того.

— Боюсь, я должна быть с вами откровенной, — вздохнула миссис Арабелла. — В настоящее время финансовое положение моего супруга оставляет желать лучшего. Он целиком и полностью зависит от щедрости своего отца. И тут соблюден крайне тонкий баланс: с одной стороны, дом принадлежит мне и, следовательно, моему мужу, а с другой — судья любит своего сына и не хочет раздувать возникшие между ними разногласия. — Ее голос опустился до шепота. — Поскольку это ранило бы миссис Винтур больше, чем что бы то ни было.

— Сия трудность кажется практически неразрешимой.

— Насколько я понимаю, мистер Таунли предложил компромисс. Именно это он и собирается обсудить.

Миссис Арабелла замолчала. Но так как она сидела спиной к свету, я не мог разгадать выра-

жения лица своей собеседницы. Хотя, судя по ее бесстрастному голосу, она вполне могла обсуждать погоду или рассказывать о книге, которую читала.

— Таунли предложил нам услуги своего секретаря, — прервала затянувшуюся паузу миссис Арабелла.

— Ноака? — удивился я. — Но чем он может помочь?

— Он может отправиться в Маунт-Джордж вместе с моим мужем.

— Ноак? — повторил я как последний идиот. — Вы хотите сказать, Ноак должен поехать с ним?

— Тсс! — шикнула миссис Арабелла, поскольку ритм дыхания старой миссис Винтур на другом конце комнаты изменился, но, когда буквально через секунду он восстановился, продолжила: — Да. Мистер Таунли особо отметил, что мистер Ноак — здравомыслящий человек и он немного знает местность, так как жил там в юности. Похоже, его мать родом из Бедфорда. Кроме того, он деловой человек. Мистер Таунли считает, мистер Ноак окажется незаменимым в качестве секретаря. Он сможет записывать любую полученную по дороге информацию, а также документировать то, что мой супруг найдет в Маунт-Джордже. Бла-

годаря работе с мистером Таунли, мистер Ноак навострился опрашивать людей и взвешивать все, что они сказали. Ну и наконец, он станет для моего супруга хорошим компаньоном.

— И нянькой? — спросил я излишне резко, ибо искренне сочувствовал капитану Винтуру. — Сторожем?

Миссис Арабелла уставилась на меня круглыми глазами, а затем фыркнула самым неподобающим для дамы образом. Секунду спустя я понял, что она надо мной смеется.

— Сомневаюсь, что из этого выйдет хоть какой-нибудь толк. — Я был совершенно убит. — Не понимаю, как мистер Таунли вообще мог такое предложить. Для начала подобная договоренность наверняка будет для него не слишком удобна.

— Да, я согласна. Все это немного странно. — Миссис Арабелла снова замялась. — Но в последнее время мистер Ноак стал для нашей семьи хорошим другом. А кроме того, план имеет свои достоинства.

— Какие?

— По крайней мере, это хотя бы успокоит страхи судьи. И мой супруг действительно сможет выиграть от присутствия такого компаньона.

— Тогда, мэм, полагаю, капитан Винтур предпочтет сам выбирать себе спутника.

— Все верно, сэр. Вы уже успели хорошо изучить его. — Она наклонилась вперед и коснулась моей руки. — Именно поэтому, если кто и должен сопровождать моего мужа, так это вы! Сэр, вы составите ему компанию? Если не ради него, то хотя бы ради меня!

Глава 45

На следующий день, во вторник я отправился на прогулку и вышел из конторы сразу после выстрела полуденной пушки в Бэттери. Грантфорду я сообщил, что приду на работу только завтра, в обычное время. С собой я взял небольшой пакет, в который положил лепешки, кусок сыра и фляжку с водой.

Покидая контору, я еще не выбрал для себя конкретного направления. Мне просто хотелось подумать. Еще в далеком детстве я обнаружил, что спокойная монотонность пеших прогулок не только успокаивала ум, но и создавала впечатление, пусть иногда иллюзорное, ясности мыслей.

День снова выдался некомфортно жарким. У меня не было конкретного плана, куда идти, или проложенного маршрута. Впрочем, мне отнюдь не хотелось дышать зловонным городским воздухом дольше, чем это необходимо. Возможно, до войны прогулки по Нью-Йорку были весьма приятным делом. Однако сейчас воздух насквозь пропитался тошнотворными запахами жидкой грязи, которую оставлял после себя отлив

у причалов в гавани. Свой вклад вносили и отходы жизнедеятельности людей и животных: нечистоты оскверняли улицы и общественные пространства. Выгребные ямы и мусорные свалки были переполнены. Даже у воды, где воздух казался чище, человека окружали суетливые толпы народа, а его взор омрачало зрелище человеческих несчастий и горестей.

Я стал подумывать о том, чтобы сесть на паром до Бруклина. Но это заняло бы слишком много времени. В результате я направился на северо-запад вверх по Бауэри-лейн и дальше — по неприглядным окраинам города с унылой чередой приземистых пивных, грязных мануфактур и убогих лачуг бедняков. Дорога была мне неплохо знакома благодаря верховым прогулкам с капитаном Винтуром. Через какое-то время я свернул направо у подножия Банкер-Хилл и пошел к солончаковым лугам, спускавшимся в сторону узкого пролива к северу от Корлирс-Хука в надежде поймать здесь легкий ветерок с Ист-Ривер. Однако в лугах оказалось слишком много мух, комаров и пчел. А кроме того, два взъерошенных пса выгнали меня с огороженного участка земли, в результате чего мне пришлось самым унизительным образом карабкаться по дренажной

канаве и перелезать через штакетник.

Тогда я направил свои стопы вглубь сельской местности и проделал несколько миль по фермерским угодьям. Здесь моим глазам открылся великолепный пейзаж, хотя и изуродованный оборонительными сооружениями, старыми и новыми. Я сделал привал, чтобы перекусить, но надолго задерживаться не стал. По пути я практически не встретил людей, но меня два раза останавливали для проверки документов.

К этому времени мои мысли пришли в порядок, и я взялся за решение мучавших меня проблем. Стоит ли мне предлагать капитану Винтуру свои услуги в качестве сопровождающего во время поездки в Маунт-Джордж?

Аргументы против были достаточно вескими. Предприятие однозначно является крайне опасным. А разве долг перед Августой и Лиззи не требует от меня оставаться в относительной защищенности Нью-Йорка? Путешествие наверняка будет сопряжено с различными трудностями и неудобствами. Более того, придется разделить с капитаном Винтуром все расходы по экспедиции. Капитан — человек непредсказуемый, а из-за его джентльменских замашек мы рискуем попасть в переделку. К тому же придется

по крайней мере на две недели закрыть контору. Что скажет по этому поводу мистер Рэмптон?

С другой стороны, я мечтал вырваться из города и полной грудью вдохнуть чистый деревенский воздух. Я был до предела измотан и нуждался в смене обстановки. В последнее время поток беженцев у дверей моей конторы существенно уменьшился. Мне полагался продолжительный отпуск, и я был не ограничен в средствах. Мистер Рэмптон постоянно убеждал меня в необходимости активнее получать информацию из первых рук, и прямо сейчас представилась идеальная возможность это сделать. Так почему бы не использовать бюджет Американского департамента, чтобы покрыть часть расходов? Я не сомневался, что мы с Винтуром поладим и за неделю-другую не успеем поссориться. Что касается опасностей, то я непременно найду способ уменьшить риски. А кроме того, я смогу доказать самому себе, что способен победить свой страх.

Кроме того, я был обязан Винтурам, ибо они встретили меня в Нью-Йорке почти как родного. И мне будет более чем приятно устранить напряженность, возникшую между судьей и его сыном. Я даже позволил себе слабую надежду, что тем самым смогу завоевать благодарность

миссис Арабеллы. В моем сердце было еще свежо воспоминание о прикосновении ее руки, а также о той опьяняющей жалости, которую я внезапно почувствовал к этой женщине: жалости, до странного похожей на желание.

Но уже через мгновение мои мысли снова устремились в противоположном направлении. Предприятие чревато такими опасностями, что предлагать свои услуги было бы форменным безумием.

Солнце потихоньку клонилось к западу. Стало чуть-чуть прохладнее. Впереди переливались, мерцая, воды Гудзона. Получается, я сделал большой крюк на север и оказался на другом конце острова.

Я неохотно направился в сторону города. Чтобы добраться туда кратчайшим путем, нужно было выйти на идущую вдоль побережья Гринвич-роуд, однако я решил этого не делать.

В конце концов я вновь очутился на окраине Нью-Йорка. Меня привела сюда другая дорога, вовсе не та, по которой я выходил из города. Этот район был мне совсем незнаком. Похоже, здесь обитали самые обездоленные слои населения.

Я шел по ухабистой, разбитой дороге, с одной стороны которой тянулась череда жалких лачуг,

а с другой — ветхий забор с большими воротами. Перед воротами, примерно в пятидесяти ярдах от меня, собралась толпа чернокожих детишек. Они, покатываясь со смеху, смотрели на что-то лежавшее на земле.

Приблизившись, я понял причину их бурного веселья: какой-то человек, поскользнувшись, упал прямо в кучу лошадиного навоза в воротах. На моих глазах он с трудом поднялся на ноги и попытался шугануть своих улюлюкающих мучителей, которые принялись радостно пинать его шляпу. Это был бедно одетый приземистый парень с землистой кожей, и мне стало почти жаль беднягу. Опомнившись, коротышка схватил мальчугана, пинавшего шляпу, и нанес ему сокрушительный удар по голове, отчего мальчонка пошатнулся и врезался в стойку ворот.

Толпа попятилась. Когда я подошел поближе, коротышка, со шляпой в руке, вытаращился на меня, открыв рот. Его щека была измазана экскрементами. На секунду между нами проскочило нечто вроде проблеска узнавания. Я определенно уже видел этого человека, но даже под страхом смерти не смог бы припомнить, где именно. Более того, я мог поклясться, что он меня тоже узнал.

Все закончилось буквально через мгновение.

Коротышка повернулся и побежал, расталкивая детей.

Я проводил его глазами. Чернокожие пострелята со свистом и криками неторопливо пошли прочь. А я направился к воротам. Это оказался вход на кладбище. Подчинившись мимолетному порыву, я вошел и огляделся по сторонам.

Могилы жались друг к другу, словно в поисках хорошей компании. Надгробия были в основном деревянными и находились на разных стадиях обветшалости. Судя по надписям, здесь захоранивали в основном негров. Кое-где я увидел могильные камни, похоже установленные хозяевами рабов. И я задумался, освобождает ли от рабства смерть, или даже в смерти раб остается собственностью хозяина совсем как корова или свинья. Вероятно, эта плоть, живая или мертвая, все-таки остается в чужой собственности. Судья Винтур наверняка знает ответ.

Пожилой негр расчищал граблями гравийную дорожку, шедшую через кладбище. Я поманил его рукой. Он поспешно подошел ко мне. На его лице была написана неприкрытая тревога, словно он боялся, что я ударю его своей тростью. Негр снял шляпу и, склонив голову, смиренно остановился передо мной.

— Скажи, ты видел этого человека? — спросил я. — Того, что упал возле ворот.

Негр потер лоб кулаком и кивнул.

— Он входил на кладбище?

Негр снова кивнул.

— А что он здесь делал?

— Приходил посетить могилу, сэр.

— Какую именно?

Негр показал на могилу возле забора:

— Вон ту, новую. Вон у того дерева.

Я подошел к могиле. И сразу понял, что здесь похоронен ребенок. Маленький холмик пыльной земли длиной не больше ярда. Кто-то положил на могилку букетик свежих цветов. Деревянное надгробие было новее, чем на соседних захоронениях, но и оно уже начало страдать от погодных условий. На надгробии черными неровными буквами, грубо выжженными, возможно, гвоздем или кончиком раскаленного ножа, было написано:

Хенриетта Мария Барвиль

Я не нашел ни дат рождения и смерти, ни имени хозяина. Лишь имя и букетик цветов.

Детская могилка — не самое приятное место, поскольку смерть ребенка противоречит законам

Божьим и человеческим чаяниям. Ребенок не должен умирать раньше родителей, ибо в таком случае кажется, будто само время пошло вспять.

Старый негр сидел в своей сторожке возле ворот. Все это время он внимательно за мной наблюдал, хотя и делал вид, что точит ножницы о точильный камень. Чтобы привлечь внимание старика, я ради приличия постучал по стене сторожки.

— Могила Хенриетты Барвиль. Кто принес туда цветы?

Сторож посмотрел на меня, и я увидел в его глазах страх.

— Не знаю, хозяин.

— Это был тот самый мужчина? Тот, что упал в воротах?

— Может, и он.

— А он спрашивал тебя, где находится могила? Называл имя усопшей?

Сторож принялся растерянно озираться по сторонам, точно в поисках спасения:

— Да, сэр.

— А кто такая эта девчонка Барвиль? — (Сторож пожал плечами.) — У тебя должен быть журнал захоронений. Покажи его.

Он зашаркал к полке в глубине сторожки, из-

влек лежавший там фолиант размером 8,5 на 13,5 дюйма и протянул его мне. Пыльная обложка была вся в пятнах, корешок порван.

— Покажи запись об этом захоронении, — сказал я.

Негр покачал головой и снова пожал плечами.

Я понял, что он не умеет читать. Тогда я забрал у него журнал и принялся листать страницы, пока не нашел последние записи. Каждая запись была пронумерована. Она включала имя усопшего, имя священника, проводившего заупокойную службу, и имя ближайшего родственника. Иногда рядом с записью была приписка с указанием владельца покойного раба или адрес, где этот раб умер. Однако записи делались без единой методики, а потому иногда трудно было понять, кто являлся рабом, а кто — свободным человеком. Рядом с каждой записью стояла подпись — насколько я понял, конторщика или управляющего кладбищем.

В последние месяцы имела место высокая смертность среди негритянского населения, поскольку жаркая погода способствует распространению болезней. Наконец я нашел Хенриетту Барвиль. Она была предана земле 30 марта в присутствии одного из кладбищенских священ-

ников.

Мое внимание привлекло имя ближайшего родственника: Мириам Барвиль.

Однако данное при крещении имя ребенка невольно пробудило во мне смутные воспоминания. Хенриетта. Так звали давным-давно почившую в бозе сестру капитана Винтура: девочку, которая умерла в свой первый день рождения и которую до сих пор горько оплакивала мать.

Хенриетта. Хетти-Петти.

Глава 46

На следующий день, когда я вечером вернулся на Уоррен-стрит, Джосайя сообщил, что его хозяин просит меня присоединиться к нему и другим джентльменам в библиотеке, если я, конечно, не слишком занят.

Судья сидел за столом рядом с Таунли. Ноак стоял со сложенными на животе руками возле двери, а капитан — на коврике у камина спиной к воображаемому огню. Когда я вошел, Ноак с едва заметным поклоном закрыл за мной дверь.

— Вот и тот, кто нам нужен! — обрадовался судья; он взволнованно сгибал и разгибал пальцы, как будто у него болели суставы. — Сэр, прошу вас, садитесь. И дайте нам возможность воспользоваться вашим советом.

— Ах да! — улыбнулся Таунли. — Мистер Сэвилл, мы очень надеемся на вас. Нам может понадобиться ваш здравый смысл. Не сомневаюсь, капитан Винтур высоко ценит ваше мнение.

Капитан промолчал, но поклонился мне.

— Мой сын намерен отправиться в Маунт-Джордж, — сообщил судья. — Должен признаться,

я не испытываю особой радости по этому поводу. Но мистер Таунли подал замечательную идею, предложив мистера Ноака в качестве сопровождающего. Чем плохой план, сэр? Лично я не вижу здесь ни единого изъяна.

— Сэр, я не вправе лишать мистера Таунли услуг Ноака, — с мрачным видом произнес капитан. — Кроме того, путешествие может быть сопряжено с неудобствами, а возможно, и с рисками.

— Вот именно! Потому-то я и хочу, чтобы мистер Ноак тебя сопровождал. — Судья лучезарно улыбнулся секретарю. — У меня нет ни малейших сомнений, что мистеру Ноаку любое дело по плечу.

Я кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание, после чего обратился к присутствующим:

— Какое удачное совпадение!

Все четверо изумленно уставились на меня.

— Вы о чем? — спросил Таунли.

— Дело в том, что я как раз собирался поговорить об этом с капитаном Винтуром. Я имею в виду планируемое им путешествие.

— Полагаю, я и сам в состоянии разобраться с собственными делами, — заявил капитан, ни к кому конкретно не обращаясь, и я испугался, что он сейчас впадет в ярость, однако он вполне

миролюбиво добавил: — Я еду в Маунт-Джордж. Все, разговор закончен.

— Сэр, но я только хотел попросить вашего разрешения сопровождать вас, по крайней мере часть пути.

— Вы?! — нестройным хором воскликнули судья, капитан и Таунли.

И только Ноак хранил молчание.

Таунли шагнул в мою сторону:

— Безусловно, сэр, ваше положение гражданского служащего, должностного лица, представляющего правительство его величества…

— Позвольте мне объяснить. — Я повернулся к судье. — У меня накопилось довольно много дней отпуска. А так как я очень плохо переношу в городе летнюю жару, то, на мой взгляд, неделька-другая в сельской местности пойдет мне на пользу. Это меня немного тонизирует. Кроме того, я получу еще одно преимущество, ибо смогу сочетать работу с удовольствием…

— Работу, сэр? — перебил меня Таунли. — Какую работу?

Я ответил не сразу, дав Таунли возможность понять, что его вопросы и манера говорить неприемлемы.

— Прошу прощения, сэр, — наконец произнес

он. — Это, конечно, не мое дело.

— Здесь нет особого секрета, — обратился я к судье. — Согласно полученным из Лондона инструкциям я должен использовать все доступные средства для сбора разведданных о Спорных территориях.

— Но мы не испытываем недостатка в подобной информации, поступающей от самых разных людей, — заметил Таунли.

— Мистер Рэмптон желает, чтобы мои выводы основывались по возможности на непосредственных наблюдениях. — Я попытался сохранить мрачное выражение лица, каковое пристало человеку, посвященному в главные секреты Американского департамента. — Имеются и другие причины. Однако, боюсь, я не вправе распространяться на эту тему.

Судья наморщил лоб:

— Помилуйте, мой дорогой сэр! Ведь вы подвергаете свою жизнь величайшей опасности.

— Да, сэр, но я полагаю, что если приму меры предосторожности, то смогу уменьшить риски.

Лоб судьи мгновенно разгладился.

— Возможно, военный эскорт?

— Ну… я пока не знаю подробностей. — Я покосился на капитана. — Хотел спервa узнать ваше

мнение о моей идее. Начать с того, что капитана Винтура может не устроить моя компания. Прошу вас, капитан, не стесняйтесь, скажите, если это действительно так.

— Пожалуй, это именно то, что нужно. — Он окинул меня долгим взглядом, и широкая улыбка озарила его лицо. — Думаю, мне будет даже приятно, сэр. Впрочем, боюсь, мое общество не доставит вам особого удовольствия.

— Не советую, сэр, — покачал головой Таунли. — Это удвоит опасность и…

— Позвольте мне самому все решать, сэр, — оборвал его капитан Винтур, после чего подошел к отцу и положил руку ему на плечо. — Надеюсь, вы дадите мне свое благословение, сэр?

Старый судья накрыл руку сына своей:

— Мое благословение всегда с тобой, мой дорогой.

Когда Таунли с Ноаком ушли, судья послал Джосайю за оставшейся мадерой, специально припасенной, чтобы отпраздновать восстановление власти короля в его американских владениях.

Ночь снова выдалась теплой, и наша троица устроилась в павильоне в глубине сада. Двери и окна мы оставили открытыми, чтобы поймать

хотя бы малейшее дуновение воздуха.

Судья дрожащей рукой поднял бокал за здоровье его величества. Затем мы выпили за успех нашей экспедиции. После чего судья, поднявшись на неверных ногах, пожелал нам спокойной ночи и пошел по дорожке в сторону задней двери дома, выходящей в сад.

— Он здорово сдал, — понизив голос, произнес капитан. — Жаль, вы не видели его в лучшие времена. После начала этой треклятой войны он постарел лет на двадцать-тридцать.

В тот вечер мы оба пребывали в меланхоличном состоянии духа, хотя и старались этого не показывать. Но сейчас я проклинал себя за глупую причуду, заставившую меня принять участие в сей авантюре.

Винтур предложил сыграть в пикет. В углу павильона стояла плетеная корзина, где были свалены в беспорядке самые разные игры. Капитан не стал звать прислугу, а собственноручно вытащил корзину и перевернул ее. Содержимое корзины рассыпалось по полу: фишки, доски, карты, бирюльки и даже несколько потрепанных игрушек — реликвии, сохранившиеся с времен его далекого детства. Мой компаньон принялся рыться в этой куче разрозненного барахла.

— Кстати, вчера я проходил мимо негритянского кладбища, — произнес я самым небрежным тоном, на какой оказался способен. — А я и не подозревал, что у негров есть фамилии. Каким образом раб может получить фамилию? Он что, берет себе фамилию хозяина?

— Иногда.

— Выходит, у ваших домашних рабов тоже есть фамилии?

— Черт побери! Почему невозможно найти ни одной целой колоды?! — Капитан яростно зазвонил в колокольчик, вызывая кого-нибудь из слуг. — Ну да, фамилии. Полагаю, у некоторых наших рабов есть фамилии.

— А у Мириам?

— Понятия не имею. — Винтур поднял на меня глаза. — А почему вас это интересует?

— Да так, — пожал я плечами. — Просто я еще очень многого не знаю о вашей стране.

— По крайней мере, вы в этом признаетесь. Англичане, как правило, считают себя выше подобных пустяков. По-моему, мы их вообще не интересуем. С вашего позволения, приведу вам пример. Вы когда-нибудь искали статью о Нью-Йорке в Британской энциклопедии?

— Нет.

— Тогда можете и не трудиться, сэр. Такой статьи там нет. Что говорит нам больше, чем тысяча слов. Я прав? — Капитан выпрямился. — Но куда ж подевались все слуги?! Прошу меня извинить. Пожалуй, схожу в дом. Попробую кого-нибудь из них разбудить.

Капитан спустился по ступенькам в сад и направился к дому. Я вытащил из кармана игральную кость мистера Пикетта — маленький кубик из слоновой кости — и потряс в кулаке.

Четное число означает, что мы благополучно вернемся домой, нечетное — что нет.

Я бросил игральную кость на столик, где стояли бокалы с вином, но швырнул ее немного сильнее, чем рассчитывал. Кость ударилась об ободок моего бокала и, отскочив, перелетела через край стола.

Едва слышно чертыхнувшись, я взял свечу и занялся поисками. Кость закатилась в кучу разбросанного на полу барахла. Тем не менее я увидел ее практически сразу. Она застряла между двумя бирюльками ребром к полу, не заняв ни одного из возможных положений гранью вверх.

Ни четное, ни нечетное.

Я протянул руку за костью. Нащупал бирюльки, и они разделились, откатившись в разные сторо-

ны. А потом произошло чудо.

Одна игральная кость превратилась сразу в две.

Я растерянно заморгал. На секунду мне показалось, что я выпил больше мадеры, чем следовало, и у меня двоится в глазах. Но я отнюдь не был пьяным. У меня даже не кружилась голова в наклонном положении. Подобрав игральные кости, я поднес их поближе к пламени свечи: обе одного размера, обе из слоновых бивней с нанесенными на гранях изящными точками, обе потускнели от времени и частого использования. Они могли бы быть близнецами.

Ничего странного, сказал я себе. В сущности, одна кость может быть похожа на другую — это не более чем случайное сходство.

Услышав шаги, я поспешно положил кости в карман. Винтур с победным видом шагал по дорожке, размахивая колодой карт. За ним шел, а скорее, бежал Джосайя с очередной бутылкой мадеры в руках.

— Ну вот! — Винтур вошел в павильон и швырнул колоду на стол. — И я не забыл карандаш и бумагу. — Капитан посмотрел на старого слугу. — Открой вино и наведи здесь порядок. — Он рухнул в кресло и, обратившись ко мне, произ-

нес: — Ах да! Это Барвиль, кстати сказать.

— Прошу прощения?

Моя растерянность его немало потешила.

— Неужели вы успели забыть? Вы справлялись у меня насчет фамилий рабов. Джосайя говорит, что фамилия Мириам — Барвиль.

Глава 47

Три недели спустя наша партия, прогромыхав по Королевскому мосту, въехала на Спорные территории. Губернатор Франклин помог нашей группе присоединиться к отряду солдат иррегулярных войск. Я точно не знал, как именно Франклин связан с солдатами иррегулярной армии, хотя они, безусловно, обеспечивали его разведывательными данными в обмен на помощь в деле взаимодействия с военными властями; репутация и обширные связи губернатора придавали некую легитимность их операциям.

Главным в этом отряде был мужчина лет тридцати по фамилии Пирсфилд. Во время предварительной встречи у Франклина Пирсфилд рассказал нам, что повстанцы экспроприировали его поместье возле Морристауна. Его мать умерла от голода, младший брат погиб в тюрьме. Некоторые солдаты под его началом были еще практически школьниками, другие — седобородыми стариками, однако все они пострадали не меньше своего предводителя и теперь горели жаждой мести, а возможно, хотели нажиться.

— Это необузданная, неуправляемая ватага, — объяснил мне Винтур, перед тем как представить меня моим новым спутникам. — Но они знают, что делают, и если мы не столкнемся с крупным отрядом вражеской милиции, то сможем отправиться, куда захотим.

Мы с ним взяли с собой по слуге. Винтура сопровождал лакей отца Абрахам, крепкий юноша, умевший ездить верхом и обращаться с ружьем. Его преданность, сказал Винтур, не подлежала сомнению.

Моим слугой был капрал Грантфорд. Узнав о планируемой экспедиции, он сразу вызвался стать моим сопровождающим. И думаю, он никогда не простил бы меня, если бы я отказался взять его с собой. Увечье могло помешать ему на строевом плацу или на линии фронта, что нам никак не грозило. Грантфорд не только был опытным солдатом, но и немного знал местность, по которой нам предстояло пройти.

Когда Королевский мост, Гарлем-Крик и пушки форта Чарльз остались позади, настроение наших спутников стало мрачным. До этого момента, во время пятнадцатимильного перехода от Нью-Йорка до Королевского моста, они вели себя почти как компания гуляк и не пропускали

ни одной придорожной таверны.

По мере продвижения на север местность становилась все более безлюдной, куда менее населенной, чем остров Манхэттен. Моему неискушенному взору она казалась дикой и находящейся в запустении. По дороге мы практически не видели местных жителей, а те, что нам встречались, старались обходить нас стороной.

Тракт был в плачевном состоянии и нуждался в уходе, поскольку на него неумолимо надвигался лес. Мои спутники тревожно озирались по сторонам, тщетно пытаясь проникнуть взглядом в эти дебри. После городского шума и суеты было непривычно и как-то неуютно слышать только стук копыт наших лошадей и позвякивание упряжи. Время от времени начинала петь какая-нибудь невидимая птица, но оглушительная тишина сразу же заставляла ее замолчать.

Пирсфилд остановился на обочине, дожидаясь, когда мы подъедем. Это был коренастый, дородный мужчина, брызгавший слюной при разговоре.

— Тут для нас ничего интересного нет, джентльмены, — произнес он неприятно визгливым голосом. — Местность совершенно разорена на многие мили вокруг. Но дайте нам день или два,

и мы найдем что-нибудь ценное.

— Как далеко мы должны сегодня продвинуться? — спросил его Винтур.

— На десять или двенадцать миль. Я знаю, к западу от Уайт-Плейнса есть одна ферма, — ухмыльнулся Пирсфилд. — В свое время ферма принадлежала доброму тори, но повстанцы заставили его убежать, а жену и детей выгнали на улицу. Сейчас там живет один из Верхней партии.

Именно так мы звали их на Спорных территориях: лоялисты образовывали Нижнюю партию, восставшие американцы — Верхнюю.

Вскоре мы свернули с большой дороги. Иногда мы ехали по проселкам, иногда по пересеченной местности. По пути нам повстречалось несколько ферм и уединенных усадеб. Нужного места мы достигли ранним вечером. Пирсфилд проводил нас с Винтуром в близлежащий лес, на поляну, с трех сторон защищенную скалами, где и оставил нашу маленькую группу, велев не разжигать огонь и ждать возвращения его отряда.

Прошло почти четыре часа. Жара и насекомые донимали нас ужасно. Однажды мы услышали выстрелы. Мы отправили Абрахама на опушку леса выяснить, что происходит. Вернувшись,

Абрахам сообщил, что в двух-трех милях от нас, на противоположном склоне пологого холма, велась стрельба.

Пирсфилд со своим отрядом вернулся уже затемно. Он сказал, что на ферме они нашли меньше добычи и встретили больше сопротивления, чем рассчитывали. Затем его люди разожгли костер, и мы съели свой скудный ужин, состоявший из лепешек и солонины. Винтур, Абрахам, Грантфорд и я расположились на ночлег на некотором расстоянии от солдат иррегулярных войск.

В первую ночь я спал плохо. Земля была жесткой, и я постоянно чесался. Все мои члены болели от непривычной нагрузки. Я ненадолго проваливался в сон и тотчас же выныривал в действительность.

В какой-то момент я полностью проснулся. Переполненный мочевой пузырь, казалось, вот-вот лопнет. Я повернул голову и увидел, что костер все еще горит. Вокруг него сидели несколько мужчин. Они пили вино и вполголоса разговаривали.

Я тихонько поднялся и медленно направился к кустам, чтобы облегчиться. Тусклый свет луны с трудом пробивался сквозь облака и ветви дере-

вьев. Я споткнулся обо что-то мягкое, лежавшее на земле, и едва не упал.

Кто-то застонал возле моих ног. Я наклонился. Нечто бледное и нереальное шевелилось в темноте, и я невольно вспомнил о водяном, которого увидел по приезде в Нью-Йорк в серо-зеленых водах Нью-Йоркской гавани.

Но это был не водяной. Как тогда, так и сейчас это был вовсе не водяной. Я увидел мужчину, распластавшегося на спине, точно лягушка, с привязанными к молодым деревцам руками и ногами. Я видел дрожащие белки глаз. Нижняя часть его лица закрывала тряпка, удерживавшая кляп. Он снова застонал.

Внезапно я услышал за спиной чьи-то шаги. Я резко обернулся.

— Превратности войны, сэр, — хихикнул Пирсфилд. — На Спорных территориях мы должны где только можно извлекать выгоду.

— Кто это такой?

— Проклятый виг, да к тому же жалкий пресвитерианец. У него ферма по ту сторону холма. Я уверен, он где-то скрывает золото. — Пирсфилд пнул лежавшего на земле мужчину сапогом и поспешно добавил: — Как и полезную информацию о перемещении противника поблизости. Он нам

все расскажет мало-помалу.

На следующее утро, когда мы снова тронулись в путь, я вызвал Грантфорда на откровенный разговор и спросил его, что он думает о Пирсфилде и его солдатах. Грантфорд отвернулся и сплюнул табачную жвачку.

— Это и есть твой ответ?

Он понизил голос:

— Они не лучше бандитов с большой дороги, ваша честь. Прошлой ночью я слышал их разговоры. Вам знакома эта ферма?

— Та, которую они разграбили?

— Они заперли в амбаре пару работников и подожгли.

— Они что, убили этих людей?

— Сдается мне, что так, — кивнул Грантфорд. — Они даже не знают, чья это ферма.

— Мистер Пирсфилд утверждает, что в свое время ферма принадлежала тори, но теперь перешла к вигам.

— Самая натуральная брехня, сэр. Они вообще не знают, кто этот человек. Да и вообще им глубоко наплевать.

— А тот человек, которого вчера ночью они взяли в плен?

— Сегодня утром он уже стал трупом. На вашем

месте, ваша честь, я бы…

— Но ты не на моем месте, — оборвал я Грантфорда.

Мы обедали в придорожной таверне, где не было вывески, чтобы не платить налоги. Судя по размерам заведения, до войны оно наверняка процветало. Хозяин, с бледным видом сновавший туда-сюда, подавал нам все, что было у него в закромах. В доме явно жили женщины и дети — в углу обеденного зала стояла накрытая шалью корзинка для рукоделия, а под стулом лежала кукла, — но мы никого из них не увидели. Пирсфилд не предложил заплатить за обед, а хозяин не стал требовать оплаты.

После обеда я ехал верхом рядом с Винтуром. Накануне вечером он явно перебрал бренди и весь день был мрачнее тучи.

— Я не доверяю этим людям, — прошептал я. — Думаю, мы должны от них отделаться.

— Что? Но почему?

— Они грабители и негодяи.

Я рассказал о том, что видел своими глазами и что сообщил мне Грантфорд.

— У меня раскалывается голова. — Винтур поднял на меня глаза в красных прожилках. — Не спорю, они слегка грубоваты и разнузданны, сэр.

Но с ними нам будет безопаснее, чем без них.

— Не могу согласиться с вами, сэр. А вы смогли бы найти дорогу в Маунт-Джордж без них?

— Конечно. Я знаю эту местность как свои пять пальцев.

— Без них мы поедем гораздо быстрее. Безопаснее. Эти люди, если смогут, наверняка нас надуют.

— Они не осмелятся. Когда мы вернемся в Нью-Йорк, мы…

— В том-то и дело. Если мы останемся с Пирсфилдом, то нет никакой гарантии, что мы сможем вернуться в Нью-Йорк.

Глава 48

По-моему, Пирсфилд даже вздохнул с облегчением, когда мы расстались. Похоже, мы связывали ему руки. А поскольку мы не стали просить вернуть нам деньги, которые он получил за наше сопровождение, то он, собственно, ничего не терял.

Итак, мы вчетвером продолжили путь по направлению к Маунт-Джорджу. Путешествие было нелегким, на нашем пути лежали густые леса и скалистые горы. Меня удивила дикость и пустынная безотрадность здешних мест. Несмотря на близость Нью-Йорка, мы практически не видели каких-либо признаков, что здесь живут люди, будь то европейцы, негры или индейцы.

Нам пришлось больше идти пешком, нежели ехать верхом, поскольку мы старались избегать по мере возможности даже самых неприметных дорог. Однажды в нас даже стреляли. Это случилось, когда мы проезжали мимо какой-то фермы к северу от Уайт-Плейнса. А еще нам дважды приходилось ехать окольными путями, чтобы избежать встречи с отрядами милиции повстанцев.

Впервые в жизни я осознал, каково это — быть дичью во время охоты. На Спорных территориях я понял, что чувствуют лиса или олень, преследуемые сворой гончих псов.

Винтур уверенно вел нас по местности, которая казалась мне непроходимой. Наша экспедиция вдохнула в капитана новые силы. Несмотря на подстерегавшие нас опасности и неудобства, он пребывал в отличнейшем расположении духа.

— До чего же я ненавижу и презираю город! — признался мне Винтур. — В любой момент готов променять его на деревню. Человек должен иметь возможность вдохнуть свежий воздух полной грудью.

— Не сомневаюсь, — ответил я. — Но человек также должен иметь возможность спать на удобной кровати, есть хорошую пищу и быть избавленным от кровососущих насекомых.

Раскатисто расхохотавшись, капитан заявил, что я такой же чудак, как и мистер Голдсмит, и насмешливо поинтересовался, не хотелось ли мне стать драматургом. В этот самый момент мы как раз вели наших лошадей через дурно пахнувшее болото, где растения цеплялись за щиколотки, а трясина норовила стянуть с нас сапоги.

На третьи сутки после отъезда из Нью-Йорка

мы остановились на ночлег в заброшенной деревянной хижине и с наступлением темноты даже рискнули разжечь небольшой костер, так как хижина находилась в лощине в окружении скал.

Мы жадно набросились на еду, насколько нам позволяли тающие прямо на глазах съестные припасы, а насытившись, перешли к рому с водой. Мы выпили за короля, потом — за здоровье друг друга. В нашей хижине царила едва ли не праздничная атмосфера, поскольку, по мнению Винтура, до Маунт-Джорджа оставалось не более десяти миль.

Мы с Винтуром сидели вдвоем. Грантфорд и Абрахам ночевали возле лошадей. Единственным источником света в хижине была лучина на земляном полу между нами. Несмотря на усталость, нам совсем не хотелось спать. Мы лениво переговаривались, подобно всем людям, которым комфортно в обществе друг друга.

После продолжительной паузы Винтур спросил:

— Полагаю, мы с вами друзья?

— Конечно друзья. — В темноте я мог разглядеть лишь смутные очертания его тела, но не видел лица.

— Тогда я хотел бы, чтобы вы звали меня

Джеком. Друзья зовут меня именно так. Мы, американцы, более свободно обращаемся с формальностями.

— Тогда я с превеликим удовольствием так и сделаю. А вы должны звать меня Эдвардом.

В разговоре снова возникла пауза. Полагаю, мы с ним и до того были в некотором смысле приятелями. Однако общие опасности сближают мужчин и становятся фундаментом для крепкой мужской дружбы.

А потом Винтур меня удивил.

— Скажите, вы скучаете по ней? — внезапно спросил он. — Я имею в виду вашу жену. Вы ведь не видели ее уже больше года.

— Да, — без особого энтузиазма отозвался я. — Полагаю, что так.

— Судя по вашему тону, вы не слишком переживаете из-за разлуки с женой.

Мы были словно два католика в исповедальне. Ром и усталость, ощущение опасности и темнота побороли мою обычную сдержанность.

— Она мать нашей дочери. А это уже дорогого стоит.

— Да, но вы когда-нибудь ее любили?

— Ну да. Можно и так сказать. Я хотел жениться. И моя жена… она казалась во всех отношениях

подходящей.

— Подходящей, — задумчиво протянул Винтур. — А-а-а… это племянница старины Рэмптона?

— Совершенно верно. У мистера Рэмптона нет собственных детей. — Я глотнул рома. — Однако она вышла за меня замуж без его разрешения. И уже потом я обнаружил, что он никогда ее особенно не любил. Впрочем, я не осуждаю его. Моя жена — глупая женщина, и жить с ней довольно нелегко.

Ну вот и все. Неприглядная правда выплыла наружу, та горькая правда, в которой я сам себе не решался признаться. Я женился на Августе, потому что у мужчины должна быть жена и потому что мне казалось, эта партия поможет моей карьере в Американском департаменте. Августа же вышла за меня, потому что находила меня привлекательным и достаточно амбициозным мужчиной, из которого она с помощью семейных связей сможет вылепить для себя идеального мужа. Она рисовала для нас блестящее будущее: я стану заместителем министра в правительстве, а она — женой высокопоставленного чиновника. Она мечтала о салоне, где могла бы развлекать богатых и влиятельных людей, которые будут

толпами стекаться туда, отдавая ей дань восхищения. Она мечтала о присвоении мне рыцарского звания и уже видела себя леди Сэвилл.

Самая неподходящая причина для заключения брака, за что мы и поплатились. В результате я оказался здесь, на Спорной территории, на другом конце света, в самый разгар войны. У меня была жена, хотя лишь формально, но не фактически, и дочь, которую я уже больше года не видел. А поскольку моя миссия постоянно продлевалась, я все больше убеждался в том, что мистер Рэмптон отправил меня в Нью-Йорк, желая избавиться от меня и, быть может, наказать за безрассудство. Если кто и оказался в дураках, так это я.

— Простите, — произнес Винтур. — Я вовсе не собирался совать нос не в свое дело. Меня удивляет, что вы не смогли найти себе утешения. В Нью-Йорке полно прекрасных женщин, которые…

— Нет, — ответил я. — Мне это не нужно. Можете считать меня занудным моралистом.

— Отнюдь. Скорее загадочным. Совсем как сфинкс. — Лучина заморгала и погасла, нас окутало удушливой тьмой, а тем временем Винтур торопливо продолжил, словно опасаясь, что передумает и побоится открыть мне душу: — Я

женился на Белле, потому что она была наследницей Фруда. Что не устроило нас обоих. Но я понял это лишь тогда, когда вернулся из Канады.

Я не ответил. Что имел в виду Винтур? Что он не любит жену или что переоценил ее состояние, растаявшее из-за войны? Я вспомнил, как жестоко капитан обошелся с ней в марте, незадолго до разбойного нападения на него, повлекшего за собой лихорадку: он ударил жену в саду. Не вмешайся бы я тогда, в пьяном безумии он наверняка ударил бы ее еще раз.

— Я знаю, мужчины ее вожделеют. — Голос Винтура звучал так тихо, что я с трудом разобрал слова. — Я вижу это по их глазам. Таунли. Марриот. — Капитан замолчал, я почувствовал, что он повернул голову в мою сторону, и задержал дыхание, ожидая, что он сейчас добавит в список мое имя. — Эти мужчины похожи на гончих с высунутыми языками. Но она моя жена. Она мне никогда не изменит. Хотя кто знает? Игра еще не окончена. Все зависит от того, что произойдет в Маунт-Джордже.

Я ждал, однако Винтур не объяснил смысл своих слов. Имел ли он в виду шкатулку с диковинками, что бы это ни значило. Сможет ли та шкатулка хоть как-то склеить их брак? Я открыл

было рот, чтобы спросить напрямую, но услышал, как Винтур зевнул в удушливой темноте и, судя по шорохам, сменил положение тела.

— Надеюсь, теперь я усну, — произнес он. — Спокойной ночи, Эдвард.

— Спокойной ночи, Джек, — ответил я.

Глава 49

На следующий день мы покинули наше убежище незадолго до рассвета. Мы спустились по склону холма к небольшой речушке, которая, как сообщил Винтур, впадает в Гудзон, а затем несколько часов шли вверх по течению.

Бóльшую часть времени мы шагали на своих двоих, ведя на поводу упирающихся лошадей. Переход был тяжелым, поскольку река текла по лощине, представлявшей собой скопление зеленых теней между крутыми склонами, поросшими лесом, где мог залечь в засаде целый стрелковый полк без какого-либо риска быть замеченным.

Внезапно лощина перешла в широкую долину, расчищенную от деревьев, а река превратилась в заросший камышом пруд. За прудом широкая полоса земли сворачивала на север.

А там, где в полумиле от нас начинался пригорок, мы увидели неровный ряд почерневших пеньков.

— Маунт-Джордж, — с горьким смехом сообщил Винтур.

Но не успел он это сказать, как Грантфорд,

бросив поводья, нырнул в кусты и через секунду исчез из виду.

Круто развернувшись, Винтур достал пистолет из седельной сумки. Мы услышали шум борьбы, треск кустов, отборную ругань Грантфорда и пронзительный визг. Когда капрал вернулся, он толкал перед собой какую-то девчонку в рваном коричневом платье. Он удерживал ее за предплечья, стараясь отодвинуть от себя как можно дальше.

— Маленькая мегера, ваша честь, — сказал Грантфорд. — Она меня укусила.

Девочка, на вид лет двенадцати, не больше, была болезненно худой. Ее темные волосы висели лохмами под стать драному платью. Она судорожно извивалась, пытаясь вырваться из рук Грантфорда. Он оторвал девчонку на дюйм от земли и энергично потряс, будто намереваясь вытрясти из нее всю дурь.

— Итак, что ты здесь делаешь? — грозно спросил ее Винтур.

Девочка как воды в рот набрала.

— Сдается мне, она рыбу ловила, — объяснил Грантфорд. — Я нашел в кустах корзинку и пару удочек.

— Занималась рыбалкой? Девочка?

— А почему нет? — внезапно подала голос оборванка. — У нас больше некому это делать.

— Как тебя зовут? — спросил я.

Она хмуро покосилась в мою сторону, похоже не ожидая услышать английский акцент:

— Мехитабель. Мехитабель Типпет.

— Типпет? — переспросил Винтур. — До войны у нас был арендатор с такой фамилией. На ферме «Тенистая роща».

— Это мой отец, сэр.

— А где он сейчас?

Девочка тяжело сглотнула:

— Умер, сэр.

— А как он умер, дитя?

— Люди из народной милиции застрелили его, когда он попытался уехать в Нью-Йорк. Их патруль открыл по нему огонь.

— А твоя матушка?

— Она вон там. — Мехитабель показала на кусты. — По другую сторону дороги от дома сквайра Фруда. Там кусочек королевской земли. Правда, они говорят, что земля теперь принадлежит конгрессу.

— Значит, ты сейчас не на ферме «Тенистая роща»?

— Ой нет, сэр. Вот уже поболе двенадцати меся-

цев будет. Они выгнали нас оттуда.

Винтур отвел меня в сторону. Он хотел видеть миссис Типпет, однако сомневался, будет ли это разумным.

— У нее, вероятно, есть кое-какая информация, — заявил я. — Но можете ли вы ей доверять?

— Конечно могу, — надменно заявил Винтур. — Она одна из наших.

— Но не одна из моих, — невнятно пробормотал Грантфорд, который сосал рану на руке, чтобы остановить кровь.

— Придержи язык! — одернул его Винтур. — И посади девочку к себе на лошадь. Абрахам, возьми корзинку. Мы сейчас навестим ее мать.

Мы повели лошадей через чахлую рощицу в сторону дороги, оказавшейся просто ухабистой тропой из высохшей на солнце грязи. С другой стороны на милю или около того простиралась каменистая пустошь, поросшая кустами и высокой колючей травой, испещренная рытвинами с солоноватой водой. Уровень земли здесь был ниже, а почва плохо дренирована.

Жилище Типпетов оказалось еще более убогим, чем та хижина, где мы провели минувшую ночь. Это была хибара, сложенная из неотесанных

бревен, даже не имевшая окон.

Миссис Типпет явно высматривала дочь. Подобрав юбки, женщина выскочила нам навстречу, когда мы были еще на расстоянии пятидесяти ярдов от нее. Судя по ее испуганному лицу, она явно опасалась худшего.

— Мадам, — приподняв шляпу, начал я, — мы не желаем ни вам, ни вашей дочери зла.

— Боже правый! — уставился на нее Винтур. — Миссис Типпет! Теперь я вас вспомнил.

Она, нахмурившись, посмотрела на капитана:

— Я вас знаю, сэр?

Миссис Типпет выглядела как простолюдинка, но речь ее была вполне культурной.

— Ну конечно. Мистер Фруд несколько раз привозил меня на вашу ферму. Я муж миссис Беллы. Капитан Винтур. Послушайте, мэм, меня искренне расстроила новость о смерти мистера Типпета.

Женщина залилась слезами. Мехитабель ухватилась за материнскую юбку, успокаивая мать и одновременно себя. Миссис Типпет погладила дочь по голове и покачнулась, внезапно закашлявшись.

— Мадам, прошу вас, обопритесь на мою руку, — произнес Винтур. — Боюсь, наше внезапное

появление вас изрядно напугало. И позвольте мне представить вам моего друга мистера Сэвилла из Американского департамента в Лондоне.

Когда миссис Типпет немного пришла в себя, наша компания медленно направилась в сторону хижины. Велев Грантфорду и Абрахаму оставаться снаружи и сторожить лошадей, мы с Винтуром провели женщин в дом, но задержались в дверях, чтобы рассмотреть убогое жилище.

Оно состояло из одной-единственной комнаты не более восьми квадратных футов. Однако там было довольно чисто, насколько это было возможно в подобных условиях. Здесь мать и дочь ели, сидели, работали за прялками и вместе спали на узком соломенном матрасе возле стены. В комнате стояли стол, пара табуреток и грубо сколоченный сундук типа тех, в которых служанки хранят свои пожитки.

Миссис Типпет наконец успокоилась и даже извинилась за свою минутную слабость. После чего мы с Винтуром мало-помалу вытянули из нее всю печальную историю семьи. Мистер Типпет, будучи убежденным тори, да к тому же церковным старостой, остался до конца верен короне. На него наложили штраф и подвергли всяческим гонениям за отказ воевать за конгресс.

В результате он решил перебраться в Нью-Йорк, оставив ферму жене и сыну. Но когда однажды ночью он тронулся в путь, его остановила местная милиция, получавшая злобное удовольствие от охоты на тори, и под надуманным предлогом открыла огонь.

— Они сделали это своего рода спортом, сэр, — сказала миссис Типпет. — Совсем как мальчишки, которые топят кошку, чтобы посмотреть, как она извивается.

Ее покойный супруг был признан предателем, а потому все его имущество было конфисковано в пользу конгресса. На практике же местный комитет нашел способ помогать себе и членам своих семей путем отъема того, на что они в первую очередь положили глаз, начиная с вин в винных подвалах и одежды в шкафах и кончая лучшими неграми и содержимым амбаров. Сама ферма была приобретена комитетом за десятую часть ее стоимости и продана от имени конгресса одному из членов комитета.

Сына Типпетов местный комитет заставил завербоваться в армию, поставив его перед выбором: или армия, или тюремное заключение без права на суд. Женщины слышали, что он воевал под командованием генерала Уильяма Мултри в

Южной Каролине, но уже шесть месяцев о нем не было никаких известий, и теперь они не знали, жив он или убит. После изгнания с фермы мать и дочь с трудом сводили концы с концами. Они зарабатывали прядением и время от времени получали вспомоществование от друзей, которые сами могли попасть под репрессии, если об их щедрости узнают выше.

Повествование, знакомое до боли: я слышал схожие истории от многих лоялистов, приходивших в мою контору со своими печальными рассказами и нереальными требованиями. Этот глупый конфликт привел к огромному числу жертв и имел ничтожное число победителей. Иногда мне казалось, что Типпеты и им подобные, находившиеся по обеим сторонам конфликта, заслуживают сочувствия больше других. Они были сопутствующими жертвами войны, возможно, всех войн.

Рассказ миссис Типпет привел Винтура в бешенство и растрогал почти до слез. В тот день Джек Винтур повернулся ко мне совершенно неожиданной стороной, которой доселе мне не приходилось видеть. Капитан был воспитан как землевладелец: его семья владела поместьем на Манхэттене, а после женитьбы он получил еще

и Маунт-Джордж. Типпеты были или могли быть его арендаторами. Капитана отличало старомодное, почти феодальное представление о своем долге перед ними, скорее уместное для сельского сквайра времен королевы Анны.

— Я ничего подобного даже представить себе не могла, — вздохнула миссис Типпет. — Не думала, что доживу до этого черного дня.

Она снова закашлялась. Покосившись на меня, Винтур прикусил губу, что всегда делал в минуты растерянности. Мехитабель стояла в тени у стены хижины, внимательно наблюдая за нами.

— Мэм, мы тут надолго не задержимся. Прошу вас, ни вы, ни ваша дочь никому не должны говорить, что видели нас здесь. Это жизненно важно, — произнес Винтур и, после того как миссис Типпет, все еще не справившаяся с приступом кашля, молча кивнула, продолжил: — Но потом, если хотите, мы сможем взять вас и вашу дочь с собой в Нью-Йорк.

Я промолчал. Это предложение делало честь если не здравому смыслу Винтура, то его человечности.

— Благодарю вас, сэр, и храни вас Господь. Но нет. Мы должны оставаться здесь и ждать возвращения моего сына. — Она дотронулась до своей

впалой груди. — Я очень нездорова. Сомневаюсь, что перенесу путешествие.

— Мы заглянем к вам перед отъездом. Быть может, вы передумаете. А когда война закончится и наша страна опомнится, мы встретимся уже на ферме «Тенистая роща». Даю вам слово, мэм.

Миссис Типпет едва заметно пожала плечами, словно желая сказать спасибо. Думаю, она понимала, что никто на свете был не в состоянии ей помочь.

Мы разделили с ней нашу скромную трапезу, состоящую из лепешек и сыра, запив все это водой из ближайшего ручья. Наша четверка устроилась вокруг стола вместе с миссис Типпет и Мехитабель, которые примостились на сундуке с их нехитрыми пожитками. Винтур настоял на том, чтобы миссис Типпет после еды глотнула немного рома, отчего у нее на щеках заиграл лихорадочный румянец.

— Сэр, но что привело вас и мистера Сэвилла в наши края? — внезапно спросила она. — Разве это не опасно?

— Да, — кивнул капитан. — Вот почему нам не стоит задерживаться. А приехали мы потому, что я хотел увидеть Маунт-Джордж. Я должен знать, что нас ждет, когда мы с миссис Винтур

вернемся сюда.

— Бедная мисс Белла, — вздохнула миссис Типпет. — Помню, как в детстве она приходила помогать нам в сыроварне. Она бы ужаснулась при виде картины столь прискорбного разорения, сэр. И впрямь ужаснулась бы. А какие тяжелые воспоминания! Разве они могут не расстраивать? Каково это видеть, как прямо на твоих глазах убивают отца, а твой дом объят пламенем? И в довершение всего потерять ребенка! — По щекам миссис Типпет снова покатились слезы. — Простите великодушно, сэр. Ведь это был и ваш ребенок тоже.

Винтур отвернулся. На мгновение все замолчали. Мехитабель украдкой бросала на нас любопытные взгляды, и по выражению ее лица я понял, в каком жутком напряжении пребывает бедное дитя, которому приходилось быть постоянно настороже, постоянно высматривать, нет ли рядом опасности. Я достал фляжку и предложил миссис Типпет еще глоток спиртного. Она отказалась.

— Полагаю, они взяли из дома все, что хотели? — нарушил затянувшуюся паузу Винтур. — Я о том, что пощадил огонь.

— Боюсь, там осталась лишь груда мусора, сэр.

— Скажите, а в доме сейчас кто-нибудь живет?

Миссис Типпет уныло покачала головой:

— Никто не решается даже близко подойти к этому месту. — Она облизала потрескавшиеся тонкие губы. — Многие считают, что там водятся привидения, сэр. Говорят, мистер Фруд бродит по дому и пытается найти того раба. Того, что его убил. А некоторые болтают, будто он тоже там… тот самый негр, я хочу сказать… будто он, весь в крови, по-прежнему ищет мистера Фруда.

Винтур внезапно поднялся и, остановившись на пороге, устремил взгляд в сторону лежавшего за пустошью поместья, после чего оглянулся на миссис Типпет:

— Кстати, совсем забыл спросить. А где могила?

— Он похоронен в персиковом саду, сэр. Несчастный джентльмен. Мои муж и сын были среди тех, кто вернулся в дом. Они прочли молитву над сквайром. Но, боюсь, священника там не было.

— Нет, — покачал головой Винтур. — Не могила мистера Фруда. Я спрашиваю о могиле младенца.

Глава 50

Перед самым отъездом я сунул в руку миссис Типпет три гинеи. Бедняжке придется тратить их очень осторожно, чтобы не вызвать подозрения у соседей и не пробудить в них алчность.

Кроме того, мы оставили ей лепешки и сыр, а также наш скудный запас рома. Одно то, что Винтур пожертвовал ромом, помогло мне оценить степень ответственности, которую он чувствовал по отношению к бывшим арендаторам своей семьи. Ибо Джек Винтур был не из тех, кто спокойно отказывается от того ощущения приятной легкости, что дает спиртное. Однако в данном случае он ни секунды не колебался.

Итак, мы направились прямо к развалинам Маунт-Джорджа, здраво рассудив, что его репутация дома с привидениями может нас защитить.

— И все же, Джек, это форменное безумие, — увещевал я Винтура. — Если они нас увидят, то поднимут на ноги всю округу. И так уж необходимо подходить совсем близко к дому? Вы ведь сами видите, что в этом нет никакого смысла. Думаю, нам стоит отсюда уйти.

— Завтра. Я вам обещаю. — Посмотрев на меня, Винтур кивнул, словно прочел на моем лице именно то, что и ожидал. — Это усиливает дурные предчувствия. Разве нет? Я говорю о бедственном положении этих несчастных людей, ведь война делает из нас зверей.

Я кивнул, но ничего не сказал. Встреча с миссис Типпет и ее дочерью действительно усилила предчувствие нависшей над нами опасности. Я чувствовал, как страх скрутил холодным узлом мои внутренности. Прямо сейчас я отдал бы что угодно, лишь бы снова оказаться в относительной безопасности Нью-Йорка.

Мы переехали дорогу, пересекли участок густого леса и, преодолев примерно с милю пути, оказались с другой стороны поместья. Мы вернулись в неглубокую долину, служившую своего рода парком перед входом в особняк, но попали туда на некотором расстоянии от пруда, где обнаружили Мехитабель Типпет.

Жилая часть поместья уже виднелась на дальнем склоне холма. С этого ракурса можно было разглядеть скопление небольших дворовых построек, расположенных во впадине с одной стороны от дома и, похоже, не так сильно пострадавших от пожара. У некоторых даже уцелела

часть крыши.

Мы решили не подъезжать прямо к развалинам, а сделали круг по опушке леса, использовав его в качестве укрытия. Если бы мы были в Англии, то на точно такой же дороге нас сразу обнаружили бы, однако в Америке даже на территориях, заселенных несколькими поколениями американцев, жилища местных жителей были разбросаны по необъятным просторам этой дикой земли.

Винтур провел нас к ручью, который струился по склону холма возле дома. Мы направились вдоль русла к развалинам, поскольку ручей в основном протекал по оврагу, обеспечивавшему нам хоть какую-то защиту. И тем не менее я не мог избавиться от неприятного ощущения, что за нами со всех сторон следят чужие глаза.

В нашей компании я был не единственным, кто мечтал оказаться подальше отсюда. Всю дорогу Грантфорд что-то сердито бормотал себе под нос. До меня донесся поток невнятных ругательств, но я счел за благо пропустить их мимо ушей. Абрахам молчал. Его черное лицо было покрыто тонкой пленкой пота, а глаза тревожно бегали по сторонам.

Русло ручья привело нас туда, что некогда было

садом перед домом. Местность здесь шла террасами, и справа от нас возник так называемый утопленный забор: проходившая по дну оврага стена из числа тех, что принято называть «ха-ха». С другой стороны стены находился ровный участок земли площадью около акра, который некогда был площадкой для игр, расположенной непосредственно перед жилой частью дома.

Картина с изображением Маунт-Джорджа, висевшая в гостиной дома на Уоррен-стрит, создала у меня ложное впечатление как о размере, так и об основательности особняка. В жизни он оказался меньше, чем на картине, причем в качестве строительного материала было использовано больше дерева, нежели камня, в результате чего пожар и причинил столь ужасный ущерб.

Когда мы проезжали мимо пожарища, Винтур бросил мне через плечо:

— Все это не столь важно. Дом мне в любом случае никогда не нравился. К тому же он был слишком маленьким. Так что нет худа без добра. С Божьей помощью после войны мы все восстановим. Построим особняк в современном стиле, причем гораздо элегантнее.

Я вспомнил, как в горячечном бреду Винтур обещал мне роскошные апартаменты в Маунт-

Джордже. Однако на сей раз он не вспоминал ни о моих апартаментах, ни о шкатулке с диковинками, которая была необходима для воплощения в жизнь его плана.

Мы двинулись дальше вдоль русла ручья. Утопленный забор постепенно становился ниже и наконец полностью исчез. В результате мы добрались до того места за развалинами дома, где выше по склону находилось скопление дворовых построек, частично скрытых неглубокой впадиной.

Я догадался, что это фермерское хозяйство первых поселенцев. Двор представлял собой закрытое пространство, образованное двумя амбарами без кровли, неровным рядом коровников, конюшен, свинарников и, наконец, кряжистым зданием с закопченными стенами из дикого камня, маленькими квадратными окнами, кирпичной печной трубой и даже куском уцелевшей черепичной крыши.

Винтур спешился, прикрепил поводья к стойке ворот и, посмотрев на меня, произнес:

— А вот и дом патруна[11], прежнего хозяина поместья.

— Дом в лучшем состоянии, чем особняк.

— Эти голландцы свое дело хорошо знали. Строили на века.

Я тоже спешился и вошел вслед за Винтуром в дом через единственный дверной проем, широкий и низкий. Сама дверь, сорванная с петель, валялась на земле. Дверь была дубовой, почерневшей от времени и по крайней мере два дюйма толщиной.

На первом этаже располагались две комнаты, в каждой из них стоял камин, подключенный к единственному центральному дымоходу. Оба камина были облицованы старыми делфтскими изразцами; сине-белые цвета, как ни странно, сохранили насыщенность, хотя многие изразцы треснули, а некоторые просто отсутствовали. Изначально окна и дверь имелись и с той стороны дома, что выходила на особняк, однако впоследствии оконные и дверные проемы заложили кирпичом, вероятно, чтобы работники

[11] Notes: 11

Патрун (от *голл.* patroon) — так называли землевладельца с манориальными правами на большие участки земли в голландской колонии Новые Нидерланды на Восточном побережье Северной Америки в XVII веке.

фермы не имели возможности наблюдать за хозяевами. Узкая деревянная лестница, похожая на стремянку, вела из кухни в мансарду, где находились спальни. И хотя балки перекрытия уцелели, перегородки и половые доски исчезли: их или выломали, или сожгли прямо на месте.

Но самым поразительным было то, что каждый дюйм пола оказался под завалами ровного слоя мусора, словно какой-то злобный ангел, вооруженный молотком, пронесся по дому, сметая все на своем пути. Винтур шел по комнатам, не отрывая глаз от осколков прежней жизни у себя под ногами.

Все кругом было разрушено. Битое стекло, обломки лакированного дерева, обрывки шелка или бархата. Тут и там виднелись разбросанные книги с варварски разорванными корешками, пожелтевшие страницы шелестели на сквозняке, точно опавшие листья. Маленькая чугунная печь каким-то чудом уцелела, но лежала на боку. Печная труба, некогда соединявшая ее с дымоходом, была вырвана и валялась на другом конце кухни. Среди мусора блестели кусочки латуни. Я увидел циферблат и механизм напольных часов, покоящиеся на остатках деревянного корпуса. С циферблата мне улыбалось веселое солнышко.

— Боже правый! — ахнул я. — Неужели это дело рук мародеров?

Винтур бросил на меня хмурый взгляд:

— Эдвард, они пришли сюда не ради наживы. Это была месть.

— Но кому?

— Мистеру Фруду, конечно. Здесь находились его кабинет и лаборатория. Его самая большая страсть. Он тут буквально со всего пылинки сдувал. Обожал это место, точно ребенка. — Винтур разразился хриплым лающим смехом. — Нет. Пожалуй, оно было ему дороже любого ребенка.

Глава 51

Мы не смогли найти могилу младенца.

Стояла удушливая жара, воздух был пропитан сладковатым зловонным запахом гниющих фруктов. В Маунт-Джордже было три огороженных фруктовых сада, где выращивали разные фрукты, и сейчас мы точно не знали, туда ли мы попали.

Однако Винтур полагал, что мы пришли именно туда, куда нужно: в маленький сад, где росли персики и абрикосы, которые так любила Арабелла. Иногда она просила установить у южной стены тент, принести кресла, стол и даже ковер, чтобы она могла почитать или подремать, вдыхая аромат фруктов.

Могилу мистера Фруда мы нашли без особого труда. Он был похоронен у основания одной из стен, на месте бывшей грядки для пряных трав. Розмарин буйно разросся на этом куске земли, щедро удобренном продуктами разложения, и в результате над могилой образовалась густая серебристая сеть из молодых побегов. Сохранившаяся низкая насыпь длиной семь-восемь футов позволяла точно определить место упокоения.

В голове могилы в землю был воткнут примитивный крест, сколоченный из двух скрепленных гвоздем досок. На одном конце поперечины креста были выжжены инициалы Г. Ф., а на другом — дата: 1776 год. Однако с годами гвоздь заржавел, дерево сгнило, и теперь доски лежали на земле под кустиками розмарина.

Плодородная земля позволяла выращивать здесь фруктовые деревья не на шпалерах, а без опор. Однако все деревья были чахлыми, переросшими и деформированными, поскольку за последние два-три года никто не потрудился их подстричь. Ветви клонились вниз и ломались под тяжестью перезревших плодов.

— Почему никто не собирает фрукты? — спросил я. — Здесь можно накормить целый полк.

— Это все из-за призраков, ваша честь, — испуганно моргая, прошептал Абрахам.

— Придержи язык.

— Но мистрис Типпет…

— Суеверие, — оборвал его я. — Нелепое суеверие.

Молодой слуга покачал головой, непоколебимый в своих страхах, как я в своих:

— Они едят твою душу, господин. Мне мама рассказывала.

Пожалев беднягу, я велел ему постоять на страже у ворот в сад. Капрал Грантфорд, не боявшийся привидений, как ни в чем не бывало прогуливался среди деревьев, собирая в шляпу фрукты. А Винтур тем временем продолжал упорно искать могилу младенца. Я присоединился к нему, и мы принялись методично обходить сад, осматривая каждый квадратный фут земли.

— Ноябрь семьдесят шестого года, — произнес он. — Проклятье! С тех пор прошло почти три года. А труп младенца занимает не больше места, чем дохлая кошка. — Он свирепо пнул поросшую травой кочку. — Ведь они должны были хоть как-то пометить могилу.

— Возможно, они так и сделали, — согласился я. — Но за три года указатель мог сгнить.

Развернувшись, мы продолжили молча обследовать землю. Миссис Типпет полагала, что мертворожденного младенца похоронили в саду за несколько дней до того, как его дед обрел здесь вечный покой.

— Господи Иисусе! Но почему во фруктовом саду?! — внезапно взорвался Винтур. — Ну ладно, я еще могу понять, почему здесь зарыли старину Фруда после пожара и разграбления дома. Но ребенок умер раньше. Тогда почему не на церков-

ном погосте в деревне? Ведь как-никак моя дочь была Винтур. Ну и конечно, наполовину Фруд.

— Обстановка была неспокойной, — заметил я. — Да и дороги в это время года оставляли желать лучшего. Они наверняка собирались потом перезахоронить младенца.

А что, если на самом деле печальная правда была гораздо проще? — подумал я, хотя и не сказал ничего Джеку Винтуру. Что, если бедная миссис Арабелла решила держать свое дитя как можно ближе к себе?

Капитан Винтур больше не произнес ни слова и молча продолжил идти вперед. Когда мы достигли дальней стены сада, он остановился, положил голову на кирпичную стенку и три раза стукнулся о нее лбом.

— Джек… — позвал я; он повернулся, слезы струились у него по щекам. — Прошу вас, успокойтесь, мой дорогой друг.

Я оглянулся. Абрахам стоял спиной к нам у ворот на другом конце сада. Грантфорд находился где-то поблизости, но, казалось, был увлечен сбором фруктов.

Винтур вытер лицо рукавом сюртука.

— А что еще остается мужчине? Только плакать, — с трудом выдавил он. — Я не такой, как

мой отец. Или как старина Фруд.

— Что вы имеете в виду?

— Мой отец стал бы рассуждать о Божьем промысле и существовании рая. Ведь он верит и в это тоже! И он наверняка начал бы цитировать всех этих философов, начиная с Сократа и далее. Что касается Фруда, он был очень черствым человеком, холодным как лед. Фруд наверняка заявил бы, что это всего-навсего девочка, а нам нужен сын и наследник. Но я… — Винтур с неожиданной страстью ударил себя в грудь. — Эдвард, я отнюдь не мыслитель, и не оратор, и не самый набожный человек. — Он выпрямился и добавил, уже спокойнее: — Я просто думал… я надеялся… что на земле осталась хоть какая-то память о ней. О моей дочери.

Мы сделали круг или два в тяжелом молчании.

— Пойдемте, — чуть погодя сказал я. — Я голоден. И мы должны решить, что делать дальше.

Винтур посмотрел на меня, растерянно моргая. Он будто очнулся от тяжелого сна:

— Я хочу проверить, что там осталось в фермерском доме.

— Но зачем? Разве вы видели не достаточно?

— И мы еще не осмотрели сам особняк, — пропустив мой вопрос мимо ушей, добавил Винтур.

— А когда мы отсюда уедем? — поинтересовался я. — Почему бы не сделать этого прямо сегодня вечером? Так будет куда безопаснее. К рассвету мы преодолеем те десять миль, что отделяют Маунт-Джордж от нашей земли.

— Хотелось бы знать, нашли ли эти ворюги-виги винный погреб. — Голос Винтура внезапно стал скрипучим. — В чем в чем, а в хороших винах старина Фруд знал толк.

— Джек, мы не можем здесь задерживаться.

— А почему бы и нет? — Винтур расхохотался так громко и так беззаботно, что Грантфорд бросил на нас удивленный взгляд и даже Абрахам оглянулся посмотреть, что происходит. — Эдвард, нас никто не потревожит. Вы ведь знаете, они трусы. Они боятся привидений.

Глава 52

От особняка остались разве что одни воспоминания. Его уничтожил огонь, сожравший бóльшую часть того, что было внутри. А бури трех суровых зим завершили дело. И наконец, летняя жара за два года высушила то немногое, что там осталось.

Фрагменты стены тянулись вверх на высоту пятнадцать или двадцать футов. Дверные проемы соединяли одну пустоту с другой. Почерневшие дымоходы из кирпича и камня отводили угарный газ из несуществующих комнат. Сорняки, кусты и молодые деревца проросли из всех имевшихся трещин. Еще год-два — и от великолепного особняка в Маунт-Джордже не останется и следа.

Мы велели Абрахаму и Грантфорду нести караул снаружи. И действительно, уговорить Абрахама приблизиться к развалинам не удалось бы ни за какие коврижки. Мы с Винтуром пробирались через руины. Под ногами скрипели почерневшие осколки стекла, фарфора и обломки самых различных вещей, которые я не рискнул бы идентифицировать.

— Насколько я понимаю, это, должно быть, холл. — Винтур поскреб носком сапога слой грязи под ногами. — Да, тут был пол из каменных плит. Ну а здесь находилась парадная гостиная, за ней — столовая и дальше библиотека.

— Джек, нам не стоит здесь задерживаться. Мы должны идти.

— Скоро пойдем. Еще несколько часов, и все.

— Но тут ничего не осталось. Промедление смерти подобно.

Винтур бросил на меня сердитый взгляд:

— Я буду делать, что пожелаю, сэр. Полагаю, здесь я сам себе хозяин. — Он покинул руины дома и повернул в сторону фермерского подворья, однако, пройдя несколько ярдов, вернулся. — Простите великодушно. Мне не следовало говорить с вами в подобном тоне.

— Не имеет значения. Но мы не можем остаться, ведь мы ставим под угрозу не только собственную жизнь, но и жизнь Грантфорда и Абрахама.

— Знаю. И искренне сожалею. Однако у меня имеются на то веские причины. — (Мои аргументы, как я и предполагал, явно тронули Винтура.) — Дайте мне еще немного времени. Я вас очень прошу.

— Зачем?

Окинув меня долгим взглядом, Винтур тяжело вздохнул:

— Эдвард, очень скоро вы все узнаете. Клянусь! Но прямо сейчас вы должны мне довериться.

Мы оставили лошадей пощипать травку в узком загоне возле большого амбара. Абрахам с Грантфордом по очереди несли караул. В углу двора мы нашли полуразвалившуюся голубятню, с крыши которой просматривались не только непосредственные подходы к подворью и саду перед домом, но и значительная часть поместья внизу.

Итак, мы более-менее освоились только к трем часам пополудни. Винтур вернулся в фермерский дом, где принялся внимательно изучать лежавший на полу мусор. А я тем временем обследовал двор, амбары, сараи и загоны.

В непосредственной близости от фермерского дома стоял дом поменьше, построенный из тех же материалов. Одноэтажный и с уцелевшей крышей. Внутри была только одна комната с покатым кирпичным полом, имевшим уклон к центральному стоку. В углу я увидел деревянную крышку, которая закрывала оголовок колодца. Я обнаружил также две каменные раковины и несколько печей, примыкавших к массивному

дымоходу. В свое время помещение явно служило судомойней и пекарней, в целях пожарной безопасности расположенными на некотором расстоянии от фермерского дома.

Точно так же не оставляло сомнений, что помещение уже много лет не использовалось по назначению. Однако я заметил ряд колец в стене, некоторые почти на уровне пола, с привязанными к ним пыльными веревками. Кольца привлекли мое внимание, поскольку комната казалась практически пустой, что само по себе выглядело необычным, так как все остальные помещения были завалены мусором. Возле стока в центре комнаты на полу лежала большая железная плита. Рядом с плитой кто-то оставил тяжелый молоток и клещи. Я решил, что здесь, должно быть, трудился кузнец, хотя и не нашел этому никаких подтверждений вроде ржавых подков или гвоздей.

Загадка эта занимала мой ум несколько минут. По правде говоря, меня настолько волновала опасная ситуация, в которой мы оказались, и сумасбродное поведение Джека Винтура, что я охотно хватался за любую возможность отвлечься, пусть даже совсем тривиальную.

Пол комнаты был покрыт многолетним слоем

мелкой каменной пыли. Благодаря чудом уцелевшей крыше, пыль оставалась абсолютно сухой. Неровная полоска пыли — на части железной доски и чуть сбоку от нее — казалась чуть темнее остальной. Я нагнулся, чтобы приглядеться повнимательнее.

И в этот самый момент — именно от таких незначительных событий иногда зависит взлет и падение империй, не говоря уже о жизни отдельного человека, — мне в рот залетела муха. И я тотчас же инстинктивно ее выплюнул. Вместе с мухой изо рта вылетела серебристая капля слюны, которая приземлилась на более темную часть железной плиты.

Я по наитию потер плиту указательным пальцем, чтобы обнажить металл под пыльной коркой. Однако металл не хранил никаких особых секретов. Я лишь обнаружил, что он не проржавел и имеет небольшие вмятины, словно по нему несколько раз били молотком.

Достав носовой платок, я направился к двери. И уже собрался было вытереть палец, но тут выяснилось, что пыль, в отличие от металла, все-таки хранила секреты. Кончик моего пальца сделался ржаво-красным.

Внезапно я вспомнил игру в триктрак с Дже-

ком Винтуром на Уоррен-стрит. Вспомнил цвет пролившейся на доску мадеры.

Кровь, подумал я. Снова кровь. В этой проклятой стране всегда только кровь. Она преследует меня буквально с тех пор, как я увидел труп Роджера Пикетта с кровавой раной на шее.

Я тут же пожурил себя за то, что дал волю воображению. Ну конечно, на моем пальце была не кровь, а просто ржавчина. А хотя бы и кровь. В этом не было ничего удивительного, ведь как-никак мы находились на ферме — там, где животные жили и умирали.

Доводы рассудка должны были успокоить сердце. Однако теперь уже моя собственная кровь глухо стучала в висках. Я успокаивал себя тем, что это просто разгулялись нервы. В чем не было ничего удивительного.

Внезапно я услышал торопливые шаги во дворе, и меня захлестнуло новой волной паники. Поспешно повернувшись лицом к двери, я потянулся за пистолетом на поясе.

Мощная фигура Грантфорда заполнила собой дверной проем, настолько низкий, что капралу пришлось пригнуть голову.

— Сэр… Абрахам. Нигде не могу его найти.

Джек Винтур, опустившись на четвереньки,

ползал среди мусора, разбросанного по полу бывшей гостиной фермерского дома.

— После этого я проверю амбары, — подняв голову, сообщил он. — А потом…

— Абрахам пропал, — перебил я Винтура.

— Что?!

— Он должен был нести дозор на голубятне. Но когда Грантфорд пришел его сменить, Абрахама там не оказалось.

— Прошу прощения, ваша честь, — деликатно кашлянул Грантфорд. — Его мешок все еще лежит там в углу.

— И куда он мог уйти? — спросил Винтур.

— Быть может, он и не собирался никуда уходить, — заявил я. — Возможно, дело не в том, что он не хотел здесь находиться. Ведь он до ужаса боялся привидений. А если его поймали враги и подвергли допросу…

— Абрахам будет держать язык за зубами, — не дал мне закончить Винтур. — Он нас никогда не предаст. Ведь он вырос в нашей семье, и другой у него не было.

— Он раб! — неожиданно для себя рассердился я. — Джек, с какой стати ему хранить вам верность? Раньше у него просто не было выбора. А теперь есть.

Винтур растерянно заморгал:

— А вы уверены, что его нет где-нибудь поблизости? Он… он мог заснуть в укромном уголке. Не сомневаюсь, дело обстоит именно так или примерно так.

— Мы попробуем его поискать, — предложил я. — И если не найдем, будем считать, что он ушел.

Грантфорд предложил для начала проверить периметр. Если Абрахам действительно сбежал, он не мог далеко уйти, а на относительно неплохо просматриваемой территории парковой зоны вокруг особняка мы, вероятно, сможем его заметить.

Решив по негласному соглашению держаться вместе, мы покинули подворье и направились в сторону фруктовых садов. Тропинка вела нас вдоль внешней стены одного из амбаров, которую усиливали кирпичные контрфорсы. Абрахама мы нашли между двумя из них.

Он лежал на боку со спущенными до щиколоток штанами. Парня явно прервали во время опорожнения кишечника. Сей физиологический процесс начался, когда Абрахам был еще жив, а закончился, когда он был уже мертв.

Чувствуя себя обязанным преодолеть брезгли-

вость, я присел на корточки возле Абрахама и пощупал пульс, хотя твердо знал, что пульса нет. Лицо его налилось кровью, я увидел один широко раскрытый глаз. На шее виднелась странгуляционная борозда. Кинжала при нем не оказалось.

Я выпрямился. Грантфорд напряженно оглядывался по сторонам. Винтур молча посмотрел на меня.

— Задушен, — сказал я. — Полагаю, шнуром.

Глава 53

Лошади вели себя беспокойно. Они чувствовали: что-то явно было не так.

Мы отнесли Абрахама обратно во двор и положили в коровнике, накрыв лицо куском мешковины. Я прочитал над телом короткую молитву, поскольку понимал, что никто другой этого не сделает, а мы обязаны были отдать Абрахаму последний долг. Винтур с Грантфордом, обнажив голову, стояли рядом со мной. Мы напряженно прислушивались к звукам снаружи.

После этого мы задержались в залитом солнцем дворе.

— Зачем кому-то нужно было его душить? — спросил Винтур с некоторой обидой в голосе, словно воспринял убийство слуги как личное оскорбление.

— Согласен. В этом нет никакого смысла. — Я повернулся вполоборота, чтобы Грантфорд мог принять участие в разговоре. — Солдаты атаковали бы нас или приказали бы сдаться. Милиция тоже. Но такое?

— Может, скиннеры, сэр? — предположил

Грантфорд.

Что ж, не лишено вероятности. Коварство и жестокость нападения вполне подходили характеру этих хищников из иррегулярной армии, наводнивших Спорные территории от имени конгресса.

— Вряд ли, — покачал головой Винтур. — Нельзя сказать, что он застал их врасплох. Скорее, наоборот, убийца его подловил.

— Вы совершенно правы. Похоже, он намеревался убить Абрахама и в результате не упустил удачно подвернувшийся шанс. Такое ощущение… — Я осекся, хотя мысленно развил свое предположение до логичного вывода: такое ощущение, будто душитель по какой-то неведомой причине жаждал убить нас всех, одного за другим, если представится такая возможность, поэтому у нашей троицы появилась еще одна причина для страха.

— Нам срочно нужно покинуть поместье, — заявил я Винтуру. — Джек, я настаиваю. Прямо сейчас.

— Мне требуется еще немного времени, — ответил он.

— Ночью будет безопаснее, ваша честь, — подал голос Грантфорд.

— Вот именно! — повернулся к нему Винтур, довольный, что у него нашелся союзник. — Капрал абсолютно прав. Мы поедем…

И тут одновременно произошли сразу три вещи.

Грантфорд вскрикнул и повалился на растрескавшуюся от жары землю.

Винтур чертыхнулся.

Звук выстрела эхом отразился от дворовых построек.

А я остался стоять как вкопанный.

— Возьмите его за другую руку! — крикнул мне Винтур.

Его слова стряхнули с меня оцепенение. Схватив Грантфорда под руки, мы отволокли его к дверному проему фермерского дома. За капралом тянулся кровавый след, кровь образовывала лужицы и скапливалась в рытвинах.

Обеспечив себе укрытие, мы уложили Грантфорда на пол из каменных плит. Его лицо приобрело восковой оттенок. Судя по количеству крови, которое он потерял, пуля пробила артерию. Он попытался что-то сказать, но вместо слов из его рта вытекла лишь алая пенистая струя.

Его ранили в шею. Сорвав свой шейный платок, я попытался остановить кровотечение. Напрас-

ный труд. Можно было даже не пробовать. Тогда я сжал руку капрала и начал говорить ему, что он был хорошим и преданным другом. Хотя не уверен, слышал ли он меня.

Он умирал на моих глазах минуту или две, которые показались мне вечностью. Когда его душа покинула тело, я медленно поднялся, чувствуя себя дряхлым стариком.

Заняв безопасную позицию подальше от окон и дверного проема, Винтур принялся готовить оружие.

— Он умер? — не глядя на меня, спросил капитан.

— Да.

— Пуля предназначалась мне. Если бы я не переместился…

— Думаю, они намереваются убить нас всех.

Мы оба говорили шепотом, словно враги находились сейчас среди нас: невидимые духи, нацеленные на наше уничтожение. Я бросил взгляд на лицо Грантфорда. Оно стало похоже на череп и казалось удивительно хрупким. Это моя вина, подумал я, ибо я обрек на смерть своего верного слугу.

— Джек, вспомните Абрахама. Не было никакой нужды его убивать, если бы они этого не хотели.

Отсюда следует, что они собираются убить нас всех.

— Но зачем?

Я не стал отвечать на вопрос.

— Нужно поскорее добраться до лошадей. Это наш единственный шанс.

Винтур тяжело, протяжно вздохнул:

— Тогда необходимо их отвлечь. — Он бросил взгляд в сторону лестницы. — Ступайте наверх и сделайте несколько выстрелов в окно мансарды. Тогда они побоятся лишний раз высунуться. А я пока приведу лошадей.

— Может, лучше не стрелять, а выбросить что-нибудь из окна и попытаться вспугнуть врагов? Возможно, мы сумеем их обмануть. Пусть думают, что во дворе прячутся наши соратники.

Винтур кивнул. И тогда я, прикинув, что к чему, наполнил шляпу мелкими камнями и металлическими обломками из лаборатории Фруда. Затем взял пистолеты и понес свои импровизированные снаряды наверх. Ступеньки жалобно стонали под ногами, и одна из них в результате сломалась. От падения меня спасло лишь то, что я исхитрился прыгнуть, всем телом подавшись вперед. Шляпа моя накренилась, и по крайней мере половина импровизированных боеприпа-

сов упала на пол первого этажа.

В мансарде я подобрался к узкому центральному окну, осторожно ступая по стыкам балок. В свое время окно было застеклено, но стекло давным-давно исчезло. Во дворе фермы я не заметил никакого движения. Со второго этажа открывался вид на ряд обращенных ко мне построек, на голубятню и частично на судомойню. Однако отсюда я не мог видеть ни загона, где мы оставили лошадей, ни ворот в подворье.

Я опустил глаза, вглядевшись в просвет между балками. Винтур стоял с запрокинутой головой, повернув лицо в мою сторону. Я поднял обломок камня, чтобы продемонстрировать свою готовность. Винтур кивнул и поднял пистолет, словно желая отдать честь.

Сделав глубокий вдох, я метнул свой снаряд в сторону крытого загона прямо напротив дома. Камень ударился о кровельную дранку возле конька крыши, скатился вниз и приземлился на покрывавшей двор корке засохшей грязи.

Ничего не случилось. Винтур ждал, стоя в дверном проеме. Я взял еще один снаряд. На сей раз у меня в руках оказался спутанный в клубок латунный часовой механизм.

Я собрался было запустить второй снаряд, но

тут прозвучал выстрел, раздалось громкое «Но, пошли!» — и я услышал топот лошадиных копыт. Мне оставалось лишь смотреть, как наши лошади в панике пронеслись под окном и исчезли в парке за домом.

Стук копыт стал тише и исчез вдалеке. Я вслушался в звенящую тишину. Прямо подо мной Винтур, вполголоса чертыхаясь, рылся в мусорных завалах на полу. Увидев, что наши лошади ускакали прочь, он закрыл старой дверью дверной проем и теперь собирал арсенал миниатюрных снарядов.

Тем временем я пробрался по уцелевшим доскам пола к верхней ступеньке узкой лестницы и остановился. Посмотрев вниз, я впервые устремил взгляд мимо сужавшейся кверху колонны дымохода, который шел в мансарду над бывшей гостиной. За дымоходом находился фронтон старого фермерского дома. И в этой стене, прямо напротив меня, было прорублено окно.

Как я уже говорил, дверные и оконные проемы в той стене, что смотрела на особняк, были заделаны кирпичом, и мастер явно поработал на совесть. А вот одностворчатое окно на фронтоне, как ни странно, осталось нетронутым, и даже стекло уцелело.

Я прошел к окну и протер пыльное стекло. Окно выходило на крышу бывшего доильного зала, примыкавшего к той части дома, где располагалась гостиная. Из окна невозможно было разглядеть особняк или вообще что-либо более-менее интересное. Оттуда открывался вид разве что на голую стену коровника за доильным залом. Скорее всего, именно поэтому оконный проем не потрудились заложить кирпичом.

Окно было достаточно большим, чтобы через него мог пролезть ловкий мужчина. Расстояние между крышей доильного зала и подоконником составляло чуть меньше ярда, а наклонная поверхность крыши спускалась прямо на заросшее пастбище между скотным двором и тем крылом дома, где находилась кухня.

Оценив обстановку, я спустился на первый этаж. Винтур не собирал боеприпасы, а стоял в глубокой задумчивости возле старого камина, внимательно разглядывая какой-то предмет, который держал в руке.

— Джек, поторапливайтесь! — прошептал я. — Похоже, я знаю, как нам спастись.

Он поднял на меня глаза:

— А? Что?

Я быстро подошел к нему, взял под руку и

подтолкнул к выступу в кладке для дымохода, обеспечивающему хоть какое-то укрытие.

— Наверху есть незаложенное окно. Мы сможем вылезти через него и таким образом выбраться из дома с той стороны, что не выходит во двор, то есть со стороны особняка.

— Ой… да, — заморгал он.

Винтур снова перевел взгляд на предмет у него в руке. Это был обломок камня размером с яблоко. Неправильной формы, бурого цвета.

— Что это такое?

Он протянул мне камень. Камень оказался на удивление тяжелым. Наверное, кусок болотной руды или нечто подобное.

— Переверните, — сказал Винтур. — И присмотритесь повнимательнее.

— У нас нет времени на…

— Эдвард, сделайте это.

Я послушно перевернул камень. С другой стороны он выглядел точно так же, если не считать небольшой свежей царапины. Может, это был один из снарядов, которые высыпались из моей шляпы, когда я споткнулся на лестнице? Из-под въевшейся копоти пробивался слабый металлический блеск. Я повертел камень в руке, чтобы свет заиграл на его поверхности.

— Ну? — спросил я.

Винтур улыбнулся мне, и на мгновение с его лица исчезли следы прожитых лет. Он стал таким же юным и беззаботным, как тот мальчик на двойном портрете, на котором Джек был запечатлен со своим рабом.

— Это золото, — произнес он.

Глава 54

Фортуна нам улыбалась, хотя и не слишком долго.

Оказывается, в ходе своих отчаянных поисков я добился того, на что, собственно, и не рассчитывал. Я набивал шляпу импровизированными снарядами возле небольшой ниши за кухонным очагом. Именно там некогда стояла металлическая печь, труба которой соединялась с основным дымоходом. Печь никуда не делась, как я и говорил, однако теперь она лежала на боку. Падая, печь раздавила маленький сундучок из красного дерева с латунными накладками. Сундучок находился или прямо под печкой, или между печкой и стеной.

Впрочем, времени на вопросы и объяснения у нас не было. Винтур хотел, чтобы я помог ему отодвинуть печь. Использовав стропило в качестве рычага, мы в два счета справились с задачей. После этого я остался сторожить дверь, а Джек принялся рыться в обломках. В сундучке имелось несколько ящичков, и Винтур особенно тщательно обследовал те, что были обиты бархатом.

Все это время я ждал нападения. Но ничего не случилось. Я знал, что противник должен готовиться к броску. Все мои чувства настолько обострились, что мне казалось, будто я слышу посторонние звуки в этой тяжелой тишине. Стоя на страже и напряженно прислушиваясь, я пытался собрать кое-что необходимое для бегства, однако не слишком преуспел в этом, поскольку постоянно отвлекался.

В какой-то части моего мозга, интенсивно работавшего в минуту опасности, мало-помалу сформировалась мысль: «Итак, значит, это и есть шкатулка с диковинками, о которых говорил Джек. Мешанина из разломанных деревяшек, металла и камня. И это все? Неужели ради этого Грантфорд и Абрахам отдали свою жизнь?»

Наконец Винтур закончил. Мы поднялись по лестнице, постоянно оглядываясь на дверь, пересекли мансарду и подошли к окну на фронтоне. Винтур беспрерывно улыбался глупой улыбкой. На плече у него висела кожаная сумка на ремешке. Пока я пытался открыть окно, он держал под прицелом пистолета забаррикадированный дверной проем. Сперва створка окна упорно отказывалась открываться: слишком сильно разбухло и покоробилось дерево. Но в конце концов

створка все же поддалась осторожному давлению и открылась с таким жутким скрипом, что нервы мои затрепетали, как у кисейной барышни.

Мы пролезли через окно на покатую крышу доильного зала. И с этой выгодной точки обзора увидели почерневшие руины особняка менее чем в сотне ярдов от нас. Мимо нас поспешно проскользнула и скрылась в трещине в дранке ящерица.

Во время спуска никто из нас не проронил ни слова. У края ската крыши Винтур перевернулся на живот и, перевалившись через край, спрыгнул на землю ногами вперед. Я последовал его примеру, но приземлился не слишком удачно и, потеряв равновесие, свалился на землю. Джек помог мне подняться, и уже через секунду мы бежали по пастбищу, продираясь сквозь непролазные заросли сорняков и некошеной травы.

Наконец мы добрались до руин особняка, откуда открывался вид на неглубокую долину и поросший лесом склон дальнего холма. Схватив Винтура за руку, я ткнул пальцем в сторону пруда. Слева от нас, в противоположном от пруда конце долины, в сторону дома направлялся отряд всадников. Их было не меньше дюжины, но они находились слишком далеко, чтобы мы могли

хоть что-то толком разглядеть. Похоже, они ехали по подъездной дорожке к особняку. Ветер дул нам в спину, и мы не слышали стука копыт.

— Подкрепление, — заметил я. — Милиция?

— Или солдаты регулярной армии. Жаль, что у нас нет бинокля. Быстро сюда!

Мы укрылись в бараке, расположенном за уборными для прислуги и прачечной. Фасад барака был обращен в противоположную сторону от особняка и выходил в маленький садик, за которым находился заросший огород. Огонь нанес строению минимальный ущерб, поскольку крыша была крыта просмоленной вагонкой, стены сложены из грубо отесанных бревен, а щели между ними были замазаны глиной. Когда мы вошли внутрь, Винтур непроизвольно брезгливо поморщился.

Я впервые попал в помещение, специально построенное для рабов на отдалении от господского дома. Мы не стали здесь надолго задерживаться: нам лишь требовалось перевести дух и обдумать следующий шаг. К счастью, Винтур знал эти места как свои пять пальцев. Он вывел меня через заднюю дверь и провел по тропе, петлявшей вверх по склону холма за руинами особняка. Деревья и нестриженые изгороди обеспечивали

нам минимальное укрытие. По мере подъема склон становился все круче, переходя практически в отвесный утес. Сразу же за краем долины пастбище закончилось, не выдержав натиска деревьев и кустов.

Мы попали в девственный лес. Тропа исчезла. Высокие деревья, переплетавшиеся корнями и ветвями, плотной стеной преграждали нам путь. Между деревьями были разбросаны камни, поросшие мхом и лишайником.

Здесь даже пешком идти было трудно, а значит, ехать на лошади было бы невозможно, так как лес оказался слишком густым, а подъем — чересчур крутым. Вокруг царил призрачный полумрак, мертвая тишина давила на уши. Непроницаемый зеленый полог из ветвей накрывал нас точно плащом.

На меня вдруг навалилась ужасная усталость. Несколько дней кряду все мои органы чувств пребывали в состоянии предельного напряжения и сейчас отчаянно нуждались в передышке, несмотря на нависшую над нами смертельную угрозу.

— Может, нам стоит укрыться и дождаться ночи? — спросил я.

— Мы не можем останавливаться ни на секун-

ду, — оглянувшись, ответил Винтур.

— Но ведь под покровом темноты мы наверняка…

— Нет. Скоро они пустят по нашему следу собак.

И мы продолжили путь. Преодолели лесной перевал и, проследовав по течению ручья, оказались на дне уже другой долины. Мы несколько раз переходили ручей, чтобы сбить со следа собак, а иногда шли прямо по воде. По мере того как мы продвигались вверх по долине, лес постепенно расступался, и в конце концов мы оказались на пастбище, кое-где поросшем кустами и чахлыми деревцами.

Мы шли на восток. Солнце приятно грело нам спину, перед нами скользили длинные черные тени.

Со временем усталость сменилась ноющей тупой болью. Я следовал за Джеком Винтуром, словно нас связывала невидимая нить и влекла за собой. Я передвигался как во сне, машинально переставляя одну ногу за другой, а мои мысли бесконтрольно витали где-то далеко, не в силах остановить свой полет, как пух чертополоха на ветру.

По пути мы не встретили ни одной живой души.

Когда Винтур наконец решил сделать привал, мы утолили жажду из лужицы у подножия скалистого выступа. Я успел положить в сумку несколько персиков из тех, что бедняга Грантфорд собрал в том саду, где покоились Фруд и его внучка, и мы с Винтуром под покровом вечерних сумерек разделили их по-братски. Другой еды у нас не было.

— Мы скоро выйдем на дорогу, — сообщил Винтур.

— На какую дорогу?

— На ту, через которую переходили утром. Там мы выйдем к другому ручью, а затем — на пустошь.

— Вы полагаете, нам следует вернуться тем же путем, каким мы попали сюда? — спросил я.

— Мы проделаем по крайней мере часть того же пути.

— А вы доверяете Типпетам?

Он посмотрел на меня непонимающими глазами:

— Конечно. Это ведь наши люди.

— Джек, нам нужна еда. И информация. Они могут хоть что-то знать о перемещении противника.

Он выпрямился, изображая из себя благородного джентльмена, и уставился на меня, задрав

свой длинный нос:

— Мы не можем рисковать их жизнями.

Я громко расхохотался, что было крайне невежливо с моей стороны. Но он ужасно нелепо выглядел: ну прямо-таки вылитый Дон Кихот. Одежда Винтура была до неприличия грязной; он уже больше недели не брился. Мы были парой бродяг, Джек и я, а он разговаривал со мной так, словно был пэром Англии с годовым доходом в шесть тысяч.

— Прошу прощения, — сказал я. — Я так устал, что плохо понимаю, что делаю или говорю.

Его лицо оставалось серьезным.

— Эдвард, я принимаю ваши извинения.

Я с трудом сдержал очередной приступ смеха.

— Благодарю. Но моя точка зрения остается неизменной: мы должны найти Типпетов.

— Нет! — отрезал он. — Не сейчас. Тем более что на нас ополчилась вся страна.

— Хорошо, — произнес я.

Глава 55

Стоял последний день июля, вечера были по-прежнему длинными и светлыми. Мне даже не верилось, что сегодня утром наш маленький отряд покинул заброшенную хижину, где мы провели ночь. С тех пор произошло много чего. И двое из нас были мертвы.

Когда мы достигли хибарки Типпетов, то увидели тонкую струйку дыма: женщины готовили на очаге незамысловатую трапезу. Решив выждать, мы залегли в кустах и стали вести наблюдение. Время от времени мы видели то мать, то дочь, сновавших между дверью хибарки и очагом под односкатным навесом возле одной из стен их убогого жилища. Больше мы никого не заметили.

Мать и дочь, похоже, не подозревали, что за ними наблюдают. Мы находились слишком далеко, чтобы они могли разглядеть в кустах наши лица. Но мне показалось, что в каждом их движении чувствуется настороженность.

Спустя полчаса Винтур шепотом сообщил, что собирается обойти кругом хибарку Типпетов и пообщаться с ними, если не заметит каких-либо

признаков опасности. Мне следовало оставаться на месте, чтобы оперативно вмешаться в случае непредвиденных обстоятельств.

Перед уходом Винтур снял с плеча кожаную сумку.

— Постерегите это для меня, хорошо? — произнес он безразличным тоном, неспособным обмануть даже ребенка.

Я ждал. Мало-помалу стало темнеть. От голода у меня подвело живот. Все тело ломило от усталости. Сумка была тяжелой. Судя по всему, в ней лежало несколько кусков руды. Впрочем, мне не хотелось ее открывать, по крайней мере сейчас. Ощущение нависшей над нами опасности победило мое любопытство.

Иногда мне чудилось, будто я видел Винтура или следы его передвижения, хотя не был в этом уверен. Однажды он сказал, что в юности любил играть в следопытов, и теперь, когда сам стал добычей, прошлые навыки сослужили ему хорошую службу.

Наконец я увидел, как он быстрым шагом идет по открытой местности к хибарке Типпетов. Оказавшись перед входом в дом, он оглянулся, нырнул в дверной проем и исчез в темноте внутри.

Наблюдая за перемещением Винтура, я заметил легкое движение в зарослях молодых деревьев и кустов, находившихся в семидесяти-восьмидесяти ярдах от жилища Типпетов.

Что-то белое мелькало среди ветвей примерно в двух футах от поверхности земли. Животное? Шпион? Игра света? Усиленно напрягая глаза, я вглядывался в пятно еще минут пять, но ничего не увидел. Вечер выдался тихим. И даже ветви деревьев оставались недвижны.

Пять минут спустя из хибарки вышел Винтур с маленьким узелком в руках. Когда он присоединился ко мне, мы, решив не тратить времени даром, направились прямо к пруду, где утром натолкнулись на Мехитабель.

Мы вышли к оврагу у подножия холма, на котором был расположен Маунт-Джордж, уже в темноте. На небе показалась луна, скрывавшаяся за клочковатыми облаками. Но даже столь тусклый свет помогал нам не сбиться с пути. Преодолев три или четыре мили, мы остановились передохнуть и съесть свой запоздалый ужин. Миссис Типпет отдала Винтуру свою долю сыра и лепешек, которыми мы снабдили ее ранее.

— Мы пустили свой хлеб по воде[12], — сказал я, — и теперь счастливы получить обратно даже четверть от этого.

Наша благодетельница умудрилась разменять одну гинею из тех, что мы ей дали, и это позволило ей поделиться с нами собственной едой: несколькими кусочками бекона не первой свежести, черствым маисовым хлебом и тремя холодными картофелинами. Мы экономно расходовали свои скудные запасы продовольствия, ведь нам вряд ли удастся найти намного больше еды по дороге до Королевского моста.

— Джек, вы пробрались в дом Типпетов, словно лиса в курятник. И так же незаметно выбрались оттуда.

— По совести говоря, я не имел права там задерживаться. Несчастная женщина. Если раньше она была просто напугана, то сейчас напугана до смерти.

— А что случилось?

— Сегодня утром к ней приезжал отряд милиции под командованием Вардена, дьякона пресвитерианской церкви в деревне. Я помню,

---

[12] Notes: 12

Перефразированное выражение из Библии: «Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдешь его». Екк., 11: 1.

каким он был еще до войны. Пронырливый, плаксивый мошенник, который надувает тебя, цитируя Библию.

— Чего он хотел?

— Нас. Они знали, что мы где-то неподалеку. Миссис Типпет божится, что никого не предавала. Но сейчас она шарахается даже от своей тени и ужасно жалеет, что разменяла ту гинею.

— Они знали, что мы где-то неподалеку. Что значит «мы»?

— Четверо предателей-тори, сказали они. Меня они назвали по имени, поскольку старик Варден, безусловно, в курсе, что миссис Типпет со мной знакома. Вас охарактеризовали как английского шпиона на жалованье у генерала Клинтона. А еще они сказали, что с нами двое слуг: чернокожий раб и проклятый красномундирник, но без мундира.

— У них абсолютно точные разведданные. — Я вытащил застрявший между зубами кусочек бекона. — Быть может, где-то рядом с нами завелся соглядатай.

— Из разговоров членов отряда местной милиции миссис Типпет поняла, что, расставшись с нами, Пирсфилд и его люди напоролись на драгун Континентальной армии. Половина отряда

Пирсфилда была перебита, а остальные быстро развязали язык в надежде спасти свои паршивые шкуры. Выходит, нам еще чертовски повезло.

— Повезло? — переспросил я. — Значит, теперь это так называется?

Секунду-другую мы молчали. Каким образом солдаты Континентальной армии могли оказаться так близко от Королевского моста? Это было довольно странно, если судить по информации, полученной мной от майора Марриота, хотя и не невозможно.

— Всадники, которых мы видели на тропе… Могли это быть те самые драгуны или, по крайней мере, некоторые из них? — спросил я. — В таком случае на ферме на нас, вероятно, напал Варден со своим отрядом милиции.

Мы сидели, молча обдумывая сложившуюся ситуацию. Интересно, удивил ли Винтура тот факт, что мы не видели тех, кто на нас напал? Мы слышали их, видели результаты их кровавой работы, но, собственно, никого не заметили.

— Быть может, это даже к лучшему, что мы лишились лошадей. — Винтур уже переключился на другую тему. — Мы пройдем там, где не смогут лошади.

— Но теперь, чтобы добраться до Королевского

моста, нам потребуется больше времени. — Я не пытался скрыть, что меня отнюдь не радует перспектива столь долгой и утомительной прогулки. — И они будут охотиться на нас, как на…

— Тсс… — Винтур положил руку мне на плечо.

— В чем дело?

— Тсс… Прислушайтесь.

Теперь я тоже это услышал. Эта лесистая местность была полна звуков, разносившихся в темноте. Мы уже успели привыкнуть к ночному репертуару: от шелеста листьев до топота крупных животных.

Но сейчас звук был совершенно другим. И хотя он был очень слабым и доносился до нас издалека, это был не один звук, а целая серия звуков. В них ощущалась некая регулярность и целеустремленность. Они были похожи на медленные, крадущиеся шаги.

И тогда я рассказал Винтуру о подозрительном движении в кустах неподалеку от хибарки Типпетов. Или об игре света.

Что бы там ни было. Кто бы там ни был.

Глава 56

В ту ночь нам больше не пришлось отдыхать. Мы продвигались вперед вдоль русла реки. И в результате добрались до хижины, где провели предыдущую ночь, уже после рассвета.

Впрочем, там мы тоже не задержались, а прошли две-три мили на юг, решив применить наш старый трюк: мы использовали ручьи, чтобы запутать следы. Нас безбожно кусали насекомые, но их укусы хотя бы на время отвлекали от мыслей о нашем бедственном положении.

В конце концов усталость вынудила меня умолять Винтура сделать остановку.

— Слава Всевышнему! — с несвойственным ему благочестием отозвался Винтур. — Я дал себе клятву, что остановлюсь лишь тогда, когда вы об этом попросите.

Тот день, воскресенье, мы провели на небольшом отвале скальной породы, обращенном на запад. Вдалеке тускло мерцали серые воды Гудзона. Мы устроились в расщелине между двумя скалами и, заморив червячка малой толикой еды, буквально провалились в тяжелый сон от дикой

усталости.

Я проснулся как от толчка. И поначалу не понял, где нахожусь. А затем все так же внезапно на меня нахлынули воспоминания об ужасах последних дней. Я сел и испуганно огляделся вокруг.

Винтур по-прежнему крепко спал; из-под шляпы, закрывавшей его лицо, доносилось тихое похрапывание. Лениво кружившаяся над головой Винтура муха опустилась на его грязный воротник в надежде на пропитание.

Мир вокруг нас будто замер. Тишину нарушали лишь крики чаек да негромкий гомон более мелких птиц. Судя по положению солнца, было три-четыре часа пополудни. И хотя мы лежали в тени, я сопрел от жары. У меня болели мышцы ног. Очень хотелось пить. И тем не менее — и это чистая правда, хотя кому-то она может показаться странной, а посему я не могу обойти данный факт молчанием, — я был безмерно счастлив, что остался в живых, и на секунду даже опьянел от восторга.

Однако ощущение опасности, в которой мы оказались, мгновенно вернуло меня на грешную землю. Тихонько поднявшись, я принялся яростно чесаться, чтобы унять зуд от полученных

ночью укусов. Рядом с нами протекал ручей. Я подошел к воде и принялся жадно пить. Затем вымыл лицо и руки. И сразу почувствовал себя гораздо лучше.

Когда я вернулся, Винтур беспокойно ворочался во сне. Утолив голод, мы решили остаться здесь до наступления ночи, чтобы потом двигаться под покровом тьмы.

Весь день мы прятались между скалами. Однажды мы услышали вдали лай собак и приготовились бежать. Но лай постепенно затих и вскоре вообще прекратился.

— Что будем делать? — спросил Винтур, который ненавидел бездействие; наверное, именно поэтому он так много пил во время периодов вынужденного безделья.

— Итак, Джек, для вас это прекрасная возможность, — произнес я.

— Возможность для чего? — удивился он.

— Рассказать мне о вашей шкатулке с диковинками. — (Он непроизвольно перевел взгляд на кожаную сумку, на которой спал, перекинув ремешок через плечо, и задумчиво потер пряжку большим и указательным пальцем.) — И о золоте. Ведь мы здесь из-за золота. Именно по этой причине вы из кожи вон лезли, чтобы попасть в

Маунт-Джордж.

Я не стал говорить самого главного, однако Винтур догадался обо всем по моему тону, непривычно резкому и настоятельному, и вздрогнул, как от удара.

Наконец он поднял голову:

— Ну да, я понимаю. По этой причине погибли Грантфорд и Абрахам. Эдвард, умоляю, не нужно на меня так смотреть. Я и без того совершенно раздавлен.

Я не знал, что сказать. Грантфорд поехал ради меня. А значит, его смерть и на моей совести тоже.

— Старина Фруд… — медленно начал Винтур. — Вы ведь знаете, я всегда недолюбливал его. А Белла его ненавидела. Он разрушал все, к чему прикасался. Мне иногда кажется, что он по-прежнему это делает. Я даже подумываю о том, чтобы выбросить треклятую сумку.

Однако во время разговора Винтур, сам того не подозревая, машинально поглаживал сумку, из чего я сделал вывод, что он не выполнит своей угрозы.

— Тот кусок руды, который вы мне показали. Вы говорили, это золото. Его там было много?

— Я нашел еще два фрагмента.

— Нет, я хочу спросить, где его источник? Откуда оно взялось?

Винтур помассировал голову, словно мои вопросы спровоцировали приступ мигрени.

— Фруд обнаружил золотую жилу на каком-то участке земли, которой владел. Жилу можно разработать, сказал он. И он верил, что она принесет целое состояние, если правильно взяться за дело.

— А где находится жила? Возле Маунт-Джорджа?

— Нет, — покачал головой Винтур. — За много миль отсюда. У Фруда имелись участки земли то тут, то там, одним словом, везде. Но сейчас тот участок находится за линией фронта, на вражеской территории.

— Но тогда что вам даст приезд сюда? И самое главное, как вы вообще узнали о золоте?

— Вам следовало быть юристом, — усмехнулся Винтур. — Вы вполне можете составить конкуренцию моему отцу.

Я не стал извиняться, а наоборот, решил еще сильнее надавить на Джека:

— Вы искали шкатулку с диковинками. Вы с самого начала обо всем знали. И рассчитывали найти золото в бывшей лаборатории мистера Фруда. Вы знали, что там будут куски золотосо-

держащей руды. Об этом вам рассказали или мистер Фруд, или ваша жена.

— Белла ничего не знает, — покачал головой Винтур. — Фруд никогда не доверил бы ей подобной информации. Перед моим отъездом в полк в семьдесят шестом году он отвел меня в сторонку. Вот тогда-то он и сообщил мне о золоте. В столь тревожные времена, сказал он, я должен знать о месторождении золота на тот случай, если с ним что-нибудь случится. Я должен знать, где искать.

— Вероятно, он вам доверял, — заметил я.

— Просто я единственный, кому он мог довериться, — рассмеялся Винтур. — У него было больше врагов, чем друзей. Честно говоря, я вообще не слышал, чтобы у него имелись друзья. Но он не слишком-то много мне рассказал, ибо доверие его не простиралось столь далеко. Тем не менее он показал мне свой сундучок, набитый камнями и образцами минералов с ярлыками на латыни. Фруд вечно подбирал обломки камней то тут, то там. А вы знали, что он был довольно известным минералогом? У него в сундучке лежало несколько кусков золота, однако он их чем-то покрыл, чтобы замаскировать металл.

— Но если вы никогда не были там, где находится рудник, то как сумеете найти это место?

— На дне сундучка краснодеревщик сделал потайное отделение. Сундучок был переносным. Видите ли, Фруд хотел взять его с собой, если ему придется покинуть Маунт-Джордж. Именно там он и спрятал документы на землю и инструкции, где искать золотую жилу. — Винтур улыбнулся, обнажив пожелтевшие клыки. — Но ничего конкретного. Он всегда был проницательным и хитрым человеком. Поэтому даже если кто-нибудь найдет бумаги, то в любом случае ничего в них не поймет. — Винтур улыбнулся еще шире; он явно меня поддразнивал, что, возможно, свидетельствовало о его привязанности ко мне. — Фруд сказал, я должен попросить помощи у саламандры.

— У саламандры? — удивился я. — Это шутка?

— Если это шутка, то не моя. У саламандры. Вот так он и сказал. А еще он объяснил, как правильно задать этот вопрос. — Винтура рассмешила моя растерянность. — Когда мы вернемся в Нью-Йорк, я вам все объясню и продемонстрирую для наглядности.

Я кивнул на его сумку:

— У вас здесь бумаги?

— Да. Только они и имеют значение… Но, Эдвард, вы понимаете, я… я должен по мере сил

сделать все правильно. Мои родители будут стареть, окруженные роскошью. А Белла… ну… теперь она сможет иметь все, что пожелает. — Он тяжело сглотнул. — И если у Грантфорда осталась вдова или мать, я обеспечу им хорошую пенсию. Я не могу вспомнить, находится ли в нашей собственности мать Абрахама… Полагаю, с ним как-то связан Джосайя, но он слишком старый, чтобы быть отцом Абрахама. Впрочем, в любом случае, если у него есть мать, я дам ей вольную и куплю для нее небольшую лавку или что-то подобное. Что касается вас, то кто знает, чего мы сможем достичь вдвоем? Богатство означает влияние, ну а влияние в конце концов вознесет мужчину на такую высоту, на какую он пожелает.

Еще несколько минут Винтур говорил в том же ключе, продолжая строить воздушные замки. Блеск золота напрочь лишил его здравого смысла. Похоже, Джек не понимал, что если рудник находится на вражеской территории, то нет ни единого шанса получить от него хоть какой-то доход до окончания военных действий. Но и тогда, поскольку исход войны был далеко не очевиден, извлечение дохода от рудника оставалось под вопросом.

Я ничего не сказал. Солнце светило на нас с пронзительно-синего неба. По моей шее бежала липкая струйка пота. Закрыв глаза, я прислушался к журчанию ручья и невнятной болтовне птиц.

Золото. Внезапно я вспомнил тело Пикетта, обнаруженное в Холщовом городе год назад. Золотая приманка может обернуться для человека убийством: или его убьют, или он сам убьет.

Мечты Джека Винтура пролетали мимо меня и исчезали в пустоте. Наконец у него иссяк запас как обещаний, так и слов.

Я спал. Мне снились саламандры. Они кусали меня, заставляя все тело безбожно чесаться.

Глава 57

Мы покинули свое убежище практически в темноте. Мы отдохнули, но ужасно проголодались. Настроение было подавленным. Впереди нас ждали опасности и очередные трудности. Похоже, нас предали и наши планы раскрыли еще до отъезда из Нью-Йорка. Время шло, но тень, нависшая над нами после событий в Маунт-Джордже, еще больше сгущалась.

У нас ушло более трех суток, чтобы завершить путешествие, хотя мы планировали уложиться за сутки. Дни и ночи слились воедино. Мы потеряли счет времени. И не могли избавиться от страха преследования и засады впереди.

Мы шли в основном в сумерках или в темноте. Я не знал, куда мы идем, поскольку единственная дорожная карта находилась в голове Винтура. Местность казалась дикой, холмистой и негостеприимной. Второй день мы провели на скалистом выступе посреди зловонного болота. Как-то раз нам пришлось зарыться в стог сена, чтобы спрятаться от крупного кавалерийского отряда. А потом во время спуска с крутого холма

нас застал проливной дождь, добавивший новых трудностей в копилку наших невзгод. В другой раз, прямо перед рассветом, мы едва не наткнулись на цепь караульных, охранявших лагерь местной милиции.

Самой большой проблемой стала постоянная нехватка продовольствия. Что вынуждало нас всеми средствами добывать себе пропитание, а иными словами, воровать еду, так как мы не осмеливались предлагать кому-то деньги за еду из страха, что на нас донесут.

Добыча пропитания была опасным и трудоемким предприятием, требовавшим хитрости и невероятной осторожности. Но оно того стоило. Мы украли кусок окорока из неохраняемой фермы, а также кочан капусты с грядки возле хижины негритянской семьи и съели его сырым. Умыкнули у пастуха хлеб и сидр, которые тот припас себе на обед.

— Может, оставим хотя бы пару монет в качестве оплаты, — предложил я, чтобы успокоить больную совесть, когда мы украли ветчину.

— Нет. Категорически нет! — ответил Винтур. — Они наверняка учуют предателя и побегут доносить ближайшему офицеру милиции или армейскому караульному. Мы не можем никому

доверять. Пусть думают, что ветчину украл какой-нибудь бродяга или кто-то еще.

Что мне не слишком понравилось, но я с удовольствием съел ветчину.

Как-то вечером в поисках брода мы вышли к ручью, и Винтур, не успев перейти на другой берег, внезапно остановился и повернулся ко мне.

— Благодарение Богу! — прохрипел он. — Посмотрите! Видите там, на линии горизонта, два больших дерева? Образующих нечто вроде буквы «h»? Теперь я знаю, где мы находимся. Мы в Бронксе.

Лишь услышав радостную весть, я наконец понял, как сильно пал духом, ибо моментально ощутил мощный прилив энергии. Винтур чувствовал то же самое, и мы бодро, почти весело двинулись дальше.

Тем не менее мы по-прежнему вели себя с большой осторожностью. Из опыта совместного путешествия с Пирсфилдом мы знали, что кругом вражеские посты, а потому сможем почувствовать себя в безопасности только тогда, когда окажемся в пределах досягаемости батарей форта Чарльз.

Казалось, у нас ушла целая вечность, чтобы добраться до Фордхэмских высот. С величайшей

осторожностью спустившись с берега ручья, примерно через милю мы вышли к верховью другого ручья, который, по словам Винтура, носил название Мошолу.

Тем временем небо мало-помалу темнело, и нам пришлось пожертвовать осмотрительностью ради скорейшего продвижения. Мы шли по ничьей земле, которая не принадлежала ни одной из враждующих сторон, но контролировалась обеими. Впереди мерцали свинцовые воды Гарлем-Крика.

Теперь Королевский мост уже находился в пределах видимости. Свет фонарей придавал этому зрелищу праздничную атмосферу. Мы побежали на заплетающихся ногах, прокладывая себе дорогу между жавшимися к мосту домишками, которые чудовищно обветшали за годы войны. Вокруг с деловым видом, но совершенно бесцельно сновали здешние обитатели. После нескольких дней относительного одиночества для нас было непривычно снова оказаться среди людей.

Переглянувшись, мы с Винтуром широко улыбнулись. Наши грязные лица расцвели радостными улыбками.

Винтур похлопал меня по плечу:

— Эдвард, мы сделали это. Теперь, с Божьей помощью, мы в безопасности!

Караульные заметили наше приближение. Капрал приказал нам остановиться и назваться.

— Офицер Шестидесятого пехотного полка и чиновник Американского департамента его величества, — выкрикнул Винтур. — Где начальник стражи? Немедленно отведите нас к нему!

На лицах караульных возникло неподдельное изумление, в чем не было ничего удивительного. Грязные и оборванные, мы смахивали на пару бродяг. Однако повелительный тон Винтура и его начальственные манеры моментально переломили ситуацию. Винтур привык отдавать команды и в армейской среде чувствовал себя как рыба в воде.

К нам подбежал сержант, начальник стражи:

— В чем дело? Кто такие?

— Я капитан Винтур, сержант. А это мистер Сэвилл, специальный представитель лорда Джорджа Джермейна в Нью-Йорке. Мы выполняли частную задачу по поручению генерала Клинтона. Вот посмотрите: на наших пропусках стоит его подпись. А теперь мы хотим видеть вашего командира. А кроме того, мы хотим поужинать.

Глава 58

Возможно, самым приятным моментом — в сущности, единственным приятным моментом, — нашего путешествия на Спорные территории было ощущение эйфории после счастливого возвращения.

Майор Кендалл принял нас не сразу, заставив подождать. Однако, узнав, кто мы такие, мгновенно стал более чем любезным. Майора чрезвычайно заинтересовал наш рассказ, впрочем, как и пришедшего с ним мистера Карне, американского джентльмена, с которым мы с Винтуром были шапочно знакомы. Ни для кого не составляло секрета, что Карне собирал разведывательную информацию как для генерала Трайона, так и для заместителя генерал-адъютанта в штабе армии.

Ехать тем же вечером в город было слишком поздно. А кроме того, мы с Винтуром валились с ног от усталости. В связи с чем нам заказали две комнаты в ближайшей гостинице. Майор Кендалл и мистер Карне пригласили нас на ужин. Кендалл нашел нам чистые рубашки, чулки и

кюлоты. Его слуга даже подобрал для нас две пары башмаков, сильно поношенных, но вполне прилично сидевших на ноге. Когда я спросил, откуда у него эти башмаки, он со смехом сказал, что люди постоянно ходят туда и сюда по Королевскому мосту, а когда они приходят и уходят, то оставляют кое-какое имущество.

Мы с Винтуром по мере сил привели себя в порядок, насколько позволяли более чем скромные условия гостиницы. Наши номера были тесными и скудно обставленными, однако роскошь одиночества и наличие собственной кровати казались мне предвкушением рая. Винтур, который без особого усердия первым закончил туалет, пришел ко мне в номер.

— Нам удалось испытать самое настоящее приключение, да? — произнес он, наблюдая за моей возней с шейным платком.

— Лично я безмерно рад, что все позади, — ответил я. — Были моменты, когда я…

— Я понимаю. Эдвард, поверьте, мне очень жаль. Если бы я мог обратить время вспять, то непременно так и сделал бы. Но зато теперь мы можем пожинать плоды наших усилий. Мы отметим наше счастливое возвращение сегодня вечером, да и в другие вечера тоже. А завтра мы

вернемся в Нью-Йорк.

Вернемся к обитателям на Уоррен-стрит, вернемся к миссис Арабелле. А я вернусь к тайне Роджера Пикетта, чья история с тех пор, как я узнал истинное значение шкатулки с диковинками, стала для меня еще более загадочной. Во время отчаянного бегства из Маунт-Джорджа из головы вылетели все остальные мысли, даже о миссис Арабелле, однако прямо сейчас они нахлынули на меня с новой силой.

Сегодня я не стану ни о чем думать, сказал я себе. Сегодня мы с Винтуром были на нашей собственной спорной территории: на узкой нейтральной полосе между прошлым и будущим, между ужасами нашего путешествия в Маунт-Джордж и трудностями, ожидающими нас в Нью-Йорке. И тем не менее сегодня вечером, по крайней мере сегодня вечером, мы будем радоваться жизни.

Покинув гостиницу, мы прогулялись до расположенного неподалеку жилища майора. Какое невероятное облегчение не находиться в постоянном напряжении, опасаясь за свою жизнь, и не бежать без оглядки!

Винтур мурлыкал себе под нос какую-то походную песню, ритмично постукивая рукой по ноге.

Он вел себя так, будто уже находился в хорошем подпитии.

Я дотронулся до его руки:

— Джек, ради всего святого, только не болтайте лишнего! И не раскрывайте причин нашего посещения Спорных территорий. Ни одной живой душе.

— Я буду нем как могила, — сказал он. — В любом случае я умираю с голоду. У меня просто не будет времени говорить.

Наконец мы оказались возле дома Кендалла. Я почувствовал упоительный аромат жареного мяса. Спустя пять минут мы уже сидели за столом. Еда была посредственной, но мы набросились на нее, точно голодные волки. Что касается вина, то мы оба пили много и пили быстро.

Майора и мистера Карне особенно интересовало состояние местности, через которую мы проходили, а также передвижение вражеских войск. Наши собеседники слышали, что Пирсфилд и его люди потерпели поражение в схватке с противником, но не знали подробностей, за исключением того, что Пирсфилд числится погибшим.

— Рано или поздно это должно было для него плохо закончиться, — заметил Карне. — Никогда

не понимал, почему губернатор Франклин оказывал ему такое доверие.

Бутылка в очередной раз пошла по кругу. Мистер Карне предложил сыграть в карты. Винтур с энтузиазмом согласился. Часы показывали уже почти час ночи. От переизбытка вина у меня с непривычки кружилась голова. Усталость засасывала, как пуховая перина на Уоррен-стрит.

Я извинился и откланялся. Майор отрядил солдата проводить меня с фонарем до гостиницы. К своему стыду, должен признаться, что вынужден был опереться на его руку.

Оказавшись в своем номере, я отодвинул полог и сел на кровать. Мне не сразу удалось снять сюртук, который решительно не желал со мной расставаться. Я развязал шейный платок, расстегнул жилет, рывком скинул взятые взаймы башмаки. Затем, потеряв равновесие, рухнул навзничь на кровать и уставился на балдахин из грязной зеленой тряпки, который раскачивался туда-сюда, точно ветви деревьев в лесу.

Больше я ничего не помню, ибо мгновенно провалился в глубокий сон. Я не слышал, как вернулся Винтур. Я вообще ничего не слышал, пока не проснулся на следующий день.

Во рту было сухо. Мне казалось, будто мою

голову кто-то разрубил топором. Я лежал неподвижно, позволяя сознанию с грехом пополам вернуться на место. Судя по яркому солнечному свету, день был уже в разгаре.

Я с трудом сел и спустил ноги на пол. Движение усилило головную боль, вызвав приступ тошноты. Когда я немного пришел в себя, то встал, ухватившись за столбик кровати, и огляделся по сторонам в поисках ночного горшка.

Десять минут спустя я дрожащими пальцами застегнул кюлоты и, будто дряхлый старик, зашаркал по коридору к номеру Винтура.

Дверь была заперта на ключ или закрыта на засов. Я громко позвал Винтура. Но ответа не получил. Я снова его позвал и еще сильнее постучал в дверь. Потом нагнулся, заглянул в замочную скважину, однако ключа не увидел. Я вообще ничего не увидел, кроме куска полога кровати, зато услышал внутри какие-то странные звуки, похожие на мурлыканье кошки или жужжание пчел.

Я снова заколотил в дверь. Поднятый мной шум привлек внимание хозяина гостиницы, который, тяжело дыша, стал подниматься по лестнице.

— Никак не могу добудиться капитана Винтура, — заявил я.

Хозяин, продолжая пыхтеть, заговорщицки

ухмыльнулся:

— Он вернулся поздно ночью и был прилично навеселе, сэр.

— У вас есть запасной ключ?

Достав связку ключей, хозяин отпер дверь. Я поспешно ее толкнул. Жужжание сразу стало громче. В номере стояло ужасное зловоние. Солнечный свет лился прямо в распахнутое окно. В воздухе танцевали пылинки. Несмотря на открытое окно, было очень жарко. Одежда Винтура валялась на полу. Под окном примерно в ярде от нас какая-то женщина исполняла удивительно чистым голосом незнакомую мне балладу.

— Джек? — позвал я. — Вставайте, лежебока вы этакий! Уже почти полдень.

Полог кровати был частично задернут. Я подошел и отодвинул его.

Джек Винтур лежал на спине, голова покоилась на низкой подушке. Его горло было перерезано от уха до уха. Простыня пропиталась кровью. Над убитым кружился рой жирных черных мух, и не меньше сотни этих мерзких тварей сидело прямо на трупе, лакомясь свежей кровью; их постоянные движения придавали обезображенному телу видимость жизни.

— Господи Иисусе! — простонал хозяин гости-

ницы.

Он отвернулся, и его стошнило. Пение прекратилось. Однако жужжание становилось все громче.

Чем дольше я смотрел, тем больше видел крови… и мух. Щеки Джека были разрезаны от внешних уголков глаз до уголков губ. На нем была только любезно одолженная ему рубашка. Рубашка была разрезана от горла до гениталий, как и кожа под ней.

Я заметил белую кость, алую кровь и блестящие внутренние органы. И над всем этим — рой черных мух.

Глава 59

Меня мучают пробуждающиеся воспоминания, и, что еще хуже, меня мучают сны. В ночных кошмарах я по-прежнему вижу лужи крови и широко открытые глаза. Кишки, вывалившиеся из распоротого живота, гениталии, практически отделенные от тела. И мух, всегда полчища мух — жужжащих, жрущих, раздувшихся мух.

Хозяин гостиницы, проблевавшись, принялся завывать и причитать. У меня хватило присутствия духа вытолкнуть его из комнаты. Коридор был забит постояльцами, зеваками и выпивохами, привлеченными воплями хозяина.

Я нашел одну из служанок, с виду вполне разумную женщину уже не первой молодости, и отправил ее за майором Кендаллом:

— Передайте майору Кендаллу, что он должен срочно прийти, так как капитан Винтур убит.

Я пока сохранял способность мыслить ясно и рационально. Более того, мне показалось, что кризис, увы, лишь временно, обострил мои интеллектуальные способности и подстегнул умственную деятельность. Я твердо знал, что

должен делать и что времени на это осталось крайне мало.

Передав хозяина гостиницы на попечение жены и дочери, я велел отвести его вниз и дать ему пару глотков рома. Я приказал одному из слуг, дородному субъекту с внушительным животом и замашками бывшего солдата, очистить проход от зевак и посторожить вместе со мной дверь до прихода майора Кендалла. Когда страсти немного улеглись, я проскользнул в комнату капитана Винтура и запер за собой дверь.

Пение за окном прекратилось, однако жужжание мух сделалось еще назойливее. У меня во рту стоял кислый привкус желчи, и я поспешно отвернулся от кровати.

В ярких лучах солнца комната по-прежнему казалась до неприличия жизнерадостной. Я подошел к окну и выглянул на улицу. Прямо внизу во дворе стояла подвода, нагруженная грубо отесанными бревнами, с высоким сиденьем для возницы. Прошлой ночью окно было открыто, а значит, достаточно ловкий человек вполне мог дотянуться до подоконника и залезть в комнату, вскарабкавшись на подводу и, быть может, на одно из бревен.

Я заставил себя посмотреть на несчастного

Джека Винтура. Скорее всего, большинство ран убийца нанес после смерти жертвы, в противном случае шум поднял бы на ноги весь дом, а крови оказалось бы гораздо больше. Допустим, грабитель мог прикончить Винтура, когда тот помешал совершить кражу, но к чему были все эти зверства, тем более требовавшие много времени? Подобная жестокость, казалось, не имела смысла; и в этом отношении, если ни в каком другом, картина преступления напомнила мне о разгромленной лаборатории мистера Фруда: я просто-напросто не мог понять природу сего злодеяния.

Отвернувшись, я осмотрел разбросанную по полу одежду Винтура. Некоторые вещи были в пятнах крови. Винтур держал кошелек в потайном кармане сюртука. Я проверил и обнаружил, что кошелек исчез. А также два пистолета Джека.

Я обшарил комнату, в которой из-за малых размеров трудно было что-то спрятать. После чего, встав на четвереньки, заглянул под кровать. И наконец, собрав все свое мужество в кулак, вернулся к изуродованному телу Джека Винтура, которое лежало, облепленное мухами, в луже свернувшейся крови.

И тут что-то блеснуло у того угла подушки, что находился ближе к окну. Я наклонился пониже. Это была стальная пряжка.

Неуверенно протянув руку, я вытащил пряжку из-под подушки, а вместе с пряжкой и ремешок, который она скрепляла. На нем тоже была кровь, но совсем немного, поскольку голова Винтура лежала на другом углу подушки.

Дернув за ремешок чуть энергичнее, я наконец вытащил из-под подушки сумку. От мощного толчка подушка сдвинулась примерно на дюйм, в результате чего голова Винтура развернулась на несколько градусов в мою сторону, его безжизненные глаза встретились с моими, зияющая рана на горле глядела на меня, точно второй рот.

Схватив сумку, я поспешно повернулся к трупу спиной. Судя по тяжести сумки, ее содержимое было на месте. Я вынул три куска золотосодержащей руды и положил в карман сюртука. На дне сумки лежал сложенный и сшитый на скорую руку суровой ниткой небольшой клеенчатый пакет. Я согнул пакет и убрал его в карман, а расстегнутую сумку бросил на пол, пинком загнав ее под валявшийся там же сюртук.

Отперев дверь, я вышел в коридор и повернул ключ в замке.

Сомневаюсь, что хоть кто-то заметил мое отсутствие. Слуга уговорил большинство зевак разойтись, но у одной служанки случился истерический припадок. Она лежала на полу, рыдала и стучала ногами по голым доскам. Две товарки пытались привести ее в чувство.

— Нас всех убьют! — пронзительно вопила она. — Прикончат прямо в кровати.

Склонившись над женщиной, слуга с размаху влепил ей пощечину, от которой она стукнулась головой об пол. Звонкая оплеуха и наступившая затем мертвая тишина подействовали на меня точно спусковой крючок.

Мои глаза затуманились. Я отвернулся и дал волю слезам.

Майор Кендалл появился вместе с мистером Карне, следовавшим за ним по пятам. Они пришли в сопровождении четверых солдат, которые остались ждать внизу.

Я вернулся в свой номер и сел возле окна. Служанка принесла мне ром, чай и хлеб, хотя я ничего не заказывал. Я не притронулся ни к рому, ни к хлебу, но был благодарен за чай.

Кендалл с Карне осмотрели тело, а также место преступления. Затем пришли допросить меня. Допрос велся по всем правилам, и во время раз-

говора мистер Карне что-то помечал в записной книжке.

Поначалу я отвечал на вопросы чисто механически. Кендалл попросил вспомнить все обстоятельства, сопутствующие обнаружению тела. Но когда мистер Карне принялся выяснять, в каком состоянии находилась дверь в номер Винтура, я сразу насторожился.

— А вы нашли ключ Винтура? — перебил я Карне.

— Нет, сэр.

На секунду наши глаза встретились. Радужка его глаз казалась практически бесцветной, лишенной индивидуальности. Он был неглупым человеком, и думаю, каждый из нас отлично понимал, что на уме у другого. Карне пытался понять, мог ли убийца попасть в номер через дверь, выходящую в коридор, а не через открытое окно.

— Пожалуйста, если хотите, можете обыскать мой номер, — предложил я. — И досмотреть меня лично.

— Нет, конечно нет, — поспешно возразил майор Кендалл, шокированный столь неприличным предложением. — Клянусь честью, сэр, для подобного досмотра нет ни малейшей необходимости!

— По словам человека, который проводил вас

в гостиницу прошлой ночью, вы были настолько пьяны, что ему пришлось тащить вас на себе вверх по лестнице. — Голос Карне был холодным, слегка презрительным. — Я наблюдал за вами вчера вечером и не могу сказать, что слишком удивлен.

Я покраснел, но ничего не ответил.

— Вчера мы все хорошо приложились к бутылке, — примирительно заметил майор Кендалл. — И должен признаться, к концу вечера я и сам был слегка навеселе.

Карне едва заметно передернул плечами:

— Убийце капитана Винтура, кто бы он ни был, требовалась ясная голова и твердая рука. Откровенно говоря, сомневаюсь, что прошлой ночью вы, мистер Сэвилл, отвечали хотя бы одному из этих условий. Даже сейчас, возможно…

— Я вас отлично понял, сэр! — отрывисто бросил я. — Да и вообще, у меня не было причин убивать капитана Винтура. А если бы я и задумал подобное злодеяние, то осуществил бы это на Спорных территориях, где имелась масса удобных возможностей. И вряд ли стал бы убивать его прямо сейчас и столь жутким способом.

— Нет-нет, — поспешил успокоить меня Кендалл. — Мой дорогой сэр, я абсолютно уверен, что

у Карне и в мыслях такого не было. Да, мистер Карне? По-моему, тот, кто это сделал, попал туда через окно и покинул комнату тем же путем. И возможно, запер дверь и положил ключ в карман, чтобы затруднить погоню.

— И тем не менее крайне странно, — заявил Карне. — Странно, что убийца вообще не оставил кровавых следов. Ведь он должен был быть весь в крови.

Глава 60

В тот же день меня отвезли под конвоем в Нью-Йорк. Нет, конечно, я ни в коем случае не был заключенным. Мне не предъявили никакого обвинения. Тем не менее Кендалл, а скорее, Карне решил не испытывать судьбу.

Последний составил мне компанию. За время пути мы навряд ли перемолвились хотя бы словом. Куски руды оттягивали карман сюртука. Карман безобразно оттопыривался, и я опасался, что это может вызвать любопытство моего спутника. Не успели мы доехать до города, как нас догнал ординарец с заставы на Королевском мосту, который привез послание от майора Кендалла. Карне сломал печать и, прочитав послание, сразу передал его мне.

Кендалл писал, что, когда слуга пошел за водой к колодцу во дворе гостиницы, за ведро зацепилось что-то странное, и это что-то на поверку оказалось длинной ночной рубашкой. И хотя рубашка всю ночь пролежала в колодце, весь перед от горловины до подола и рукава были пропитаны кровью.

Майор приказал обследовать дно колодца и извлечь спрятанные там предметы, если таковые имелись. Он поспрашивал насчет ночной рубашки и выяснил, что она принадлежала жене хозяина гостиницы, даме с пышными формами и чрезвычайно высокого роста. Рубашка была в стирке накануне днем и оставлена для просушки на ночь в пристройке.

— Я весьма рад за вас, — черкнув карандашом ответ майору Кендаллу, обратился ко мне Карне.

— Прошу прощения, сэр?

Американец поднял голову и впервые за весь день улыбнулся. Он не ответил, а лишь протянул записку ординарцу и дал сигнал ехать дальше.

Карне был явно из тех, кто не любил понапрасну тратить слова, если можно промолчать. Я понял его достаточно хорошо, на что он, впрочем, и рассчитывал. Мы с ним во многом были очень похожи. Если перед тем безумным нападением убийца надел на себя ночную рубашку, а затем бросил ее в колодец, значит он покинул номер через окно. Было нереально выйти из гостиницы или попасть туда, не подняв на ноги весь дом, поскольку двери на ночь запирали и закрывали на засов.

Убедившись, что я не убийца, Карне сразу отта-

ял. Тем не менее оставшуюся часть пути мы особо не вступали в разговоры. Мои мысли были сейчас очень далеко, да и его, без сомнения, тоже.

Ибо найденная ночная рубашка свидетельствовала не только о моей невиновности. Она свидетельствовала о том, что преступление было тщательно спланировано и что убийца хорошо продумал каждый свой шаг, включая жестокость нападения и пути отхода.

Во всем этом чувствовался тонкий расчет, а также демонстрация упорной, чуть ли не рациональной злой воли, однако преступник явно обладал способностью действовать стремительно, но осторожно. И это невольно напомнило мне о странных и необъяснимых событиях, произошедших на Спорных территориях, причем не только о тех двух убийствах в Маунт-Джордже, но и о возникшем у меня неприятном ощущении, что мы не одни.

И можно ли считать простым совпадением, что Джека Винтура убили в тот самый момент, когда мы расслабились и утратили бдительность?

Мы приехали в Нью-Йорк лишь к вечеру и сразу направились в штаб-квартиру, где майор Марриот, уже введенный в курс дела письмом от Кендалла, ждал нас в своей личной комнате. К на-

шей компании присоединились еще несколько джентльменов, включая генерала Трайона и заместителя генерал-адъютанта.

Мы обсуждали убийство так, словно практически не знали убитого при жизни. Карне обратил внимание на пропажу кошелька, и это, по крайней мере, позволяло предположить, что мотивом было ограбление, хотя отнюдь не объясняло жестокости нападения.

— Возможно, тут кроется совсем другая причина, — продолжил Карне. — Мы видели столько зверств во время войны, столько крови… — Его голос замер.

— Ну и что с того, сэр? — нетерпеливо поинтересовался Трайон.

— Я считаю, у некоторых людей, их совсем немного, резня порождает в душе жажду крови. Я встречал солдат или старых солдат, пораженных некоей формой безумия, которая побуждает их творить страшные дела. — Карне задумчиво потер лоб. — Не стану утверждать, что я понимаю природу сего явления, но мне приходилось с ним сталкиваться. Если спросите военных врачей в госпиталях, они скажут вам то же самое.

Марриот презрительно фыркнул, но, вспомнив о хороших манерах, сделал вид, будто закаш-

лялся.

Генерал Трайон встал с места:

— Джентльмены, похоже, на данный момент мы больше ничего не в состоянии сделать. Прошу вас проинформировать меня, если появятся свежие разведданные. Через день-два я собираюсь зайти к судье Винтуру, чтобы принести ему свои соболезнования.

Остальные тут же потянулись к выходу вслед за Трайоном, оставив нас с Марриотом вдвоем.

— Нужно сообщить Винтурам, — вздохнул я. — Через пять минут об убийстве капитана будет знать весь город, если, конечно, уже не знает.

Майор склонил голову и потер грязное пятно на своих штанах:

— Вы возьмете на себя эту печальную миссию, сэр?

— Да, — ответил я.

Мне казалось, им будет легче узнать трагические новости от человека, лучше других знакомого с обстоятельствами дела.

— Не сомневаюсь, вы сможете передать им печальную весть со всей свойственной вам деликатностью, — кивнул Марриот. — Я могу вам хоть в чем-то помочь?

Я подумал об осиротевшей семье на Уоррен-

стрит:

— Тут уже никто не в силах помочь.

— Я непременно их навещу, — продолжил Марриот. — Быть может, прямо завтра, если это не слишком рано. Не хотелось бы проявлять излишнюю навязчивость в эти скорбные дни.

У меня не было ответа на его вопрос, в связи с чем я глубокомысленно изрек, что Винтурам в столь тяжелые времена понадобится поддержка друзей.

Когда я уже собрался уходить, Марриот произнес именно то, что, собственно, и хотел сказать:

— Прошу вас, передайте мои самые глубокие соболезнования миссис Арабелле. Я… Она…

Однако у него не хватило или красноречия, или мужества закончить фразу. Он поклонился и поспешно отвернулся.

Кажется, судья Винтур все понял, увидев мое лицо.

Я стоял перед холодным камином в библиотеке и как можно более лаконично рассказывал ему о том, что произошло с его сыном. Пока я говорил, судья сидел, будто окаменев, возле открытого секретера и смотрел на перо, лежавшее перед ним на листке бумаги. Лист был чистым, если не считать жирной кляксы из накапавших с пера чернил.

Уже после этого разговора судья попытался задать мне вопросы, но прямо сейчас у него не осталось на это моральных сил: их хватило лишь на осознание того факта, что сына больше нет в живых.

Выждав секунду-другую, я осторожно предложил сообщить обо всем миссис Арабелле, но не дождался ответа. Я повторил свое предложение и продолжал повторять до тех пор, пока судья наконец не кивнул.

Когда я сказал, что позвоню в колокольчик и попрошу Джосайю привести миссис Арабеллу, судья вновь кивнул. Да, он слышал меня, но вряд ли понимал смысл моих слов.

Джосайя пришел почти сразу. Он догадался о случившемся несчастье, открыв мне входную дверь и увидев, что я стою на пороге один. И, судя по всему, поделился своими страхами с миссис Арабеллой, так как, когда она появилась в библиотеке, ее лицо было чрезвычайно бледным. Небрежно присев в реверансе, она тотчас же направилась к свекру:

— Ну так что, сэр? У вас есть новости?

Старый судья тяжело сглотнул. Он бросил взгляд в мою сторону и выразительно махнул рукой, молча попросив меня взять на себя эту

печальную миссию.

— Почему бы вам не присесть, мадам? — Я выдвинул для миссис Арабеллы стул.

Но она лишь покачала головой:

— Значит, вы вернулись один, сэр. — Миссис Арабелла на меня не смотрела, а ее голос был безжизненным, лишенным эмоций. — Это и есть ваши новости?

— Боюсь, капитан Винтур мертв, — торопливо и без обиняков заявил я; это было все, на что я оказался способен. — Мне очень жаль.

Миссис Арабелла взяла руку свекра в свои и нежно сжала ее:

— А что… что случилось?

Итак, я рассказал миссис Арабелле и, конечно, судье обо всем, что с нами случилось во время путешествия в Маунт-Джордж и обратно. Рассказал о пережитых нами опасностях, о храбрости и находчивости Джека Винтура, о его добром отношении к несчастным Типпетам и о желании отдать последний долг своему умершему ребенку. Рассказал, как погибли Абрахам и капрал Грантфорд. Рассказал, что капитан Винтур благополучно провел нас через линии фронта и был жестоко убит, когда считал, что он уже у друзей. В заключение я сказал, что убийца до сих

пор на свободе.

Миссис Арабелла слушала очень внимательно, не перебивая, но, когда я остановился, потребовала описать все обстоятельства убийства. Что я и сделал. Пусть лучше она узнает подробности сего изуверства от меня, в виде скупого изложения событий, свидетелем которых я стал, чем от посторонних людей и в искаженном виде. В конце концов привычная выдержка ей изменила. Она задрожала всем телом. Я тронул ее за плечо и уговорил сесть. Она опустилась на стул, продолжая сжимать обеими руками ладонь свекра.

— Но почему, сэр? — спросил судья, когда я закончил печальное повествование. — Почему кто-то решил отнять жизнь у своего ближнего с такой бессмысленной жестокостью? В моей голове это просто не укладывается, мистер Сэвилл. Подобные вещи выше моего понимания.

— У капитана Винтура украли кошелек, сэр. Из чего можно сделать вывод, что мотивом было ограбление. Ну а что касается жестокости убийства, то осмелюсь предположить, что это дело рук сумасшедшего.

Мы погрузились в мрачное молчание. Вечер выдался теплым, но в комнате было холодно и влажно.

Наконец мистер Винтур сбросил с себя оцепенение:

— Мы должны сохранить смерть Джона в тайне от моей бедной жены. А иначе это может ее убить. Если она будет спрашивать, мы скажем, что Джон вернулся в свой полк. Дорогая, ты сможешь предупредить слуг?

— Конечно, сэр, — ответила миссис Арабелла и впервые за все это время посмотрела прямо на меня. — Скажите, сэр, а у них есть хоть какие-нибудь предположения о том, кем был тот самый убийца?

— Думаю, нет. Офицер с Королевского моста высказал предположение, что, возможно, вашего супруга убил дезертир.

— Но ведь они ничего не знают, да? — не сдавалась миссис Арабелла. — У них вообще никаких зацепок?

Подобная настойчивость меня несколько обескуражила. Впрочем, ничего удивительного, подумал я, поскольку любые необъяснимые вещи, естественно, вызывают беспокойство.

— Никаких, — подтвердил я.

— Никаких, — эхом отозвалась миссис Арабелла.

Глава 61

Расследование полностью взяли в свои руки военные. На момент убийства капитан Винтур числился кадровым офицером, и он отправился на Спорные территории, по крайней мере согласно легенде, для выполнения военных задач по распоряжению самого главнокомандующего.

Майора Марриота привлекли к этому делу вместе с его подчиненными. Он вызвал меня в штаб-квартиру на следующий день после моего возвращения в Нью-Йорк и допросил по всей форме, а секретарь записывал мои ответы. Мне пришлось снова вспомнить во всех подробностях события на Королевском мосту. Марриот также спросил о нашей поездке на Спорные территории. Что поставило меня в затруднительное положение. Как друг семьи, Марриот знал о страстном желании капитана Винтура посетить Маунт-Джордж, но понятия не имел о причине такой одержимости.

В Американском департаменте мы научились соблюдать все официальные процедуры и правила приличия. Генерал Клинтон подписал наши

пропуска на том основании, что мы с Винтуром намеревались собирать разведданные. Если бы генерал потрудился задать нам вопросы, чего он наверняка не сделал бы, то с удовлетворением узнал бы, что мы привлекли к организации нашей поездки губернатора Франклина и планировали путешествовать под защитой Пирсфилда с его солдатами иррегулярной армии, что лишь добавило бы достоверности нашим объяснениям.

Итак, я сделал акцент на том, что конкретно мы с Винтуром узнали о передвижении вражеских сил, о нынешнем состоянии сельской местности, о положении оставшихся жителей. И чтобы успокоить совесть Марриота, добавил, что Джек хотел оценить ущерб, причиненный Маунт-Джорджу. К несчастью, сказал я, враг каким-то образом пронюхал о нас. Грантфорд и Абрахам были убиты, а мы с Винтуром чудом сумели уйти. Незамысловатая история, ценная в основном тем, что была чистой правдой, пусть и не всей.

— Вы допускаете, что кто-то следовал за вами при переходе линии фронта? — спросил Марриот.

— Но зачем кому-то нас преследовать?

— А затем, что убийца хотел любой ценой за-

ставить капитана Винтура замолчать.

— И опять-таки — зачем?

Майор Марриот поставил локти на стол и наклонился ко мне:

— А если они подозревали, что вы увидели или обнаружили нечто важное, быть может доказательства их намерений атаковать наши позиции.

— Но мы ничего такого не обнаружили, — возразил я.

— С вашей точки зрения. Но что, если вы, сами того не подозревая, что-то заметили? Замаскированные артиллерийские установки? Подготовку к наступлению с моря? Внешние укрепления нового военного лагеря? Думайте, сэр, думайте.

— Я думал! — подняв голос, отрезал я. — Обнаружив тело Джека, я только тем и занимался, что думал. И ничего не придумал.

— К вашему сведению, мистер Карне абсолютно уверен, что должна быть некая причина.

— Мне бы его уверенность!

— И все же допустим, чисто теоретически, что он прав, хотя бы отчасти, — продолжал стоять на своем Марриот. — Допустим, вы что-то такое заметили на Спорных территориях, но не осознали всей важности увиденного. Вы понимаете, что

это значит?

— Избавьте меня от загадок, сэр. Сейчас у меня нет настроения их разгадывать.

— Но позвольте… если они убили Винтура, чтобы заткнуть ему рот, то почему бы им не попытаться убить и вас?

Капитана Винтура похоронили на кладбище при церкви Троицы рядом с его дядей Фрэнсисом. На похоронах присутствовала толпа народа. Я стоял рядом с судьей. Он держался за мою руку и упорно молчал во время церковной службы и погребения. Он даже не плакал.

Когда мы отошли от открытой могилы, скорбящие начали потихоньку расходиться. На секунду середина узкой аллеи освободилась, и я заметил какого-то кряжистого мужчину, курившего глиняную трубку.

Я видел его всего пару секунд. Он стоял на отдалении ближе к Сахарному дому Ван Кортланда с видом человека, получавшего удовольствие от зрелища похорон. Я определенно уже видел этого парня раньше, и его присутствие здесь словно предвещало нечто дурное, как плохая примета или нехороший запах.

Перед нами с судьей шел майор Марриот, погруженный в разговор с Таунли и мистером

Карне. На секунду их компания заслонила мне обзор. Когда они от нас оторвались, толпа снова рассеялась. Человек с глиняной трубкой исчез.

Мы с судьей медленно направились в сторону дома. На дороге у церковного двора, не обращая внимания на торжественность момента, играли чернокожие дети. Вид детей, резвившихся возле погоста, затронул некую струну в моей душе, пробудившую воспоминание.

Я вдруг понял, где видел мужчину с глиняной трубкой. Это случилось прямо перед нашей поездкой на Спорные территории. Именно он поскользнулся на куче лошадиного навоза возле негритянского кладбища, а дети с удовольствием над ним издевались. Именно он положил букетик на могилу Хенриетты Барвиль.

Общественный интерес к убийству Джека Винтура сохранялся неделю-другую, но постепенно угас, поскольку следствию не удалось получить никаких новых сведений. Как-никак время было военное. Нью-Йорк получал множество тревожных новостей и видел более чем достаточно жестоких убийств, способных дать его жителям пищу для разговоров.

Дни переходили в недели, недели — в месяцы. Я постепенно забывал о предупреждении

Марриота о нависшей надо мной угрозе, так как чувствовал себя чересчур уставшим и чересчур несчастным, чтобы думать о собственной безопасности. Я пытался найти утешение в работе. Я слишком много пил и слишком мало спал. И мне снились плохие сны.

Вскоре после моего возвращения со Спорных территорий я написал мистеру Рэмптону как должностному лицу, предоставив ему полный отчет о нашей экспедиции в Маунт-Джордж и о ее кровавом завершении. Я крайне тщательно подбирал слова, ибо знал, что он видел доклады, которые армейское начальство отправляло лорду Джорджу Джермейну. Мистер Рэмптон взял себе за правило читать все, что поступало руководителю Американского департамента. Ответа от мистера Рэмптона я не ждал раньше конца сентября или даже начала октября.

Я никому не рассказывал всей истории о том, что произошло. Я запер три куска золотосодержащей руды и завернутый в клеенку пакет в отделанной медью шкатулке для письменных принадлежностей, в которой хранил свои личные бумаги. Мне казалось, откладывая решение по этому вопросу, я ничего не теряю, а скорее выигрываю.

Теперь я понимаю, что после возвращения в Нью-Йорк я отложил решение массы вопросов, что само по себе стало одним из последствий событий в Маунт-Джордже и на Королевском мосту. На душе было тяжело. Казалось, ничто не имело значения.

Тем временем я попытался связать воедино нити своей прежней жизни, которая стала теперь странной и на удивление чужой. Экспедиция в Маунт-Джордж сделала меня совсем другим человеком. Мое прежнее существование было мне явно не по размеру, словно слишком широкий костюм на высохшем старике, сшитый еще во времена его молодости, когда он был выше, упитаннее и счастливее.

В доме на Уоррен-стрит прочно поселилась печаль, хотя внешних проявлений траура не наблюдалось: судья Винтур решил ради душевного спокойствия супруги поступиться условностями.

Престарелая дама редко покидала свою комнату. О ней заботились миссис Арабелла и Мириам. Судья навещал жену два-три раза в день, но ее общество не приносило ему утешения.

— Теперь она не всегда меня узнает, — пожаловался судья, когда одним сентябрьским вечером мы сидели за бокалом вина. — Она поворачивает

ко мне голову, но смотрит сквозь меня. И разговаривает с детьми.

— С детьми? — удивился я.

— Да. С Джеком и малышкой Хетти. Их она видит вполне отчетливо. Иногда ей кажется, что Джек снова стал маленьким мальчиком, а его сестре всего годик. Видите ли, она умерла в этом возрасте. Жена им поет. Но все лучше, чем когда она расстраивается. О да, гораздо лучше.

— А что говорит врач?

— Ну а что они обычно говорят? — отозвался судья Винтур. — Они пускают ей кровь, дают слабительное, прописывают то одно, то другое. Но толку чуть, она лишь становится еще слабее. Старость и печаль не излечишь.

Я не мог найти слов утешения для судьи, ибо он совершенно точно поставил диагноз. Умственные способности миссис Винтур с каждым днем все больше деградировали. Впрочем, выпадали дни, когда ее голова прояснялась, но максимум на час или около того, так что легче никому не становилось. В моменты просветления она вспоминала, что Джек ушел на войну, как мы ей и сказали.

— А когда он вернется домой? — спрашивала она мужа и невестку.

— Скоро, — отвечали они.

И тогда старая миссис Винтур секунду-другую плакала и волновалась за его безопасность. После чего ее разум отлетал прочь. Иногда секунду спустя она снова задавала тот же вопрос. И ей давали тот же ответ.

Глава 62

Как-то вечером во второй половине сентября, вернувшись домой, я застал миссис Арабеллу одну в гостиной. Она сидела с книгой в руке, рядом стоял чайный поднос. Свечи тускло горели, но, несмотря на полумрак, что-то явно изменилось. Комната неожиданно показалась мне более просторной, в ней стало больше воздуха.

Миссис Арабелла отложила книгу и предложила мне чай:

— Судья скоро спустится. Он сейчас у миссис Винтур.

Я принял чашку из рук миссис Арабеллы, затем огляделся по сторонам и наконец понял, что именно изменилось.

— Вы убрали картину, — заметил я.

Миссис Арабелла внимательно за мной наблюдала.

— А я все сижу и гадаю, когда вы заметите, — почти шутливо сказала она. — Я больше не могла видеть здесь эту картину. Джосайя с привратником убрали ее сегодня днем.

Большое полотно с изображением Маунт-Джор-

джа, висевшее на почетном месте над камином, доминировало в гостиной. Одинокая свеча на каминной доске открывала взору призрачные следы исчезнувшей картины: светлый прямоугольник, обозначенный пятнами копоти на обоях.

— Вы хотите повесить картину в другом месте? — спросил я. — Или просто убрали подальше?

— Я велела Джосайе разрезать ее и сжечь в кухонном очаге, сэр. И раму заодно. Хоть какая-то польза будет.

— Думаю, вы не слишком любили Маунт-Джордж, да? Помню, вы однажды упомянули об этом.

Она не сразу ответила, а затем вроде бы ни с того ни с сего произнесла:

— Лучше идти вперед, а не назад. Иногда нужно оставить прошлое там, где ему самое место: в прошлом. Вы согласны?

— Да. — Я вспомнил об Августе и о тех ошибках, которые и я, и она совершили. Быть может, миссис Арабелла думала о Джеке. — Хотя иногда это проще сказать, чем сделать.

Мы пили чай в уютном молчании. Между нами снова установилась хрупкая близость — та, что

иногда возникала прежде, правда очень редко и ненадолго. Полагаю, свет свечей способствовал большей интимности, ибо сумрак создает доверительную обстановку. И я наконец решился.

— Мадам, прежде чем вы окончательно распрощаетесь с прошлым, я должен сообщить вам нечто важное о Маунт-Джордже.

Миссис Арабелла подняла голову:

— Ой, а я все гадала!

— Насчет чего?

— Было ли там что-то еще.

— Мне требовалось время, чтобы подумать и принять правильное решение. — Я понял, что миссис Арабелла заставила меня занять оборонительную позицию.

— Вы из тех мужчин, которые умеют хранить секреты.

Я склонил голову: символический поклон в благодарность за символический комплимент.

— А кроме того, я рассудил, что у вас были более неотложные дела.

— Это имеет отношение к смерти моего мужа?

— Нет. Или, скорее, я не вижу, каким образом это может быть связано. Впрочем, я не уверен. На самом деле я сейчас вообще ни в чем не уверен.

— А вы, сэр, оказывается, настоящий философ.

К моему величайшему облегчению, наш разговор прервал стук в дверь. Мириам принесла новые свечи.

— С вашего позволения, мэм, — присев в реверансе, сказала она. — Хозяин просил передать вам, что пошел спать.

— Но ведь еще совсем рано.

— Да, мэм, но он устал. — Женщины многозначительно переглянулись. — Очень устал.

Когда миссис Арабелла отпустила служанку, я сказал:

— Боюсь, мистер Винтур нездоров.

— В этом нет ничего удивительного. Так что вы хотели сказать?

Итак, если судья отошел ко сну, нам, вероятно, никто не помешает.

Извинившись, я поднялся в свою комнату за тремя кусками руды и пакетом с бумагами, которые еще раньше положил в холщовый мешочек. Вернувшись в гостиную, я поставил его на маленький столик возле кресла миссис Арабеллы, молча наблюдавшей за моими манипуляциями.

Я развязал шнурок, которым был затянут мешочек, и, достав оттуда один за другим три куска руды и клеенчатый пакет, выложил все это на столик со словами:

— Вот почему капитан Винтур так стремился попасть в Маунт-Джордж.

Миссис Арабелла потрогала указательным пальцем ближайший к ней кусок руды, затем взяла его со столика и пощупала, взвесив в ладони:

— Это металл?

— Позвольте вам показать. — Достав перочинный ножик, я взял другой кусок руды, немного поскреб сбоку и отдал миссис Арабелле. — Поднесите к пламени свечи, мэм, и внимательно присмотритесь.

Она все сделала так, как я велел.

— Там внутри что-то блестит, — сказала она. — Похоже на золото.

— Капитан Винтур был уверен, что это золото. Как и ваш отец, насколько я понимаю, хотя точно не знаю. Я не отдавал его на анализ.

Миссис Арабелла положила кусок руды на столик:

— Откуда взялось золото?

— Кажется, на одном из участков земли, которыми владел ваш отец, есть месторождение золота.

У миссис Арабеллы округлились глаза.

— Но в этой части Америки нет золота, ведь так? Где находится тот участок земли? В Маунт-

Джордже?

— Нет, мэм. В Северной Каролине.

Она встрепенулась и уставилась на меня круглыми глазами:

— В руках повстанцев?

— Да.

Миссис Арабелла отвернулась и замолчала. У нее был аналитический и рациональный склад ума. Кто-то даже назвал бы его мужским. Ей требовалось время, чтобы все хорошенько обдумать, и она ни за что на свете не стала бы торопиться ради меня или кого-то другого.

— А что в пакете? — наконец спросила она.

— Я не открывал его. Капитан Винтур говорил, там документы, подтверждающие права вашего отца на землю, и инструкции, где находится участок с золотой жилой. Однако капитан Винтур полагал, что инструкции слишком расплывчатые. «Ничего конкретного» — так он сказал.

— Мой отец любил ребусы и загадки, над которыми приходилось поломать голову. Он разгадывал их на досуге для развлечения. — Ее рука с растопыренными пальцами зависла над пакетом с бумагами и куском руды. — Вы обнаружили это в Маунт-Джордже?

— Капитан Винтур нашел.

— Он знал, где искать. — Это был не вопрос, а утверждение.

— Мистер Фруд сообщил о своем открытии капитану Винтуру перед отъездом того в полк. Ваш отец также показал, куда он спрятал документы и образцы руды. На случай, если ему не удастся уехать в Нью-Йорк.

Губы миссис Арабеллы искривились в горькой усмешке.

— В своей шкатулке с диковинками? Именно там он все прятал? Именно там он все это прятал?

Я изумленно уставился на миссис Арабеллу:

— Как вы узнали?

— Тут нет никакого секрета. Мой муж говорил вам о шкатулке в горячечном бреду после ранения. Разве вы не помните? Он еще спрашивал, принесли ли вы ему шкатулку.

— Ну конечно! Вы ведь тогда тоже сидели рядом.

— Я помню отцовскую шкатулку, точнее, сундучок. За несколько лет до войны отец заказал по своим эскизам сундучок, чтобы перевозить образцы. — В свете свечей белки глаз миссис Арабеллы мерцали желтым. — Но что меня действительно удивляет, сэр, — как вы могли узнать о шкатулке

задолго до всех этих событий?

— Мадам, вы, должно быть, ошибаетесь. Я…

— Нет, сэр, отнюдь. — Теперь она говорила очень тихо, и мне пришлось наклониться к ней поближе, чтобы расслышать слова. — Когда вы допрашивали меня о смерти мистера Пикетта… по-моему, весьма неделикатно, сэр, если на то пошло… под конец вы задали мне вопрос. Вы спросили, не говорил ли мистер Пикетт о шкатулке с диковинками.

— Разве? — Вопрос прозвучал довольно жалко, но я попытался сохранить достоинство и решительно произнес: — Но тогда был совсем другой случай, мэм. Это касалось государственных дел, которые я был не вправе обсуждать с частным лицом.

— Глупости! Я не ребенок, и вы не можете обвести меня вокруг пальца подобной чепухой. Мистер Сэвилл, я была о вас лучшего мнения.

— Вовсе не глупости. Я действовал из лучших побуждений.

Она наклонилась вперед, и ее лицо оказалось совсем близко от моего.

— Я не верю в подобные совпадения, сэр. Да и вы наверняка тоже. Вами движет вовсе не доброта. Нет, у вас на уме нечто совсем другое.

Я снова почувствовал аромат розового масла. Она была прекрасна в пылу страсти. Я беспомощно следил за тем, как она прячет в холщовый мешочек куски руды и нераскрытый пакет с документами, а затем молча покидает комнату, прижимая мешочек к груди, точно младенца.

Глава 63

В течение следующих нескольких дней мне так и не предоставилось возможности поговорить с миссис Арабеллой с глазу на глаз отчасти потому, что меня завалили работой по заключению соглашений от имени Американского департамента, но скорее потому, что она позаботилась о том, чтобы на Уоррен-стрит у меня не было такой возможности. Когда мы встречались за обеденным столом или сталкивались в холле, она вела себя предельно любезно, но возникало ощущение, будто между нами стекло.

Ее нелестное мнение о моих мотивах немало расстраивало меня. Неужели она решила, что я шпионю для правительства? Или что я алчный человек, пожертвовавший своими моральными принципами ради золотого тельца? Хотя простая истина заключалась в том, что я жалел женщину, оказавшуюся в сложной жизненной ситуации, и добивался ее расположения иногда в ущерб своему душевному равновесию.

Я даже стал подумывать о том, чтобы написать ей письмо, но я давным-давно понял, что глупо

доверять конфиденциальные вопросы бумаге, которая может оказаться в руках недоброжелателей.

Нет, лучше подождать. Лучше ждать и надеяться.

В конце той же недели мне случилось зайти домой к мистеру Таунли. Как сейчас помню, была годовщина коронации их королевских величеств, и когда я шел в сторону Ганновер-сквер, то на секунду даже оглох от грохота королевского салюта из артиллерийской батареи на южной оконечности острова Манхэттен, за которым последовали залпы орудий с военных кораблей в гавани. Думаю, если бы какой-нибудь повстанец услышал эту канонаду, свидетельствующую о военной мощи Великобритании, то у него задрожали бы поджилки от страха.

Я пришел к Таунли по его личному приглашению, но привратник сообщил, что хозяин задерживается у адъютанта генерала Клинтона. Мистер Таунли оставил для меня записку, где извинялся за причиненное неудобство и просил подождать его несколько минут в столовой в другом конце холла.

Не успел я сесть за стол, как дверь в отделанной панелями стене с шумом распахнулась, задев

стоявший рядом буфет. Какой-то малыш влетел в комнату спиной вперед, зацепился за край ковра, упал на пол и, стукнувшись головой о ножку стола, пронзительно завопил от боли и ярости.

Следом за ним в столовую вбежал ребенок повыше и постарше, девочка лет семи-восьми, размахивавшая метлой с самыми враждебными намерениями. Заметив меня, она застыла на пороге.

Ее поведение насторожило брата, который поднялся на ноги и уставился на меня большими глазами. На секунду мы все трое притихли.

А потом я расхохотался.

Дети продолжали таращиться на меня. Мой смех, похоже, потряс их больше, чем сам факт присутствия незнакомца в их столовой. И если бы стол, за которым я сидел, внезапно продемонстрировал признаки веселья, они, наверное, и то были бы меньше удивлены.

Внезапно я услышал торопливые шаги в смежной комнате. В столовой появились две женщины: дама, которая с ходу принялась яростно трясти девочку за плечи, и чернокожая служанка.

Я поспешно встал. Увидев меня, женщина взвизгнула.

— Прошу прощения, мадам, я не хотел вас напугать, — поклонился я.

Дама зарделась, точно юная девушка, что сразу бросилось мне в глаза, поскольку кожа ее казалась ужасно бледной, почти прозрачной. Лицо было усыпано веснушками и испещрено рубцами от оспы, а вдоль щек висели пряди рыжих волос, выбившихся из-под чепца.

Реакция служанки оказалась быстрее. Она поспешно схватила девочку, а мальчика, уцепившегося за широкие юбки своей защитницы, погладила по голове.

— Умоляю вас, сэр, не обращайте внимания, — невразумительно произнесла дама. — То есть я безмерно огорчена. Мне так стыдно, что я готова провалиться сквозь землю. Простите великодушно. Эти маленькие проказники никогда не слушают, что им говорят.

— Прошу вас, даже не думайте об этих глупостях, мэм. У меня у самого есть маленькая дочь.

Дама махнула рукой служанке, велев ей увести детей, и не слишком уверенно прошла в собственную столовую. Она была низенькой и пухленькой, а ее платье, даже на мой неискушенный взгляд, знавало лучшие времена.

— Вы, конечно, пришли к моему… к мистеру

Таунли?

— Да, мэм. Ваш слуга проводил меня сюда и попросил подождать пару минут. Моя фамилия Сэвилл. Я имею удовольствие говорить с миссис Таунли, да?

— Да, и в самом деле… мистер Сэвилл, сэр? Из Американского департамента? Насколько я понимаю, вы квартируете у бедного судьи Винтура?

Я снова поклонился, а миссис Таунли в ответ присела в реверансе. Похоже, она была не совсем уверена, что делать дальше. Долг хозяйки дома призывал остаться, а робость характера побуждала уйти. Чтобы помочь ей выйти из затруднительного положения, я завел разговор о детях. Джек Винтур в свое время рассказывал мне, что Таунли стыдится своей жены, на которой женился исключительно ради денег. И в самом деле, она отнюдь не отличалась элегантностью, но при этом была хорошо воспитанной и такой же обходительной, как и ее супруг.

Мы вполне удачно справились с разговором на тему детей, причем настолько, что миссис Таунли, осмелев, поинтересовалась, понравился ли мне Нью-Йорк и каков он по сравнению с Лондоном. Когда мы утрясли этот вопрос, она, вернувшись к теме Винтуров, поведала, что до

войны часто видела жену судьи в церкви Троицы и что старая дама всегда была очень любезна.

— Бедная женщина, — продолжила миссис Таунли. — Мистер Ноак говорит, она теперь вообще не покидает своей комнаты. А это правда, что она не знает о смерти сына? — Миссис Таунли поспешно зажала рукой рот. — Прошу прощения, сэр… я слишком много болтаю… тема наверняка для вас крайне болезненная.

— Теперь это уже не имеет значения, мэм. Но, боюсь, мистер Ноак абсолютно прав. — И тут я сообразил, что судьба в лице миссис Таунли предоставила мне отличный шанс. — А вы знали, что, когда она еще выходила из комнаты, мистер Ноак обычно читал ей Библию? Он даже сейчас помогает судье с бумагами. Мистер Ноак — добрейший из людей. — (Миссис Таунли не смогла скрыть своего удивления, однако с улыбкой кивнула.) — Мне это известно на собственном опыте. Мы с ним плыли из Англии на одном корабле. Он был словно ангел милосердия, когда я заболел.

— Вы страдали от морской болезни? Как я вас понимаю, сэр! Я и сама от нее ужасно мучилась.

Я поклонился засвидетельствовать сочувствие к ее страданиям и свою благодарность за понимание.

— И по удачному стечению обстоятельств ваш муж упомянул, что ему срочно требуется секретарь.

— Разве? — в очередной раз удивилась миссис Таунли, между бровями у нее залегла морщина. — Я вроде ничего такого не припомню.

— Ну что вы! Сразу после моего приезда в Нью-Йорк мистер Таунли пожаловался, что его секретарь скоропостижно скончался. Кажется, от лихорадки. Вот я и предложил на его место мистера Ноака.

— Но, по-моему, мистер Ингем пребывает в добром здравии. Он управляет складом возле винокурни на Лонг-Айленде, и сейчас мы редко его видим.

— Значит, мистер Ингем был секретарем мистера Таунли? В самом деле?

— Да. А до этого он был секретарем моего отца. Когда появился мистер Ноак, мой супруг предоставил мистеру Ингему новую должность. Думаю, он очень компетентный работник. — Миссис Таунли неуверенно улыбнулась. — Хотя, конечно, мистер Таунли не стал бы без нужды нанимать кого-то другого.

— Не сомневаюсь, мистер Таунли отлично разбирается в людях, — заявил я. — Что, впрочем,

весьма кстати, поскольку на него сейчас возложено слишком много обязанностей. Воистину, вы, должно быть, не видитесь с ним по несколько дней кряду.

Я улыбнулся, давая понять, что пошутил. Миссис Таунли обладала удивительной способностью отыскивать возможный скрытый смысл в любой фразе, и ее могли испугать даже самые невинные замечания.

— Он действительно очень занят и… — начала она и осеклась: мы услышали звук открывшейся входной двери и голоса в холле.

Миссис Таунли на секунду замерла, ее глаза округлились, рот приоткрылся, затем она сделала шаг в сторону двери в соседнюю комнату:

— Прошу прощения, сэр, я совершенно забыла… Мне действительно нужно идти… И я не должна была… Я забыла предложить вам чего-нибудь выпить. И теперь что вы обо мне подумаете?

— Только самое хорошее, мэм, — совсем тихо произнес я, чтобы нас не услышали в холле. — Благодарю вас за столь приятный разговор. И я вовсе не хочу пить. Быть может, вы предпочитаете, чтобы я не упоминал о том, что отвлек вас от домашних забот? Что было крайне неделикатно с моей стороны.

Миссис Таунли яростно закивала и одними губами сказала спасибо. Она так бесшумно выскользнула из комнаты, что я не услышал, как щелкнул замок.

Голоса в холле стали громче. Хлопнула входная дверь. Скрипнула дверь в столовую, и в комнату влетел мистер Таунли, немедленно обрушивший на меня шквал поклонов и улыбок.

— Прошу прощения, сэр. Вы ведь помните мой перевалочный пункт на причале Нормана? Мне нужно было проверить, чтобы груз для наших доблестных людей на Паулюс-Хук был доставлен сегодня вечером. Военный ум, похоже, совершенно не способен понять, что контролировать приливы не в моих силах.

Он отвел меня в свою личную комнату и предложил вина. Я навестил его отчасти для того, чтобы узнать о составленных им ежемесячных отчетах об арестах, которые мне следовало отправить с моими комментариями мистеру Рэмптону, а отчасти для того, чтобы обсудить расквартирование некоторых беженцев, имевших влиятельных друзей в Вестминстере.

Мы управились с делами за двадцать минут и поболтали о том о сем за бокалом вина. Я не стал упоминать о встрече с миссис Таунли и ее детьми,

но завел речь о зимней программе Королевского театра, объяснив, что хочу абонировать ложу с начала театрального сезона в декабре.

— Винтуры, естественно, не смогут пойти в театр из-за траура. Но, надеюсь, вы присоединитесь ко мне, сэр.

— С удовольствием, — ответил Таунли.

— И миссис Таунли тоже, если это ее развлечет?

— Благодарю вас от имени своей супруги, сэр, но нет, — торопливо сказал Таунли. — Она редко выходит из дома по вечерам, а кроме того, не считает посещение театра приемлемым.

Я не стал задерживаться и вскоре откланялся.

Когда Таунли встал, чтобы проводить меня, его взгляд упал на лежавший на столе лист бумаги. Взяв бумагу, он помахал ею у меня перед носом:

— Совсем забыл. Вас спрашивал какой-то беженец.

— Ничего удивительного, — ответил я. — Значит, завтра на лестнице дома на Брод-стрит меня будет ждать еще один проситель.

— Полицейский, зарегистрировавший прошение, сделал приписку. Она сказала, вы с ней знакомы и за нее поручитесь.

— Она?

Таунли постучал пальцем по своему внушительному носу, напустив на себя плутоватый вид:

— Поначалу я решил, что тут замешаны сердечные дела. Наконец-то. Но, полагаю, это не тот случай. Она еще совсем маленькая, да к тому же грязная оборванка. — Он поднес записку близко к глазам и прищурился, поскольку тщеславие не позволяло ему носить очки. — Мирабель или что-то вроде того? Нет, Мехитабель. Мехитабель Типпет.

Глава 64

Они держали Мехитабель Типпет в тюрьме военной полиции, унылом здании в северо-западной части Боулинг-Грина. Я отправился туда прямо от мистера Таунли.

Часть здания была отведена для временного размещения беженцев, прибывавших в город без средств к существованию или друзей, которые могли бы за них поручиться. Эти несчастные вели жалкое существование. Их содержали в двух больших камерах: мужчин — в одной, женщин — в другой, и выводили на прогулку во двор между женским и мужским отделением.

Камеры располагались частично ниже уровня земли, так что летом там, по крайней мере, было прохладно. Перенаселенность стала проблемой для города, принявшего намного больше беженцев, чем он мог переварить, а те из них, кто не имел собственных средств, стали для правительства тяжким бременем.

В военной полиции меня хорошо знали, поскольку я нередко бывал там по служебным делам. Клерк провел меня по каменной лестнице

вниз, в комнату, где ответственный чиновник выполнял роль старшего надзирателя, контролирующего прибытие и убытие беженцев. Старшим надзирателем был краснолицый виргинец, разжиревший на поборах, широкую возможность для которых открывала его должность.

И хотя я никогда не давал ему взяток, он встретил меня чрезвычайно любезно и, рассыпавшись в комплиментах, попытался ненавязчиво рекламировать себя, поскольку имел явно преувеличенное представление о моем влиянии в штаб-квартире и о тех привилегиях, которыми я обладал.

— Девочку привели или вчера, или сегодня рано утром, — сказал я. — Ее зовут Мехитабель Типпет, она из округа Уэстчестер.

— Я знаю, сэр. Она едва не прокусила мне руку, когда мы определяли ее сюда.

Боже правый, подумал я, у нее это уже вошло в привычку, она ведь и беднягу Грантфорда тогда укусила.

— Сейчас же приведите ее ко мне!

— Да, сэр, конечно. Хотите поговорить с ней здесь?

— Вы меня не поняли. Ее следует передать на мое попечение.

Надзиратель прищурил глаза. Интересно, какие грязные мысли на мой счет возникли у него в голове? Ходили слухи, что он не гнушался вымогательством сексуальных услуг у женщин, находившихся под его надзором. А ведь давно известно, что низкий человек склонен приписывать и другим самые низкие мотивы.

Впрочем, он хорошо понимал, что со мной лучше не связываться. Пыхтя от напряжения, он поспешил за надзирательницей, отвечавшей за женское отделение. Спустя десять минут эти двое вернулись с девочкой, зажатой между ними, как лесной орех в гигантских щипцах для орехов.

Если бы я столкнулся с Мехитабель на улице, то, скорее всего, не узнал бы ее, хотя с момента нашей встречи прошло менее двух месяцев. Она была тогда очень худой, это я хорошо помню, с копной темных волос. Но ребенком. Ее платье было залатанным и выцветшим, но чистым.

На ней было то же самое платье, но теперь не только залатанное и выцветшее, но и ужасно грязное и рваное. Она осталась такой же худой, а ее волосы казались еще более спутанными, чем тогда, когда мы застукали ее за ловлей рыбы в пруду в Маунт-Джордже. Лицо девочки уже не выглядело чистым, хотя кто-то явно попытался

наспех вымыть его, отчего на платье остались грязные разводы.

Тем не менее самая разительная перемена состояла в том, что за восемь недель, прошедших после нашей встречи, она будто сразу резко повзрослела. В выражении ее лица чувствовалась настороженность. Крошечные грудки натягивали тонкую ткань платья. Да, она по-прежнему оставалась юной, но внезапно утратила все, что было в ней детского.

Потеряла? Или ее этого лишили?

— А как насчет вещей? — спросил я.

— Вот, ваша честь. — Надзирательница протянула мне потрепанную соломенную корзинку.

— Отдайте это ей.

Надзирательница беспрекословно повиновалась. Они со старшим надзирателем отошли подальше от девочки. Ну а та даже не смотрела на меня, ее лицо оставалось безучастным.

— Ты пойдешь со мной, — заявил я. — Я беру тебя на поруки.

Мехитабель не проронила ни слова, но пошла следом, держась в паре шагов от меня, точно побитая собака. Я вывел девочку на свежий воздух и остановился. Она озиралась вокруг, глядя на толпы народу и высокие дома. Возможно,

впервые за свою короткую жизнь она видела большой город.

— Мехитабель… — произнес я.

Она облизала потрескавшиеся губы и провела рукой по бедру — жест, подходящий скорее для зрелой женщины и другого места.

— Что я должна сделать, сэр?

Лицо Мехитабель внезапно утратило все оставшиеся краски, и она начала раскачиваться. Я взял ее за руку. Девочку, похоже, передернуло от моего прикосновения, но она не сопротивлялась. Я подвел Мехитабель, легкую, как пушинка, к скамье неподалеку.

— Когда ты в последний раз ела?

Она пожала худенькими плечами:

— Думаю, вчера, сэр.

Я нашел на Бродвее кофейню между Барклай-стрит и Робинсон-стрит. В это время дня народу было немного. Я провел Мехитабель к одной из уединенных кабинок в глубине зала, сел за столик и жестом пригласил свою подопечную занять место напротив. Когда к нам подошел официант, я заказал для нее суп, хлеб и портер, чтобы запить еду, а для себя — хереса.

Меня поразило, что она, похоже, не нашла странным, что я позволил ей сесть со мной за сто-

лик. Неужели невзгоды лишили ее способности удивляться? Может, она, дочь фермера-арендатора, до войны знавала лучшие времена? А может, это всего-навсего американская манера не обращать внимания на классовые различия?

Когда принесли еду, я велел Мехитабель есть не спеша. Бесполезно. Все равно что бросать слова на ветер! Уже через секунду в миске и тарелке ничего не осталось. Мехитабель подобрала крошки, послюнив палец, и попросила добавки.

— Нет. Пусть сперва еда уляжется в животе. А потом получишь еще.

Секунду-другую мы пили в полном молчании. Она сидела, понурившись, черные волосы плотным занавесом падали ей на лицо. Между спутанными прядями деловито сновала серая вошь.

— Лучше расскажи мне, что произошло.

Она осталась сидеть с опущенной головой.

— Мистер Варден вернулся вскоре после вашего ухода, сэр.

— Варден? — Джек называл мне это имя. — Пресвитерианский священник? Глава местной милиции?

— Да, сэр. Должно быть, кто-то за нами шпионил и донес на нас. Варден велел пороть мою

мать до тех пор, пока она не скажет, куда вы ушли, зачем появились на Спорных территориях и что делали в Маунт-Джордже.

— Но она ничего не знала.

Мехитабель пропустила мои слова мимо ушей:

— И у нее случился припадок, сэр. Может, от боли. И она померла прямо под плетью. У нее и раньше были приступы, хотя и не такие сильные. А мистер Варден сказал, это Господь свершил свой суд над грешницей и предательницей.

— А что потом было с тобой?

— Мистер Варден взял меня в свою семью, чтобы я работала судомойкой, сэр. Он сказал, это акт христианского милосердия. Платить добром за зло. И Бог его за это вознаградит.

Речь Мехитабель была гладкой, но монотонной, как будто она зачитывала скучный чужой отчет о ком-то, кто ее не слишком интересовал.

Кров и еда, подумал я. По крайней мере, она была в безопасности среди знакомых людей. Но тогда почему она убежала?

— А что слышно о твоем брате? Он по-прежнему в армии в Южной Каролине?

— Он умер от оспы, и я надеюсь, что он в раю.

— Так ты поэтому ушла от Варденов?

Ее голос оставался таким же монотонным:

— Они отправили меня спать в хлев, сэр. Миссис Варден сказала, если я захочу есть, то могу доесть остатки корма для свиней. А ночью пришел мистер Варден и прилег рядом со мной на солому.

— Что? Ты хочешь сказать…

Мехитабель наконец подняла голову, ее взгляд остановил меня на середине фразы.

— Он сказал, что он совсем как Элифаз, феманитянин, друг Иова, сэр. Он сказал, что пришел соединиться со мной и утолить мои печали, но если я пожалуюсь или обмолвлюсь об этом хоть словечком, то он велит высечь меня до крови за воровство, а потом выставит за дверь голышом.

Голышом. Внезапно Мехитабель снова стала ребенком. Я вспомнил, как моя дочь Лиззи радостно визжала, когда мы раздевали ее перед купанием возле кухонного очага, а потом кричала, что она совсем голышом, совсем как Адам и Ева в райском саду.

— И что ты сделала?

— Стащила немножко еды и сбежала. Я хотела попасть в Нью-Йорк и попросить капитана Винтура мне помочь.

— Ты добралась сюда самостоятельно, без чьей-либо помощи?

Она покачала головой:

— По дороге я связалась с тремя мужчинами. Они сказали, что тоже идут сюда. И я пошла с ними.

Мехитабель снова потупилась.

Ее слова прозвучали двусмысленно, хотя, вероятно, не намеренно. Я догадался, что случилось потом. Война делает из нас животных, особенно из сбившихся в шайку мужчин, сбросивших с себя оковы морали и дисциплины. Мехитабель заплатила за покровительство единственной имевшейся у нее монетой.

Через секунду она пошевелилась и сделала большой глоток портера.

— На Королевском мосту мне сказали, что капитана Винтура убили, — продолжила девочка. — Тогда я постаралась найти вас вместо него.

— И правильно сделала, — похвалил я Мехитабель. — Теперь тебе больше не нужно волноваться за свое будущее. Я поговорю с судьей Винтуром и миссис Арабеллой, ну а там мы что-нибудь придумаем.

— Но мисс Белле это может не понравиться, сэр.

— С чего вдруг? Она не будет винить тебя за смерть капитана Винтура, дитя. Ты здесь совершенно ни при чем.

— Нет, сэр, дело не в этом. Просто я буду напоминать ей о той ночи, когда убили сквайра. — Мехитабель посмотрела на меня большими карими глазами, бесхитростными, как у маленького зверька. — Понимаете, сэр, я там была.

Глава 65

— Пожалуйста, сэр, — попросила девочка. — Я умираю с голоду.

Я поманил официанта и спросил, что у них есть в меню. Мы остановились на солонине с луком и фасолью для Мехитабель и еще одном бокале хереса для меня. Положа руку на сердце, я был рад передышке.

Что ж, я достаточно хорошо изучил миссис Арабеллу и судью Винтура, чтобы не сомневаться в том, что они не бросят на произвол судьбы несчастного ребенка, возлагавшего столь большие надежды на их милосердие. Ну а в случае необходимости я смогу покрыть расходы, которые, возможно, потребуются на содержание Мехитабель.

Тем не менее мне не хотелось вести девочку на Уоррен-стрит, предварительно не подготовив для этого почвы. Ведь сейчас все домочадцы оплакивали мертвых, а возможно, и живых. Мехитабель Типпет станет для них напоминанием о прошлом, которое они пытаются забыть.

Имелось еще одно соображение. Провидению

было угодно обеспечить меня независимым свидетелем того, что произошло в Маунт-Джордже почти три года назад, того, что повлекло за собой целую цепь событий, кульминацией которых стало убийство мистера Фруда и бегство миссис Арабеллы в Нью-Йорк.

Те события в конце концов побудили капитана Винтура предпринять поездку в Маунт-Джордж и, вероятно, привели к его убийству. Мне казалось, они могли иметь и другие последствия — крупные и мелкие, — способные хоть как-то объяснить многое из того, что озадачивало и тревожило меня с тех пор, как я приехал в Нью-Йорк.

И ключ к тайне мог храниться в памяти этого тщедушного ребенка. Поэтому, прежде чем вести Мехитабель на Уоррен-стрит, где я не смогу ее контролировать, мне следовало допросить девочку и извлечь каждую крупицу информации, которой она располагала.

Я потягивал херес и смотрел, как она ест. Она сгорбилась над тарелкой, точно кошка над своей добычей, набивая рот едой. Закончив, она в два глотка допила портер. Ее щеки раскраснелись. Она выпрямилась и облизала губы. Потом зевнула.

— А ты часто бывала в Маунт-Джордже? — Я

старался говорить как можно более небрежно, словно мной двигало исключительно праздное любопытство. — Я хочу сказать, перед тем как его сожгли.

Мехитабель подняла на меня глаза:

— Да, сэр. У моего отца были дела с мистером Фрудом, и отец иногда брал меня с собой, чтобы побаловать. А иногда он оставлял меня там на день или два, потому что экономка была ко мне добра и я помогала ей в буфетной.

— А дела твоего отца были связаны с фермой?

— Думаю, да, сэр.

— Ты ходила туда уже после начала войны?

— Сперва мы вообще не особо заметили войну, сэр, — кивнула девочка. — Поначалу все было совсем не так, как потом. Помню, мистер Джек уезжал на войну, а мистер Фруд сказал, что он вернется еще до окончания лета, ведь повстанцы долго не продержатся.

— Это, должно быть, происходило весной семьдесят шестого. — Я сделал паузу. — Миссис Арабелла тогда носила под сердцем ребенка.

— Ваша правда, сэр. — Мехитабель вытерла рот рукавом, теперь она окончательно расслабилась и даже прислонилась спиной к стене. — Бедная леди. А сквайр был прямо-таки на седьмом небе

от радости. Не сомневался, что она подарит ему наследника. Только родился не мальчик, как вы сами знаете, сэр, да и родился тот ребеночек то ли мертвым, то ли уже не жильцом. Ужасное время, сэр. Я была одна в том доме, потому что отец оставил меня там, и вот тогда-то и пришел солдат повстанцев, в аккурат наутро после родов. Он…

— Что? Это было в тот самый день, когда они сожгли особняк?

— Ой нет, сэр. Пожар случился потом. А это было, когда сержант Пикетт пришел в первый раз, а сквайр был занят с Ювеналом в…

— Постой-ка, дитя. Не торопись. Позволь мне понять. Ты можешь вспомнить, когда это произошло? В какой день месяца?

Она сосредоточенно прищурила глаза и принялась задумчиво возить по тарелке лежавшую там ложку. Прошла минута, потом другая. Я открыл было рот, собираясь продолжить допрос, но тут в дверях кофейни возникла какая-то суматоха и послышались проклятия.

Мы с Мехитабель дружно устремили глаза в сторону двери. В кофейню с улицы торопливо вошел какой-то солдат. В спешке он натолкнулся на официанта, в результате чего целый поднос с пустыми пивными кружками взлетел на воздух.

Я сразу узнал солдата: это был ординарец Марриота. Солдат энергично зашагал в мою сторону, отодвинув рукой возмущенного официанта.

— Ваша честь! — Ординарец вытянулся по стойке смирно. — Письмо от майора Марриота, сэр.

Он протянул мне незапечатанный, небрежно сложенный бумажный квадратик, на внешней стороне которого карандашом торопливым и почти неразборчивым почерком Марриота было написано мое имя.

— Сперва пошел на Ганновер-сквер, ваша честь, как велел мне майор Марриот, а оттуда меня отправили в военную полицию, но, на счастье, часовой вас видел и…

— Придержи язык! — велел я.

Я развернул бумагу. Это было одно из лаконичных посланий Марриота:

> *Дорогой Сэвилл, из Ирландии под конвоем военного корабля «Робак» пришел караван судов. Срочная почта для вас.*
>
> ***Р. М.***

Срочная почта? Но это никак не могло быть ответом Рэмптона на мой отчет о фатальной экспедиции в Маунт-Джордж и об убийстве капитана Винтура. Письмо, адресованное Рэмптону,

ушло самое большее шесть недель назад, и он, возможно, еще не получил его. Но тогда к чему отправлять срочную почту?

Мы прошли по Бродвею до форта Джордж следом за ординарцем, расчищавшим дорогу в толпе. В штаб-квартире я поручил Мехитабель заботам ординарца и, дав ему несколько пенсов, велел отвести девочку в буфет. Мехитабель ужасно не хотела со мной расставаться, поскольку мое лицо было единственным знакомым ей в этой непонятной для нее и непонимающей толпе.

Я направился прямо в почтовый отдел. Увидев меня, старший клерк оставил офицера, которого обслуживал, и подошел ко мне со срочным письмом из Американского департамента. Адрес был начертан рукой Рэмптона. Я расписался за получение письма. Не в силах ждать, я вскрыл послание и отошел в сторонку, чтобы тут же прочитать его.

Почерк Рэмптона был слишком размашистым и крайне неразборчивым, словно мой начальник писал второпях и при плохом освещении, возможно, на портативном столе для письма, когда он трясся на ухабах в своем экипаже. Я нашел дату: 7 августа. Тот самый день, когда я начал писать свой аккуратно сформулированный отчет о

поездке в Маунт-Джордж. Я прочел письмо, но не понял смысла отчасти из-за скорости, с которой пробежал его глазами, а отчасти из-за того, что новости, которые оно содержало, были настолько неожиданными, настолько невероятными, что мой разум просто отказывался их воспринимать.

Мой дорогой Сэвилл, у меня для Вас крайне огорчительные новости, и я не буду ходить вокруг да около. Миссис Сэвилл больше не находится в Лондоне. С прискорбием сообщаю Вам, что она уехала на континент на борту роттердамского пакетбота 5-го числа. И что хуже того, она была не одна. Она отправилась в путешествие с мужчиной, который в Лондоне представлялся как барон Георг фон Штрейхер, баварский господин, находящийся при дворе курфюрста Карла Теодора. Перед отъездом она весьма дерзко написала мне, что собирается принять католическую веру, что даст возможность папе римскому аннулировать ее брак с Вами и позволит ей выйти замуж за фон Штрейхера. Но она, кажется, не подозревает, что ни папа,

ни ее любовник не собираются оказать ей подобную услугу. Фон Штрейхер такой же барон, как и я, и, весьма вероятно, уже женат. Со следующим пакетботом я отправлю Вам более подробное письмо. Нет нужды говорить, что весь Лондон обсуждает этот скандал, и это причиняет множество неудобств. Какая жалость, что Вы не сочли нужным взять эту глупую женщину с собой в Нью-Йорк.

Х. Р.

Лиззи, подумал я. Знает ли Лиззи, что мать бросила ее? И тут мне в голову пришла еще более страшная мысль. Августа наверняка не взяла Лиззи с собой в Роттердам или даже в Мюнхен, да? Я скомкал письмо в руке и с размаху стукнул кулаком по стойке. Все вокруг сразу притихли и, оторвавшись от своих писем, уставились на меня. Старший клерк, протянув руку, шагнул ко мне.

Я проигнорировал их всех. Покинув почтовый отдел, я нашел в буфете Мехитабель. Когда мы вышли из штаб-квартиры, она странно посмотрела на меня и, помолчав, наконец спросила:

— Что случилось, сэр?

— Ничего.

— Вы ужасно бледный, сэр.

Я посмотрел на девочку пустыми глазами и с трудом выдавил из себя:

— Это не должно беспокоить тебя, дитя.

Глава 66

Мы направились назад тем же путем по Бродвею. У меня не было ни плана действий, ни конкретной цели. Я шел быстрым шагом, опустив голову. Мехитабель семенила рядом со мной. Через несколько сотен ярдов она коснулась моей руки:

— Пожалуйста, сэр? Нельзя ли идти чуть помедленнее?

К этому времени я практически забыл о ее присутствии. Я бросил на нее быстрый взгляд. Она тяжело дышала и держалась левой рукой за бок. До меня слишком поздно дошло, что она наверняка устала и натерла ноги. Более того, недавняя сытная трапеза, должно быть, еще больше усиливала дискомфорт.

Мы миновали развалины церкви Троицы слева от нас. Я провел Мехитабель через ворота в церковный двор. В этот час народу было немного, если не считать группы рабочих, готовивших площадку для вечерних торжеств в честь коронации.

Я не был здесь со времени похорон капитана

Винтура. Мы прошли по траве к ограде, внутри которой находился квадратный участок с могилами Винтуров. Земля там была сухой и пыльной от летней жары. Камнетес еще не закончил свою работу, поэтому ничто не указывало на то, что тело Джека лежит всего в нескольких футах под нами.

Впрочем, девочка ничего об этом не знала. Я опустился на ближайшую скамью и жестом пригласил ее присоединиться ко мне. Несколько секунд мы просто сидели, прислушиваясь к посвистыванию рабочих и стуку их молотков.

Я рогоносец, думал я. И очень скоро Рэмптон к тому же лишит меня должности. Сейчас я для него камень на шее.

— Мне продолжать, сэр? — тихо спросила Мехитабель.

— Что?! — рявкнул я.

Она отшатнулась, точно от удара. Что сразу привело меня в чувство, по крайней мере отчасти. Ребенок уже достаточно настрадался, а в будущем малышку наверняка ждет еще больше страданий. И мне не стоило без нужды еще больше умножать ее печали.

— Продолжать что? — уже мягче спросил я.

— Вы спрашивали про Маунт-Джордж, сэр. Ну…

вы помните, тогда в кофейне. Перед тем как мы оттуда ушли. — Неужели Мехитабель специально завела разговор, и в порыве естественной женской отзывчивости, обостренной выпавшими на ее долю невзгодами, решила меня отвлечь? — Так вы помните?

Я действительно помнил. Она сказала: сержант Пикетт.

Солдат повстанцев, который заявился в Маунт-Джордж.

Мой мозг с радостью переключился на другую тему. Ну вот, опять Роджер Пикетт — сержант, как и говорил доктор Слайп, по словам которого Пикетт был в военной форме весной 1776 года, когда повстанцы заняли город и доктор Слайп встретил Пикетта на улице.

Но если Пикетт появился в Маунт-Джордже в тот день, когда родила миссис Арабелла, значит дело было в ноябре того же года, когда генерал Вашингтон и его разбитая армия покинули город и отступили под натиском британцев.

В этот самый момент у меня в голове все сложилось в единую картину вероятного хода событий, как будто мой ум только и ждал этой подсказки, ждал, чтобы Мехитабель произнесла слова, связавшие Роджера Пикетта с разрушением

Маунт-Джорджа. Фруд купил поместье Пикетта еще до войны, так как знал, что в земле имеются залежи золота. А что, если Пикетт услышал или догадался об этом? А что, если он решил, что его обманули? Адвокат сказал бы, что оспаривать сделку бессмысленно. Однако с точки зрения этики все было не так однозначно.

Оказавшись вблизи Маунт-Джорджа среди неконтролируемого сброда, который представляла собой отступающая армия, Пикетт, естественно, решил нанести визит мистеру Фруду в надежде получить с него еще денег или просто поживиться тем, что удастся найти. Но Фруд, насколько я успел понять, явно не относился к числу тех, кого можно было легко запугать.

Неужели он сам накликал на себя смерть?

Быть может, Фруд свалял дурака и всем раструбил о своей находке. На той стадии конфликта всем, должно быть, казалось, что война почти закончилась и власть короля в его североамериканских колониях будет вскоре восстановлена. А Фруд, вероятно, чувствовал себя в безопасности в собственном доме в окружении слуг и рабов. В любом случае, вероятнее всего, он упомянул о своей шкатулке с диковинками, сказал нечто такое, что в сознании Пикетта было связано с зо-

лотом; это объясняло ссылку на скорое богатство в его письме к сестре в Англии.

— Ты говорила, солдат повстанцев пришел тогда в первый раз, — сказал я. — Значит, Пикетт приходил туда несколько раз. Он был один?

— Да, сэр. В первый раз. Я слышала, как они со сквайром кричали друг на друга. То был ужасный день. Мы только что узнали, что ребеночек не жилец.

Я посмотрел на Мехитабель. Она рассказывала о тех событиях бесстрастным тоном, без малейшего намека на пережитый страх. А ведь она наверняка была до смерти напугана.

— Значит, ты слышала, как они кричали? Пикетт тоже был в доме?

— Нет, сэр. Он был во дворе вместе со сквайром. Видите ли, он пришел, когда они холостили Ювенала, и поэтому сразу направился во двор. Побежал на крики.

Я нахмурился, решив, что ослышался:

— Чьи крики? Разве миссис Арабелла еще не разрешилась от бремени?

— Нет, сэр. Ювенала.

— Холостили Ювенала?! Что ты этим хочешь сказать? — Мехитабель наверняка должна была понимать, что значит слово «холостить». Как-ни-

как она была дочерью фермера. — Ведь холостят лошадь, или свинью, или…

— Или мужчину, сэр. Это все одинаково.

Я сделал глубокий вдох:

— Расскажи, дитя. Если можешь.

— В тот день мистер Фруд был сам не свой от радости, потому что страсть как хотел наследника. Отец говорил, сквайр был самым гордым человеком во всей Америке, сэр. И он терпеть не мог, когда выходило не по его. Коли он впадал в ярость, то кидался на всех подряд. Порол рабов за любой пустяк.

— Но холощение…

— Он сказал, Ювенал стащил деньги и его нужно наказать, чтобы другим было неповадно. Он со своими людьми отвел Ювенала в дальний конец двора… там неподалеку была постройка, которую иногда использовали для животных.

Старая судомойня, подумал я, скорее всего, это она. Я вспомнил кирпичный пол с уклоном к центральному стоку, печи, вделанные в стену кольца с остатками истлевших веревок. Возле стока лежала выщербленная металлическая плита, а рядом — тяжелый молоток и клещи.

Я также вспомнил, как выплюнул залетевшую в рот муху и как потер пальцем упавшую на

металл каплю слюны. Вспомнил ржаво-красное пятно на кончике пальца. Но были ли то ржавчина или последствия оскопления Ювенала?

— А что случилось потом? Пикетт видел, как оскопляли Ювенала?

— Не знаю, сэр. Я стояла у окна в комнате экономки. Видела, как сержант идет в сторону двора. А вскоре после этого вышел сквайр со своими людьми и прогнал его вон. Вот тогда-то они и орали друг на друга.

— А когда Пикетт вернулся? — спросил я.

— Спустя ночь или две, сэр, с дюжиной людей, а может, и того больше. С повстанцами. Они украли все, что могли унести, надругались над некоторыми женщинами и подожгли дом. Я спряталась за матрасом в бараке для рабов. Оттуда-то они и забрали Ювенала. Он лежал там и стонал, точно полоумный. Они дали ему опиума и рома снять боль, но этого было мало.

Смутное воспоминание шевельнулось в моей голове: что-то из рассказа Мехитабель не согласовывалось с тем, что я слышал раньше. Попытался уловить неувязку, но она ускользнула от меня, будто сорвавшаяся с крючка рыба в темных водах пруда.

Надругались?

И тут до меня наконец дошел глубинный смысл.

— А где была миссис Арабелла?

— Не знаю. — Хрупкое самообладание девочки внезапно дало трещину, ее лицо напряглось. — А потом прибежал мистер Фруд, сэр. Хотел спрятаться в бараке для рабов. А Ювенал поднялся и пырнул его ножом.

Глава 67

Большая беда имеет одно преимущество: она позволяет забыть о мелких неприятностях.

Теперь мой ум был занят исключительно тем, куда пристроить Мехитабель в том случае, если миссис Арабелла откажется ее принять. Впрочем, эта проблема казалась мне пустяковой на фоне новостей, что я стал рогоносцем и потерял поддержку своего покровителя в Американском департаменте.

Когда мы пришли на Уоррен-стрит, я приказал Джосайе отвести девочку вниз на кухню и отдать на попечение кухарки. Я черкнул несколько строк миссис Арабелле, по возможности объяснив, что привел в дом Мехитабель Типпет, чтобы дать ей хотя бы временное пристанище. Я напомнил, что Мехитабель и ее мать помогли нам с капитаном Винтуром и несчастная мать Мехитабель заплатила за это собственной жизнью. Через четверть часа Мириам принесла мне ответ хозяйки — короткую холодную записку, где говорилось, что моя просьба вполне правомерна.

Уладив этот вопрос, я снова вышел из дома и

принялся бесцельно бродить туда-сюда: вниз до гавани, затем кругом мимо Бэттери и вверх в сторону Гринвича. К тому времени, как я вернулся домой, уже совсем стемнело. Миссис Арабелла и судья были наверху. Я велел Джосайе принести мне чего-нибудь поесть в малую гостиную.

И хотя у меня болели ноги и все тело ломило от усталости, я хорошо понимал, что вряд ли смогу сразу уснуть. А еще я хорошо понимал, что всегда лучше хоть что-то делать, чем вообще ничего не делать, в связи с чем решил написать письмо Лиззи и своей сестре. Я распорядился принести перо и чернила в малую гостиную, где освещение было лучше, чем в моей спальне, а также бутылку кларета, если мне захочется утопить свое горе в вине.

Но основная трудность заключалась в том, что нас с Лиззи разделяло три тысячи миль. Любое письмо, которое я сейчас напишу, будет идти до Лиззи или ее тети в лучшем случае пять-шесть недель. В каком-то смысле моя проблема была идентична той, что на более высоком уровне сбивала с толку лорда Джорджа Джермейна в Лондоне и генерала Клинтона в Нью-Йорке. Сообщение между Англией и Америкой получалось столь неспешным, что во многих аспектах было

даже хуже, чем вообще отсутствие какого-либо сообщения.

Дневной свет угасал. Я попытался написать Лиззи и заверить ее, что скоро вернусь домой и мы снова будем вместе. Хорошо зная Августу, я сомневался, что она могла взять с собой нашу дочь, хотя некоторая вероятность как-никак оставалась, чтобы преследовать меня в ночных кошмарах.

С трудом добравшись до второго предложения, я внезапно услышал шаги в холле. Дверь открылась, и в комнату с книгой под мышкой вошла миссис Арабелла. Я встал и поклонился. Миссис Арабеллу сопровождал Джосайя, который принес свечи.

Я выдвинул для миссис Арабеллы стул и стал ждать, когда она откроет книгу. Джосайя зажег свечи и удалился.

Миссис Арабелла подняла на меня глаза:

— У вас найдется минута свободного времени, сэр?

— Конечно. — Я положил перо, гадая про себя, не собирается ли она продолжить разговор о золоте.

— Я хотела поблагодарить вас за то, что вы привели к нам Мехитабель Типпет.

— Надеюсь, ее присутствие в доме не доставит вам неудобства?

— Ни в малейшей степени. — Миссис Арабелла подняла брови. — С какой стати? А кроме того, позаботиться о ней — моя святая обязанность, ведь она дочь одного из наших арендаторов. Мы дадим ей возможность освоиться здесь, а я мало-помалу подберу для нее достойное занятие.

На секунду в комнате стало тихо. Я перевел взгляд на лежащее передо мной письмо: не на то, что я начал писать Лиззи, а на то, что пришло от мистера Рэмптона.

Какая жалость, что Вы не сочли нужным взять эту глупую женщину с собой в Нью-Йорк.

— Прошу прощения, сэр. Я не хотела лезть не в свое дело, но у вас бледный вид. Вы, случайно, не заболели?

— Нет, мадам. Я совершенно здоров. Просто получил крайне огорчительные новости из дома.

— Ваша дочь?

— Нет, слава богу! Насколько мне известно, она в добром здравии. — Я заколебался и, забыв о необходимости держать язык за зубами, выложил ужасную правду. — Оказывается, моя жена сбежала с немецким джентльменом. Впрочем, едва ли его можно назвать джентльменом.

Я не осмелился взглянуть на миссис Арабеллу, но услышал, как она охнула. Я бы пережил, если бы она испытала ко мне отвращение. Однако не вынес бы проявления жалости.

— А ваша дочь? — снова спросила миссис Арабелла.

— Она живет со своей тетей. Я уповаю на то, что Лиззи все еще там.

Миссис Арабелла кивнула на мои письменные принадлежности:

— Боюсь, я отвлекаю вас.

— Прямо сейчас это даже к лучшему, мадам. Я пытаюсь писать Лиззи, однако следующего почтового судна, возможно, придется ждать много дней.

— Тогда давайте сыграем в какую-нибудь игру, чтобы рассеяться.

Я удивленно уставился на нее:

— В игру?

Она посмотрела прямо мне в глаза. Это был почти мужской взгляд, без намека на жеманство.

— А почему бы и нет? Вы хотите отвлечься, да и я тоже. Триктрак?

Я согласился и позвонил в колокольчик позвать слугу. Чисто теоретически миссис Арабелла была в трауре, поэтому ей не пристало играть

в триктрак даже при закрытых дверях. Хотя траур миссис Арабеллы казался мне несколько странным. Впрочем, напомнил я себе, мы ведь в Америке, где все делается немного по-другому.

Джосайя принес нам доску и поставил стулья так, чтобы мы с миссис Арабеллой могли сесть напротив друг друга; на столе между нами лежала доска, по бокам которой горело по свече. Миссис Арабелла велела принести еще один бокал.

Я вспомнил тот вечер, когда играл в триктрак с Джеком Винтуром и тот пригрозил продать Мириам, чтобы отдать мне долг. Я открыл доску и расставил шашки, отложив в сторону пару игральных костей и стаканчик для их выбрасывания.

Закончив, я сел на место, сунул два пальца в карман жилета и почувствовал ребра двух игральных костей из слоновой кости: той, что нашел возле тела Пикетта, и другой, которую подобрал в павильоне в глубине сада; обнаруженные в различных местах с разницей в несколько месяцев, кости были похожи как две горошины из одного стручка.

— Итак, сэр, — сказала миссис Арабелла, — мы играем на любовь или на деньги?

Эти слова можно было явно интерпретировать

по-разному. Однако в манере поведения миссис Арабеллы не ощущалось ни малейшего намека на флирт. И даже наоборот, она снова села на стул, и ее тон был совершенно бесстрастным, почти равнодушным.

— На любовь, возможно. — Не глядя на миссис Арабеллу, я вынул из кармана две игральные кости из слоновой кости и бросил их на открытую доску: пара шестерок. — Вы позволите, мадам? Это мои счастливые кости.

Я поднял глаза. Мне это показалось или на лице миссис Арабеллы действительно появился мимолетный проблеск эмоций, когда она увидела кости? Хотя все можно было объяснить игрой света и тени на ее щеках от дрожащего пламени свечи.

— Почему бы и нет? — Она отложила в сторону деревянные игральные кости. — Никогда не считала вас азартным игроком, сэр.

— Вынужденный выбор.

Я убрал кости на место. Миссис Арабелла потягивала вино. Она редко пила вино, даже за обедом. В ней чувствовалось нечто пуританское, как и в большинстве американских дам, которых я встречал в Нью-Йорке. И меня вдруг накрыло странной волной желания, столь же постыдного,

сколь и неприличного.

Мы закончили первую партию. Я выиграл, хотя перевес был то на моей стороне, то на стороне миссис Арабеллы, и все определил последний бросок.

— Ваши кости и впрямь принесли вам удачу, — заметила миссис Арабелла.

— Тогда, быть может, для следующей партии возьмем другие кости?

— Пожалуй, не стоит. На сей раз, возможно, они и мне принесут удачу.

Будучи не в силах сосредоточиться на игре, я мысленно вернулся к письму мистера Рэмптона и последствиям моей семейной драмы. Августа сбежала со своим немецким любовником. По закону, измена давала основания для развода. Однако на практике развод можно было получить только по частному акту парламента, что было чрезвычайно дорого и требовало времени; развод являлся роскошью, недоступной представителям среднего класса. И я не мог позволить себе надеяться на смерть Августы. Но как ни крути, пока она не умрет, я не смогу снова жениться. Таким образом, будущее рисовалось мне в самом безрадостном свете.

Подняв голову, я обнаружил, что миссис Ара-

белла внимательно за мной наблюдает.

— Вы витаете в облаках, сэр, — с напускной строгостью заявила она. — Я чуть не обыграла вас всухую, а вы даже и не заметили. Вот видите, я была права насчет ваших счастливых костей. Они непостоянны, как судьба.

Я с трудом заставил себя улыбнуться:

— Может, сыграем в последний раз?

Мы снова расставили шашки. На сей раз я сконцентрировался на игре. Счет был практически равным, однако в самом конце игры удача отвернулась от миссис Арабеллы, и я без труда выиграл.

— Это было не слишком галантно с вашей стороны, сэр, — упрекнула меня миссис Арабелла. — Впрочем, я вас прощаю, вину возлагаю на ваши кости. Какое счастье, что мы играли не на деньги. — С этими словами она поднялась из-за стола.

Мы пожелали друг другу спокойной ночи, и я открыл перед ней дверь. Вернувшись за стол, я заметил, что миссис Арабелла почти не прикоснулась к вину.

Я убрал игральные кости в карман, поставил шашки на доску и закрыл коробку.

Когда я взял свой бокал, у меня в голове снова

возникли слова миссис Арабеллы. *Какое счастье, что мы играли не на деньги.* И сейчас я усмотрел в них наличие — или мне просто хотелось на это надеяться? — двойного смысла.

Мы договорились играть не на деньги. Мы договорились играть на любовь.

Глава 68

В середине войны Нью-Йорк замер в состоянии собственного безотрадного мира.

Мы не забыли наших мертвых. Смерть Джека Винтура оставила незаживающую рану в доме на Уоррен-стрит, что отражалось на всех нас. Но спустя неделю-другую рана начала потихоньку зарубцовываться. Она болела и зудела, но уже не кровоточила, если мы, поддавшись соблазну, не начинали ее расчесывать.

В начале октября я получил еще одно письмо от мистера Рэмптона, выдержанное в столь же холодном тоне, как и предыдущие. Мистер Рэмптон получил подтверждение, что Августа в Мюнхене. Впрочем, мой начальник при этом успокоил меня, возможно непреднамеренно, вложив в пакет с почтой письма от моей сестры и дочери, которая по-прежнему находилась в Шеппертоне.

Мне было жаль свою бывшую жену. Августу теперь больше никогда не примут в приличном обществе. Респектабельные господа захлопнут перед ней двери своих домов. И она, вероятно, будет обречена провести на континенте остаток

жизни. Я понимал, что не смогу окончательно бросить ее, поскольку она как-никак мать моего ребенка. Нужно будет выяснить, не испытывает ли она нужды, и в случае необходимости отправить ей деньги.

По словам мистера Рэмптона, тайное бегство моей беспутной супруги по-прежнему у всех на устах, что причиняет ему массу неудобств и безмерно расстраивает. Более того, лорд Джермейн выразил обеспокоенность тем, что Американский департамент связан со столь неприличным скандалом. И что самое неприятное, по словам мистера Рэмптона, слух о поведении моей жены дошел до самого короля, вызвав его неудовольствие. Брак королевской семьи был исключительно счастливым, и его величество не понимал, почему браки его подданных должны отличаться от супружества венценосной семьи.

В свете всего сказанного выше, продолжил мистер Рэмптон, возникла необходимость поставить черту под моей работой в департаменте. Его светлость вынужден был прийти к выводу, что департамент не заинтересован в том, чтобы я оставался на своей должности. И хотя мне нельзя напрямую поставить в вину постыдное поведение Августы, я обязан взять часть

ответственности на себя, ибо мужчине следует направлять свою жену. Весной меня сменит другой чиновник, после чего я должен как можно скорее вернуться в Лондон.

Рэмптон не упомянул о том, что подберет мне место в другом департаменте, хотя для такого влиятельного человека это было бы пустяковым делом. Он никогда не любил свою племянницу и в свое время с большой неохотой нашел для меня должность в Американском департаменте. Ну а теперь поведение Августы развязывало Рэмптону руки, давая ему все основания порвать с нами обоими.

Он не говорил этого прямо, так как был достаточно хитрым человеком и не брал на себя обязательств, не способных принести ему явной выгоды. И это была одна из причин, по которой он стал заместителем госсекретаря.

Шли недели, осень потихоньку подходила к концу. Мехитабель обосновалась в доме на Уоррен-стрит, хотя я нечасто ее видел. Миссис Арабелла сказала мне, что девочка прилично управляется с иголкой и смогла стать полезной.

В ноябре я получил очередное письмо от мистера Рэмптона. На сей раз он не упоминал о моей беспутной жене, поскольку получил отчет об экс-

педиции в Маунт-Джордж и убийстве капитана Винтура, которое так и осталось нераскрытым. Что, вероятно, окончательно заклеймило меня позором, если, конечно, на мне уже не было позорного пятна.

Примерно в это же время я начал замечать, что в штаб-квартире меня встречают не так тепло, как прежде. Даже провинциальные и городские чиновники явно охладели ко мне.

Никто ничего не говорил напрямую. Однако мало-помалу я начал понимать, что перестал быть многообещающим человеком, с которым полезно водить знакомство. Новость о том, что весной меня должны отозвать, стала известна всему городу. И что хуже того, тайное бегство моей жены косвенно сказалось и на мне. Поток приглашений на концерты, званые вечера и обеды уменьшился до тоненького ручейка, а потом и вовсе иссяк.

Я по-прежнему виделся с Ноаком, который время от времени помогал судье Винтуру с делами и иногда заходил на Уоррен-стрит, но явно старался избегать лишних разговоров. Что касается его начальника, то Таунли поспешил свести контакты до минимума, необходимого в рамках наших служебных обязанностей.

В целом неприятие общества меня не слишком расстраивало. Я знал, что мое время в Нью-Йорке подходит к концу и мне, по всей вероятности, больше не суждено встретить здешних знакомых. Я утешал себя мыслью, что очень скоро увижу Лиззи, и не слишком переживал из-за потери работы, так как надеялся, что для честного человека в расцвете сил, способного вести расчеты и красиво выводить буквы, вакансия всегда найдется. Да и вообще, когда я окажусь дома, в Англии, сестра не даст нам с Лиззи умереть с голоду.

Впрочем, больше всего меня удивила и, если честно, немного расстроила перемена в поведении майора Марриота. За последний год я успел поверить, что мы отказались от прежних холодных отношений в пользу более сердечных, которые переросли если не в дружбу, то во взаимное уважение.

Мы с ним по-прежнему были вынуждены работать вместе, но уже без намека на прежнюю близость. Я несколько раз сталкивался с ним в гостиной миссис Арабеллы. Меня забавляло то затруднительное положение, в котором он оказался из-за раздрая в душе: майора тянуло к миссис Арабелле, совсем как железные опилки к положительному полюсу магнита, в то время

как я, взяв на себя роль отрицательного полюса, отталкивал его.

Однажды, когда я был в штаб-квартире, мы с Марриотом случайно встретились в переполненном коридоре перед почтовым отделом. Он толкнул меня, отчего я ударился о стену, и остановился. Наши глаза встретились.

Он уставился на меня, ожидая реакции на свою грубость и, похоже, надеясь на то, что я дам ему повод для более демонстративного проявления враждебности. В Нью-Йорке дуэли были официально запрещены, однако вряд ли кого-то могли удивить.

Ни один из нас не проронил ни слова. Я выдержал его взгляд и не позволил себя спровоцировать. После чего развернулся и пошел прочь.

Глава 69

В конце месяца мне пришлось отправиться на Лонг-Айленд, где банда солдат иррегулярной армии с большой земли ради нескольких гиней убила беженца-лоялиста на глазах у его семьи. Я снял показания со свидетелей и сделал все, что мог, для вдовы убитого и его детей.

После этого у меня оставался в запасе час-другой. Несмотря на холод, день выдался погожий. На обратном пути к Бруклинской паромной переправе я свернул на юг, отклонившись примерно на милю от своего маршрута. Винокурня была расположена возле частного причала с торчащим из моря приземистым волноломом, направленным в сторону острова Наттен[13].

Я поинтересовался у местного рыбака, где могу найти склад мистера Таунли. Он указал мне на большое низкое здание в двухстах ярдах от берега. Мистера Ингема, управляющего, я нашел в конторе, из окон которой открывался вид на свинцовые воды бухты.

Это был сутулый человек на несколько лет

---

[13] Notes: 13
Наттен — остров, позднее переименованный в Губернаторский.

старше меня, с подвижным, не лишенным приятности лицом, хотя вертикальные морщины на лбу намекали на постоянное беспокойство. Оказанный мне теплый прием говорил о том, что он нечасто встречал здесь гостей. Он был наслышан обо мне, но, кажется, не знал о моей опале.

Я объяснил, что мистер и миссис Таунли рассказывали мне о нем, а так как я был неподалеку по делам, то решил заглянуть сюда. Мистер Ингем тотчас же предложил мне отобедать с ним. Я ответил, что у меня мало времени, но мы выпили пару бокалов вполне сносного хереса и минут пятнадцать поболтали.

— Я удивлен, что мы не встречались с вами раньше, — заметил я, когда мистер Ингем налил мне второй бокал вина.

— В последнее время я редко бываю в городе, — ответил он, дернув головой, словно данная тема его смущала. — Я вынужден жить здесь из-за постоянной угрозы воровства, ну а кроме того, приходится принимать и отправлять грузы в любое время суток, ведь мы полностью зависим от погоды. Не так ли, сэр? — Бросив на меня быстрый взгляд, он отважился на шутку: — И это, и причуды наших хозяев, и превратности войны.

— А как долго вы здесь живете?

— Уже почти пятнадцать месяцев. Поймите, я вовсе не жалуюсь, должность очень ответственная. До этого я был личным секретарем мистера Таунли, как вы знаете, но он хотел посодействовать трудоустройству американского джентльмена, приехавшего из Англии. Впрочем, причина не только в этом. Мистер Таунли сказал, работать секретарем — значит растрачивать себя зазря. А еще он любезно сказал, что здесь я найду больше возможностей для применения своих талантов.

Я наклонил голову, будто желая подтвердить прозорливость мистера Таунли:

— Тот американский джентльмен — должно быть, мистер Ноак. Я с ним довольно часто встречался.

— Не сомневаюсь, что он хорошо знает свое дело, — не слишком уверенно произнес мистер Ингем с таким видом, будто ему было бы приятнее услышать обратное.

— Конечно, сэр. Впрочем, он показался мне человеком, который умеет хорошо работать лишь по приказу и под чьим-то руководством. Тогда как вы… — Я не закончил комплимент, прекрасно понимая, что мой хозяин заполнит пробелы гораздо лучше меня.

Лицо мистера Ингема порозовело, возможно от хереса.

— Я… ах… мне хочется думать, мистер Таунли понимал, что я справлюсь с дополнительными обязанностями. И миссис Таунли, конечно, тоже. — (Я поднял брови, демонстрируя вежливое удивление.) — О да. Я знаю миссис Таунли гораздо дольше, чем мистера Таунли, потому что раньше работал у ее отца. У миссис Таунли на редкость хорошая голова для бизнеса, совсем как у ее отца, естественно, в его лучшие годы. — Он высунулся из окна и махнул рукой в сторону нависшей над берегом громады складского помещения. — Видите ли, раньше все это принадлежало ему, а после смерти старика перешло к дочери. Вот потому-то мистеру Таунли и понадобился управляющий. Заметьте, мне пришлось очень нелегко.

— Из-за войны?

— Война принесла нам много хлопот, сэр, но и предоставила много возможностей. Нет, боюсь, в последний год жизни старого джентльмена доходы упали, потому что он стал глупым и до нелепого скрытным. И за каждым кустом видел повстанцев. Он так боялся шпионов, что отказался писать цифры в счетах чернилами. Он настаивал на использовании лимонного сока,

чтобы сделать цифры невидимыми. Он спал с пистолетами под подушкой, а на пороге лежал вооруженный слуга. Ах, сэр, если бы вы знали, сколько всего я могу вам поведать!

Мне пришлось выслушать кое-какие истории о старческом слабоумии отца миссис Таунли, которыми попотчевал меня мистер Ингем. Когда наконец я решил распрощаться, отклонив еще одно приглашение отобедать, он, не переставая болтать, проводил меня до моей лошади.

— Прошу вас, передайте мои наилучшие пожелания мистеру Таунли, — попросил он, когда я уже готовился исчезнуть в сгущающихся предвечерних сумерках. — И миссис Таунли.

— Очаровательная дама, — бросил я пробный камень.

Мистер Ингем энергично закивал, и его лицо еще больше порозовело.

— Ваша правда, сэр. Что есть, то есть.

Зима осадила Нью-Йорк намного успешнее, чем это сумела сделать Континентальная армия. Погода сковала любую активность по обе стороны фронта. После того как в октябре наши войска отразили атаку повстанцев на Саванну, ничего примечательного с точки зрения боевых действий не произошло. Вашингтон обосновал-

ся в Морристауне в Нью-Джерси, где оставался много месяцев.

В ноябре пошел снег. Он валил без передышки всю зиму. Сугробы забили сточные канавы и возвышались возле стен домов. Транспорт еле-еле полз по улицам, то и дело останавливаясь. Солдаты и военнопленные, организованные в команды, пытались расчистить главные дороги, вступив в неравный бой со снегом и льдом. Снег прогнал с улицы даже шлюх.

Реки, ручьи, гавани, каналы и заливы вокруг острова Манхэттен сковало льдом. Судья Винтур сказал мне, что за всю свою жизнь не видел ничего подобного. По мере распространения льда и увеличения его толщины становилась все острее и другая проблема для города: лед затруднял доставку продовольствия из восточной части Лонг-Айленда, а что еще хуже — из Англии.

В конце декабря генерал Клинтон отплыл в Чарльстон с большей частью своих войск, которые смог высвободить. После этого холод стал еще более лютым, а лед усилил свою хватку. К середине января ледовый покров сформировал широкий, хотя, возможно, неоднородный мост через Гудзон к Нью-Джерси. Манхэттен перестал быть островом. Дезертиры из Лонг-Айленда шли

по льду с перешейка Ллойд-Нек до Коннектикута.

Это было тревожное время, поскольку мы жили в постоянном страхе, что повстанцы воспользуются нашей слабостью, перейдут Гудзон и войдут в город, гарнизон которого существенно уменьшился, за что следует поблагодарить генерала Клинтона с его экспедицией в Южную Каролину.

Боевой дух войск стал крайне низким. Трудно сохранять отвагу в условиях холода и голода. И что самое страшное, власти оказались совершенно не готовы к суровой зиме. Запасы древесины были израсходованы еще в предыдущие военные зимы. То немногое, что осталось, чудовищно подорожало и в основном предназначалось для нужд армии и высокого начальства.

На Уоррен-стрит было холоднее обычного. Майор Марриот из кожи вон лез, чтобы помочь, — все ради прекрасных глаз миссис Арабеллы. Впрочем, мысль о том, что каждая вязанка дров, которую он умудрился достать для нее, будет обеспечивать теплом и меня тоже, должно быть, наполняла горечью его ревнивую душу.

Даже дома мы ходили в теплых пальто или плащах, в шляпах и перчатках. Содержимое ночных горшков превращалось в толстый слой льда, а

окна с внутренней стороны покрылись матовой ледяной коркой. Мы проводили долгие часы в постели, спрятавшись под грудой одеял, мехов и покрывал.

Винтуры изо всех сил старались поддерживать огонь в трех очагах. В первую очередь, огонь был нужен на кухне для приготовления пищи; он также согревал тех домочадцев, которые предпочитали спать прямо на кухне: слуги обоих полов, пренебрегая приличиями, теперь лежали вперемежку. Кроме того, камин топили в комнате старой миссис Винтур, уже окончательно прикованной к кровати, которая теперь стояла в маленьком кабинете, непосредственно сообщавшемся со спальней невестки. Миссис Арабелла, судья и ваш покорный слуга проводили часы бодрствования в библиотеке, что была меньше других комнат, а потому лучше протапливалась.

Холодная погода способствовала возникновению курьезной близости между нами троими. Должен признаться, все это мне даже нравилось, потому что я по природе своей отнюдь не являюсь одиночным животным. Мы сидели, сгрудившись вокруг маленького камина, положив ноги на каминную решетку, а на подставке в глубине камина грелся чайник. И даже пищу мы прини-

мали в таких неэлегантных позах. Я подозревал, что судья, не желавший возвращаться в свою промерзшую спальню, не единожды оставался ночевать в библиотеке и дремал в своем кресле, завернувшись в старый плащ, некогда принадлежавший его сыну.

Иногда к нам присоединялся мистер Ноак, с трудом пробиравшийся по заснеженным улицам якобы с целью помочь судье в его трудах по истории Нью-Йорка. На практике все сводилось к тому, что судья разглагольствовал о ненаписанных частях книги, блуждая между десятилетиями и веками; он рисовал тех, кого когда-то знал как совсем молодых людей, и живописал свои с ними беседы давно минувших дней. Судья периодически отправлял Ноака за определенными документами исследовательских материалов, после чего зачастую забывал, зачем они ему понадобились.

— Мне еще так много всего предстоит сделать, — говорил он, заламывая руки и сокрушаясь по поводу грандиозности задачи. — Просмотреть столько документов, написать стольким людям, перенести на бумагу столько слов! Думаю, когда я закончу, в результате получится не три тома, а целых четыре.

Но при всем своем старании, а также при старании мистера Ноака судья пока еще не дошел даже до 1664 года, когда люди герцога Йоркского отвоевали контроль над городом у Голландской Вест-Индской компании.

Иногда по вечерам судья просил меня почитать ему отрывки из рукописи. Я читал при свете свечи, сделанной из спермацета, доставленного контрабандой из Род-Айленда. По сравнению с восковыми такие свечи давали больше света, в котором я остро нуждался, чтобы расшифровывать растущий как снежный ком клубок исправлений, дополнений и сносок.

Как-то раз звук собственных слов подействовал на судью как снотворное. Когда его дыхание превратилось в монотонное похрапывание, я прекратил чтение. Мы с миссис Арабеллой переглянулись.

Но спустя несколько минут судья яростно дернулся, моментально проснулся и огляделся по сторонам, явно не понимая, где находится. Миссис Арабелла взяла его за руку и нежно погладила. Растерянно моргая, он посмотрел сперва на невестку, затем на меня и с детской непосредственностью потер глаза.

— Я стал беженцем в собственном городе, — яс-

но и отчетливо произнес он. — Вот уж не думал, что дойдет до такого, мои дорогие. Это разрывает мне сердце.

Глава 70

Наступило Рождество, но праздновать было особо нечего. В первую неделю нового года я получил письмо от мистера Таунли с приглашением поужинать с ним у миссис Чоули. «Времена нынче печальные, — писал он, — и мы должны найти способ сделать их веселее».

Несколько месяцев назад такое письмо наверняка меня заинтриговало бы и даже польстило бы мне. Я был наслышан об этом доме. Очень дорогой, только для избранных. Туда можно было попасть лишь по приглашению.

После продолжительного периода охлаждения в наших отношениях я не ожидал от Таунли столь широкого жеста. У меня сразу возник вопрос, не связано ли это с моим визитом к мистеру Ингему, бывшему секретарю Таунли, и с моими подозрениями относительно мистера Ноака. Тем не менее я принял приглашение.

День или два спустя мы с миссис Арабеллой сидели в библиотеке. Джосайя только что убрал подносы, на которых приносил нам ужин. Сегодня нас было только двое, так как судья был в

комнате жены, уговаривая ее съесть миску супа и выпить немного хереса.

В камине горели сырые поленья из пущенной на дрова яблони, которую срубили в чьем-то фруктовом саду. Дрова трещали, шипели и плевались раскаленными искрами. В чайнике на решетке грелась вода для чая. Единственным источником света, кроме горевшего в камине огня, была свеча, стоявшая у локтя миссис Арабеллы, так что я практически не видел ее лица.

За последние десять минут мы не перемолвились ни словом. Впрочем, тишина не казалась нам тягостной, и никто из нас не стремился ее нарушить. Я размышлял о том, где, ради всего святого, найти средства к существованию после возвращения в Англию, а в перерывах думал о мистере Ноаке. В тот вечер, вернувшись домой, я обнаружил Ноака в библиотеке. Он точил перья, сидя за секретером, перед ним лежала связка развернутых писем. Во всем этом не было ничего из ряда вон выходящего. Судья предоставил Ноаку полную свободу действий, и теперь тот мог спокойно копаться в бумагах.

Миссис Арабелла заерзала в кресле и, повернувшись ко мне, произнесла:

— Сэр, можно вас кое о чем спросить?

— Конечно.

— Не хочу совать нос в чужие дела, но что вы думаете о мистере Ноаке?

Я резко выпрямился, сбросив лежавшее на коленях одеяло:

— Как странно. У меня только что возник тот же самый вопрос.

— И к каким выводам вы пришли?

— Я пока не решил, мадам.

— Надо же, и я тоже, — рассмеялась она.

— А почему вы спросили?

— Он постоянно толчется в нашем доме. С какой стати он тратит на нас столько времени? Скажите, а вы давно его знаете?

— Мы случайно познакомились на борту судна, шедшего сюда из Англии.

— Насколько я понимаю, вы делили с ним одну каюту?

— Да. Мистер Ноак ехал как частное лицо, а не по делам. В начале путешествия я ужасно страдал от морской болезни, и он проявил большое участие.

— Значит, раньше вы не были с ним знакомы?

— Нет. Я встретил его впервые.

Я наклонился вперед и, подпалив в камине бумажный жгут, зажег вторую свечу. Лицо миссис

Арабеллы возникло из темноты.

Устроившись поудобнее, я сказал:

— Как оказалось, я был достаточно наслышан о прежнем работодателе Ноака, мистере Йелланде из Миддл-Темпла[14]. Это адвокат, который ведет дела многих уважаемых лоялистов. Мистер Ноак ехал в Нью-Йорк, потому что здесь его ждала должность в конторе подрядчика. Но когда мы прибыли на место, оказалось, что подрядчик умер и его бизнес был ликвидирован. — Я замялся, но все же добавил: — По крайней мере, Ноак объяснил мне все именно так.

— И поэтому он обратился к вам с просьбой использовать ваше влияние, чтобы ему помочь.

— Да, он пришел сюда во время завтрака в мой первый день в этом доме и посетовал на свою затруднительную ситуацию. А чуть позже в тот день я встретился с мистером Таунли — вы, должно быть, помните, мы тогда еще занимались тем печальным делом с убийством мистера Пикетта? — и Таунли мимоходом обронил, что ему срочно нужен новый секретарь, поскольку прежний скончался от лихорадки.

— И вы предложили ему взять на работу мисте-

---

[14] Notes: 14

Миддл-Темпл — одна из четырех юридических корпораций в Лондоне.

ра Ноака, — заметила миссис Арабелла. — Очень любезно с вашей стороны.

— Вот именно. Мне казалось, это прекрасный способ отплатить ему добром за добро. Затем я выкинул эту историю из головы и вспомнил, только когда случайно встретил миссис Таунли…

— Миссис Таунли? — перебила меня миссис Арабелла. — Из плоти и крови? А я думала, что она плод воображения мистера Таунли.

— Вам нравится надо мной смеяться, мадам. Миссис Таунли — весьма любезная дама, хотя и немного замкнутая по натуре и слишком озабоченная домашними делами. Она случайно проговорилась, что мистер Ингем, предыдущий секретарь ее мужа, жив и здоров. Он теперь управляет принадлежащим семье Таунли складом под Бруклином.

— Возможно, это совсем другой секретарь. Мистер Таунли вполне может позволить себе иметь несколько секретарей.

— Все верно, но, когда я проявил настойчивость, миссис Таунли уточнила, что мистер Ноак занял должность, которую оставил мистер Ингем. А перед Рождеством я встретил самого мистера Ингема, и он подтвердил, что мистер Ноак сменил его на должности личного секретаря. Кроме

того, по словам мистера Ингема, Таунли объяснил, что хотел посодействовать трудоустройству американского джентльмена, приехавшего из Англии. Коим и оказался мистер Ноак.

— Итак, они, очевидно, уже были знакомы, — резюмировала миссис Арабелла.

— И даже более того, мэм. Все это наводит на мысль, что мистер Таунли и мистер Ноак хотели убедить меня, как и весь остальной мир, будто встретились исключительно благодаря мне и именно я организовал их знакомство. Короче говоря, я стал их марионеткой. Чему я отнюдь не рад.

Несколько минут мы сидели молча. Чайник выпустил тонкую струйку пара, окрашенную огнем камина в оранжевый цвет.

— Остается вопрос «зачем», — произнесла миссис Арабелла. — Вы собираетесь кому-нибудь об этом рассказать?

— Но кто станет слушать? Таунли и Ноак будут все отрицать. Получается, мое слово против их. А я не думаю, что в данный момент мое слово в Нью-Йорке хоть чего-то стоит.

Однако прямо сейчас миссис Арабелла занимала мои мысли гораздо сильнее, чем мистер Ноак.

Лютые зимние холода все больше сближали

нас. Бегство Августы и смерть Джека Винтура словно убрали два невидимых барьера. Эти события высвободили мои желания, хотя и не лицензировали их.

Я пытался убедить себя, что испытывал бы подобные чувства к любой женщине, находившейся так близко от меня, лишь бы она была не слишком старой или безобразной. Как-никак прошло полтора года с тех пор, как я спал с женщиной, своей женой. Некоторым мужчинам воздержание дается легко. Но только не мне.

А Нью-Йорк тем временем, похоже, только усиливал зуд, дразнил меня, играя на моей слабости. За время войны численность городских шлюх даже увеличилась, поскольку солдаты привлекали их, как собаки — блох, и если одна из девиц умирала от оспы или нищеты, то ее место сразу же занимали две или три жрицы любви. Они появлялись в разных обличьях: от непотребных женщин, промышлявших в переулках Холщового города, до элегантных киприоток, льнувших к генералам.

Меня подстерегали сильнейшие искушения, но я не сдавался. В результате мое бедное тело мстило мне ночными семяизвержениями. И на этой почве возник нелегкий и неудовлетворительный

компромисс между силой воли и зовом плоти.

Миссис Арабелла не строила из себя кокетку. В моем обществе она часто держалась отстраненно и неприветливо. Она редко улыбалась и никогда не была до конца откровенной. Мне казалось, что она относится ко мне с подозрением, что я нежеланный гость в ее доме.

И тем не менее она завораживала меня. Она очаровывала меня. Заинтриговывала меня.

Сперва я позволил себе думать, что мне нравится эта женщина, несмотря на очевидные недостатки. Потом я нашел оправдания для сих недостатков. Затем я признался самому себе, что желаю ее, как мужчина желает женщину, ибо мысли о ней проникали в мой разум, особенно по ночам, когда я был совсем беспомощным, а днем я всячески искал способы оказаться в ее обществе.

И вот в понедельник, 10 января, в тот самый день, когда меня ждал ужин с мистером Таунли, я наконец смог принять неприятную правду: я был влюблен в миссис Арабеллу Винтур.

Глава 71

Миссис Чоули славилась изысканными ужинами, которыми угощала джентльменов, и концертами, которые устраивала в своей большой гостиной во второй вторник каждого месяца. А еще она славилась своими шлюхами.

С одной стороны ее дом находился неподалеку от кладбища церкви Троицы, а с другой — от Холщового города. Заведение, если можно так выразиться, находилось ровно посередине, ненадежно балансируя на острие.

Я отправился туда в портшезе прямо из своей конторы на Брод-стрит. Носильщики то и дело поскальзывались и всю дорогу сыпали проклятиями, поскольку в это время дня улицы были все еще запружены народом и к тому же покрыты предательским льдом и замерзшим снегом.

Привратника миссис Чоули, огромного негра, предупредили о моем приходе. Он провел меня в холл. Ко мне тут же устремились двое лакеев, готовые снять с меня верхнюю одежду. Ничто не должно было помешать впечатлению, что я желанный гость в этом роскошно обставленном

частном доме.

Пока лакеи снимали с меня пальто, по лестнице сбежал вприпрыжку, будто школьник-переросток, мистер Таунли.

— Мой дорогой сэр! — вскричал он. — Какое счастье! Мы уже целую вечность не встречались для удовольствия, а не по делу.

Я решил подыграть мистеру Таунли и приветствовал его, всячески демонстрируя несказанную радость. Когда лакеи со мной закончили, он взял меня под руку и провел вверх по лестнице в гостиную, где представил хозяйке.

Миссис Чоули оказалась очень красивой женщиной, особенно при свете свечей; она выглядела на тридцать лет, хотя, скорее всего, ей уже минуло сорок. Она была вдовой майора из Королевских рейнджеров, кончина которого оставила ее с детьми без средств к существованию.

В камине жарко пылал огонь — редкое зрелище в нью-йоркских домах той свирепой зимой. В гостиной также присутствовали три дамы помоложе, недавно прибывшие в город. Дам представили мне по-разному: как кузин миссис Чоули и как подруг этих кузин. Они были американками, но прекрасно воспитанными в колониальном духе. А еще там находился офицер

Семнадцатого британского легкого драгунского полка, которого я знал в лицо. Кивнув мне издалека, он сразу же подошел побеседовать к одной из юных леди и поспешно увлек ее в полумрак глубины комнаты.

Лакей подал шампанское. Мы с Таунли несколько минут поболтали с миссис Чоули и двумя ее молодыми товарками. В нашей беседе не было ничего предосудительного, хотя одна из молодых леди, изящная брюнетка, вела себя со мной слишком непринужденно: время от времени она дотрагивалась до моей руки и громко хохотала над шутками, которые я отважился отпускать. И я не мог не заметить, что вырез ее платья был непривычно низким.

Приятная иллюзия, что мы в частном доме, рассеялась как дым, когда лакей сообщил мистеру Таунли, что если ему угодно, то в соседней комнате стол уже накрыт к ужину.

Мы оставили дам, сопроводив расставание возгласами сожаления и обещаниями вернуться. Лакей проводил нас в теплую, красиво убранную столовую на том же этаже. Таунли сказал слугам, что мы сами себя обслужим.

— Вы ведь не будете возражать, если мы обойдемся без излишеств, как пара бывалых

ветеранов? — улыбнулся Таунли. — Нам будет гораздо удобнее без посторонних, которые вечно приходят и уходят.

Мы хорошо поели и хорошо выпили. Еда действительно была настолько вкусной и настолько разнообразной, что незнающий человек никогда бы не догадался, что мороз и генерал Вашингтон зажали город в клещи. Что я и сказал мистеру Таунли.

— Миссис Чоули — очаровательная женщина, — поглаживая свой внушительный нос, ответил Таунли. — У нее масса друзей в штаб-квартире, всегда готовых услужить ей любыми возможными способами. В этом городе без друзей ты как без рук. Да?

Я кивнул и улыбнулся, сразу почувствовав, что мистер Таунли умело направляет разговор в более глубокие воды.

— В Лондоне, должно быть, все то же самое, — продолжил он. — Что, кстати, напомнило мне: до меня дошел слух, что мистер Рэмптон по глупости охладел к вам. Надеюсь, это всего-навсего пустые пересуды? Вам довольно сказать лишь слово, и я моментально их пресеку.

— Никогда не знаешь, что они там думают в Лондоне.

Я выпил с Таунли еще вина, чтобы дать себе секундную передышку. Новости о позорном бегстве Августы были в пакете лондонских газет, которые прибыли в Нью-Йорк в октябре. Приехавшие из Англии наверняка расцветили скандальную новость пикантными подробностями, реальными и вымышленными.

— Однако не хочу скрывать от вас, сэр, — заметил я, — что мои дела в Лондоне обстоят не совсем так, как хотелось бы.

— Ай, да бросьте! — Таунли подлил мне вина, затем себе, после чего добавил: — Лондон — это еще не весь мир.

— Отнюдь. Для меня это именно так. В том смысле, что для меня весь мир — это там, где Американский департамент.

— Но человек с вашими способностями, мистер Сэвилл, сможет устроиться где угодно и сделать что угодно. А когда наступит перелом в этой надоевшей войне, вы даже сможете подумать о том, чтобы осесть в Америке. В Америке можно сколотить целое состояние при небольших вложениях… и с помощью кое-каких друзей.

— Как вы говорили раньше, в этом городе без друзей ты как без рук, — поклонился я.

Таунли улыбнулся и глотнул вина. Он выпил

вдвое больше меня, что отнюдь не сказалось ни на манере его поведения, ни на его речи.

— Та молодая леди, с которой вы только что беседовали… как бишь ее имя? Мисс Кларисса? Похоже, вы произвели на нее впечатление.

— Ей, очевидно, легко угодить, — заметил я.

— Сомневаюсь. Но она прелестная девушка, разве нет?

— Да, приятная во всех отношениях.

— Уверен, она будет счастлива продолжить ваш разговор. Если хотите, я могу шепнуть словцо миссис Чоули и что-нибудь такое придумать? Мне это не составит труда. Наверху есть уединенные и вполне комфортабельные комнаты, где дамы и господа могут общаться сколь угодно долго и им никто не будет мешать.

— Благодарю вас, но нет. — Я отклонил предложение Таунли, несмотря на то что соблазн был велик. Ведь кому есть до меня хоть какое-то дело, даже если бы я согласился?

— Что ж, вероятно, вы потом передумаете, — сказал Таунли. — Ну хорошо, вернемся к нашему разговору о дружбе. Как вы знаете, у вас много друзей в Нью-Йорке, и в ваших силах при желании сделать так, чтобы их стало еще больше.

— Это как-то связано с мистером Ноаком? —

спросил я.

В лице Таунли что-то неуловимо изменилось. Мне показалось, будто его глаза моментально сузились, по крайней мере, в его темных зрачках мигнуло пламя свечи.

— Ноак? — расхохотался Таунли. — Боже правый, конечно нет! Хотя он всегда считал себя вашим другом. С тех пор, как вы вместе сошли на берег. И он постоянно поет вам осанну. Впрочем, тут он не одинок. Он говорит, Винтуры вам полностью доверяют, совсем как члену семьи.

Я промолчал. Таунли не сказал, сообщил ли ему Ингем о моем посещении склада на Лонг-Айленде. Однако все эти льстивые пассажи имели смысл только в том случае, если Таунли узнал, что я интересовался его связями с мистером Ноаком.

— Мы с вами вдвоем сможем горы свернуть. — Протяжный голос Таунли завораживал, как мурлыканье огромного кота. — Вы и я. Война не будет продолжаться вечно. И нам следует смотреть в будущее. В сущности, совершенно не важно, получат самостоятельность эти тринадцать колоний или нет. У жителей Северной Америки слишком много общего с метрополией, чтобы разом оборвать с ней все связи.

— Без сомнения, сэр. — Вино стало казаться мне

кислым. — Но сейчас… с вашего позволения… у меня был длинный день, и боюсь, я не смогу быть хорошим собеседником.

Таунли попытался уговорить меня остаться. Осознав тщетность своих усилий, он заявил, что общество мисс Клариссы окажет благотворное воздействие и поможет отвлечься, а если меня клонит ко сну, он уверен, миссис Чоули будет счастлива оставить меня в своем доме на ночь.

Однако я оставался непреклонен. Таунли принял мой отказ со всем свойственным ему изяществом. Я попрощался с дамами, и Таунли проводил меня вниз. Лакей с нежной заботливостью укутал меня от холода. Таунли велел привратнику найти для меня портшез.

— Вам навряд ли захочется идти пешком в такую ночь. И естественно, вы не можете идти совершенно один. — Таунли улыбнулся и поднял брови. — Если, конечно, вы не хотите остаться. Еще не поздно передумать.

Я отказался, но с ответной улыбкой, ибо Таунли был само очарование, и внутренний голос подсказывал мне, что с моей стороны будет некрасиво и даже глупо после столь радушного приема вести себя с ним невежливо и нелюбезно.

Стук в дверь возвестил о том, что портшез уже

здесь. Привратник распахнул передо мной парадную дверь. Носильщики поставили на землю портшез. С ними был третий человек, который держал фонарь; носильщики нередко из соображений безопасности работали втроем. Фонарщик был высоким парнем, за поясом у него было заткнуто нечто похожее на утяжеленную свинцом трость. Свободной рукой фонарщик открыл дверцу перед сиденьем.

— Уоррен-стрит. Дом судьи Винтура. Только смотрите, ребята, не поскользнитесь, — стоя на пороге дома, бросил носильщикам Таунли. — Боже правый, сейчас еще холоднее, чем было!

Я залез в портшез и устроился на узком сиденье.

— Премного вам благодарен и спокойной ночи! — громко крикнул я Таунли.

— Счастливого пути, мой друг. И храни вас Бог!

После этих слов я постучал в потолок портшеза набалдашником трости, дав знак, что можно двигаться. Человек с фонарем закрыл дверь. Носильщики взялись за шесты, и я оказался в футе от земли. Опустив боковое стекло, я помахал Таунли, и тот ответил мне прощальным взмахом руки. Я поднял стекло и сел на жесткое сиденье.

Когда мы сворачивали в сторону церкви Тро-

ицы, один из носильщиков поскользнулся. Портшез резко накренился вправо, стекло с грохотом упало, поскольку мне не удалось толком закрепить ремень наверху. Я чертыхнулся, ожидая, что носильщики вот-вот перевернут портшез и уронят меня в замерзшую грязь мостовой.

Фонарщик, который по-прежнему шел рядом, повернулся ко мне. Как и у тех двоих, его лицо было замотано шарфом от холода до самых глаз. Однако от резкого поворота головы шарф съехал вниз, открыв моему взору нижнюю часть лица. Разделенные буквально парой дюймов, мы в упор смотрели друг на друга в открытое окно. Лицо фонарщика было освещено его собственным фонарем.

Я увидел крупного чернокожего мужчину с красными шрамами, которые тянулись от углов глаз к уголкам губ.

Глава 72

Лицо со Шрамом.

Я отнюдь не собирался демонстрировать отвагу. Я действовал с инстинктивным безрассудством испуганного кролика.

Открыв дверцу пинком ноги, я нырнул в нее головой вперед. Дверца ударилась о широкую спину первого носильщика. Я был на свободе, но оказался в ловушке: сзади мне мешал портшез, по бокам — длинные шесты, спереди — первый носильщик.

А он уже начал поворачивать в мою сторону голову. Я взял обеими руками трость и двинул утяжеленным набалдашником прямо ему в челюсть. Носильщик вскрикнул и выронил шесты. Задний носильщик ослабил хватку. Портшез накренился вбок, задев фонарщика.

Лицо со Шрамом.

Оттолкнув переднего носильщика, я вырвался на свободу. В течение нескольких драгоценных секунд вся троица пыталась освободиться от портшеза и шестов.

На улице уже совсем стемнело. Я устремился

вперед, скользя по льду. В какой-то момент я едва не упал, но удержался и продолжил бежать. За моей спиной раздались громкие крики.

Преодолев несколько ярдов, я увидел впереди широкую улицу, в дальнем конце которой мерцали огни, и стремглав побежал на свет. Ледяной воздух разрывал легкие. Меня нагоняли чьи-то торопливые шаги.

Я с трудом различал очертания домов через дорогу. Огней практически не было видно. А что, если я оказался в трущобах Холщового города? Но если так, то я бежал в обратную сторону от спасительной многолюдной улицы.

За моей спиной упало что-то тяжелое. Раздался мужской крик, похожий на злобный бессловесный вой.

Я заковылял дальше. Дикая боль разрывала грудь. Какая-то женщина, стоявшая в дверях дома, заметив меня, громко расхохоталась.

Спасительные огни были все ближе. Там, вдалеке, какой-то призрачный человек на призрачной лошади медленно переезжал через дорогу. Кто-то распевал пьяным голосом песни.

Шаги за моей спиной замерли.

Я продолжал бежать, подгоняемый страхом. Свет исходил от фонаря, подвешенного над

дверью таверны, и из окна лавки с пирогами напротив.

Распахнув наружную дверь таверны, я тут же столкнулся с дюжим привратником. Он сидел, покуривая глиняную трубку, перед внутренней дверью в буфет. При виде меня он побагровел от гнева и поспешно вскочил, стиснув рукоятку посоха.

Он наверняка вышвырнул бы меня вон, если бы моя одежда не подсказала ему, что я занимаю некое положение в обществе. И тем не менее я чудом избежал позорного изгнания: я был без шляпы, дышал как загнанная лошадь, лицо искажала гримаса отчаяния. Привратник попытался меня расспросить, но я остановил его взмахом руки, так как хотел отдышаться и прийти в себя.

— На меня напали грабители, — наконец произнес я. — А куда я попал?

— Мы на углу Куин-стрит, сэр.

Слава Небесам! Через минуту я уже буду на Бродвее.

Я нащупал во внутреннем кармане кошелек.

— Может, немного рому, сэр? Успокаивает нервы.

— Я должен срочно попасть в штаб-квартиру. И мне нужен человек, чтобы меня проводить. — Я

достал кошелек и взвесил его в руке. — На случай, если негодяи захотят снова попытать счастья.

Манеры привратника сразу сделались гораздо уважительнее.

— Если дадите мне минутку, ваша честь, я вас сам туда отведу.

Мы довольно быстро пришли к соглашению. И уже спустя десять минут шли бок о бок в направлении Бродвея, а затем свернули направо в сторону форта Джордж и Бэттери. Несмотря на погоду и неурочный час, на улицах было по-прежнему оживленно.

Дав привратнику полгинеи за труды, я отпустил его только после того, как подошел к караульным и показал свой пропуск сержанту.

Когда я оказался за воротами, на меня нахлынуло сказочное ощущение безопасности. Дежурный офицер сообщил, что майор Марриот еще тут. В чем не было ничего удивительного, так как он частенько работал допоздна, а иногда даже раскладывал в личной комнате походную кровать.

Марриот изучал бумаги возле печки, колени были накрыты одеялом, шея замотана шарфом. В комнате стоял аромат ромового пунша. Майор встал с бокалом в руке и неуклюже поклонился, слегка покачнувшись, так как раненая нога отка-

зывалась его слушаться.

— На меня напали, — без преамбулы заявил я, подойдя к печке, чтобы согреться.

— А? И кто это сделал?

— Чернокожий мужчина, которого мы окрестили Лицом со Шрамом. Вы его помните?

Майор показал мне на стул, и мы сели. Он не предложил мне выпить, хотя котелок с пуншем дымился на поду у подножия печки.

— Я считал, что его давно нет в городе, — сказал Марриот. — А где это произошло?

— Возле дома миссис Чоули. Я нанял портшез оттуда до своего дома. Он нес фонарь, чтобы освещать дорогу носильщикам. Эта троица работала вместе.

— Миссис Чоули? — нахмурился Марриот. — Та… дама, что держит заведение возле церкви Троицы?

— Да. Таунли пригласил меня туда на ужин.

— Понимаю, — произнес Марриот тоном, подразумевающим, что эта информация его совершенно не интересует. — Что ж, тогда не приходится удивляться.

— Что вы этим хотите сказать?

Он вертел в руке бокал:

— Заведения подобного пошиба привлекают к

себе разный сброд. Мошенники выстраиваются под дверью в очередь, с нетерпением ожидая, когда очередной простофиля попадет к ним в лапы. Так что случилось?

— Не успели мы тронуться с места, как я увидел его лицо. Я сразу понял, что у них на уме, и дал деру.

— Спасибо, что поставили меня в известность, — сухо произнес Марриот. — Постараюсь еще раз поспрашивать о нем.

— А вам не кажется, что это не просто совпадение?

— Что он напал на вас, сэр? Вы полагаете, прислуга миссис Чоули была в сговоре с Лицом со Шрамом? — Лицо Марриота насмешливо скривилось. — Верится с трудом. Не так ли? Миссис Чоули занимается делами совершенно иного рода.

— Но… — Я поспешно прикусил язык.

Еще секунда — и я бы выложил больше, чем следовало знать Марриоту. Я отлично понимал, что нападение не было случайным, ведь я только что отклонил туманное предложение Таунли об альянсе, явно сделанное, чтобы заткнуть мне рот. Таунли наверняка понял, что я догадался о его связи с мистером Ноаком. Но сегодняшний вечер

показал, что меня не так-то легко подкупить или обвести вокруг пальца. Как ни крути, именно Таунли попросил найти портшез, да и привратник, скорее всего, был у него на содержании.

Впрочем, я не мог рассказать об этом Марриоту, ибо тогда должен был выложить всю историю целиком, включая и то, что тщательно скрывал. Марриот не знал, что Роджер Пикетт был связан с мистером Фрудом, отцом миссис Арабеллы, не знал об убийстве мистера Фруда и о том, почему капитан Винтур так стремился попасть в Маунт-Джордж, ну и конечно, майор ничего не знал о шпионской деятельности Ноака и о связи Ноака с Таунли.

И даже если я посвящу майора в суть дела, мне волей-неволей придется признаться в сокрытии важной информации, что навлечет на меня гнев как местных, так и лондонских властей. И, кроме того, напомнил я себе, золотая жила — это вовсе не мой секрет, а миссис Арабеллы. В любом случае я уже выполнил свой долг, сообщив Марриоту важную информацию о том, что Лицо со Шрамом по-прежнему спокойно разгуливает на свободе в Нью-Йорке.

— Нет, сэр! — Марриот решительно покачал головой. — Я не могу поверить, что миссис Чоули

в сговоре с бандой грабителей. Ей это совершенно без надобности. Тем не менее я благодарен вам за то, что предупредили меня о внезапном появлении этого негодяя. — Он взял какую-то бумагу и сделал вид, будто внимательно изучает ее содержание. — А теперь, сэр, если у вас ко мне больше ничего нет…

Я уставился на него пустыми глазами. Последствия всей этой истории оказались гораздо более далекоидущими и тревожными, чем я думал. Куда ни глянь, меня повсюду окружала опасность. Я словно очнулся от дурного сна, чтобы сразу очутиться в другом, куда более страшном ночном кошмаре.

Глава 73

За умеренную плату три солдата проводили меня до Уоррен-стрит. В доме все уже давно спали, за исключением привратника, дремавшего в холле.

Когда я поднялся по лестнице, открылась дверь маленького кабинета, и на лестничную площадку вышла Мириам. В стеганом халате она была похожа на неуклюжую тряпичную куклу. Она присела в неловком реверансе и прошептала, что хозяйка просит оказать ей любезность и перемолвиться с ней парой слов.

Я с трудом скрыл свое удивление. Как-никак почти два часа ночи. Мириам провела меня в маленький кабинет, где лежала старая миссис Винтур. Полог кровати был задернут. Миссис Арабелла, закутавшись в плащ, сидела у камина. Когда я вошел, она резко вскинула голову:

— Я знаю, что уже очень поздно, сэр. Но не могли бы вы уделить мне минуточку?

Она показала на стул с другой стороны камина. Я поставил свечу и сел. Щелкнул дверной замок. Мириам вышла из комнаты. Я остался наедине с

миссис Арабеллой, если не считать непрерывного похрапывания и странных булькающих звуков, доносившихся из-за полога кровати, где лежала наша невидимая дуэнья.

Я протянул руки к огню:

— Как себя чувствует миссис Винтур?

— Все так же. Пока никаких перемен. Хотите чая? В чайнике осталось немного.

И поскольку я сильно замерз, то с благодарностью принял ее предложение.

— Я волновалась, — почти раздраженно заявила миссис Арабелла, наливая мне чай.

Но я слишком устал, чтобы быть вежливым.

— Почему?

— Из-за вас. Мириам сообщила мне, куда вы отправились.

— С какой стати это должно вас волновать, мэм?

Она протянула мне чашку:

— Миссис Чоули пользуется определенной репутацией. Дурной репутацией. И после нашего давешнего разговора я не вполне уверена, на чьей стороне мистер Таунли. На нашей или на стороне мистера Ноака. — Она поплотнее завернулась в плащ. — Кстати, мистер Ноак сегодня опять приходил и был крайне внимательным.

— По отношению к миссис Винтур?

— И ко мне тоже. Вы помните наш разговор три месяца назад? Когда вы отдали мне… предметы, принадлежавшие моему мужу?

— Да, — ответил я. — Будто это было вчера.

— По-моему, я обошлась с вами тогда слишком сурово, — поспешно сказала миссис Арабелла. — Даже жестоко.

— Вовсе нет.

— Да бросьте! Давайте не будем ходить вокруг да около. Я сомневалась в ваших мотивах, сэр, и, полагаю, правильно делала. Я не доверяю мистеру Ноаку и мистеру Таунли тоже. — Она замялась, глядя на огонь. — На самом деле я сейчас никому полностью не доверяю, за исключением разве что моего свекра. Но он стал слишком немощным, слишком не от мира сего, чтобы я могла на него опереться. — Миссис Арабелла обратила на меня печальный взгляд. — И все же я должна хоть кому-то открыться. Итак, вы позволите мне сделать хорошую мину при плохой игре и довериться вам?

Я тихо рассмеялся. Что поначалу покоробило миссис Арабеллу, но затем она улыбнулась. Тем не менее в моей душе кипела злость. Похоже, она не понимала, что доверие должно быть обоюд-

ным, а иначе оно не стоит ни гроша.

— Мадам, принимаю это за комплимент. Быть может, нам станет легче, если я сообщу вам, что сегодня вечером, когда я уходил от миссис Чоули, на меня было совершено нападение.

— Боже милостивый! — Она зажала рот рукой. — Вы не ранены?

— Отнюдь. Я бежал. Позорно бежал.

— Кто на вас напал?

— Трое головорезов. В общем-то, носильщики портшеза. Но суть дела, по-моему, в том, что мистер Таунли, должно быть, приложил к этому руку или, по крайней мере, знал обо всем заранее. Если мы правы насчет тайных связей Таунли с мистером Ноаком, это означает, что и тот, возможно, был в курсе.

— Это имеет какое-то отношение к золоту? — спросила миссис Арабелла.

— Я, собственно, не вижу другой причины.

— Роджер Пикетт пытался найти шкатулку с диковинками. Говорит ли это о том, что он тоже знал о существовании золота?

— Полагаю, знал. — Теперь я не видел причин, почему бы не рассказать миссис Арабелле чуть больше. — В свое время он владел поместьем в Северной Каролине, которое купил мистер Фруд,

так как обнаружил там золотую жилу. Полагаю, мистер Пикетт решил, что ваш отец его надул. О чем вам, впрочем, было известно. Да?

Миссис Арабелла настороженно подняла голову:

— Что вы имеете в виду?

Старая миссис Винтур внезапно перестала храпеть. Она издала какой-то дребезжащий, булькающий звук, будто хотела отхаркаться. На несколько секунд стало тихо. Тяжелое дыхание старой дамы выровнялось, после чего хрипы и бульканье возобновились.

И тогда я негромко, почти шепотом, произнес:

— Мистер Пикетт, вероятно, напомнил вам о своих претензиях на золото, когда пришел с визитом в ваш дом.

— Ничего подобного, — едва слышно отозвалась миссис Изабелла. — А кроме того, мы ни на секунду не оставались одни. Мне не нравится ваш…

— Тогда почему вы не сообщили судье Винтуру, что Пикетт является или являлся солдатом армии повстанцев? Что он вдрызг разругался с вашим отцом, а затем сжег Маунт-Джордж.

— Потому что это сущий вздор от начала и до конца. Вам небось наплела небылиц полоумная

девчонка Типпетов. Разве вы не видите, что у Мехитабель ум за разум заходит? Впрочем, неудивительно после всего, что она пережила.

— Я также узнал от живущего в Нью-Йорке священнослужителя с безупречной репутацией, что в тысяча семьсот семьдесят шестом году Роджер Пикетт был сержантом Континентальной армии. Более того, в письме к своей сестре Пикетт называет шкатулку с диковинками источником несметных богатств. Поэтому я основывался не только на словах Мехитабель. Мне очень жаль, мадам, но мы не сможем помочь друг другу, пока вы не расскажете мне правду.

Она не ответила. Я поставил чашку, выждал секунду, затем встал и поклонился. Взял свечу и, ни слова не говоря, вышел из комнаты.

В ту ночь я не сомкнул глаз. В спальне я скинул башмаки, стащил сюртук, жилет и кюлоты. И ойкнул от холода. Нахлобучив ночной колпак, я нырнул в постель и спрятался под горой одеял. Джосайя положил в постель горячий кирпич, чтобы нагреть постельное белье, но тепло давным-давно ушло. Темнота меня страшила, точно ребенка. Я не стал задувать свечу и немного раздвинул полог, чтобы свет падал прямо на подушку. Повернув голову, я видел кусок темной

комнаты перед кроватью.

Голова шла кругом от сумбурных мыслей. Я позволил себе напрямую высказать миссис Арабелле свои подозрения. Но абсолютно ничего не добился, кроме короткой вспышки праведного гнева, а за ней последовало грызущее чувство раскаяния.

Раньше я не знал, что можно любить женщину, которой не доверяешь. И теперь сожалел, что познал сию горькую истину. Мыслимое ли это дело, что я посмел оскорбить миссис Арабеллу? Как ни крути, вся эта история с золотом и убийством мистера Пикетта была аморфной и непостижимой, подобно облаку. Я не мог ни за что ухватиться: все равно что пытаться поймать струйку пара из чайника.

Ночь тянулась бесконечно. Я потерял счет времени и мог судить о нем лишь по таящему огарку свечи, поскольку мои часы остались в кармане брошенного на пол жилета. Не в силах уснуть, я перенесся в сумеречную зону на грани бодрствования, где мысли теряют форму и, оторвавшись от породившего их разума, создают видимость собственной жизни.

Но так было лишь до того, как я услышал странный скрежет.

Внезапно сон как рукой сняло, и я снова стал,

к счастью или к несчастью, хозяином своих мыслей. Скрежет раздавался непрерывно и шел сериями по три звука с короткой паузой перед следующей серией звуков. Сперва я решил, что за обшивкой стен скребется крыса. В перенаселенном городе крыс было больше, чем людей.

Но звуки эти казались уж слишком регулярными, слишком размеренными.

Не успел я прийти к этому выводу, как скрежет сменился едва слышным стуком, причем в аналогичном ритме. Я прислушался, звук становился все громче.

Скрежет и стук.

Кто-то стоял под моей дверью.

Я отдернул полог кровати, набросил на плечи одеяло, неохотно покинув укрытие постели. Со свечой в руке прошлепал ногами в чулках по холодному полу. Щиколотки тотчас же обожгло ледяным воздухом. Я остановился у самой двери. Стук участился, сделавшись более настойчивым.

— Кто там? — шепотом спросил я.

Стук прекратился. За дверью скрипнула половица.

— Ради всего святого, отзовитесь! Кто там? — произнес я уже нормальным тоном.

— Тсс! Это я.

Я отодвинул засов и открыл дверь, держа свечу в поднятой руке, чтобы свет падал на лестничную площадку. На площадке стояла миссис Арабелла. В черном плаще с капюшоном она казалась бестелесным призраком; в темноте виднелся лишь бледный овал лица. Пламя свечи в ее дрожащей руке отбрасывало на лестничную площадку длинные тени, извивавшиеся в каком-то безумном танце.

Я изумленно уставился на миссис Арабеллу.

— Ради всего святого, впустите меня в комнату! — умоляющим тоном произнесла она. — Умерла миссис Винтур.

Мы разговаривали шепотом.

— У нее остановилось дыхание. Затем она сделала глубокий вдох, похожий на долгий, долгий хрип. А потом ничего.

— Вы уверены, что она умерла?

— Конечно. Я подошла к кровати и увидела лицо миссис Винтур. Смерть невозможно не узнать, когда видишь ее прямо перед собой. — Миссис Арабелла еще плотнее закуталась в плащ. — Боже правый, какой ужасный холод! Не сомневаюсь, рано или поздно он нас всех убьет.

— Позвольте накинуть вам на плечи одеяло. И присядьте на кровать, — предложил я.

Она повиновалась мне совсем как ребенок. И совсем как ребенок, сев на кровать, она поджала под себя ноги:

— Не хочу будить мистера Винтура. Он вконец измучен. Впрочем, он и сам обо всем скоро узнает.

— А как насчет Мириам?

— Она тоже совсем выбилась из сил. Она не отходила от постели миссис Винтур три последние ночи. Вы… Вы не возражаете?

— Конечно нет. Вы вся дрожите. Ложитесь под одеяла.

И она снова послушно сделала все, как я сказал. Я по-прежнему стоял возле кровати, трясясь от холода.

— Ради всего святого, сэр, не глупите! — воскликнула миссис Арабелла. — Сейчас не время для церемоний.

Освободив для меня место на кровати, она откинула край одеяла. Ее намерения были совершенно однозначны, а я слишком замерз, чтобы соблюдать приличия. И я безропотно лег в кровать.

Мы лежали бок о бок, нас разделяли всего шесть дюймов. Я прислушивался к ее прерывистому дыханию, уставившись на балдахин над нашей

головой. Свеча миссис Арабеллы, которую я поставил на каминную полку, горела ровно, но моя свеча начала оплывать, и я видел через щель в пологе ее дрожащее пламя. Аромат розового масла щекотал мне ноздри.

Миссис Арабелла тихо плакала. Она плакала тихо, по-детски, без стенаний и причитаний.

— Мне не нравится оставаться наедине с покойниками, — немного помолчав, призналась она. — Мне кажется, будто они за мной наблюдают. Хотя по обычаю положено сидеть у постели усопшего, да? Ведь сразу после смерти душа особенно уязвима. Когда она покидает свое бренное тело, ее может схватить дьявол.

— Душа миссис Винтур сейчас в руках Господа, — успокоил я миссис Арабеллу. — Вам не стоит переживать по этому поводу.

Миссис Арабелла притихла, но затем снова беспокойно заворочалась:

— Я совсем не помню свою мать.

Шло время. Я знал, что миссис Арабелла не спит. Что до меня, я еще никогда в жизни не был в такой боевой готовности.

Слишком сильно набитый пуховый матрас просел под тяжестью наших тел, приняв нас в свои объятия, отчего расстояние между нами

сразу уменьшилось. Я понял это только тогда, когда моя правая рука под одеялом коснулась ее левой руки. Я не стал убирать свою руку. Миссис Арабелла тоже.

Затем я произнес, чуть-чуть задыхаясь:

— Когда я только приехал сюда, то написал своей дочери Лиззи, что в Америке меня уложили на пуховый матрас размером со слона.

Миссис Арабелла фыркнула от смеха.

Мало-помалу пуховый матрас закончил начатое им дело. Наши предплечья, а потом и плечи встретились. Мое дыхание участилось. Я услышал, как миссис Арабелла судорожно сглотнула.

Я повернул голову посмотреть на миссис Арабеллу и неожиданно поймал ее взгляд.

Моя свеча прогорела и потухла.

Миссис Арабелла пошевелилась, но не отодвинулась. Я взял ее за руку. Миссис Арабелла нежно сжала мою ладонь.

— Итак? — прошептал я.

— Итак, — ответила она, — все очень хорошо.

Глава 74

Безрадостная рутина, которая всегда сопровождает смерть, шла своим чередом. Холодная погода и война существенно ограничили внешние атрибуты траура. Через два дня после смерти миссис Винтур ее тело обрело вечный покой на кладбище церкви Троицы. Кладбищенский сторож сказал мне, что земля настолько промерзла, что у могильщиков сломались лопаты. Но у миссис Винтур хотя бы имелась могила. В Нью-Йорке повсюду лежали незахороненные трупы в ожидании оттепели. На похоронах было совсем мало скорбящих, ибо в последние несколько лет миссис Винтур вела крайне замкнутый образ жизни. К тому же большинство ее друзей или умерли, или покинули город.

Судья стал похож на тень себя прежнего. Кончина любимой жены вскоре после смерти сына окончательно лишила его жизненных сил. Слуги, особенно старик Джосайя и Мириам, горевали почти так же сильно, как и их хозяин. Возможно, при жизни роль миссис Винтур сводилась к нулю, но после смерти она расцветила новыми

красками существование всех домочадцев.

Накрывшая наш дом печаль заставляла меня стыдиться своего тайного счастья. Более того, печаль эта, как ни странно, даже усиливала мое наслаждение. Впрочем, как и оставшиеся без ответа вопросы относительно связи миссис Арабеллы с Роджером Пикеттом.

Теперь меня волновало лишь одно: придет ли миссис Арабелла ночью ко мне в спальню. Я был точно голодный ребенок, которому дали возможность порезвиться в кондитерской лавке. И миссис Арабелла, как мне казалось, чувствовала то же самое.

Мы понимали, что это не может продолжаться вечно. И жили в постоянном страхе разоблачения, что лишь удваивало удовольствие. Если бы не страшные времена, перевернувшие все вверх дном, мы вообще не смогли бы скрыть нашу связь. Однако сейчас круг домочадцев на Уоррен-стрит существенно сузился; в условиях войны заведенный порядок в доме оказался разрушен до основания, а холод заставлял здешних обитателей, забыв о своих обязанностях, жаться к любому теплу. Так что нам не мешали.

По-моему, только один человек нас подозревал: Мириам. Арабелла говорила, это не имеет значе-

ния, ведь Мириам была искренне предана ей, а так как я не позволил капитану Винтуру продать ее, чтобы расплатиться с долгами после игры в триктрак, видела во мне своего спасителя.

И хотя Арабелла, возможно, вполне обоснованно не сомневалась в преданности своей служанки, лично я не был абсолютно уверен насчет отношения Мириам к моей особе. Я заметил, что она исподтишка наблюдает за мной, когда думает, что ее никто не видит.

Но я сказал себе: «Что плохого в том, что девушка так предана своей хозяйке?» К сожалению, я забыл, что можно быть преданным не одному, а сразу нескольким близким людям.

Как-то вечером мы с Арабеллой оказались наедине перед камином в библиотеке. Впервые за долгое время в комнате стало тепло. Старый друг семьи прислал судье Винтуру несколько центнеров угля — небывалая роскошь во время войны. То, что Арабелла сидела так близко, было и наслаждением, и мукой для меня, ибо обитатели дома постоянно сновали туда-сюда. И я не осмеливался дотронуться до нее.

После смерти миссис Винтур прошло пять дней. Мы с Арабеллой сидели, положив ноги на каминную решетку, на допустимом приличиями

расстоянии друг от друга. Судья уже удалился на ночь. Теперь он спал в маленьком кабинете, где умерла его жена. Ему казалось, что если он ляжет туда, где она сделала свой последний вдох в прежней земной жизни, то окажется ближе к ней.

На полу возле кресла Арабеллы стояла гобеленовая, с деревянными ручками, сумка для шитья. Порывшись в ней, Арабелла достала клеенчатый пакет, который капитан Винтур нашел в Маунт-Джордже. Нитки, сшивавшие пакет наверху, были распороты. Арабелла перехватила мой взгляд.

— Я должна принять решение, — заявила она.

— Разве? Но определенно не сейчас.

— Нет, сейчас. — Она положила пакет на колени. — У нас так мало времени. У вас и у меня. Вы и оглянуться не успеете, как вернетесь к себе в Англию. А что касается меня… Бог знает, что может случиться.

— Поедем вместе в Англию! Бросьте этот пакет в огонь и поезжайте со мной!

— Я не могу оставить свекра. Это его убьет.

— Возьмем его с собой.

Арабелла с улыбкой покачала головой:

— Он в любом случае не поедет. Да и на что мы будем жить?

— Не знаю. Что-нибудь придумаем.

— Я не могу жить под одной крышей с вами, сэр! — Арабелла изобразила притворный ужас. — С женатым человеком!

Ни один из нас не говорил о любви. Ни один из нас не упоминал Роджера Пикетта.

Арабелла достала из пакета несколько сложенных бумаг:

— Быть может, это даст нам ответ на вопрос. В конце концов, если я действительно госпожа удачи, то для меня нет ничего невозможного.

— А разве исход дела не зависит от того, кто победит в этой войне. И удастся ли найти золотую жилу? Если она вообще существует.

Арабелла бросила на меня сердитый взгляд:

— Мне больше не на что надеяться, сэр. Так что сойдет и это.

Наклонившись, я взял ее за руку, нарушив негласное соглашение прикасаться друг к другу только в моей спальне.

— Тогда позвольте разделить с вами эту надежду. Можно взглянуть на бумаги?

Она охотно отдала мне содержимое пакета:

— Вы были правы насчет загадки. Вот, посмотрите.

Там были документы, подтверждающие право

собственности на поместье, которое мистер Пикетт продал ее отцу Генри Фруду, включая хозяйский дом, бараки для рабов, дом управляющего, многочисленные строения и хозяйственные постройки, а также семьсот акров земли. С виду документы были в полном порядке, и я вернул их Арабелле.

Осталась только страница, вырванная из напечатанной книги. Наверху стоял заголовок «Заключение»; на странице было двадцать строчек стихотворного текста, начинавшегося так:

Я рассказал мой сон, друзья!

Постарайтесь его объяснить для пользы своей,

Моей и ближнего.

Но не поймите его ложно…[15]

Внезапно я представил себе своего отца, умершего двадцать лет назад, и то, как он сидит в гостиной и читает нам, детям, вслух. Насколько я помню, это было в моем далеком детстве, одним длинным летним днем, и стихи, которые отец читал своим глубоким тихим голосом, настолько

---

[15] Notes: 15

Дж. Беньян. Путешествие Пилигрима в Небесную страну. Пер. Ю. Засецкой.

убаюкали меня, что я уснул.

Когда я странствовал по дикой пустыне этого мира, я наткнулся на одно место, где находился вертеп.

— Вам знакомы эти строки? — спросила миссис Арабелла.

— Да, — ответил я, удивившись, что она не узнала этих строк.

Там я лег отдохнуть и вскоре заснул. И вот приснился мне сон.

— Это отрывок из «Путешествия Пилигрима в Небесную страну», — продолжил я. — Должно быть, самый конец первого тома. Скажите, мистер Фруд был набожным человеком?

— Он следовал догмам и установкам официальной церкви, — сухо заметила миссис Арабелла. — Когда находил это удобным или желательным.

— Значит, он не был поклонником Беньяна?

— Ни разу не видела у него в руках этой или похожей книги. Полагаю, она принадлежала моей матери.

Я перевернул страницу. Она была пустой, если не считать карандашных записей с перечнем дат, имен и цифр. *Уплачено мистеру Р. Пикетту, эскв.: 120 гиней.*

— Выплата, вероятно, относится к покупке по-

местья Пикетта, — заметила Арабелла. — Похоже, у отца не было с собой конторской книги, и он второпях сделал запись на вырванной из книги странице.

Объяснение имело смысл. И все-таки не совсем устроило меня.

— Но тогда зачем было хранить эту страницу вместе с документами на право собственности? — спросил я.

— Это наверняка что-то значит. Мой отец считал себя умнее всех на свете и ничего не делал случайно. Он обожал мистифицировать окружающих. Что позволяло ему самоутверждаться и верить в свою способность глубже других проникать в суть вещей.

Снова перевернув страницу, я пробежал глазами стихотворные строки. Мое внимание привлекло слово «золото».

— Послушайте, — сказал я Арабелле.

Когда заметите мусор, не бойтесь

Отбросить его, сохранив одно золото.

Быть может, мое золото еще закрыто в руде?

Никто не бросает яблока из-за сердцевины.

— Он играет с нами, — заметила миссис Арабелла. — Господи, как же я не любила своего отца! Впрочем, я и сейчас его не люблю.

В моей голове всплыло некое воспоминание. На обратном пути из Маунт-Джорджа, когда Джек Винтур рассказывал мне о шкатулке с диковинками, он повторил слова Фруда, которые тот произнес, продемонстрировав зятю сундучок с образцами руды.

Вот так он и сказал. А еще он объяснил, как правильно задать вопрос.

— По словам мистера Фруда, вашему мужу следовало попросить помощи у саламандры. Это вам о чем-нибудь говорит?

— У саламандры? — расхохоталась Арабелла. — Ну это, по крайней мере, забавно. В горах Катскилл было полно этих мерзких ящериц. Я их терпеть не могу!

— Может, он имел в виду нечто такое, что было в Маунт-Джордже? Например, картину с саламандрой? Или экспонат из его лаборатории?

Она на секунду задумалась:

— Мне пока ничего не приходит на память, сэр.

Я поднес бумагу к свече проверить, нет ли там проколов или выдавленных углублений, содер-

жавших скрытое послание, но ничего не нашел. Только строчки текста и наверху водяной знак: перевернутая геральдическая лилия.

— Осторожнее, бумага сейчас сгорит, — предупредила меня Арабелла, и я поспешно отодвинул свечу, так как Арабелла была права: верхняя часть страницы потемнела от огня. — Надеюсь, вы не пустите прахом мое состояние.

Я не ответил. И снова поднес бумагу к пламени свечи, на сей раз на более безопасное расстояние. Мои глаза меня не подвели. В верхней части страницы я увидел декоративную полоску из типографских цветов в виде узора из листвы в форме арабески. Чуть выше этой полоски из цветов, справа от водяного знака, появилось хитросплетение тонких, слегка размазанных коричневых линий. Я мог поклясться, что раньше их не было.

И тут я вспомнил словоохотливого мистера Ингема, бывшего секретаря мистера Таунли, сосланного на Лонг-Айленд, чтобы освободить место для мистера Ноака. Я вспомнил болтовню мистера Ингема о старческом слабоумии отца миссис Таунли, пытавшегося спрятать свои счета от посторонних глаз.

Я снова поднес страницу поближе к пламени

свечи.

— Сэр! — окликнула меня Арабелла. — Говорю вам, вы подожжете бумагу!

— Нет, мэм. — Я смотрел, как хитросплетение коричневых линий распространяется в сторону правых полей, и увидел, как под ним появляется нечто еще, едва заметное на фоне типографской арабески. — Похоже, я разгадал загадку вашего отца. В конце концов, оказалось не так уж и сложно.

— Тогда не томите, говорите скорее, — попросила Арабелла.

— Согласно поверьям, саламандра рождается из огня. Так? Древние действительно в это верили. Кажется, Плиний, а до него Аристотель. Мистер Фруд иносказательно велел нам нагреть бумагу.

Я перевернул страницу чистой стороной. Коричневое хитросплетение превратилось в шесть строчек. Слова сливались воедино и были написаны угловатым убористым почерком. Я смог разобрать только несколько слов кое-где: *к, входу, засохшие*.

— Никак не разобрать, — наконец сдался я.

— Дайте мне, — попросила Арабелла. — Почерк моего отца такой же непробиваемый, как и его сердце.

Я протянул ей вырванный из книги лист. Она, нахмурившись, всмотрелась в него, а затем прочла вслух:

От пивоварни на ССВ ¾ мили до второго ручья. Вверх по ручью около 300 шагов.

Два сухих дерева в форме креста.

Бухта. Вход в пещеру спрятан между скалами.

В ту ночь, когда мы наслаждались сплетеньем наших членов в теплых недрах пухового матраса, я затронул вопрос, уже несколько дней мучавший меня, подобно укусу насекомого. Сперва это было едва ощутимое раздражение, которое со временем становилось все сильнее, как будто крошечная ранка была инфицирована событиями последних нескольких месяцев.

— Арабелла? — Когда мы были одни, я называл ее именно так; Винтуры звали ее Белла.

Она заворочалась в моих объятиях.

— Меня немного смущает Мириам. — (Арабелла что-то неразборчиво пробормотала.) — По-моему, она за мной шпионит.

— Вам это кажется.

— На днях кто-то рылся в моих вещах.

— Что? — Теперь голос Арабеллы звучал гораз-

до отчетливее. — С чего вы взяли?

— Мои бумаги в беспорядке. Ничего страшного. Я, естественно, запер все самое ценное. Но, полагаю, это дело ее рук.

— Слуги вечно шпионят, — заявила Арабелла, будто изрекая прописную истину, известную даже несмышленому ребенку. — Ничего удивительного. Именно для этого Господь и создал замки и ключи.

— Скажите, у нее когда-нибудь был ребенок?

Арабелла рывком села на кровати, откинув одеяла и впустив в нашу теплую постель поток холодного воздуха.

— Почему вы спрашиваете?

— Прошлой зимой я как-то вечером встретил ее на Бродвее. Она вела за руку чернокожего ребенка. Девочку. Но когда я упомянул об этом позднее, она отрицала, что вообще ходила на Бродвей, тем более с ребенком. Девочка была совсем маленькой. Годика три или четыре, не больше.

Арабелла снова легла и накрыла нас одеялом.

— Рабы постоянно плодятся. Но ребенок навряд ли был ее. Должно быть, подруги. Не сомневаюсь, Мириам ушла из дома без разрешения, а потому, естественно, все отрицала. Иногда, любовь моя, вы бываете таким простофилей.

Она впервые сказала «любовь моя».

— Я случайно проходил мимо негритянского кладбища, и там была могила ребенка, — упорствовал я. — Девочку звали Хенриетта Мария Барвиль. Насколько мне известно, фамилию Барвиль взяла себе Мириам. В церковной книге записей ближайшей родственницей ребенка указана Мириам Барвиль. Безусловно, это ведь одно и то же лицо?

— Возможно, Мириам и была ближайшей родственницей девочки. — Арабелла содрогнулась, и дрожь эта пробежала по ее телу, точно рябь на воде под дуновением легкого ветерка, и повернулась ко мне. — Все рабы связаны друг с другом кровными узами. Братья спят с сестрами, а матери — с сыновьями. Не стоит ожидать от них цивилизованного поведения. По правде говоря, у них нет ни морали, ни сдерживающих центров.

— Как не похоже на нас, моя дорогая, — сказал я и нежно провел рукой по ее грудям.

Глава 75

Мы жили в раю для дураков. И все-таки это был рай.

Во вторник, 18 января в таверне Хикса состоялись большие торжества. Армия выделила более четырехсот гиней на гуляния, что породило разные кривотолки в городе, ибо многие полагали, что эти деньги было бы разумнее потратить на топливо и еду для бедняков, которые страдали больше других. Каждый день поступали сообщения о людях, умерших от холода во сне.

Однако армия оказалась выше подобных соображений. А кроме того, мероприятие было чисто патриотическим, требовавшим одобрения и поддержки каждого лояльного гражданина, так как оно устраивалось по случаю дня рождения королевы.

Положение обязывало меня присутствовать в качестве представителя Американского департамента. Винтуры при всем желании не могли пойти, поскольку должны были соблюдать траур по миссис Винтур и капитану Винтуру.

Праздник был невероятно пышным и помпез-

ным. Баронесса фон Ридезель, супруга гессенского генерала, недавно прибывшего в Нью-Йорк после нахождения в плену, представляла ее величество, что чрезвычайно раздражило местных дам, считавших, что они гораздо лучше подойдут на роль королевской особы. Баронессу, которая была едва ли не на сносях, приветствовали в таверне барабаны и трубы. Она открывала бал в паре с генералом Паттисоном, военным комендантом города, а за ужином сидела в кресле под балдахином, точно большая жирная куропатка. У входа в таверну собрались городские нищие, но их разогнали солдаты.

Я наблюдал за танцующими. Низко поклонился баронессе. Выпил за здоровье королевы, а затем выпил еще. На торжестве присутствовали большинство моих нью-йоркских знакомых, я даже заметил возле окна мистера Карне. Американец, занимавшийся сбором разведданных, был погружен в разговор с генералом Паттисоном. Лично я практически ни с кем не общался. И хотя до сих пор никто публично не объявил о моей опале и отъезде в Лондон, пятно позора незаметно прилипло ко мне, подобно заразной болезни, отталкивающей от меня окружающих.

Я собрался уходить незадолго до полуночи. До-

говорившись с неким джентльменом, жившим поблизости от Королевского колледжа, нанять на двоих экипаж, я велел кучеру высадить меня не у парадной двери, а у калитки в стене возле павильона в глубине сада. В последнее время судья стал плохо спать, и мне не хотелось хлопать парадной дверью, поскольку маленький кабинет, где он теперь ночевал, находился прямо над холлом.

По моей просьбе, форейтор спрыгнул на землю и, посветив мне фонарем, подождал, пока я не открою калитку. Я увидел огонек за ставнями на окнах павильона. Похоже, кто-то из рабов ждал меня там, чтобы проводить до дома.

Оказавшись в саду, я сразу запер калитку и задвинул засов. Судя по стуку колес, экипаж поехал дальше. В световом окне над задней дверью дома на другом конце сада тускло светил фонарь. В помещении для рабов кто-то исполнял низким, глубоким голосом одну из тех странных мелодий, которые поют чернокожие, жалуясь на свою тяжкую долю.

Поднявшись по невысокому крыльцу в павильон, я собирался было отругать раба за то, что не вышел меня встречать, ведь он наверняка слышал, как я подъехал.

Я открыл дверь. На столе стоял фонарь. Рядом, положив голову на сложенные на столешнице руки, сидела Мириам. Когда я вошел, она встрепенулась, ее плащ и одеяло упали на пол.

— Что ты тут делаешь? — удивился я.

— Прошу прощения, сэр. Меня послала мадам.

— Зачем?

В этот самый момент поток холодного воздуха коснулся моей щеки. Я почувствовал сзади какое-то движение. Внезапно меня пронзила резкая боль. Из глаз посыпались искры, словно ночное небо озарила молния.

Мгновенная яркая вспышка — и на этом все. Я провалился в черную яму, где уже не было ничего.

Сначала была боль. Я ощутил ее еще до того, как ко мне вернулись остальные чувства. Болела голова, болела ужасно. Но затем боль стала распространяться ниже по всему телу.

Следующим этапом возвращения к действительности стало осознание того, что у меня буквально разрывается мочевой пузырь. После чего пришло осознание, что, хотя я лежу на чем-то очень жестком, мне относительно тепло. В воздухе пахло мочой и потом, алкогольным перегаром и плохо выделанными шкурами.

Медленно подняв руку, я потрогал голову. Ночной колпак отсутствовал. А также парик и шляпа. Я нащупал отросшую щетину и крайне болезненную опухоль на затылке над правым ухом. На мне по-прежнему была парадная одежда, которую я надевал на торжественный вечер в таверне Хикса. Но вот ноги ужасно мерзли. Я пошевелил пальцами ног и обнаружил, что башмаков на мне нет.

Я человек без башмаков. Совсем как несчастный Роджер Пикетт много месяцев назад, когда я впервые приехал в Нью-Йорк.

Мало-помалу начали возвращаться воспоминания. Я вспомнил, как вернулся на Уоррен-стрит после вечера в таверне. Помню Мириам, которая ждала меня в павильоне, чтобы проводить с фонарем до дома. Но на этом все. Больше я ничего не помнил.

Наконец я с трудом разлепил глаза. И всего в двенадцати дюймах от себя обнаружил маленькое злобное лицо.

Я вскрикнул и поспешно сел. Порывистое движение стократно усилило боль. Место, где я лежал, было озарено грязно-желтым светом, своим мрачным сиянием похожим на туман. Я увидел цепочку мелких существ размером с

белку или большую крысу, свисавших, будто хищные птицы, с доски возле хижины егеря.

Умер, подумал я, и оставлен гнить в назидание остальным.

Вытянув руку, я нащупал сырую кирпичную стену. Строительный раствор между кирпичами крошился под пальцами. Я случайно коснулся ближайшего ко мне существа, оно закачалось и повернулось ко мне.

Жив?

Я поспешно отдернул руку в страхе, что меня укусят или поцарапают. Свет упал на голову странного существа. Сморщенное лицо и острый, будто лезвие, нос, почти как у мистера Таунли. В глубине моего спутанного сознания зародилась некая мысль и попыталась пробиться наружу сквозь боль.

Лицо с большим носом.

Теперь я окончательно очнулся. Я вспомнил кукольный театр на бруклинских скачках. Вспомнил одноногого зазывалу и кряжистого парня, который нес на себе будку для представлений и управлял куклами. Внезапно до меня дошло, что этого человека я видел и позднее, причем не единожды, хотя уже и без кукольной будки. Ведь это он был тем самым парнем с лунообразным

лицом, который положил цветы на могилку ребенка на негритянском кладбище. Именно его, с глиняной трубкой во рту, я заметил в толпе на похоронах Джека Винтура.

— Мистер Панч к вашим услугам, сэр, — услышал я мужской голос.

Я резко повернул голову. Призрачный свет, окутывавший все вокруг, шел от двух свечей за спиной говорившего со мной человека. Его лицо оставалось в тени. Высокий и широкоплечий, он буквально возвышался надо мной.

— Это его городская резиденция. Сюда он приходит отдохнуть после трудов праведных. Вместе с миссис Панч и их знакомцами.

Голос явно принадлежал американцу и интонационно даже чем-то напоминал голос судьи Винтура, хотя казался более глубоким и низким. Мы были вдвоем в помещении примерно десять футов длиной и шесть футов шириной. Похоже, оно было полностью отделано кирпичом, даже цилиндрический свод потолка. Я пока не увидел ни окон, ни дверей.

На другом конце от висевших на стене марионеток и того места, где я лежал, стояла старая печь голландского образца, которая и отапливала помещение. Справа от печки я разглядел очерта-

ния низкой широкой двери.

— Если это мистер Панч, имею ли я удовольствие разговаривать с самим дьяволом? — Меня мучала жажда, и казалось, будто я говорю с полным ртом песка. — Полагаю, они всегда появляются вместе.

— Можете звать меня, как вам будет угодно, сэр! — рассмеялся он.

— Кто вы такой? Что вы делаете? Где мы находимся?

— Мы в Холщовом городе, сэр. В свое время здесь было несгораемое хранилище торговца мехами. Дом над нами давно превратился в груду обломков. Если вы будете кричать, никто не услышит.

Собравшись с силами, я попытался встать на ноги, но обнаружил, что мои щиколотки связаны прикрепленной к стене веревкой. Я снова растянулся на полу, вскрикнув от острой боли в голове.

Мой похититель в очередной раз расхохотался.

Я с трудом принял сидячее положение, после чего с величайшей осторожностью поднялся. Таинственный человек даже не пошевелился. Когда боль немного стихла, я попросил дать мне воды.

Несколько секунд он обдумывал мою просьбу.

— Нет! — в результате отрезал он.

В голове у меня по-прежнему стоял туман, мысли путались.

— Тот человек с кукольным театром на Лонг-Айленде…

— Вы очень наблюдательны, сэр. Да, вы уже встречались с мистером Панчем и его друзьями. Мои маленькие представители, если можно так выразиться.

— Вы изъясняетесь загадками.

— Мало кто из нас говорит прямо, мистер Сэвилл. Вы никогда этого не замечали? Позвольте вам пояснить. Кукольники были моими глазами и ушами в Нью-Йорке, когда я занимался делами где-то еще. Они действительно мои представители, хотя, к сожалению, крайне невежественные.

— Но кто, черт возьми, вы такой?! И почему…

— Быть может, вы возьмете себе за труд приглядеться ко мне повнимательнее.

Он взял свечу и подошел поближе. И я наконец увидел его лицо. К моему величайшему удивлению, он оказался чернокожим. Однако на смену первоначальному удивлению пришло еще более сильное. Лицо чернокожего мужчины покрывали шрамы, шедшие от внешних уголков глаз до углов рта. Плоть плохо зарубцевалась, отчего

шрамы были припухшими и розовыми.

— Вижу, теперь вы меня узнаете, сэр. И наверняка понимаете, почему в последние несколько месяцев я был вынужден действовать через посредников. По крайней мере, в Нью-Йорке.

— Послушайте, — сказал я, — у меня нет к вам враждебных чувств, и у вас их тоже не может быть. Отдайте мне мои башмаки, отпустите меня на свободу, и мы забудем это происшествие. Не сомневаюсь, вы уже позаимствовали мой кошелек. Можете оставить его себе. Ничего ценного у меня больше нет.

— Мне не нужен ваш кошелек, — рассмеялся он. — Мне нужны вы.

Я вгляделся в его лицо, темневшее в полумраке:

— Может, вы рассчитываете на выкуп? Но я весьма незначительная персона, и у меня нет ни друзей, ни средств. Так что, боюсь, ваши надежды тщетны.

— В последнее время у меня осталось совсем мало надежд, — ответил он. — А скорее, их вообще не осталось.

— Ну тогда, по крайней мере, уважьте мою просьбу, — огрызнулся я. — Объясните, что у вас на уме. Ведь это вы были на днях с носильщиками

портшеза у дома миссис Чоули! Означает ли это, что вы работаете на мистера Таунли? И является ли Мириам Барвиль вашей подельницей и вашей любовницей?

И тогда он ударил меня, вложив всю свою силу в кулак, нацеленный на мой рот. От удара я отлетел к стене прямо на висевших там марионеток. Веревка вокруг щиколоток удерживала меня, точно кролика в силках. Я тяжело рухнул на землю, увлекая за собой мистера Панча. От боли потемнело в глазах. Мой рот наполнился кровью. Я потрогал передние зубы кончиком языка. Один из резцов зашатался.

— Хетти-Петти, — произнес я.

Кровь во рту сделала мою речь невнятной. Боль — безрассудным. Отчаяние — злым. Страх — разговорчивым.

— Что вы сказали?

— Хетти-Петти. Летом видел одно из ваших чертовых театральных представлений. На негритянском кладбище. Белый мужчина принес букетик цветов на могилку чернокожего ребенка. Девочку звали Хенриетта Мария Барвиль. Это ваша дочь? Если так, то примите мои соболезнования. Ужасно, когда умирают дети. — Я напрягся в ожидании очередного удара, пинка или чего-то

похуже. Однако ничего не случилось. — Так это ее плач я слышал на Уоррен-стрит? Ну конечно, ребенок, который умер от оспы в помещении для рабов. Да? Скорее всего, Мириам там и прятала девочку.

— Вы ничего не знаете, — проронил мой страж, придвигаясь поближе к печке.

— Мне казалось, Мириам предана своей хозяйке. — Я продолжил прощупывать почву. — Ну конечно предана. Только по-своему. Но сколько стоит преданность раба? Похоже, не слишком много. Потому что сегодня вечером вы двое расставили мне ловушку. Вы и Мириам.

Лицо со Шрамом присел на корточки возле печки спиной ко мне. Он открыл дверцу. Наверное, хотел согреться.

Я отполз в сторону, насколько позволяла длина веревки, и попытался нашарить какое-нибудь оружие, любое оружие.

— Преданность — весьма странная, нематериальная вещь. Разве нет? Быть может, Мириам считает, что на чаше весов бóльшая преданность перевешивает меньшую. Я был бы вам крайне признателен, если бы вы смогли мне это объяснить. Скажите, рабы отличаются такой же преданностью, как и свободные люди? Или их

преданность — нечто такое, что покупается и продается, как и они сами.

Он повернулся ко мне. В правой руке, обмотанной тряпицей, у него был зажат карманный нож с темной деревянной ручкой. В призрачном свете подвала кончик ножа отсвечивал темно-красным.

Я с трудом поднялся на ноги. Не успел я это сделать, как Лицо со Шрамом схватил меня за шею и отшвырнул к стене. Я принялся вслепую молотить руками, но его руки были длиннее и сильнее моих.

Продолжая сдавливать мне шею, он повалил меня на пол. Веревка врезалась в ноги. Он придавил коленями мое предплечье.

— Итак… — произнес он низким, мелодичным голосом. — Преданность. Сейчас мы и проверим, насколько вы преданны.

Он переместил руку, зажав мою голову под углом между полом и стеной. Я почувствовал жар от лезвия даже раньше, чем оно коснулось моей кожи. Он провел кончиком ножа по моей правой щеке от уголка глаза до угла губ.

— Если я захочу, то могу заставить вас отречься от самого Иисуса Христа, сэр. Как святой Петр.

Боль была ужасной. Я закричал, отчаянно

сопротивляясь, и попытался его стряхнуть. Он поменял положение левой руки, заставив меня повернуть голову.

— Может ли раб быть преданным? — Он поднялся, оставив меня скулить на земле. Я закрыл лицо руками. — Конечно может. У раба такие же чувства, как у свободного человека. Он чувствует любовь. Он чувствует ненависть. Он чувствует жажду мести. Как, по-вашему, сэр, мы научились этим возвышенным чувствам у наших белых хозяев? На самом деле замечательный философский вопрос.

Щека горела и была мокрой от крови.

— Почему вы убили мистера Пикетта? — Я, собственно, хотел спросить именно это. Однако вместо слов из моего рта вырвался лишь приглушенный вздох. Я проглотил скопившуюся во рту кровь и попробовал снова: — Почему вы убили мистера Пикетта?

Тем временем Лицо со Шрамом снова отошел к печке. Мои мышцы напряглись в предчувствии боли. Неужели он снова нагревает нож, готовясь повторить экзекуцию?

Однако он закрыл печную дверцу и сложил нож:

— С чего вы взяли, что его убил именно я?

— Месть? — бросил я пробный камень. — Или желание заткнуть ему рот? Чтобы меньше болтал.

— Болтал? О чем?

Я всмотрелся в лицо негра, но не смог разобрать, что там было написано.

— Что за вопрос? Ну конечно, о шкатулке с диковинками.

Он пожал широкими плечами:

— Возможно, это все-таки была месть. В конце концов, именно поэтому мне пришлось порезать ваше лицо, мистер Сэвилл. Пока это всего лишь царапина. Через час или два, когда рана начнет покрываться коркой, я сделаю более глубокий надрез — так будет гораздо болезненнее. А потом я попрошу вас подставить мне вторую щеку, как завещал нам Господь, и повторю всю процедуру с другой стороной вашего лица. — Он замолчал и убрал нож в карман. — И учтите, это всего лишь прелюдия. Мало-помалу я буду делать с вами кое-что похуже. Гораздо хуже.

И в тот самый момент я точно понял, что у него на уме и что он собирался со мной сотворить. Он собирался превратить меня в некое подобие себя самого.

Он собирается меня оскопить. Как когда-то

оскопили его.

— Каким же я был болваном! — Собственный голос казался мне неестественным, но, к моему удивлению, он звучал на редкость спокойно. — Я думал, ты умер. Так все говорили. Но ты даже живее меня, Ювенал. Да?

— Так и есть, сэр, — с тревожащей душу учтивостью произнес он. — И боюсь, очень скоро я вас переживу.

Он задул одну из свечей, потом взял вторую и оставил меня в темноте со вкусом крови во рту.

Глава 76

Я куда-то уплывал, оказываясь на грани бессознательного состояния, но так и не сумел достичь блаженного беспамятства. Мой мир состоял из боли и тьмы. Я пытался считать, чтобы не потерять представления о времени и одновременно чтобы отвлечься, но заплутал среди чисел.

Очнулся я от звука открывшейся двери.

Сперва в подвал проник прямоугольник света. Затем туда вошел Ювенал с кувшином и деревянным блюдом в руках. Все это он поставил на пол вне пределов моей досягаемости. Запах хвойного пива присоединился к сложному букету ароматов подвала. Я с трудом поднялся на ноги.

Ювенал поднял зажженную свечу, которую оставил на пороге, и с ее помощью зажег вторую. Потом закрыл дверь. Протянул руки к печке и наконец посмотрел на меня.

— По-моему, вы что-то говорили о преданности, сэр, — произнес он, и я вежливо поклонился, хотя переполненный мочевой пузырь вызвал в животе дикую боль. — Я считаю это основным принципом своей жизни. Впрочем, мне следо-

вало еще раньше объяснить вам один важный аспект: преданность должна быть добровольной. Это не атрибут или моральное украшение, которое можно навязать. Вы не можете заставить человека носить свою преданность, как серебряный ошейник.

Я подумал о двойном портрете, который видел в спальне Джека Винтура: мальчик в зеленом, мальчик в синем; белый хозяин и черный раб.

— Капитан Винтур говорил мне, в детстве вы все делали вместе. Вместе учились и вместе играли. Он говорил, вы были гораздо образованнее, чем он.

— Что было не слишком сложно.

— Он также говорил, что вы умерли. — Я с трудом сглотнул, во рту совсем пересохло. — А по словам судьи, Мириам застрелила вас сразу после того, как вы зарезали мистера Фруда.

Ювенал небрежно кивнул, словно мои замечания были настолько тривиальными, что не заслуживали его внимания.

— О Фруде вам наверняка рассказала эта девчонка Типпетов. Мехитабель. Вы ведь знаете, что она была там.

— Почему он так ненавидел вас?

— Сквайр Фруд был зверем. Ему не требовалось

причины для проявления жестокости. Но на сей раз у него была очень хорошая причина. Я кое-что у него украл.

— Но ведь это не повод его убивать.

Ювенал отхаркался и сплюнул мне на ноги, что по контрасту со спокойной, учтивой манерой вести беседу не могло не шокировать.

— После того, что он сделал со мной, — продолжил Ювенал все тем же ровным тоном, — Фруд заслуживал чего-то пострашнее смерти.

— Безусловно, — ответил я. — Но зачем Мириам было утверждать, что она вас застрелила? Разве что… — *Преданность должна быть добровольной.* Я вдруг узрел истину во всей ее простоте, очевидную даже для слепого, и продолжил, отвечая на собственный вопрос: — Ну конечно. Потому что вы с ней были любовниками. И она сказала своей хозяйке, что убила вас. Желая вас защитить. А в суматохе пожара и бегства из Маунт-Джорджа некому было опровергнуть ее слова. Затем вы последовали за ними в Нью-Йорк, где все, кроме Мириам, считали вас мертвым. Но разве вы не боялись, что кто-нибудь может узнать вас на улице?

— Я очень изменился по сравнению с тем, каким был раньше. — Ювенал дотронулся до пра-

вой щеки. — Люди видят не человека, а шрамы. Как вы вскоре сами сможете убедиться. — Он сделал паузу. — Со мной произошли и другие изменения.

Намек на то, что его оскопили, подумал я. Впрочем, я не знал, как оскопление влияет на внешность взрослого человека; быть может, кастрация влияет на состояние ума не меньше, чем на состояние тела.

Открыв печную дверцу, Ювенал бросил туда обломки доски для пола. Похоже, собирался нагревать нож. Я отпрянул к стене с висевшими марионетками. Мысль о предстоящих мучениях заставляла меня говорить без умолку.

— Но потом возникло дело Пикетта. В день моего приезда в Нью-Йорк. Мириам, должно быть, сообщила вам, что Роджер Пикетт появился в Нью-Йорке и приходил на Уоррен-стрит. Он ведь был в Маунт-Джордже в ту ночь, когда вы убили Фруда, и знал, что Мириам вас не застрелила. Так вы поэтому его убили? Или это… — Я чуть было не сказал: «Или это потому, что он хотел получить свое золото?» Но тут до меня внезапно дошло, что Ювенал вообще не упоминал о золоте. И я поспешно продолжил в надежде на то, что он не заметит заминки: — Или это была месть? Но в

чем провинился перед вами Пикетт?

В ответ Ювенал снова сплюнул, на сей раз прямо на печку. Слюна с шипением испарилась. В подвале повисла мертвая тишина. Из внешнего мира сюда не проникало ни звука. Груда камней на месте, где когда-то стоял дом торговца мехами, отрезала нас от всего остального мира.

— Это ведь вы напали на меня на улице? В тот вечер, когда мне на помощь пришли два солдата? Мириам, должно быть, рассказала вам, что я видел ее на Бродвее с маленькой девочкой? Или вы тогда были с ними и испугались, что я вас заметил? Ведь достаточно было одного моего слова судье Винтуру, и… — (Ювенал сплюнул еще раз. Слюна зашипела. Он открыл печную дверцу. Бледные языки пламени лизали обломок доски.) — А потом вернулся домой капитан Винтур. Ваш хозяин.

— У меня нет хозяина, — закрыв печную дверцу, спокойно произнес Ювенал.

— Вы напали на капитана прямо на пороге его собственного дома. После того, как он собрался продать Мириам, чтобы расплатиться с долгами. Скажите, а Джека Винтура вы тоже ненавидели за то, каким он был и что он значил для вас?

И тут мне пришло в голову, что преданность

подобна молоку: она может внезапно свернуться и стать чем-то совсем другим по вкусу и консистенции.

— В результате вы обратили на себя внимание властей, но сумели ускользнуть от майора Марриота и его патруля в Холщовом городе. Однако с вашим лицом не так-то легко спрятаться, по крайней мере в Нью-Йорке, даже в этих трущобах.

Преданность в чем-то сродни любви, а обратная сторона любви — это ненависть.

— Так где вы были? На Спорных территориях?

Ювенал рассмеялся мне прямо в лицо:

— Как я погляжу, от вас ничего не утаишь, сэр!

— Мириам, вероятно, сообщила вам, что мы с капитаном Винтуром собрались на Спорные территории. И тогда вы устроили нам засаду в Маунт-Джордже. — (Он не ответил.) — Так это вы убили беднягу Грантфорда и того несчастного мальчика Абрахама?

— Когда убиваешь человека, — Ювенал говорил медленно, обдумывая и взвешивая каждое слово, — то делаешь это по одной из трех причин. Ради самосохранения, ради преданности, ради мести.

А не ради наживы, подумал я, не ради золота?

— Мне жаль вашего человека и чернокожего

слугу Винтура, — произнес Ювенал. — Но ничего не поделаешь, они стояли у меня на пути.

— Так же, как, вероятно, и моя скромная персона, — заметил я, на что Ювенал лишь пожал плечами. — Вы последовали за нами через линию фронта. А потом убили капитана Винтура на Королевском мосту. И безжалостно изуродовали его.

— Око за око, глаз за глаз, сэр.

В подвале повисла тишина. Я уже собрался было спросить, являлся ли Ювенал союзником Таунли, поскольку вопрос этот по-прежнему оставался открытым. Но Ювенал отвлек меня, в очередной раз открыв печную дверцу. Доска уже пылала вовсю. Языки пламени злобно потрескивали и щелкали. Ювенал похлопал по карманам пальто. Поняв, что он ищет нож, я поспешно затараторил:

— Сэр, я умираю от жажды. Сделайте такую милость, разрешите мне хоть что-нибудь выпить.

Я впервые обратился к нему «сэр» как к равному, хотя он и сам несколько раз говорил мне «сэр», но не угодливо, а как джентльмен джентльмену.

Ювенал носком сапога придвинул ко мне кувшин. Наклонившись, я поднял его с пола. Это был наполненный на треть глиняный сосуд емкостью

в одну кварту.

— Прошу прощения, что злоупотребляю вашей добротой, но могу я попросить горшок, чтобы помочиться, перед тем как выпью пива? Боюсь, если я этого срочно не сделаю, то взорвусь.

Он рассмеялся и взял ведро для углей, стоявшее возле печки:

— Вот, используйте это.

Что было в своем роде добрым делом. И я этого никогда не забуду. Он вполне мог сказать, чтобы я помочился на стенку или даже прямо в штаны. Возможно, на мгновение он даже забыл, что я пленник. Такова сила воздействия любезного обращения на человека его воспитания. Ибо Ювенал был в своем роде джентльменом, хотя лишь отчасти и опосредованно. Когда он получал образование вместе с Джеком Винтуром, то научился чему-то большему, нежели основы латыни.

Он подошел ко мне с ведром в руках.

— Благодарю вас, сэр, — произнес я и, собравшись с силами, обрушил глиняный кувшин ему на голову.

Это был мой единственный шанс. Удар оказался удачным. Я попал Ювеналу прямо в висок. Кувшин треснул, дно отвалилось, пиво хлынуло водопадом. Ювенал охнул и пошатнулся, спо-

ткнулся о деревянное блюдо на полу и выронил свечу.

Я бросился на своего мучителя, придавив его всем своим весом. Моя правая рука нащупала подсвечник. Схватив подсвечник, я ударил им Ювенала по голове. Он попытался слабо отбиваться. Подсвечник был металлическим, с утяжеленным основанием. Я бил снова и снова. Наконец Ювенал затих.

Обшарив карманы его пальто, я нашел нож, которым он поранил мне щеку. Я раскрыл нож и перерезал ему горло. Лезвие было острым, но перерезать человеку горло оказалось гораздо труднее, чем я представлял. Печная дверца оставалась открытой. Языки пламени освещали дрожащим, зыбким оранжевым светом наш маленький ад.

Из перерезанного горла хлынула кровь. Нож выскользнул из моих липких рук. Кровь забрызгала мой парадный сюртук и, смешавшись с пивом, лужей растеклась по полу.

Я поднял нож и, перекатившись в сторону, перерезал веревки вокруг лодыжек. Я дрожал как осиновый лист. Будто я снова стал ребенком, и рассерженный родитель поднял меня в воздух и вытряс из меня всю душу.

Чтобы немного прийти в себя, я прижался головой к стене. Расстегнул кюлоты и с облегчением выпустил горячую струю мочи. Она с шумом побежала по кирпичной стене на пол, ручейками обтекая нелепую фигуру мистера Панча, тонким слоем накрыла пол и, смешавшись с кровью и пивом, остановилась перед барьером из мертвой плоти убитого мной Ювенала.

Я понемногу успокоился.

Когда убиваешь человека, подумал я, то делаешь это по одной из трех причин. Ради самосохранения, ради преданности, ради мести. Полагаю, я убил Ювенала по всем трем причинам.

Хотя и жалел, что мне пришлось это сделать.

Глава 77

Убийство.

Давайте называть вещи своими именами. Это было убийство. Секунду-другую я стоял перед выбором. И я выбрал перерезать Ювеналу горло.

Я говорю себе, что ни одно жюри присяжных в здравом уме и твердой памяти не осудит меня за его убийство. Что, обернись все по-другому, он вполне мог взять надо мной верх, ведь он был гораздо сильнее меня, и что моя жизнь, возможно, зависела от его смерти.

Кроме того, он собирался меня кастрировать, и это могло бы иметь фатальные последствия, не говоря уже о том, что оскопление принесло бы мне невероятные страдания и уничтожило бы мое мужское естество.

Кроме того, он продемонстрировал способность годами лелеять свою ненависть в ожидании подходящей возможности совершить акт мщения.

Кроме того, он убил, насколько мне известно, по крайней мере пятерых — Фруда, Пикетта, капрала Грантфорда, Абрахама и Джека Винтура, — убил без жалости и сострадания, а потому

не заслуживал жалости с моей стороны.

Кроме того… что ж, всех этих аргументов, да и других тоже, более чем достаточно. Тем не менее мое сердце говорило мне, что я совершил убийство. У меня был выбор. И я выбрал убить Ювенала, и сделал это преднамеренно.

И поэтому в тот самый момент я сделал выбор и для себя тоже: я стал убийцей и теперь останусь таковым до конца своей земной жизни.

Конечно, все эти мысли пронеслись в моей голове отнюдь не сразу после содеянного. Моральная философия меня мало волновала, ибо страхи кружили в голове, точно голодные волки, готовые напасть при проявлении малейшей слабости с моей стороны.

Я не знал, кто или что ожидает меня по ту сторону двери, расположенной возле печки.

Каким-то чудом я умудрился сохранить спокойствие, хотя резаная рана на щеке болела чрезвычайно. Вся штука состояла в том, чтобы думать лишь о ближайшем будущем: решить, что делать в ближайшие пять минут, ну а дальше, как карта ляжет.

Мои действия были обдуманными, можно сказать, методичными. Обливаясь потом от напряжения и жара печки, я вновь зажег свечу,

погасшую в ходе схватки, хотя и не смог вставить ее обратно в подсвечник, с такой звериной жестокостью пущенный мною в ход. Тем не менее я стер кровь с лезвия чужого ножа, сложил его и спрятал в карман.

Кошелек и часы остались при мне. В кармане жилета лежали две игральные кости. И я, как суеверный дурак, потрогал их в надежде, что они принесут мне удачу. Документ, подтверждавший мои полномочия представителя департамента за подписью лорда Джорджа Джермейна, и мои пропуска остались нетронутыми в потайном внутреннем кармане сюртука.

Часы остановились в десять минут четвертого. Я потерял счет времени и не знал, день сейчас или ночь. Подвал был изолирован от мира, точно могила.

Возле печки лежал сверток с моими башмаками, шляпой и плащом. Я нашел небольшой топор из тех, что используют для рубки дров. На полу возле деревянного блюда валялись кусочки засохшей лепешки из пайка моряка.

Но есть я не стал, так как жажда стала невыносимой.

Я обследовал дверь из массива почерневшего от времени темного дерева; дверь была окована

железом, железное кольцо удерживало защелку. Я не обнаружил ни засова, ни замка, для которого требовался ключ.

Я медленно повернул кольцо. Защелка сдвинулась, и я осторожно толкнул дверь. Дверь приоткрылась с противным скрежетом, впрочем не слишком громким.

Снаружи было темно. В подвал ворвался холодный воздух, отчего у меня сразу замерзли руки и голова. Я прислушался, считая удары своего сердца, пока не дошел до ста двадцати.

Издалека донеслись чьи-то крики. И ни малейшего намека на дневной свет. Я услышал глухой выстрел, возможно из мушкета, хотя и довольно далеко. Неподалеку о чем-то громко спорили мужчины, но без особого пыла. Слов разобрать я не смог. Где-то поодаль раздались смех и одинокий крик, оборвавшийся так же мгновенно, как отрезанный ножом конец веревки.

Я приоткрыл дверь еще на несколько дюймов, чтобы можно было проскользнуть в образовавшуюся щель. Узкая крутая кирпичная лестница с обледеневшими ступенями тянулась вверх между щербатыми кирпичными стенами. От холода раненая щека болезненно пульсировала в такт биению сердца. Над головой раскинулось

ночное небо, настолько чистое, что можно было сосчитать звезды. В воздухе пахло дымом и соленой водой.

Держась за стену, я полз по ступенькам, делая передышку на каждой из них. И хотя перемещаться совершенно бесшумно оказалось невозможно, я не заметил никаких признаков того, что привлек чье-то внимание.

Чем выше я поднимался, тем больше звуков долетало до моих ушей. Более всего меня сейчас волновало, что подельники Ювенала могут оказаться поблизости. Я знал, что, кроме Мириам, у него имелись еще двое помощников: одноногий зазывала и кряжистый мужчина, управлявший марионетками. С другой стороны, Ювенал наверняка был уверен, что легко справится в одиночку, и, вероятно, не хотел иметь лишних свидетелей того, что я мог сказать, или того, что он собирался со мной сделать.

Лестница вывела меня к груде обломков и кирпичей, покрытых слоем снега и льда. Я держался с подветренной стороны разрушенной дымовой трубы. В такую ночь, как эта, любое движение будет хорошо заметно на фоне звездного неба.

Не выпуская из рук топора, я оглядел открывшуюся моим глазам картину, которая словно

свидетельствовала о последних днях мира. Передо мной лежали руины Холщового города. В темноте полыхали костры. В окнах заброшенных домов вдалеке кое-где мелькали огни. До меня доносились обрывки песен, крики, дикие вопли и горький женский плач с судорожными всхлипываниями.

В этот самый момент компания из пяти-шести мужчин направилась в мою сторону, лавируя между кострами, горами мусора и лежавшими бродягами. Мужчины были прилично навеселе. Они орали, сыпали ругательствами и пели. Производимый ими шум наконец дал мне шанс, которого я с нетерпением ждал. Я перелез через завалы, оставшиеся на месте дома, и спустился на обледеневшую землю в рытвинах и корках замерзшей грязи.

В темноте я наступил на что-то мягкое, похожее на тело человека. Но человек не отреагировал, и я так и не понял, был он живым или мертвым. Какая-то компания в тридцати ярдах отсюда, должно быть, заметила меня, и я услышал призывный крик: «Бен, старый чертяка, иди к нам!» Помахав им рукой, я торопливо свернул в сторону и сразу наткнулся на группу из трех-четырех человек, занимавшихся спариванием возле горя-

щей жаровни.

А затем практически сразу, что было типично для Нью-Йорка, города контрастов, я попал из варварской дикости Холщового города в район мощеных улиц и чопорных домов с закрытыми ставнями. Через несколько минут я уже был на Бродвее.

Лавки были закрыты на ночь, но в некоторых тавернах и кофейнях по-прежнему царило оживление. Спрятав топор под плащ, я торопливо зашагал в сторону Уоррен-стрит. Нож Ювенала с обнаженным лезвием я по-прежнему крепко сжимал в руке. При других обстоятельствах я побоялся бы идти в одиночестве по ночному городу, но сейчас я вообще не думал об опасности. Если бы кто-то попытался меня остановить, думаю, я бы и его тоже убил.

Глава 78

У меня раскалывалась голова. Однако физическая нагрузка еще сильнее стимулировала мой взбудораженный мозг. Мысли лихорадочно роились в голове, на бешеной скорости сталкиваясь друг с другом. Но мало-помалу они разбились на группы, формируя определенный рисунок, совсем как танцоры, которые, встав по местам, красиво двигаются в такт.

Наконец мне показалось, что я узрел истину. А скорее, узрел две истины, которые сходились в одной точке, и точкой этой была, если можно так выразиться, миссис Арабелла Винтур. Я наткнулся не на одну тайну, а сразу на две, связанные между собой, точно сиамские близнецы, которые появляются уже сросшимися из чрева матери.

Все началось с покупки поместья Пикетта мистером Фрудом, который заранее знал, что заодно покупает и золотую жилу. После того как в конце 1776 года армия повстанцев отступила из Нью-Йорка, Роджер Пикетт посетил Маунт-Джордж в поисках компенсации или даже из желания отомстить. Там он случайно увидел, как Фруд

наказывает Ювенала за воровство. Фруд решил похвастаться своей шкатулкой с диковинками и, возможно, показал ее Пикетту. Тот вернулся со своими людьми и разрушил Маунт-Джордж. Однако шкатулки с диковинками не нашел.

Примерно два года спустя Пикетт появился в Нью-Йорке, на сей раз под личиной беженца-лоялиста. Когда он пришел с визитом на Уоррен-стрит, его увидела Мириам. Она наверняка понимала, что Пикетт угрожал счастью хозяйки, а если Мириам и была кому-то предана, то в первую очередь миссис Арабелле. Она сообщила обо всем Ювеналу, своему любовнику и отцу ее дочери.

Это не было досужими домыслами, у меня имелись доказательства. Когда мы с Марриотом во второй раз пришли осмотреть жилье Пикетта, служанка-мулатка сообщила нам, что в день убийства Пикетта высокий негр в красном мундире, с изуродованным шрамами лицом, принес ему письмо, вероятно с приглашением на рандеву, скорее всего в Холщовом городе, где мы и нашли тело.

Однако, и это все в корне меняло, Ювенал ничего не знал о золоте или о шкатулке с диковинками. Как и миссис Арабелла, пока я не

открыл ей глаза.

В отличие от Ноака и Таунли.

И чем больше я раздумывал над этим, тем сильнее укреплялся во мнении, что именно золото побудило Ноака с Таунли приступить к активным действиям. Не оставалось каких-либо сомнений в том, что они знали друг друга раньше, еще до того, как я познакомился с Ноаком на борту пакетбота, направлявшегося в Америку. Я также совершенно не сомневался, что они замыслили использовать меня в качестве слепого орудия, чтобы создать видимость случайного знакомства в Нью-Йорке. Впрочем, они выбрали меня совсем по другой причине: поскольку я собирался поселиться на Уоррен-стрит, это открывало им двери в дом Винтуров.

Что еще могло привлечь эту парочку на Уоррен-стрит, кроме золота? Иначе зачем Ноаку было проводить там столько времени? Иначе зачем ему понадобилось рыться в бумагах судьи и в комнате миссис Арабеллы?

Конгресс отчаянно нуждался в золоте. Революцию невозможно оплачивать бумажными деньгами. И перспектива дать в руки повстанцев источник золота сама по себе делала любой риск оправданным, любой шанс — сто́ящим попытки

его предпринять.

Я свернул на Уоррен-стрит и сразу попал в объятия сильного бокового ветра, который едва не свалил меня с ног и встряхнул мне голову, отчего в ней тотчас же возникли кое-какие сомнения. Итак, я мог объяснить большинство поступков Ювенала, хотя далеко не все. Неужели он действительно находился в сговоре с Таунли? Верилось с трудом. А как тогда объяснить, что нападение на меня было приурочено к моменту моего ухода от миссис Чоули?

Ювенал мертв. А мертвые молчат. Вернувшись домой, я сразу разбужу Арабеллу, и вместе мы добьемся от Мириам правды.

Я поднялся по лестнице и забарабанил в дверь.

А как насчет игральных костей? Были ли и они тоже неким пробелом в общей картине?

Дверь, закрытая на цепочку, приоткрылась на дюйм или два. В образовавшейся щели появилось лицо привратника. На меня, вероятно, упал луч света из холла, и я увидел, что привратник не может скрыть своего изумления.

— Ради всего святого, приятель, впусти меня в дом! Я до смерти замерз!

В холле висело зеркало в потускневшей позолоченной раме с двумя канделябрами с обеих

сторон. И пока привратник снимал с меня плащ, я поймал свое отражение. На улице я бы сам себя не узнал, ибо я представлял собой зрелище, достойное ярмарочного балагана.

Без шляпы и парика моя голова блестела, как череп мертвеца. Глаза глубоко запали. На правой щеке горела жуткая ярко-красная полоса. Я походил на краснокожего индейца или, хуже того, на дикаря, на одного из тех взращенных лишь светом природы диких созданий, которые выходят из лесных глубин, одновременно и очаровывая, и ужасая ученых.

Сняв с меня плащ, привратник увидел в моей левой руке топор, а в правой — нож, отчего у него глаза полезли на лоб и отвисла челюсть.

Я вручил ему свое оружие:

— Положи все это пока на тот стол.

На лестничной площадке послышались чьи-то шаги, и я поднял голову. Вниз по лестнице ковылял Джосайя. Он был без ливреи, но по-прежнему в дневной одежде. На голове меховая шапка, некогда принадлежавшая его хозяину, шея замотана теплым шарфом. В руках он держал трость с утяжеленным набалдашником.

— Слава тебе господи, хозяин! — увидев меня, воскликнул Джосайя, но, посмотрев на мое лицо,

остановился и вцепился в перила.

— Со мной произошел несчастный случай, — объяснил я.

Джосайя преодолел последний пролет лестницы:

— Сэр, мы вас везде искали. Где вы были?

— Не имеет значения. — Я посмотрел на часы. Было почти два ночи. — Скажи… какой сейчас день недели?

Привратник издал странный звук, который наверняка превратился бы в смех, не задуши он его в зародыше.

Джосайя удивленно вытаращился на меня:

— Ночь среды, сэр. То есть раннее утро четверга.

Выходит, я провалялся без сознания почти двадцать четыре часа.

— Скажи, судья и миссис Арабелла уже отошли ко сну?

Джосайя покачал головой. Он был явно в замешательстве и слегка не в себе.

— Я подумал, может, вы пришли оттуда, сэр.

— Откуда?

— Но как же, сэр! От миссис Арабеллы. От мистера Таунли.

Я удивленно посмотрел на него:

— Что, черт возьми, ты хочешь сказать?!

— Миссис Арабелла отправилась туда сегодня вечером, сэр. Миссис Таунли заехала за ней и Мириам в своем экипаже. Вы ранены, сэр. Что случилось? Вас ограбили? А мой бедный дорогой хозяин…

— Джосайя, — остановил я старого слугу, — с какой стати Таунли увезли миссис Арабеллу? И почему она с ними уехала?

— Потому что мой хозяин умер, сэр.

Глаза Джосайи влажно блестели в свете свечей. Я увидел грязные дорожки от слез у него на щеках.

Джосайя махнул рукой в сторону лестничной площадки:

— Хозяин спал в маленьком кабинете. В кровати, где…

Я нахмурился и кивнул, когда фраза повисла в воздухе. Само собой, я все это отлично знал, ведь именно по этой причине, вернувшись во вторник вечером из таверны, я решил пройти в дом через калитку в саду, а не через парадную дверь.

— Когда я утром пришел разбудить хозяина, он уже был мертвым. Совсем холодным. Он не должен был умирать в одиночестве, сэр. Кто-то должен был быть рядом. Я должен был быть

рядом с ним.

Я тронул его за руку:

— Довольно, мой друг. Скажи, как он умер?

Джосайя устало пожал тощими плечами, согбенными под бременем многих десятилетий унижений и поклонов.

— Что я могу знать о таких вещах, сэр? Мы все предстанем перед Господом, когда Ему это будет угодно.

— Тело еще не трогали? Сейчас поднимусь наверх.

— Пока никто не приходил положить покойного на стол, сэр. Едва ли у него приличный вид, сэр. Такая погода…

— Знаю. Это не имеет значения.

Джосайя со свечой в руках проводил меня наверх. Я замедлил шаг, чтобы он мог приноровиться ко мне. И только сейчас я обратил внимание на то, как за последнее время сдал старик и как заметно усилилась его хромота. Он провел меня в маленький кабинет, в котором лежал его хозяин.

В комнате было очень холодно и пахло смертью, поскольку в свой смертный час тело освобождает не только душу. Полог узкой кровати был плотно задвинут. По моему знаку Джосайя отодвинул

полог и поднял свечу, чтобы я мог лучше видеть.

Судья, в толстом халате и фланелевом ночном колпаке, лежал на спине, голова покоилась на единственной подушке. Глаза были закрыты, рот слегка приоткрыт. Бледная кожа с восковым налетом походила на желтоватый алебастр.

Иногда смерть заставляет человека выглядеть глупо. Но к мистеру Винтуру смерть отнеслась благосклоннее. Она сгладила морщины, остановила нервные тики и возрастные подергивания. Она сделала лицо покойного таким, как в те далекие времена, когда он находился в расцвете сил. Черты его лица снова стали красивыми, правильными и строгими, но отнюдь не суровыми и жесткими. Он был похож на судью.

Я наклонился и поцеловал его в лоб.

Глава 79

Мне отчаянно хотелось найти миссис Арабеллу. Хотелось бежать по заснеженным улицам на Ганновер-сквер и барабанить в дверь мистера Таунли до тех пор, пока меня не впустят в дом. Но я как-никак был опытным чиновником с отличной выучкой, а чиновники известны тем, что всегда думают, прежде чем что-то сказать, и всегда говорят, прежде чем что-то сделать.

Я заставил Джосайю рассказать, что произошло. Вчера утром мальчик-истопник первым вошел в маленький кабинет, где спал судья, но не понял, что хозяин умер, поскольку полог кровати был задернут. Так что именно на долю Джосайи выпало сделать печальное открытие, когда около девяти утра он пришел будить мистера Винтура.

Миссис Арабеллу тотчас же поставили в известность. Вот тогда-то и выяснилось, что накануне вечером я не вернулся домой после праздника. Мириам сказала, что ждала меня до трех утра. А поскольку я так и не явился, она решила, что я выпил больше обычного и остался на ночь в таверне или у друзей. Узнав о кончине судьи

Винтура, мистер Таунли и майор Марриот днем прибыли на Уоррен-стрит. Оба они сообщили миссис Арабелле, что видели меня в толпе в таверне Хикса, но никто из них не смог пролить свет на то, что со мной приключилось потом.

— Мистер Таунли пришел как раз тогда, когда майор Марриот собрался уходить, — рассказал Джосайя. — Миссис Арабелла отвела мистера Таунли в маленький кабинет. Я слышал, он говорил, что хочет отдать последний долг его чести. А потом около трех дня мистер Таунли снова приехал, но уже с миссис Таунли. Какое-то время они посидели с миссис Арабеллой в библиотеке, а потом хозяйка послала за мной и велела передать Мириам, что они остановятся у Таунли и та должна собрать вещи, которые могут понадобиться на несколько ночей.

— А тебе удалось услышать что-нибудь из того, что еще говорил мистер Таунли? По тому или другому поводу?

Джосайя был неприкрыто шокирован:

— Нет, сэр.

— Ну а как тебе показалась твоя хозяйка?

— Ужасно расстроенной, сэр. — В голосе старика проскользнул едва заметный упрек.

— Она оставила для меня сообщение?

— Нет, сэр.

Что решительно не укладывалось у меня в голове. Я знал, миссис Арабелла не доверяла мистеру Таунли и мистеру Ноаку, поскольку не понимала их мотивов. Для меня оставалось загадкой, почему она вообще согласилась поехать к Таунли. А то, что она уехала, даже не потрудившись оставить мне записки, было выше моего понимания.

Я велел Джосайе затопить камин в библиотеке и принести туда поднос с ужином, а также бутылку вина и кофейник. Однако в первую очередь мне требовался таз с горячей водой в спальне. По-моему, Джосайя был рад сделать нечто понятное и привычное.

Когда мальчик-истопник принес горячую воду, я вымыл лицо и руки, затем переоделся во все чистое и надел другой более-менее приличный парик, после чего снова почувствовал себя прежним человеком. Я изучил свою физиономию в зеркале и с облегчением обнаружил, что выгляжу почти как обычно, разве что немного усталым и измученным. И только рана на щеке устанавливала некие границы моей респектабельности. Она уже успела покрыться корочкой, но я остро чувствовал ее при каждом сокращении мышц лица.

И вот, когда я шел через холл, направляясь в библиотеку, сзади меня послышался какой-то шорох. Я резко обернулся, сжав кулаки, однако увидел лишь Мехитабель Типпет, малолетнюю беженку из Маунт-Джорджа.

— Пожалуйста, сэр. — Она говорила шепотом, чтобы ее не услышал сидевший у двери привратник. — Пожалуйста, сэр, прошу прощения, но могу я перемолвиться с вами парой слов с глазу на глаз?

Ничто не могло лучше проиллюстрировать царивший в доме хаос, чем присутствие Мехитабель Типпет в холле в предрассветные часы. Девочке давным-давно полагалось лежать в кровати. Ей не следовало находиться в холле без прямого приказа быть там. Ей не следовало брать на себя смелость обращаться ко мне, пока я не заговорю первым. В обычных обстоятельствах за любой из этих проступков она заслуживала порки.

Как бы то ни было, я разрешил Мехитабель пройти в библиотеку и поговорить со мной, пока буду есть. Джосайя нахмурился, увидев там девочку, но промолчал. Когда старый слуга подал мне ужин, я отослал его прочь.

Несмотря на пылающий в камине огонь, в библиотеке было холодно. Я сел в свое привычное

кресло и велел Мехитабель встать у каминной решетки, поскольку она вся дрожала. Она несколько округлилась за четыре месяца, минувших с тех пор, как я забрал ее из военной тюрьмы, где содержались женщины-беженки, и привел на Уоррен-стрит. Но она по-прежнему оставалась грустной маленькой девочкой, шарахавшейся от собственной тени.

Я ел быстро и молча, жадно набивая рот, так как не желал тратить на еду ни одной лишней минуты. Проглотив первый кусок, я понял, что умираю с голоду. Пища была более чем скудной: скрипевший на зубах хлеб, испеченный из эрзац-муки, и несколько ломтиков жесткой соленой свинины с ложкой смородинового желе в качестве гарнира. Впрочем, мне все это показалось амброзией.

Через несколько секунд я положил вилку с ножом и взял бокал с вином:

— Итак, дитя? В чем дело?

— С вашего позволения, сэр, это случилось, когда я убирала заштопанные простыни в сундук из кедровых досок в спальне госпожи. Вот там-то я и услышала их.

— Кого ты услышала? И когда это было?

Даже тусклый свет в библиотеке не мог скрыть тот факт, что девочка залилась краской.

— Госпожу, сэр. И того джентльмена с большим носом.

— Мистера Таунли?

— Да, сэр. Это было еще утром, когда он пришел в первый раз засвидетельствовать свое почтение. А не потом, когда он приехал в экипаже со своей леди и увез мадам из дома. Я услышала, как они поднялись по лестнице, и побоялась выйти из комнаты, потому что мне не дозволено находиться на хозяйской половине дома.

Я сразу выпрямился и отодвинул тарелку. Похоже, я начал понимать, куда клонит Мехитабель.

— Ведь спальня твоей хозяйки соединяется с маленьким кабинетом? И между ними есть дверь, да?

— Да, сэр. Дверь была приоткрыта на дюйм или около того для свежего воздуха, но со стороны спальни этого не видно из-за занавески перед дверью. Я боялась пошевелиться, когда они вошли в кабинет. Опасалась, что они меня услышат. Но я-то их хорошо слышала.

Я снова принялся за еду.

— О чем они говорили?

— Джентльмен сказал все положенные слова о бедном судье Винтуре. А потом он сказал, что у него есть предложение к миссис Арабелле. Ска-

зал, он все знает о мистере Пикетте.

Я подавился хрящом.

— О мистере Пикетте? Дитя, ты уверена? Совершенно уверена?

— Это имя я никогда не забуду, сэр. Только не после той ночи в Маунт-Джордже.

— А что он потом сказал?

— Я пропустила конец и начало разговора. Минут пять-десять я вообще ничего не слышала. Они все еще были в маленьком кабинете и все еще говорили о том о сем, но шепотом. — Лицо Мехитабель сморщилось, словно грязный половик. — А бедный судья лежал там перед ними совсем мертвый. А потом мистер Таунли назвал ваше имя, сэр, а госпожа в ответ и говорит громко и ясно: «Где он сейчас? Отвечайте, вы, дьявол!»

В крайнем волнении я оттолкнул в сторону поднос, встал с кресла и начал взволнованно мерить шагами комнату.

— А что еще?

— Мне было не слышно, сэр. Пока в самом конце хозяйка не повторила что-то, что говорил мистер Таунли. «Причал Нормана», — сказала она. А он сказал: «Когда начнется отлив. Самое подходящее время».

— Причал Нормана? Ты уверена, что он сказал

именно так?

— Да, сэр. Я слышала все так же хорошо, как этот колокольчик. Но самым странным было то, что Мириам рассмеялась, когда он это сказал. С тех пор как я в Нью-Йорке, ни разу не слышала, чтобы Мириам смеялась.

— Она что, была там вместе с ними? Ты не говорила.

— Само собой, была. А иначе было бы неподобающе.

— Ну да. Конечно неподобающе. — Я взял свечу и принялся рыться в мешанине бумаг на столе в поисках карты приливов. — Но с чего вдруг Мириам стала смеяться?

— Не знаю, сэр. Но она и потом была страшно веселой. Когда паковала одежду для госпожи. Совсем на нее не похоже.

— Ну а вообще, какая она из себя? — внезапно спросил я.

Раньше я об этом не задумывался, поскольку Мириам была всего-навсего служанкой и рабыней.

— Мрачная. И вечно кислая, как дикое яблоко, сэр. Она очень близка со своей хозяйкой, но сторонится всех остальных. Хотя при жизни брата была совсем другой. В раннем детстве я частенько

видела в Маунт-Джордже, как эти двое смеялись и пели. Они ведь были двойняшками. Вот почему она так изменилась, когда ей пришлось убить брата.

— Что?

Мехитабель уставилась на меня большими глазами:

— Это ее и изменило, сэр. Как-никак кровь родного брата на совести.

— Ее брата?

Я тяжело опустился в кресло. Нельзя было терять ни секунды. Тем не менее я не мог позволить себе уйти, не выяснив все до конца.

— Так ты говоришь, что Ювенал и Мириам — брат и сестра?

— Да, сэр. — Девочка бросила на меня удивленный взгляд. — Это все знают. Мириам сказала, что он собирается убить хозяйку. Вот потому-то Мириам и пришлось пристрелить брата. Родного брата! И как только у нее рука поднялась?! Но иногда приходится выбирать. Ведь так, сэр? Кого ты больше любишь или кому ты больше предан. Она выбрала госпожу и убила Ювенала.

Ювенал. Моя темная тень.

Человеческий ум обладает любопытной способностью совершать внезапные открытия.

Или, скорее, благодаря ослепительной вспышке внезапного озарения по-новому трактовать уже имеющуюся информацию. Быть может, поэты именно это и называют вдохновением?

Я моментально вскочил на ноги. Пока я шел из библиотеки в холл, громко призывая Джосайю, истина со всеми вытекающими последствиями запечатлелась в моем сознании.

Ювенал встретил Арабеллу, когда та вышла замуж за его хозяина Джека Винтура, причем союз этот не сделал счастливой ни одну из сторон. Да, Ювенал был негром, но он умел вести себя как джентльмен и, насколько я знал, в юности обладал неплохой внешностью.

А что, если Ювенал и Арабелла стали любовниками? А что, если в результате этой связи родилась темнокожая девочка? Хенриетта Барвиль.

Теперь, когда идея оформилась, остальное уже вытекало само собой. Тогда в Маунт-Джордже Арабелла, не так давно вышедшая замуж, вероятно, надеялась, что отец ребенка, которого она носила под сердцем, — Джек Винтур. Однако девочка родилась черной, и цвет кожи новорожденной стал очевидным доказательством измены молодой жены.

Итак, многое из того, что прежде скрывалось под покровом тайны, более-менее прояснилось. Когда Фруд обнаружил, что его долгожданный наследник оказался чернокожим ублюдком, то подверг Ювенала варварскому наказанию, лишив его возможности когда-либо стать отцом. Не приходилось удивляться, что в своем письме к судье Винтуру Фруд написал, что ребенок родился мертвым.

Впрочем, точно так же не приходилось удивляться, что Ювенал убил Фруда при первой удобной возможности.

Мириам солгала, что убила Ювенала, желая защитить свою хозяйку в ту ночь, когда умер Фруд и повстанцы разрушили Маунт-Джордж. Арабелла подтвердила ее слова. На самом деле госпожа и служанка сговорились с целью помочь Ювеналу скрыться. Женщины привезли Хенриетту Барвиль в Нью-Йорк: никому не нужного чернокожего младенца, рожденного от раба. После этого не осталось никого, кто мог бы предложить другую версию событий.

Никого, кроме Роджера Пикетта.

Ювенал, пусть даже обезображенный, оказался ревнивым любовником. Мириам была его глазами и ушами в доме Винтуров. Когда Пикетт,

появившись у Винтуров, стал угрожать миссис Арабелле и ее ребенку, Мириам, вероятно, доложила обо всем Ювеналу, и Пикетта в результате убили в Холщовом городе. А когда вернулся Джек Винтур, Мириам, возможно, пожаловалась брату на поведение супруга миссис Арабеллы. И вскоре после того, как Джек ударил жену в саду, его едва не убили на пороге собственного дома.

И аналогично, оба ночных нападения на меня можно было объяснить тем, что Ювенал, пусть изуродованный и кастрированный, не терпел соперников, особенно тех, кто интересовался обстоятельствами смерти полицейского информатора — маленького мулата Таггарта. Внезапно я понял, что Ювенал несет ответственность еще за две смерти: беглого негра Вирджила, которого повесили за убийство Пикетта, и Таггарта, ложные показания которого и привели беднягу Вирджила на виселицу.

Ребенок Ювенала умер и был демонстративно похоронен под его фамилией. Несомненно, все это должно было еще сильнее ожесточить сердце чернокожего раба, горевшего жаждой мести.

Ибо потом случилось нападение на нашу экспедицию в Маунт-Джордже, кульминацией которой стало убийство Джека Винтура, бывшего хозяина

Ювенала и мужа его любовницы.

Да, Ювенал был ревнивым любовником. Отсюда и его желание кастрировать меня, когда он узнал от Мириам, что мы с Арабеллой делим постель.

О да, пока я надевал плащ в холле и одновременно отдавал приказы Джосайе с привратником, мне наконец удалось понять все. Все, кроме самой важной вещи, хотя я этого еще не знал.

Глава 80

С реки дул свирепый ветер. Луна тускло мерцала, прячась за плывшими непрерывной чередой облаками. Стоял лютый холод, какого на моей памяти до сих пор еще не было.

Когда я покидал Уоррен-стрит, напольные часы в холле пробили половину четвертого. Прилив сменился отливом примерно полчаса назад. Я никого не мог взять с собой на подмогу, поскольку в доме осталось только трое слуг мужского пола: старик Джосайя, привратник, который был еще старше Джосайи, и мальчик-истопник. Я нацарапал записку Марриоту и велел Джосайе передать майору записку утром, как можно раньше.

Под плащом я спрятал в кармане сюртука пистолет, один из тех двух, что были со мной на Спорных территориях. Я также прихватил топор Ювенала, засунув его за ремень, которым перепоясал сюртук. Шляпу я повязал шарфом: помимо всего прочего, он скрывал и защищал рану на щеке.

Я не встретил ни одной живой души, пока не столкнулся с патрулем, охранявшим шлагбаум

на Гринвич-роуд возле Воксхолл-Гарден.

— Там у меня женщина. — Я подмигнул сержанту и, слегка покачиваясь, показал свой пропуск. — Премиленькая девчонка. Но ненавидит ждать, сержант.

Он хмыкнул и вернул мне бумаги.

— А кому это по нраву, сэр? — сделав знак своим людям отодвинуть шлагбаум, сказал он.

— Купите себе выпить чего-нибудь погорячее. — Я дал ему шиллинг. — Ночь выдалась холодной.

— Если, конечно, кто-нибудь не согреет вам постель, сэр, — ответил он.

Уладив вопрос с сержантом, я пошел дальше. Я выбрал вполне благовидный предлог для объяснения того, что делаю на улице в столь ранний час, так как несколько домов впереди были если не борделями, то чем-то вроде того, а в соседних домах предлагали комнаты внаем для джентльменов, предпочитавших держать своих любовниц на безопасном расстоянии от соблазнов большого города.

Мои глаза привыкли к темноте, и я бодро зашагал по дороге, которую власти недавно расчистили от снега для удобства военных. Причал Нормана располагался в направлении Гринвича,

недалеко от литейного завода. Прошлым летом я как-то раз был здесь вместе с Таунли. Сам причал был защищен небольшим молом; рядом на берегу размещался двор со складом, обнесенный высокой кирпичной стеной, верхний край которой был утыкан шипами и битым стеклом. И хотя причал Нормана находился недалеко от города, место было уединенным. Сюда, и больше никуда, вела короткая улочка, соединявшаяся с главной дорогой.

Мистер Таунли взял причал и склад в пятилетнюю аренду у торговца-лоялиста, убежавшего в Англию в самом начале военных действий. Несмотря на войну, Нью-Йорк и Джерси-Сити вели оживленную торговлю, законную и незаконную. Наши аванпосты в Нью-Джерси, Паулюс-Хук и в других местах постоянно нуждались в провианте. Майор Марриот как-то раз спьяну признался мне, что они у себя в штаб-квартире считают переправу Паулюс-Хук крайне полезной для армии, поскольку она позволяет людям переправляться через реку без утомительных бюрократических препон.

Положа руку на сердце, я до сих пор не знаю, было ли мое решение отправиться прямо на причал Нормана верным. Мои полномочия, полученные

от Американского департамента, предоставляли мне статус наблюдателя, и не более того. Я не имел права направлять солдат туда или сюда. Хотя, возможно, мне следовало идти прямо в штаб-квартиру, поднять на ноги майора Марриота, если, конечно, он был на месте, и уговорить его вмешаться, использовав значительные военные силы для создания численного перевеса. Это было бы самым разумным способом действий, подобающим чиновнику правительственного департамента; именно так наверняка и поступил бы мистер Рэмптон. Впрочем, даже если бы мои усилия увенчались успехом и все прошло более-менее гладко, я смог бы добраться до причала Нормана с отрядом солдат лишь на рассвете.

Что было бы слишком поздно. Даже география места действия была против меня. Причал Нормана находился относительно недалеко от Уоррен-стрит, тогда как штаб-квартира располагалась гораздо дальше и в противоположном направлении.

Я мог быть уверен лишь в одном: к Джерси-Сити через Гудзон пролегал ледяной мост и причал Нормана был достаточно уединенным местом, а значит, удобным для того, чтобы совершить переход. Я не был до конца уверен, что они попы-

таются перейти Гудзон именно сегодня ночью, но, какими бы ни были планы Таунли, отсрочка могла сделать предприятие еще более рискованным.

Когда я свернул на улочку, идти стало труднее. Она была покрыта замерзшим снегом, который образовал глубокие, не допускавшие ни шага в сторону колеи. По обеим сторонам тянулась плотная живая изгородь; она еще больше уменьшала освещенность, но хотя бы служила защитой от пронизывающего ветра.

Наконец я подошел к распашным воротам во двор. Они были крепко заперты. Однако перед ними лежала кучка свежего лошадиного навоза, который еще не успел замерзнуть. Что было хорошим знаком. Я немного подождал и прислушался. Но ничего не услышал.

Я постучал во вделанную в ворота калитку. За стеной залаяла собака. Загремела цепь, на которой она сидела. Послышался звук открывшейся двери.

— Кто там?! — прикрикнув на собаку, строго поинтересовался какой-то мужчина.

— Сообщение для мистера Таунли. — (Насторожил ли Таунли собачий лай?) — Открывай, приятель, да поживее! Я продрог до костей.

— Кто вы такой? Что за сообщение?

— Мистер Сэвилл. Поспеши. Государственное дело. У меня мало времени.

Отодвинув два засова, сторож открыл калитку. На меня пристально уставились, подсвечивая себе фонарем, двое мужчин: один с мушкетом, другой — с тяжелым посохом. Первый, вероятно, был сторожем. Второго я запомнил по своим визитам в дом мистера Таунли, где этот человек служил привратником. В душе сразу вспыхнула надежда, ибо присутствие привратника означало, что Таунли здесь. И если Таунли здесь, то, вероятно, и Арабелла тоже.

— Ты ведь Оливер, да? Я довольно часто видел тебя на Ганновер-сквер и успел запомнить твое лицо.

— Прошу прощения, сэр, — дыхнув на меня ромом, извинился привратник и распахнул передо мной калитку. — Я не сразу понял, что это вы.

— Ничего страшного. Где твой хозяин?

— Там на берегу, возле причала, сэр.

— Вместе с остальными?

— Да, сэр.

Не думаю, что он заподозрил неладное. Мне повезло: привычка Таунли к скрытности стала для него второй натурой, и он при любой возмож-

ности старался держать язык за зубами. Поэтому привратник знал меня исключительно как почетного гостя в их доме. Похоже, его не в первый раз привлекают к оказанию помощи в проведении ночных экспедиций, а потому подобные приезды и отъезды стали для него почти рутиной.

— Там они все?

— Только его честь и мистер Ноак, а также леди со своей служанкой. Я приехал вместе с ними из дома.

— Отлично! Отсюда я уже сам найду дорогу. А ты оставайся в тепле, пока можешь.

Мужчины с явным облегчением вернулись к теплой печке в сторожке у стены возле ворот. А я с уверенностью, которой отнюдь не ощущал, направился в сером полумраке к реке. Между мной и причалом высилась черная громада склада.

Я завернул за угол здания, скрывшись от глаз любого, кто мог наблюдать за мной из сторожки. Со стороны причала раздались шаги идущего к складу человека. Сняв перчатки, я нырнул в утопленный дверной проем окутанного тьмой склада и вынул пистолет, но не взвел курок, чтобы не привлекать внимания громким щелчком.

В поле моего зрения попал высокий человек. Темнота не позволила мне разглядеть его лица,

но полагаю, это был Таунли, который вернулся узнать причину собачьего лая.

Выскочив из дверного проема, я вдавил ствол пистолета ему в щеку:

— Тихо!

Он вздрогнул, однако сразу взял себя в руки:

— Боже правый, сэр! Но это же… мистер Сэвилл, не так ли? Вы застали меня…

Я дал ему возможность услышать щелчок курка, и Таунли сразу притих. После чего я еще сильнее вдавил ствол ему в щеку:

— Придержите язык. Где они?

— Кто, сэр?

Толкнув Таунли в дверной проем, я упер ствол пистолета ему в подбородок и заставил прижаться головой к двери.

— Миссис Арабелла, Ноак, — ответил я.

— Но как же! Конечно, она у меня дома вместе с миссис Таунли и, надеюсь, сейчас крепко спит. Бедная миссис Арабелла была совсем…

Я вдавил ствол чуть сильнее, и Таунли вскрикнул.

— Умоляю, поаккуратнее с этим, сэр, — сдавленным шепотом произнес он. — Одно неосторожное движение — и случится непоправимое.

Я лишь усилил нажим:

— Пистолеты могут вести себя крайне непредсказуемо, тем более в такую погоду.

Дыхание Таунли участилось, стало тяжелым. Он попытался что-то сказать и не смог.

— Где они? — повторил я. — Уже на льду?

— Да. Впрочем, они совсем недавно вышли на лед. Если вы поторопитесь… Но позвольте мне сказать хотя бы одну вещь, сэр. Когда Ноак работал в лондонской адвокатской конторе, то перехватил письмо Пикетта к сестре. В письме говорилось о золотых россыпях. Почему бы нам не прийти к взаимопониманию? Мы с вами будем богаты, как…

— Придержите язык! — Я достал из-за пояса топор. — Там, на льду, их сейчас только трое? Две женщины и Ноак?

— Да, сэр. Клянусь могилой матери!

Я поверил ему. Чем больше народу в партии, тем выше риск, что их предадут или обнаружат.

— Их будут встречать?

— Да. С другого берега им навстречу выйдет поисковая группа. — Таунли замялся, а затем торопливо добавил вкрадчивым, хриплым голосом: — Я вовсе не хотел причинить вам зла. Нам просто нужно было убрать вас с дороги на день или два. В том числе для вашей же собственной

безопасности, сэр. Я не знаю, как вы…

— Ювенал полоснул меня ножом по щеке, — заявил я.

— Ювенал? А кто это такой?

— Ваш тюремщик. Беглый негр, затаивший злобу. — Внезапно до меня дошло, что Таунли знал о Ювенале и его роли во всей этой истории не больше, чем Ювенал — о Таунли, Ноаке и золоте. — Он собирался меня кастрировать и оставить умирать, что вряд ли способствовало бы моей безопасности, сэр.

— У меня просто нет слов, чтобы выразить свое сожаление. Это была идея Мириам, чтобы он подержал вас взаперти от греха подальше, пока они с хозяйкой не окажутся далеко отсюда. Она сказала, ему можно доверять и он стоит на защите интересов миссис Арабеллы. Клянусь честью, сэр, лично я никогда не имел с ним дела…

Замахнувшись, я обрушил обух топора на голову Таунли. Удар пришелся по прижатому к двери затылку. Топорище дернулось у меня в руках. Что-то хрустнуло. Таунли рухнул на землю.

Глава 81

Причал был покрыт обледеневшим снегом. Я устремил взгляд вдоль замерзшего склона на холодную, серую пустыню реки, простиравшейся до берегов другой Америки, о которой я практически ничего не знал.

Ночь была наполнена звуками. Вода быстро шла на убыль, отчего огромные глыбы льда беспокойно двигались, натыкаясь друг на друга. Река трещала, стонала и скрежетала, словно живое существо, корчившееся от боли. Ветер со свистом и воем несся вверх по течению к пустынному сердцу страны. Гряда высоких облаков уже заняла две трети неба и полностью закрыла луну.

Я не любил лед. В детстве я видел, как один мальчик провалился в полынью на реке возле нашей деревни. Никто из нас не умел плавать. Тело удалось найти, а точнее, то, что от него осталось, лишь весной.

Поэтому я не рисковал выходить на лед ни нынешней, ни предыдущей зимой. Хотя многие люди смело ходили и катались на коньках по замерзшей реке. Ехали на санях и даже на ло-

шадях.

Этой зимой, самой страшной за всю войну, стояли такие лютые холода, что военным удалось перетащить по льду от города до Паулюс-Хук двадцатичетырехфунтовую пушку, весившую вместе с лафетом три тонны. В другой раз двести нагруженных провиантом саней, каждые были запряжены двумя лошадьми, проехали по реке от Нью-Йорка до Статен-Айленда в сопровождении двухсот солдат легкой кавалерии.

Тем не менее лед таит в себе множество опасностей даже в такую длинную суровую зиму. Приливно-отливные процессы и колебания температуры подвергают ледовый покров непредсказуемым нагрузкам, отчего его толщина меняется от места к месту. Ходили разговоры о беженцах, утонувших во время бегства от повстанцев в Нью-Йорк. Иногда вода выходила на поверхность льда через трещины и полыньи, где впоследствии замерзала, образовывая, в свою очередь, новые слои льда.

Вдалеке, на другом берегу, к северу от Паулюс-Хук, вспыхнул и тут же погас свет, а затем примерно через двадцать секунд все повторилось. Снова и снова.

Что, вероятно, было сигналом группе беглецов с

указанием направления движения. Сигнальный огонь, как по мановению волшебной палочки, снял с меня чары. Я медленно пополз вниз по причалу, крепко держась, чтобы не упасть, за металлические поручни причальной стенки.

Я неуверенно ступил на припорошенный снегом лед и вышел с подветренной стороны мола. Бледно-желтое сияние образовывало на снегу лужицу света. На крюке в конце мола висел фонарь. Приблизившись, я обнаружил, что стекло было экранировано так, чтобы свет могли увидеть лишь со стороны мола и с противоположного берега.

Определенно это был еще один навигационный знак: двойник мигающего света на том берегу реки.

Когда я вышел из-за мола, ветер обрушился на меня с новой силой. Он налетал шквалистыми порывами, которые сбивали с ног и заставляли шататься, словно с перепоя. Я споткнулся о замерзшую тушку утки и зарылся носом в снег, оказавшись на четвереньках.

Огонь со стороны Джерси-Сити мигнул три раза.

Я с трудом поднялся на ноги. Мне во что бы то ни стало нужно было добраться до Арабел-

лы раньше, чем поисковая группа повстанцев. Это единственное, что в данный момент имело значение.

Сейчас я не думал о том, что будет потом, если мне удастся добраться до Арабеллы, или что будет, если мне не удастся этого сделать. Я не думал о вопросах, на которые у меня не было и, возможно, не могло быть ответов. Итак, я упорно брел вперед, выкинув все мысли из головы.

Лед казался твердым, как мраморный пол. Ветер стал моим врагом, жестоким и ненасытным в своей злобе. Он сбивал с пути, наносил удары, заставлял слезиться глаза, пробирался в мельчайшие щелочки одежды.

Однако снег был моим союзником: по снегу было проще идти, чем по льду, а кроме того, когда глаза приспособились, он показывал, куда направились те, что шли впереди.

Три пары следов, выстроившихся в неровную шеренгу, вели в сторону Нью-Джерси. Судя по следам, Ноак шел посередине, чуть-чуть впереди своих спутниц, и, похоже, вел женщин под руки. Их дорожные плащи были длиннее, чем у Ноака, и волочились по снегу, частично заметая следы. Женщины явно были для него обузой, препятствуя быстрому продвижению.

Цепочка следов впереди умерила мои опасения ступить на участок тонкого льда или провалиться в трещину между льдинами. Я бросился бежать сперва медленно и неуклюже, точно ребенок в помочах, осваивающий новые способы передвижения, а затем все увереннее.

На берегу со стороны Джерси-Сити вновь несколько раз вспыхнул свет.

Внезапно ветер разогнал закрывавшую луну гряду облаков, и все моментально преобразилось, словно в театре подняли занавес и появилась ярко освещенная сцена.

Внезапно Северная река превратилась в серебристую пелену, мерцавшую под бескрайним ночным небом. А за ней виднелась размытая серая полоса — побережье Нью-Джерси.

Менее чем в ста ярдах впереди по льду шли три связанные между собой фигуры, похожие на главных действующих лиц драмы, на которую смотришь из перевернутого бинокля.

Я закричал. Ветер смахнул звук с моих губ. Но они что-то услышали, так как остановились и оглянулись.

Я побежал вперед.

Расстояние между нами сократилось. Группа беглецов разделилась, женщины прижались

друг к другу. И хотя они закутались в плащи с капюшоном, я сразу понял, что Арабелла стояла справа, так как она была выше Мириам.

Ноак остался на месте. Должно быть, они меня узнали, поскольку Ноак достал пистолет и направил его на меня. Он не стал говорить, чтобы я остановился, а иначе будет стрелять. Он вообще ничего не сказал. Просто взвел курок.

И тогда я понял, что Ноак собирается меня убить. Он убил бы меня так же деловито, как в свое время вылечил от морской болезни, когда мы делили с ним одну каюту на судне, шедшем в Нью-Йорк. И ничего личного, когда он нажмет на спусковой крючок, и в каком-то смысле ничего злонамеренного. Ведь он всегда был практичным человеком, который старался найти практичное решение любой возникшей на его пути трудности. Сейчас перед ним стояла вполне патриотичная цель, и, по его мнению, эта цель оправдывала любые средства, которые он был вынужден использовать для ее достижения.

Но я упрямо бежал вперед, ибо мне больше некуда было идти и негде было спрятаться.

Освещенные луной фигуры растворились в хаосе движений. Арабелла бросилась на Ноака. Он повалился боком на лед, Арабелла придавила

его сверху. Пистолет выстрелил, пуля пролетела мимо.

Буквально через секунду я уже был рядом.

Арабелла с трудом поднялась на ноги. Я протянул ей руку, однако Арабелла отпрянула. Ноак начал вставать. Стоявшая в стороне Мириам злобно плюнула в меня.

Я вынул свой пистолет и непослушными пальцами взвел курок. Ствол дрожал, мне пришлось придержать запястье левой рукой. Огнестрельное оружие никогда не было моим коньком.

— Мадам, прошу вас отойти от этих двоих. — Я говорил отрывисто, судорожно хватая ртом воздух. — Мириам, встань рядом с мистером Ноаком.

Женщины беспрекословно повиновались. Ноак неторопливо встал и отряхнул плащ от снега. Все трое были нагружены свертками и саквояжами, и сейчас часть их багажа сиротливо лежала на льду.

— Мистер Ноак и Мириам, вы можете продолжать переход до Нью-Джерси, — заявил я. — Как по мне, можете катиться хоть к черту и не возвращаться! Но миссис Арабелла останется со мной.

Ноак деликатно кашлянул:

— Сэр, я, конечно, извиняюсь, но разве это не

зависит от желания дамы? — (Лицо Арабеллы скрывал низко надвинутый на лоб капюшон. Она не шелохнулась.) — Ну как, мэм?

— Вы не можете идти с ними, — возразил я.

— Я должна, — заявила она. — Если бы вы знали все, сэр, то не стали бы меня удерживать.

И тут до меня дошло, каким образом Ноак принудил ее к сотрудничеству.

— Шантаж? Этот шпион именно так заставил вас пойти с ним?

Она не ответила.

Продолжая держать на мушке Ноака и Мириам, я приблизился к Арабелле. И очень тихо, чтобы не услышали остальные, проронил лишь два слова:

— Хенриетта Барвиль. — (Арабелла слабо застонала.) — Полагаю, вы знаете, о ком я говорю. О вашей покойной дочери. Но сейчас это уже не имеет значения, обещаю.

Арабелла вздернула голову и отчетливо произнесла:

— Она имеет значение для меня. И всегда будет иметь значение.

— Что было, то прошло. И все давным-давно забыто. А кроме того, они ничего не смогут доказать.

— А если бы в могиле Хетти покоилась ваша

Лиззи, вы говорили бы то же самое? Что вы давным-давно ее забыли?

— А где Ювенал? — внезапно закричала Мириам. — Что вы с ним сделали?

— Он собирался меня кастрировать. Мне пришлось его убить.

Скользя по льду, Мириам бросилась на меня. Повернувшись к ней, я нажал на спусковой крючок.

Но пистолет дал осечку.

Мириам тотчас же вцепилась в меня, кусаясь и царапаясь, точно фурия. Она задела рукой рану на моей щеке, содрала корку. Я завопил от боли и изо всех сил ударил ее стволом пистолета, отчего она навзничь упала на лед.

Раздался громкий треск. Очень отчетливый. Прямо у меня под ногами.

— Отойдите! — крикнул Ноак. — Вниз по течению лед более тонкий. Сегодня утром здесь ловили рыбу.

Новая опасность нас сразу объединила. Сбившись в кучку, мы вчетвером отступили на тридцать ярдов вверх по реке.

Топор по-прежнему был спрятан у меня под плащом. Когда мы тронулись с места, я взял Арабеллу за руку и попытался уговорить ее пойти со

мной. Но она отдернула руку.

— Мы должны вернуться в Нью-Йорк, — прошептал я. — Умоляю, мадам.

— Ах, благодарение Богу! — внезапно воскликнул Ноак.

Я обернулся. Он устремил взгляд на берег со стороны Джерси-Сити. Какие-то темные фигуры двигались по серебристому покрову реки. Пять или шесть человек. Двое из них тащили за собой санки. Вероятно, группа находилась с подветренной стороны от нас, так как мы не слышали ни звука.

— Пойдемте со мной, мэм, — произнес Ноак гнусавым, хорошо поставленным голосом. — Вы отлично знаете, что с вами будет, если вы останетесь. Не самая приятная смерть, да? Висеть с петлей на шее.

Глава 82

Я достал из-за пояса топор. В лунном свете блеснуло лезвие.

Люди с санками становились все ближе.

— С чего вдруг ее должны повесить? — спросил я Ноака.

— За пособничество врагам его величества и подстрекательство, — ответил он. — О чем однозначно свидетельствуют все улики. Это тяжкое правонарушение.

— Она сделала так под давлением. А кроме того, они не повесят леди.

— Возможно. Но они наверняка повесят человека за соучастие в убийстве. Даже если это леди.

Я шагнул к Ноаку:

— Вы, наверное, не серьезно.

— Абсолютно серьезно, — ответил Ноак. — Все очень просто. Миссис Арабелла обладала удивительной властью над негром по имени Ювенал. С моей стороны было бы неделикатно вдаваться в подробности, однако у меня имеется доказательство. Я перехватил его письмо миссис Арабелле, которое тот доверил своей сестре

Мириам. И когда мистер Пикетт стал угрожать, миссис Арабелла подкупила или уговорила негра помочь ей убить Пикетта. Он пошел на это не ради своей сестры. Он пошел на это ради миссис Арабеллы.

— Вы жестоко ошибаетесь, сэр, — сказала Арабелла.

— Отдайте мне бумаги, связанные с месторождением золота Пикетта, мадам, и можете делать все, что вашей душе угодно, а я буду нем как могила, — произнес Ноак.

— Ни за что! — отрезала Арабелла.

— Мадам, умоляю вас, будьте осторожны! — воскликнула Мириам.

Повернувшись ко мне, Ноак заметил:

— Миссис Арабелла позволила повесить за это убийство невинного человека. Он умер у нас на глазах, мистер Сэвилл. Надеюсь, вы помните? Беглый негр, укравший кольцо и башмаки мистера Пикетта. Показания против негра дал информатор, еще совсем мальчик. Ювенал научил его, что говорить. А потом убил информатора, чтобы заткнуть ему рот. Насколько мне известно, вы осмотрели тело мальчишки, когда того вытащили из воды возле паромной переправы Паулюс-Хук. Не сомневаюсь, что у вас тогда воз-

никли определенные подозрения.

В этот самый момент раздались два выстрела, буквально один за другим, второй выстрел прозвучал, как эхо первого. Мы дружно оглянулись, устремив взгляд в сторону Нью-Йорка.

— Нас обнаружили, — сказал Ноак. — Проклятая луна!

Теперь на льду стало больше людей. К нам направлялся разомкнутым строем британский патруль. Наша четверка оказалась примерно посередине между повстанцами и солдатами британской армии.

— Пойдемте, миссис Арабелла, промедление смерти подобно, — понукал Арабеллу Ноак. — Давайте объявим перемирие. У нас еще есть время продолжить наше путешествие, но тогда нам не следует стоять на месте. — Покосившись на меня, Ноак добавил: — И не пытайтесь нам помешать, сэр, если желаете этой даме добра.

Беглого негра, подумал я, звали Вирджил. И почему рабам давали такие нелепые имена? Может, просто-напросто в виде издевки?

— Пойдем со мной, любовь моя, — сказал я. — Давай вернемся вместе, а потом мы найдем способ начать жизнь заново.

— Слишком поздно, — ответила Арабелла. —

Хотя я всем сердцем желаю, чтобы все было по-другому.

Она отодвинулась от меня. Где-то вдалеке послышались крики.

— Еще не поздно, — уговаривал я Арабеллу. — Доверьтесь мне.

— Вы не понимаете.

— Я понимаю достаточно, чтобы…

— Мистер Пикетт дважды приходил на Уоррен-стрит, — перебила меня Арабелла. — Второй раз по моему приглашению. Ювенал отнес ему на квартиру мою записку. Я написала, что хочу встретиться с ним, чтобы обсудить наши дела, в приватной обстановке в павильоне, и он должен войти не через парадную дверь, а через калитку в сад. Он пришел вечером, было уже довольно поздно.

— Мадам… — укоризненно произнесла Мириам и повернулась к нам спиной.

— Когда он пришел, мы играли с Мириам в триктрак, — продолжила Арабелла. — Он был мерзавцем, сэр, упивавшимся своей властью надо мной. Он видел Хетти у моей груди в Маунт-Джордже. Он хотел землю, и он хотел золото. Он хотел даже меня. И когда он ко мне прикоснулся и попытался поцеловать, я схватила ножницы

из корзинки для рукоделия и воткнула их ему в шею. — *(Кровь на доске для триктрака.)* — Он упал на пол и увлек за собой стол. И тогда я ударила его ножницами в спину, чтобы убить наверняка. Ночью Ювенал забрал тело и оставил в Холщовом городе.

Я вспомнил, как в первый раз сидел в павильоне с судьей Винтуром и миссис Арабеллой. Это было в день, когда Вирджила повесили за убийство Пикетта.

В тот вечер в павильоне стоял слабый запах лимонного сока и уксуса. После убийства, очевидно, остались кровавые пятна и специфические запахи, от которых миссис Арабелла с Мириам постарались срочно избавиться.

Но они забыли об игральной кости.

Оказывается, я много месяцев носил с собой ключ к мучившей меня загадке: игральную кость, попавшую в складки одежды Пикетта, и ту, что закатилась в щель в полу. Теперь обе кости лежали в кармане моего жилета.

Арабелла выкрикнула мое имя:

— Эдвард! — и ветер унес его прочь.

Это было все, что она сказала. Она повернулась и побежала, но не в сторону Нью-Джерси и не обратно в Нью-Йорк. Она побежала вниз

по течению реки, ее тяжелые башмаки на толстой деревянной подошве молотками стучали по льду.

— Остановитесь, мадам! Остановитесь, ради всего святого! — крикнул Ноак. — Это очень опасно.

Мириам молча наблюдала за хозяйкой. И даже не шелохнулась.

Я побежал за Арабеллой. Несмотря на тяжелые башмаки и неудобную одежду, она опережала меня уже на двадцать ярдов. Споткнувшись о зазубренный ледяной выступ, я упал и с трудом поднялся. Арабелла успела оторваться еще больше. Я услышал за спиной торопливые шаги Ноака.

Услышал и почувствовал треск льда под ногами.

Арабелла удвоила свои усилия. Я упорно ее преследовал. До меня донеслись отдаленные выстрелы. Что-то больно ужалило в левую ногу, выше колена.

Я упал ничком. Лед проломился под тяжестью моего тела. Ледяная вода заливала лицо и грудь. Я выбросил топор, и он заскользил в темноту внизу. Я беспомощно заскользил следом.

Ноак схватил меня за ноги. Потянул назад.

Вероятно, это был все-таки он, хотя я не видел его. Боль в раненой ноге исторгла из моей груди пронзительный крик. Но ни звука не сорвалось с моих холодных губ, только брызнула соленая ледяная вода.

Преодолевая рвотные позывы, я лежал на животе под безжалостным металлическим светом луны. Я помню похоронные причитания ветра и воды, охлаждавшей мою кожу, словно жидкая смерть. Я помню выстрелы, а потом новые выстрелы.

Помню, как упала Арабелла Винтур, барахтаясь и беспомощно размахивая руками. Она не проронила ни звука. Она даже не кричала. Помню, как подумал тогда, что теперь мне, увы, не суждено узнать, был ли я ей небезразличен.

Я услышал скрежет и стук. Лед говорит на собственном языке, трескаясь и ломаясь. Я вспомнил ту ночь, когда умерла жена судьи Винтура, как Арабелла скреблась и стучала в дверь моей спальни, как мы лежали вместе в теплой и сухой пуховой постели размером со слона, которая пахла розовым маслом. А теперь она скреблась и стучала подо льдом, призывая меня присоединиться к ней.

Как же я ненавижу память!

Я прислушивался к скрежету и стуку льда. Мне хотелось заключить Арабеллу в свои объятия и лежать рядом с ней — отныне и навеки.

Отныне и навеки.

Скрежет и стук.

Когда появились солдаты, я был совершенно один.

Глава 83

— У меня имелись надежды, что нам удастся ампутировать ногу. Но не нужно впадать в отчаяние. Без сомнения, у нас появится и другая возможность.

Я не узнал голоса этого человека. Его слова не удивили и даже не заинтересовали меня. Я слышал, как открывалась и закрывалась дверь. А еще звук удалявшихся шагов. Мое сознание, точно лист, плыло по поверхности великой тьмы, и невидимое течение уносило его прочь.

Позже, вероятно, намного позже я открыл глаза. Бледный свет меня ослепил. Где-то вдалеке звучала барабанная дробь.

Я увидел склонившегося надо мной старика. Он стоял спиной к окну, и я не смог разглядеть его лица.

— Наконец-то вы проснулись. — В его голосе с приятными модуляциями явственно чувствовался ирландский акцент; именно этот голос взывал ко мне из непроглядной тьмы. — Я полагал, что это произойдет сегодня.

— Вы что-то говорили о моей ноге, сэр. — Мой

голос охрип от долгого молчания. — На самом деле?

— Разумеется.

— Вы хотите ее ампутировать?

— Да. Видите ли, нога сильно отекла и выглядела безобразно. Если бы инфекция распространилась дальше, у нас бы не было иного выхода, как ампутировать ногу выше колена.

— Но… но вы говорили, у вас есть и другая возможность.

— Мой дорогой сэр, я не имел в виду, что это совершенно обязательно. Надеюсь, нам не придется отнимать ногу. А кроме того, я никогда не бываю излишне категоричен в подобных вещах. Любая нога сгодится, пока она соответствует общей конфигурации, если вы понимаете, о чем я. Поэтому нет ни малейшего повода для волнений.

Голос старика был очень мягким. Из-за некоторых особенностей речевого аппарата его слова перемежались едва заметным, но не лишенным мелодичности свистом. И свист этот заинтересовал меня больше слов. Что бы он мог означать? Неужели намек на изменение тембра голоса свидетельствовал о спорности сказанных слов? Но через минуту я уже снова заснул, оставив свои вопросы без ответа.

А потом стало темно. На столе возле кровати горела свеча. Кто-то мыл мое лицо теплой водой, мягкая тряпочка цеплялась за отросшую щетину на подбородке. Левая нога отчаянно болела. Моей сиделкой оказался мужчина в длинном халате в пятнах крови, который все время говорил мне «ш-ш-ш», совсем как конюх, ухаживающий за лошадью.

— Где я нахожусь?

Он на секунду сделал паузу в мытье и шиканье.

— Ага, вы уже начали говорить, да? Я скажу доктору. — Он сложил тряпочку и взял таз с водой. — Это Королевский колледж, сэр. Хотя книжных знаний здесь вы особо не получите. Если не считать лекции доктора Клосси.

Доктором Самюэлем Клосси оказался тот самый ирландец с присвистом в голосе. Как я выяснил позже, он был выдающимся врачом, который в более счастливые времена занимал должность профессора анатомии в колледже. Он вернулся в Нью-Йорк, когда из города ушли повстанцы. Армейские власти преобразовали Королевский колледж в некую комбинацию военного госпиталя и казарм. Доктор Клосси сумел удачно применить свои знания и стал помощником

хирурга. Он даже находил время читать лекции по анатомии своим молодым коллегам.

— К моему величайшему сожалению, им не хватает знаний, — заявил он в ходе одного из наших первых разговоров во время моего очередного просветления. — Я даже надеялся рассечь как ваше колено, так и вашу голень для их же блага. Нога, как вам наверняка известно, с анатомической точки зрения отличается крайне сложным строением. Что крайне увлекательно.

Доктор Клосси оказался милейшим стариком, мечтавшим вернуться в родную Ирландию. Именно он сообщил мне, что на дворе уже февраль. Когда меня принесли в госпиталь, я находился в ужасающем состоянии из-за переохлаждения, полного упадка сил и раненой ноги. Я отморозил один или два пальца на ноге, коих едва не лишился.

По словам доктора, он ничего не знал об обстоятельствах, приведших меня на больничную койку. И действительно, при всей своей болтливости в данном вопросе он оказался на редкость немногословен. Однако в первый же день, когда мне разрешили встать с постели и несколько минут погреться у огня, доктор как бы невзначай заметил, что я не должен бояться нежданных

гостей, когда пойду на поправку, потому что мою дверь бдительно стерегут.

К этому времени я вспомнил почти все, вплоть до того момента, как появились солдаты.

И буквально на следующий день меня навестил майор Марриот. Я слышал, как он разговаривает с караульным под дверью, и узнал его голос. Он с мрачным видом вошел прихрамывая в палату. Я сидел на кровати, откинувшись на подушки, и смотрел на прямоугольник серого неба за окном.

— Добрый день, сэр, — произнес он с неловким поклоном. — Рад видеть, что вы более-менее пришли в себя.

Я кивнул, но не нашел в себе сил ответить. Я по-прежнему был чрезвычайно слаб, и любое напряжение быстро утомляло мой уже вполне ясный ум.

Майор немного походил по палате и остановился спиной к окну, полностью заслонив мне свет.

— Крайне неприятная история, мистер Сэвилл. Генерал Клинтон чрезвычайно обеспокоен. Военный комендант распорядился провести расследование. Вам вскоре придется предстать перед комиссией.

— Я хочу вернуться домой, — ответил я.

Марриот задумчиво пожевал губу. Затем, при-

падая на больную ногу, подошел к кровати и тяжело опустился на стоявший рядом стул.

— Хочу сообщить вам исключительно конфиденциально, — понизив голос, произнес он, — что сэкономите массу времени, если откровенно поговорите со мной прямо сейчас. Я хочу сказать, перед тем как вы предстанете перед комиссией. Не стоит без нужды еще больше ухудшать ситуацию.

— Вы о чем?

— Я о деле Ноака.

Однако я слишком устал, чтобы обсуждать эту тему, а потому сделал вид, будто пребываю в неведении.

— Ноак? А что с ним такое?

— Вы наверняка должны помнить.

— Сейчас я помню совсем немного.

Майор пристально посмотрел на меня. Он сильно постарел за последнее время, в щетине на его подбородке проглядывала седина.

— Тогда скажите, что вы вообще помните.

— Торжество в таверне Хикса. Похоже, когда я возвращался на Уоррен-стрит, на меня напали. Впрочем, нападавшего я не видел.

— На улице или в доме?

Я вспомнил Мириам, поджидавшую меня в

павильоне.

— Не помню. Хотя я прошел через калитку в сад. Полагаю, меня поджидали именно там.

— Но слуги показали, что вы вернулись домой следующей ночью. Что вы были не в себе и с израненным лицом.

Я потрогал щеку. Длинный струп тянулся от уголка глаза к углу рта. Он чертовски чесался, так как щетина на лице уже почти доросла до размеров небольшой бороды.

— Да, — ответил я. — Меня держали в подвале в Холщовом городе. А когда похитители оставили меня одного, я сумел сбежать.

— Кто это был?

— Я их практически не видел. Если что-то и разглядел, то весьма неотчетливо. Было слишком темно.

— Однако вы определенно их слышали? — подсказал мне Марриот. — Ведь они наверняка что-то говорили?

— Ничего существенного. Я принял их за бродяг. Они смердели.

— А где находился тот самый подвал?

— Откуда мне знать, сэр? Я ведь уже сказал, что было темно. А когда мне наконец удалось сбежать, я, естественно, не стал спрашивать у

прохожих дорогу домой.

Марриот злобно посмотрел на меня, моментально забыв о хороших манерах у постели больного:

— Очень хорошо. Но тогда извольте объяснить, почему вы снова ушли из дома практически сразу после того, как вернулись на Уоррен-стрит.

— Потому что узнал, что судья Винтур скончался… — Мой голос сорвался, к глазам подступили слезы; я понял, что все еще очень слабый, гораздо слабее, чем мне казалось; через минуту я продолжил: — От слуг я узнал, что миссис Арабелла со своей служанкой отправились к мистеру и миссис Таунли. Миссис Арабелла решила какое-то время пожить у них.

— Чего ради она к ним поехала?

— Спросите у мистера Таунли.

— Не могу, — ответил Марриот. — Он мертв.

Глава 84

Будучи чиновником на государственной службе, я давно понял, что при выборе тактики поведения всегда лучше молчать, чем говорить. Услышав о смерти Таунли, я изобразил ужас и скорбь, но ничего не сказал. Марриот сообщил, что Таунли убили на причале Нормана и обстоятельства дела до сих пор выясняются.

Спустя день или два я уже мог, опираясь на трость, ходить по палате. Я так и не выяснил, откуда прилетела пуля, попавшая в мою левую ногу: с их стороны или с нашей. Возможно, этого и следовало ожидать. Война в лучшем случае дурацкое занятие.

Если бы меня не ранило пулей, мог бы я спасти Арабеллу? А если бы мне это удалось, что потом?

Доктор Клосси извлек пулю, и рана начала потихоньку заживать. Он сказал, что, по его мнению, ранение не будет иметь непоправимых последствий. И рекомендовал режим щадящей физической нагрузки, когда я пойду на поправку. Возможно, моя нога не вернется в прежнее состояние, но я точно не останусь калекой.

Солдат принес мне с Уоррен-стрит смену свежего белья и чистую одежду. Когда я переоделся, мне разрешили покинуть палату в сопровождении конвоира. Я обнаружил, что лежал в больничной палате на втором этаже здания колледжа. Она предназначалась для пациентов, которым по той или иной причине требовалась такая роскошь, как отдельная комната. Многие пациенты испытывали адские муки; я частенько слышал, как они кричат, точно проклятые души, особенно во время ночных кошмаров.

Когда Марриот пришел во второй раз, я сообщил ему, что служанка из дома Уоррен-стрит слышала, как мистер Таунли говорил с миссис Арабеллой о причале Нормана. Из чего я понял, что она собирается перейти линию фронта и присоединиться к повстанцам. Она что-то такое говорила, перед тем как я отправился на празднование в таверну Хикса. Впрочем, от горя речи миссис Арабеллы иногда становились настолько бессвязными, что я не воспринял ее слова всерьез.

В холодном зимнем свете лицо стоявшего у окна Марриота казалось ужасно бледным.

— Я не могу в это поверить, — наконец проронил он. — Такого не может быть. Только не

миссис Арабелла! — У него был вид человека, потрясенного до глубины души, но которому приходится принять то, что он жаждет отрицать.

— Вы ведь наверняка получили мою записку, — продолжил я. — Я велел Джосайе отнести вам записку прямо с утра. Я написал вам, что отправился на причал Нормана, где, как мне кажется, готовится некое злодейство.

— Вы ничего не написали о миссис Арабелле, — пробормотал Марриот, хватаясь за соломинку.

— Конечно нет. Я надеялся уговорить ее вернуться, а потом замять это дело. Вы не хуже меня знаете, что смерть мужа и свекра со свекровью, возможно, на время повредили ей рассудок. И даже сейчас, сэр, мы должны сделать все, чтобы ничто не запятнало память несчастной дамы. Как друзья миссис Арабеллы, мы обязаны сделать для нее хотя бы это.

Марриот изменился в лице и залился краской. Какое-то время он молча мерил шагами больничную палату, потом повернулся ко мне:

— Так что на самом деле произошло на причале Нормана?

— Когда я туда добрался, то сказал сторожу и привратнику Таунли, что у меня сообщение для их хозяина. Они впустили меня внутрь, откуда

я уже самостоятельно нашел дорогу к причалу. К счастью, к тому времени на небе появилась луна, и я увидел на льду всех троих: миссис Арабеллу, ее служанку и Ноака между ними. Они шли на свет на берегу со стороны Джерси-Сити.

— Ну а Таунли? Где был он?

Я вспомнил утопленный дверной проем на складе, где оставил его тело.

— Понятия не имею. Я слишком торопился, чтобы это выяснить. Я погнался за теми, кто был на льду. Ноак в меня выстрелил. — Поколебавшись, я все же сказал: — Миссис Арабелла помешала ему прицелиться и тем самым спасла мне жизнь. Мне казалось, она пожалела о своем решении переметнуться на другую сторону и я сумею отвезти ее целой и невредимой обратно в Нью-Йорк. Однако она запаниковала и побежала вниз по течению, где лед был тоньше. Я… бросился за ней, хотя, увы, безуспешно.

Моя скорбь отчаянно рвалась наружу. Я отвернулся. Но я не плакал.

Марриот прочистил горло:

— Я знаю остальное, мистер Сэвилл. Патруль все видел.

На следующий день мне разрешили прогуляться по территории колледжа, к сожалению

обезображенной неизменными атрибутами войны. Теперь прогулки стали ежедневными. Со мной обычно шли Клосси или санитар, а солдат, сторживший мою палату, замыкал шествие. Меня изолировали от остальных пациентов. Не то чтобы я был заключенным, но и совсем свободным я тоже не был.

В прежней жизни я наверняка злился бы из-за наложенных на меня ограничений. И наверняка презирал бы себя за слабость тела и слабость духа, однако сейчас я словно оцепенел.

Во время прогулок я часто устремлял взгляд на Северную реку, до сих пор скованную льдом. Не исключено, что Арабелла была по-прежнему там, являясь добычей для рыб, в плену у смерти, в ожидании, когда ее течением вынесет в море.

То, что осталось от ее тела, уже не имело значения. Она стала еще одной жертвой этой дурацкой войны. Совсем как тот военнопленный, чей разлагающийся труп мы с Ноаком видели с борта пакетбота «Граф Сэндвич» в наше первое утро в Нью-Йорке.

Да, сказал я себе, уныло переставляя ноги, есть в подобных вещах некая цикличность.

Через четыре дня после второго визита Марриота ко мне в палату явился санитар сообщить,

что у меня посетитель. Санитар провел меня в маленькую гостиную, которую, по его словам, держали для главврача госпиталя.

В гостиной никого не было. В ожидании посетителя я подошел погреться к камину. Я предполагал, что меня в очередной раз навестит Марриот, но, когда дверь наконец открылась, на пороге показался мистер Карне. Он пришел один. Сдержанно поклонившись, он знаком предложил мне сесть. В тот вечер в таверне Хикса я видел его в обществе военного коменданта, хотя не разговаривал и даже не раскланивался с ним с тех пор, как обнаружил тело Джека Винтура.

— Ну что, сэр, — начал он в своей резкой, типично американской манере, — итак, вы опять попали в передрягу. Вопрос лишь в том, вляпались ли вы в нее по уши, или вам удалось выскочить? А иначе говоря, вы дурак или негодяй?

— Надеюсь, ни то ни другое, сэр.

Он уставился на меня своими бледными глазами. Кожа на его лице была изборождена морщинами, как высохшая на солнце глина.

— Я говорил с майором Марриотом и начальником патруля, который привез вас сюда. А кроме того, обыскал дом на Уоррен-стрит и допросил

слуг. С сожалением должен сообщить, что мне пришлось заглянуть в ваши личные бумаги. — Он сделал паузу, однако я промолчал, так как знал, что ничего интересного он там не нашел. — Вы были привязаны к миссис Арабелле Винтур? — внезапно спросил он.

Я опять промолчал.

— Что меня ничуть не удивило бы, — продолжил он. — И ничуть не удивило бы кое-кого из оставшихся слуг Винтуров.

— Я жил у Винтуров последние восемнадцать месяцев. Конечно, я был привязан к семье. И надеюсь, они ко мне тоже.

— Я имел в виду особенно нежную привязанность. — Он холодно улыбнулся. — Какая жалость, что в доме не оказалось служанки. Мириам Барвиль. Она бы знала наверняка. Однако Мириам Барвиль переметнулась к повстанцам вместе с Самюэлем Ноаком, и с тех пор о ней ничего не известно.

Я поерзал на стуле. Раненая нога затекла.

— Что делает вас, мистер Сэвилл, — вздохнул Карне, — моим единственным источником информации. Вы знали, что Ноак был шпионом?

— Да, но я узнал только сейчас. Я оставался в неведении буквально до последнего дня.

— Вы познакомились на борту корабля, направлявшегося сюда из Лондона?

— Да, совершенно случайно. Он сообщил, что в Нью-Йорке его ждет должность секретаря. На следующее утро после прибытия он пришел ко мне, пожаловался, что обещанную ему должность ликвидировали, и попросил порекомендовать его, если я вдруг узнаю, что какому-нибудь джентльмену требуется делопроизводитель. Получилось так, что мистер Таунли вскоре посетовал на то, что его секретарь умер.

— Что, очевидно, было ложью, — заявил Карне. — Я побеседовал с его бывшим секретарем. Как и вы, насколько мне известно. Если вы говорите правду, получается, что Ноак и Таунли использовали вас, чтобы создать видимость, будто познакомились случайно. Хотя если Ноак был шпионом повстанцев, значит Таунли тоже им был. Вас это удивляет?

— Не особенно, — пожал я плечами. — Я слежу за ходом ваших мыслей.

— Тогда прошу вас проследить за ходом моих мыслей чуть дальше. Мы нашли бумаги в доме Таунли, подтверждающие наши предположения. Итак, допустим, что это правда. Но зачем Ноак проводил столько времени на Уоррен-

стрит? — Карне устремил глаза к потолку, словно рассчитывая получить там ответ. — Шпионить за вами? Что ж, вполне возможно. Однако вы не производите впечатление человека, который не следит за тем, что пишет или говорит. Тогда что еще? Может, он воспылал страстью к прелестям миссис Арабеллы? И опять же, это возможно, но маловероятно. Или все-таки имелась иная причина? И было ли это каким-либо образом связано с необъяснимым желанием дамы убежать вместе с мистером Ноаком через замерзшую реку?

— Быть может, они были тайными возлюбленными, — предположил я.

Карне бросил на меня острый взгляд:

— Полагаю, вы шутите. Впрочем, ваша версия ничуть не хуже других.

— Она была в растрепанных чувствах, сэр. Я твердо знаю. Все, кого она любила, ушли в мир иной. Она не отвечала за свои поступки.

— Таунли убили на причале Нормана. Кто его убил?

— Я не знаю.

— Его ударили по голове каким-то тяжелым предметом, — заявил Карне. — Он был высоким мужчиной. Маловероятно, что его могла убить одна из женщин. Допустим, это сделал Ноак. Но

зачем? Боялся, что Таунли его предаст? Хотел заткнуть Таунли рот? В таком случае было ли убийство хоть как-то связано с тем, что привело Ноака на Уоррен-стрит?

— Я не знаю.

— Почему он до последнего момента продолжал ходить к Винтурам? Вот в чем кардинальный вопрос. Может, он охотился за чем-то, что хранилось в доме? И взял ли он это с собой в Нью-Джерси?

Я не произнес ни слова. Я закутался в спасительное молчание, точно в одеяло, и старался вообще ни о чем не думать.

Спустя какое-то время Карне встал и нахлобучил шляпу.

— Откровенно говоря, сэр, данное дело не просто головоломка, а крайне неловкая ситуация. Ибо возникает альтернативное предположение, что именно вы убили Таунли, поскольку он хотел помешать вам вернуть миссис Арабеллу. Что поставит нас всех как здесь, так и в Лондоне в еще более неловкое положение. Хорошего дня, сэр.

Глава 85

Мистера Карне я больше ни разу не видел. На следующий день я получил письмо от майора Марриота, который написал, что дом Винтуров закрыт и он распорядился перевезти мои пожитки на Брод-стрит. Три дня спустя меня выписали из госпиталя.

Пожелав всего самого хорошего, доктор Клосси выдал мне пропуск, позволяющий миновать пост охраны и покинуть территорию колледжа. Санитар проводил меня до ворот и по доброте душевной даже предложил найти портшез. Я совершенно не знал, куда пойду и что буду делать.

В нескольких ярдах от ворот на дороге стоял экипаж. Дверца экипажа открылась, и оттуда вышел какой-то мужчина. Сгорбившись от ветра, он неуверенно шагнул в сторону Королевского колледжа. Увидев меня с саквояжем на улице возле ворот, он снял шляпу и поклонился.

Теперь я вполне отчетливо разглядел его лицо. Передо мной был мистер Ингем, управляющий складом Таунли в Бруклине.

— Прошу прощения, сэр, я не хотел вас пу-

гать, — произнес он с мимолетной улыбкой, поскольку я, кажется, не сумел скрыть своего изумления. — Хозяйка распорядилась встретить вас с экипажем.

В моей голове по-прежнему стоял туман.

— Хозяйка? — переспросил я.

— Миссис Таунли, сэр. Майор Марриот сообщил ей, что вы, вероятно, сперва захотите поехать в контору на Брод-стрит. Но, может, вы предпочитаете отправиться в другое место?

— Нет, — ответил я. — Меня все устраивает.

— Хозяйка заказала для вас номер в таверне Фронса. Майор Марриот думает, что вы, вероятно, еще не решили, где остановиться, когда вас выпишут из госпиталя, и на одну-две ночи номер в таверне вполне сгодится. Однако, если вы недовольны, заказ всегда можно отменить.

Я слишком устал, чтобы проявлять излишнюю подозрительность. Кроме того, стоявший рядом со мной санитар слышал наш разговор. Ну а тогда чего мне бояться? У меня было не больше возможностей управлять своими действиями, чем у старых часов, которые бьют один раз в час по воле невидимого механизма.

В ожидании прибытия из Лондона моего сменщика я провел несколько недель в таверне

Фронса. В лаконичной записке от адъютанта военного коменданта мне предписывалось освободить контору на Брод-стрит. В записке также говорилось, что поскольку дело о смерти миссис Арабеллы Винтур sub judice[16], если можно так выразиться, то мне под страхом тюремного заключения запрещено с кем-либо его обсуждать.

Я испытал странное чувство, снова увидев свою одежду, книги и бумаги. Бóльшую часть этого добра привезли из дома на Уоррен-стрит. Карне с Марриотом хорошо порылись в моих вещах в поисках объяснений и ответов. Впрочем, я и сам перебирал все эти вещи, хотя в другое время и в другом месте.

Тем не менее я с удивлением обнаружил нечто такое, что явно попало сюда по ошибке: некий предмет, похожий на мелкий обломок коричневого камня; он затерялся среди вороха писем и докладных, словно в свое время его использовали в качестве пресс-папье. Открыв перочинный нож, я поскреб поверхность камня. И увидел золотую искорку.

Кто, кроме Арабеллы, мог подложить кусок руды в мои бумаги? Кто, кроме нее, мог оставить

---

[16] Notes: 16
Находится в производстве *(лат.)*.

мне перед расставанием памятный подарок?

Я склонил голову и впервые за все это время заплакал. Я оплакивал Арабеллу. Оплакивал Ювенала. Оплакивал даже Таунли. Я оплакивал себя.

Меня снова вызвали на допрос. На сей раз Карне и Марриот допрашивали меня вдвоем. Позже я предстал перед комиссией по расследованию, состоявшей из четверых старших офицеров, для которых не нашлось занятия получше. Они задавали мне все те же вопросы. Я давал все те же ответы. Однако у них не получилось опровергнуть мою версию. У них вообще ничего не получилось.

На следующий день Карне навестил меня в таверне Фронса.

— Принято решение, что вы можете покинуть Нью-Йорк, когда прибудет ваш сменщик из Американского департамента, — сообщил он. — Но при одном условии, сэр: вы не будете говорить об этом деле ни с одной живой душой ни здесь, ни в Англии. Вам понятно?

— Да, сэр.

— Мы хотим избежать скандала. Повстанцы и мистер Ноак пока молчат, а значит, они также не усматривают никаких выгод для себя в обнародовании данной информации. В связи с чем

генерал Клинтон считает, что лучше не будить спящую собаку.

Я поклонился и поблагодарил Карне. Уже уходя, он помедлил у двери. Не говоря ни слова, он пристально вглядывался в мое лицо, будто надеясь прочесть там всю правду. Затем повернулся и закрыл за собой дверь.

Итак, я привел в порядок дела. Одним холодным утром я прогулялся до Уоррен-стрит и постучал в знакомую дверь. Дом показался мне меньше и более обшарпанным, чем когда я там жил.

Я не узнал впустившего меня привратника. Я попросил позвать Джосайю, и старый слуга вышел ко мне в холл. К моему величайшему смущению, он поцеловал мне руку.

Джосайя сообщил, что дом и остатки имения Винтуров теперь перешли к какому-то кузену в Канаде. Армейские власти временно реквизировали дом для нужд армии, расквартировав в нем дюжину офицеров. Джосайя и другие слуги, включая Мехитабель Типпет, пока оставлены здесь.

Я дал Джосайе денег и попросил поделиться с остальными, после чего написал адрес моей сестры в Шеппертоне. Если получится, я непременно попробую купить старого слугу.

Затем я отправился на негритянское кладбище, где была похоронена дочь Арабеллы и Ювенала. Цветы на могиле давным-давно исчезли. Снег и лед окончательно разрушили маленький деревянный крест, обломки которого лежали у края могилы. Я договорился с каменотесом установить небольшое каменное надгробие, вырезать там имя Хенриетта Барвиль, а также даты ее рождения и смерти.

Хетти-Петти. В моем сознании двое умерших детей обеих миссис Винтур стали одним ребенком.

Поселившись в таверне Фронса, я написал миссис Таунли и поблагодарил ее за доброту. Несколько недель мое послание оставалось без ответа. Но вскоре после допроса на комиссии по расследованию я получил записку с приглашением посетить дом на Ганновер-сквер в любое удобное для меня утро.

Дверь мне открыл новый привратник — того человека, которого я видел на причале Нормана, здесь уже не было. Меня провели в комнату слева от входа, прежде служившую Таунли приемной. Мистер Ингем, сидевший на месте секретаря, которое некогда занимал мистер Ноак, сердечно со мной поздоровался.

— Вы покинули Лонг-Айленд? — поинтересовался я.

— Да, сэр, — ответил он с широкой улыбкой. — Миссис Таунли попросила меня вернуться на прежнюю должность. Видите ли, она взяла на себя ведение дел покойного мужа и решила, что мои знания и опыт могут оказаться ей полезными.

Он провел меня в кабинет, который раньше был в безраздельном владении мистера Таунли. Теперь кабинет принадлежал его вдове. Она сидела за письменным столом покойного мужа перед раскрытой конторской книгой. Когда я вошел, миссис Таунли вышла из-за стола и присела в реверансе. Она, естественно, была в трауре, но казалась гораздо более жизнерадостной и раскованной, чем во время нашей первой встречи.

Я выразил ей свое соболезнование.

— Да, — поспешно отозвалась она. — Мистер Карне говорит, что точно не знает, как умер мой муж, однако склоняется к версии, что это дело рук мистера Ноака. — Она посмотрела прямо на меня, и иногда взгляд может сказать больше любых слов. — К сожалению, нам не суждено этого узнать. Ведь так? Вероятно, это даже к лучшему. — На ее губах появилась тень улыб-

ки. — Впрочем, мы еще живы и должны жить дальше.

Когда мы закончили с комплиментами и соболезнованиями, миссис Таунли поинтересовалась моими планами на будущее. Я ответил, что в скором времени возвращаюсь в Англию, где мне придется покинуть Американский департамент.

— Я много об этом размышляла. И мистер Ингем тоже. — Миссис Таунли еще больше покраснела. — Прошу прощения за нескромный вопрос, сэр, но вы уже присмотрели себе другую должность?

— Еще нет.

— Тогда могу я сделать вам одно предложение? Как оказалось, у меня имеется кое-какая собственность в Лондоне, включая склад, которым мы сами пользуемся. Имущество досталось мне от отца. У нас есть управляющий в Лондоне, мистер Камнор, однако он далеко не молодой человек, а мистер Таунли не мог надзирать за его работой так хорошо, как мой покойный отец. И поступления от арендной платы существенно уменьшились. Кроме того, к северу от Сити имеется акр земли, используемый для коммерческого выращивания овощей. Говорят, в наши дни город стремительно развивается, и я подумала, не пора

ли пустить эту землю под застройку.

— Что я должен для вас делать, мэм?

— Оценить положение дел, проверить счета и в случае согласия мистера Камнора взять на себя часть работы, если нам с вами удастся прийти к взаимопониманию. Я не знаю, что ожидает нас в будущем, но мистер Камнор рано или поздно выйдет в отставку, и мне понадобится на его место деловой человек.

Мы с миссис Таунли оговорили условия моей работы, которые были скорее адекватными, нежели щедрыми, а также обсудили различные меры предосторожности. Хваткая дама при всем своем великодушии умела склонить к невыгодной сделке. Мистер Ингем должен был составить контракт и выдать мне доверенность. Мы договорились, когда мне следует прийти за бумагами.

И куда подевалось то неуверенное в себе, робкое маленькое существо, которое я когда-то здесь встретил?! Похоже, смерть супруга помогла миссис Таунли сбросить невидимые цепи. Более того, смерть мистера Таунли ни в коей мере не сказалась на ее материальном благополучии. Хотя, конечно, по сравнению с другими женщинами любая вдова находится в более выгодном положении, поскольку может распоряжаться делами,

не отчитываясь перед мужем или отцом.

— Чрезвычайно тронут вашей добротой, мэм, но почему именно я? — уже собравшись уходить, спросил я.

— Мой супруг как-то сказал, что вы способный человек. К тому же очень честный. — Она на секунду замялась, и я снова увидел прежнее робкое, неловкое существо, боявшееся своей тени. — А еще потому, сэр, что однажды вы были добры ко мне, а это само по себе является наилучшей рекомендацией.

Мой сменщик, некий мистер Торп, прибыл 13 марта. Я никогда не видел его раньше и не увидел сейчас, ибо он поддерживал со мной связь исключительно путем обмена письмами.

С тем же почтовым судном пришли для меня и письма из Англии. До мистера Рэмптона еще не дошли слухи о том, что произошло на льду Северной реки на рассвете 20 января. Поэтому он всего лишь велел мне передать все дела нью-йоркской конторы мистеру Торпу и вернуться домой как можно раньше. А сразу по приезде в Лондон мне надлежало явиться в Американский департамент для отчета о потраченных деньгах и прощальной беседы. И ни слова об Августе. О ней не было ни слова, к моему величайшему

облегчению, и в лондонских газетах.

Я получил письма от сестры и от Лиззи. И это было куда более приятным чтением.

Поскольку я путешествовал по служебным делам, мне удалось сесть на борт фрегата его величества «Лидмут», направлявшегося в Канаду, а затем в Англию. Путешествие предстояло долгое, но лучше уж находиться в море, нежели торчать в Нью-Йорке.

Я взошел на борт в ночь накануне отплытия, поскольку мы должны были отчалить с приливом еще до рассвета. В тот вечер после ужина, завернувшись в плащ, я вышел на палубу, чтобы посмотреть с воды на огни большого города и фонарики, качавшиеся вверх-вниз на судах, заполнивших гавань.

Многие моряки фрегата получили увольнение на берег. И перевозившие их лодки сновали туда-сюда между кораблем и городом. Среди них был совсем молодой мичман, не старше двенадцати или тринадцати лет. Я наблюдал за тем, как он не без помощи товарищей поднимался по трапу.

Наконец, благополучно оказавшись на палубе, он огляделся по сторонам и направился прямо ко мне, выписывая зигзаги, словно двигаясь против ветра. Он остановился возле меня и, навалив-

шись на леер, отдал мне честь.

— Мистер Сэвилл, сэр? — спросил он.

Голос парня еще не успел сломаться, и он начал фразу на низкой ноте, а закончил на высокой.

Я подтвердил, что это я. Палуба неожиданно накренилась у нас под ногами, что нередко бывает на кораблях, и рука парня соскользнула с леера. Мне пришлось его подхватить.

— Один джентльмен просил передать вам это, сэр.

Парень залез во внутренний карман бушлата и достал небольшой пакет. Я даже не успел его поблагодарить, так как он, поспешно отвернувшись, перегнулся через леер, и его обильно вырвало.

Пакет я открыл лишь вернувшись в каюту. Он был неправильной формы, из коричневой бумаги, перевязанный шпагатом. Когда я дотронулся до него, он чуть-чуть продавился.

Разрезав шпагат, я развернул пакет. И нашел внутри полфунта чая. А также клочок бумаги, на которой было написано всего несколько строчек:

Прошу Вас, не забывайте о неоценимом значении хорошего куска свинины с жирком, которую нужно глотать до тех

пор, пока у желудка не останется сил отторгать еду. После чего нужно выпить несколько ложечек «копченого» чая с капелькой рома.

Это было средство от морской болезни, которое поставило меня на ноги по пути в Нью-Йорк. В записке не было ни обращения, ни подписи. Почерк показался мне незнакомым. Но я знал, кто отправил мне этот прощальный подарок из Америки. Я знал, что мистер Ноак сказал мне «до свидания».

Послесловие

Британцы вполне заслуженно проиграли Войну за независимость в Америке по целому ряду причин, причем в немалой степени потому, что вели военные действия на редкость бездарно и удручающе медленно разбирались в реальных проблемах.

Впрочем, с точки зрения британцев, поражение могло быть гораздо хуже. Во-первых, это была ненужная война, на которой многие из них не хотели воевать. Во-вторых, в контексте всей Британии в целом, с ее расцветающей экономикой и стремительно расширяющейся империей, восстание тринадцати колоний было ударом скорее по самолюбию, нежели по национальным интересам.

Больше других в революционной войне проиграли американцы, поддерживавшие британцев. В некотором смысле то была гражданская война со всем ожесточением и внутренними противоречиями, связанными с этим понятием. Когда война закончилась, вчерашние повстанцы сразу заделались сегодняшними патриотами. Вче-

рашние лояльные американцы были изгнаны из страны, которую они помогали создавать, но лишь для того, чтобы осознать, что стали чем-то вроде обузы для британского правительства, чьи притязания пытались поддерживать.

Понятие лоялист имело множество оттенков: начиная с твердолобых тори, лоббировавших уже неработающую форму правления, и кончая теми, кто приветствовал перемены и ратовал за переговоры о мире, который оставит нетронутыми официальные связи между Британией и Америкой. После войны одни лоялисты переехали на север, в Канаду, чтобы строить новую жизнь в тяжелых условиях, а другие — в Британию, где не получили ни заслуженного теплого приема, ни обещанных компенсаций. Тем не менее остальные сумели приспособиться к новому порядку.

Одной из задач моего романа было дать читателю представление об этих несчастных лоялистах, многие из которых считали себя, и небезосновательно, истинными американскими патриотами. Их лояльность стоила им всего, что они имели.

Лояльность принято считать добродетелью, однако война с ее горькими последствиями реально показала, что есть лояльность: не абсолютное, а относительное качество, которое обусловле-

но внешними факторами, изменчивыми, как погода.

В течение большей части войны город Нью-Йорк, внешне лояльный его королевскому величеству, был британской штаб-квартирой в Северной Америке. До войны город занимал около одной квадратной мили на южной оконечности Манхэттена и мог вместить до двадцати тысяч жителей. Во время первой фазы войны многие коренные жители Нью-Йорка покинули город. Однако его сразу же наводнили беженцы-лоялисты из других областей Америки. По оценкам, в какой-то момент город населяло более тридцати тысяч гражданских, причем большинство из них были чернокожими.

Нью-Йорк являлся также оккупированным городом: сперва, в начале войны, армией конгресса, а затем войсками британцев и лоялистов. И хотя солдаты (и матросы) были в основном расквартированы за пределами города, тысячи из них увеличили число тех, кто, пав духом, наводнил улицы города.

И в довершение всего два больших пожара 1776 и 1778 годов уничтожили почти шестьсот домов. Во время войны каких-либо существенных восстановительных работ не проводилось. Трущобы

Холщового города, как грибы после дождя, выросли на месте обугленных руин.

Нью-Йорк и занятые британцами внутренние районы вокруг него были окружены враждебными территориями, удерживаемыми в той или иной степени сторонниками конгресса. Вступление французского флота в войну существенно затруднило возможности британцев по снабжению города со стороны моря. Голод стал реальной угрозой, особенно во время исключительно длинных и суровых военных зим.

Условия были крайне тяжелыми, жизнь — очень опасной. И все же, пока британцы не потерпели громкого поражения в битве при Йорктауне в октябре 1781 года, лоялисты в Нью-Йорке имели достаточно хорошие основания для оптимизма. В те времена Британия считалась ведущей мировой державой, способной выделять на войну гигантские финансовые и военные ресурсы. В связи с чем казалось немыслимым, что повстанцы могут победить.

Но даже после Йорктауна Британия теоретически имела возможность продолжать сражаться, хотя колонисты и их союзники-французы стали грозным противником. Но британцам не хватило воли. Правительство наконец пришло к пони-

манию, что выиграть эту войну будет крайне трудно и чрезвычайно затратно. Британское общественное и политическое мнение никогда безоговорочно не поддерживало военные действия. Возможно, британские руководители также чувствовали, что, даже если они и добьются победы, она будет крайне неустойчивой и неполноценной.

История пошла дальше. Война просто позволила переосмыслить, что значит быть лояльным американцем.

Конгресс отчаянно нуждался в золоте, и не в последнюю очередь, чтобы кормить и экипировать своих солдат. В 1799 году, всего лишь через шестнадцать лет после окончания войны, существенные запасы золота были обнаружены на ферме в Северной Каролине. Ирония судьбы заключалась в том, что золото нашел Джон Рид, бывший гессенский наемник, который воевал за британцев, но после войны обосновался в Америке.

Благодарности

Романы — это всегда плод совместных усилий. Для меня большое удовольствие снова иметь возможность поблагодарить команду «HarperCollins», в частности Джулию Виздом за ее сверхчеловеческое терпение и очень ценные предложения; Энн О'Брайан за скрупулезное редактирование текста; Эмада Ахтара за деликатное решение производственных проблем. Книга вообще никогда бы не увидела свет без поддержки моего агента Вивьен Грин из литературного агентства «Sheil Land Associates LTd». Ну а больше всего я, как всегда, благодарен своей жене Кэролайн.